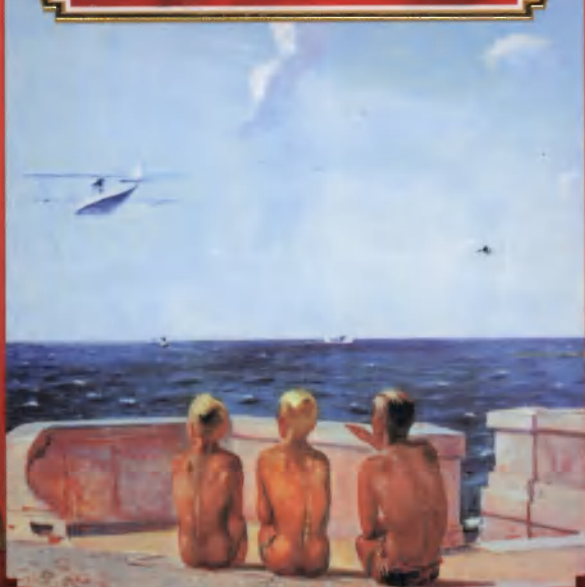

СССР

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Александр БУЗГАЛИН
Андрей КОЛГАНОВ

10 мифов
об СССР

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ

Александр БУЗГАЛИН

Андрей КОЛГАНОВ

**10 мифов
об СССР**

Москва

«Яуза»

«ЭКСМО»

2010

УДК 94
ББК 63.3(2)6
Б 90

Оформление художника *С. Ляха*

В оформлении переплета использована
репродукция картины А. А. Дейнеки «Будущие летчики»,
1938 г.

Б 90 Бузгалин А. В.
10 мифов об СССР / Александр Бузгалин, Андрей
Колганов. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 448 с. — (СССР).

ISBN 978-5-699-39243-8

Был ли Ленин «немецким шпионом», а Октябрьская революция 1917 года — социалистической? Можно ли было избежать ужасов коллективизации и Большого Террора? Почему Красная Армия проиграла начало Великой Отечественной войны и куда подевались десятки тысяч советских танков и «сталинских соколов»? Был ли шанс победить «малой кровью, могучим ударом» и кто лоббирует скандальные осчнения Виктора Суворова? Обязаны ли мы Великой Победой Сталину или одолели фашизм вопреки его руководству? Что такое «мутантный социализм» и было ли неизбежно крушение Советского Союза?

Отвечая на главные вопросы отечественной истории, эта книга исследует и опровергает самые расхожие, самые оголтелые и лживые мифы об СССР.

УДК 94
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-699-39243-8

© Бузгалин А. В., Колганов А. И., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Предисловие

Книга посвящена проблемам новейшей истории, изменяющейся в своей официозной версии с каждой новой политической модой или властным поветрием. При этом авторы акцентировали внимание как на наиболее острых вопросах рождения и гибели СССР (пресловутая проблема «немецкого золота», победы и трагедии Великой Отечественной войны и т.п.), так и на фундаментальных вопросах осмысления природы СССР, которыми критически мыслящие люди задаются едва ли не все 90 последних лет.

Говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. Но за последние 20 лет мы убедились: **история может быть непредсказуемой**. Правда, но данная выборочно. А также прямая ложь. Много лжи. Заказное мифотворчество и боль за свои идеалы, мешающая объективности. Все это стало реальностью.

Мы не претендуем на абсолютную беспристрастность и объективность: «пепел Клааса» стучит и в наши сердца. Но мы обязуемся быть честными в фактологии и не скрываем своей диалектико-материалистической методологии, позволяющей (в отличие от нынешней постмодернистской моды) не камуфлировать реальные противоречия и в то же время доказывать наличие критериев прогресса. Добра и Зла. Истины и Лжи.

Свобное гармоничное развитие личности каждого — таков маяк, освещающий лабиринты истории.

И он позволяет по-новому осветить многие из мифов недавнего прошлого.

В этой книге мы начнем с мифов о двух знаковых, но абсолютно неравноценных фигурах:

- Был ли Ленин «немецким шпионом»?
- Был ли Сталин «великим победителем фашизма» и почему мы проиграли начало Великой Отечественной?

Трагедия советских людей — это важнейшая часть нашего настоящего и урок для будущего. Феномен СССР — это не только часть всемирной истории, но и важнейшая — повторим — веха на пути нелинейного, полного трагедий и преступлений, подвигов и новаций движения Человека к новому бытию. Какому именно? Ответ на этот вопрос тоже отчасти дают уроки недавнего прошлого. Они говорят о том, каких трагедий мы не должны повторить. И еще о том, величие каких дел не остается в прошлом, а живет в нас, подвигая к поиску новых решений новых проблем.

«ПРАВДОЛЮБ» СОЛЖЕНИЦЫН: КАК НЕПРАВИЛЬНЫЙ НАРОД ПРЕДАЛ МОНАРХИЮ

(Зачем нас кормят Солженицыным?)

Российская Газета» подарила нам многостраничные солженицынские «Размышления над Февральской революцией» (Российская газета, 2007, 27 февраля, № 4303). Больше того, нам обещают издать эти «Размышления» брошюрой — полумиллионным тиражом. Кому это нужно? Чтобы понять это, нужно разобраться: что же пишет Александр Исаевич о Феврале 1917 г.

Начинает Александр Исаевич, заповедавший нам «жить не по лжи», как водится, с вранья. «В СССР всякая память о Февральской революции была тщательно закрыта и затоптана...» — с апломбом вещает он. И это говорится о событии, которое освещалось в любом школьном учебнике истории, о котором обязательно писали в любой монографии (им же несть числа), посвященной Октябрьской революции 1917 г., о котором каждый год напоминали центральные газеты... Хватало и специальных исторических трудов, посвященных Февральской революции.

Да, размышления, которые начинаются с такой откровенной лжи, обещают многое. Ну что же, проследим за дальнейшим полетом исторической фантазии Солженицына. Потоптавшись немного для порядка среди крупных и мелких фактов, характеризующих атмосферу, предшествовавшую революции, наш правдолюб не удерживается от того, чтобы вставить «тонкий» намек: «Не новостью было для правительства и забастовочное движение на заводах, уже второй год под-

крепляемое неопознанными деньгами для анонимных забастовочных комитетов и не перехваченными агитаторами».

Полноте, Александр Исаевич! «Не новостью» для правительства было то, что никаких денег (что «опознанных», что «неопознанных») за забастовщиками не стояло, а агитаторы были вполне даже перехватываемы и хорошо, пусть и не на 100%, известны. Или Солженицын знает что-то такое, чего не смогло выяснить охранный отделение? Но тогда следовало бы, во-первых, поделиться с нами источниками этого сокровенного знания и, во-вторых, не кивать на тогдашнее правительство, которому эти сокровенные знания были недоступны.

Впрочем, если бы Солженицын строил свои размышления только на таких приемах, вряд ли он приобрел бы сколько-нибудь заметное влияние на умы. Он обладает и даром иногда замечать очевидное. На трех полных газетных полосах Александр Исаевич только что не с рыданиями расписывает, как бессильна оказалась власть перед неорганизованной и слабой поначалу стихией революции, какова была степень немощности и безволия всех слуг трона — и генералитета, и офицерства, и двора, и правительства, и всего дворянского сословия.

Главную претензию Солженицын, как истовый монархист, адресует Николаю II Романову — не имел, дескать, никакого права государь проявить слабость и уступить, не исчерпав всех возможностей для сопротивления! Не смел, по мнению Солженицына, и брат Николая, Михаил, отказываться от незыблемости монархического принципа, передавая решение вопроса об образе правления Учредительному собранию.

Но и тут Солженицын не удержался на стезе правды. Его так и тянет всячески преуменьшить волю власти к сопротивлению, расписывая на все лады боязнь

государя пролить кровь гражданских лиц после злосчастного 9 января 1905 года.

Зачем же так лукавить? Не лил ведь слезы государь ни по десяткам тысяч жертв карательных экспедиций в 1905—1907-м, ни по расстрелянным и повешенным после нескольких минут заседания военно-полевых судов, ни по 250 убитым во время Ленского расстрела 1912 года. Солженицын, правда, ссылается на запрет полиции применять оружие против участников антигерманских погромов в мае 1915 года. И тут он не лжет — погромщиков, действительно, полиция не трогала. А вот по невооруженным демонстрантам, пытавшимся пройти в центр Петрограда 26 февраля 1917 года, стреляли со всем усердием, убив многие десятки людей и очистив-таки центр города. А всего за время расстрела невооруженных демонстраций 26 февраля и во время перестрелок 27—28 февраля на улицах столицы погибли сотни людей. Солженицын этого и не отрицает. Просто для него это — свидетельство человеколюбия, кротости и смирения помазанника божьего...

Никак не сходятся концы с концами у Александра Исаевича. То у него кругом всеобщее бессилие власти, апатия, внушенная сознанием собственной вины за происходящее, то вдруг требование к государю проявить твердость, как будто его твердость в таких условиях хоть что-то могла изменить. Куда уж тверже — послал восемь полков во главе с генералом Ивановым усмирять мятежную столицу. И где те полки? Растаяли как дым, не пожелав стрелять в «мятежников». И дело тут было не в нерешительности или предательстве генералов — мужик, одетый в солдатские шинели, дошел до той черты, за которой всякое доверие к монархии исчезло и никто уже не желал защищать Николая.

Но вот Солженцин подходит к главному. Отчего же произошла эта апатия, это отсутствие воли к сопротивлению у всех без исключения верхов? Солженицыну хватает ума понять, что произошедшее «нельзя объяс-

нить единой глупостью или единым низменным движением, природной склонностью к измене, задуманным предательством. Это могло быть только чертою общей моральной расшатанности власти». И кто же виноват в этой расшатанности? Сама власть? Отчасти да, но главная вина все же не на ней. Это, оказывается, Поле виновато (именно так, с большой буквы!). Что за Поле такое?

«Многo лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились — и пронизывали, и подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его». Оказывается, это Поле захватило всех — «и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство». Итак, «столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила... Национальное сознание было отброшено интеллигенцией — но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе».

Ну, что все беды от образования и что не следует темной массе быть слишком образованной — это понимал еще Александр III. Недаром именно в его правление был принят знаменитый «указ о кухаркиных детях», призванный не допустить низшие сословия к гимназическому и университетскому образованию. Не помогло, правда. Но главный-то вывод Солженицына в другом: Февраль — национальная катастрофа.

Чтобы доказать этот тезис, Солженицын принимается всячески преуменьшать масштаб февральских событий, пытаясь свести их к действию ничтожной кучки солдат запасных полков в Петрограде при мгновенной капитуляции царя и неготовности армии и народа защищать монархию. Это вовсе и не революция, — возглашает он. Не упускает он случая лягнуть похода и Октябрь: «А Октябрь — короткий грубый местный военный переворот по плану, какая уж там революция?»

Ах, Александр Исаевич! Ну зачем очевидное-то от-

рицать? Уж никак не был Октябрь «местным» переворотом, охватив в считанные недели практически всю Россию. И не потому был Октябрь, что произошёл переворот, а потому произошёл переворот, что к Октябрю разлилось массовое движение (которого Солженицын в упор не желает видеть), и большевики были *вынуждены* брать власть — ибо, как верно диагностировал Ленин, «иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34. С. 340).

Чтобы посильнее утвердить мысль о кошмарности Февраля, Солженицын начинает припоминать все последующие кровавые эпизоды российской истории. Не забыл он вставить словечко о Гражданской войне и о «миллионном чекистском терроре». Полноте! Ни один из серьезных исследователей красного террора — что из числа представителей послереволюционной эмиграции, что из числа современных историков — не оперирует столь неправдоподобными, высосанными из пальца цифрами. О белом терроре, конечно, нашим правдолюбцем вообще хранится гробовое молчание. Но что до этого Александру Исаевичу? Он же у нас «живет не по лжи»!

Не забывает Солженицын еще раз повторить клевету о немецких деньгах, поддерживающих «единственную пораженческую партию большевиков». Однако отдадим ему должное, он не стал объявлять немецкие деньги главной движущей силой революции.

Отвлекаясь немного в сторону, заметим, что в этом у него оказалось сообразительности больше, чем у нашего государственного Центрального телевидения, заказывающего Елене Чавчавадзе подряд две взаимоисключающие клеветнические поделки, основанные на давно разоблаченных сплетнях и фальшивках, — сначала о революции, совершенной немецким агентом Лениным на деньги и в интересах германского Генерального штаба, а затем о той же революции, одновре-

менно совершенной американским агентом Троцким на деньги американских банкиров. Неужели у руководства Центрального телевидения не хватило (нет, не совести, какая уж там совесть!), а простого прагматического соображения, чтобы хотя бы остановиться на одной версии лжи? Или же тут сработала вера в непреодолимую оглуляющую силу телевидения?

Солженицын пытается искать причины глубже. И досталось тут от него всем — и власти, которая, не принимая назревших перемен, в то же время и не пыталась железной рукой пресечь революционное брожение; и дворянству, потерявшему чувство долга перед Отечеством; и церкви, которая утратила высшую ответственность и утратила духовное руководство народом. Вот от этого последнего и пошли, по мнению Солженицына, главные беды. «Падение крестьянства было прямым следствием падения священства». В чем же заключалось это падение? Александр Исаевич объясняет его словами «старых деревенских людей». «Смута послана нам за то, что народ Бога забыл». И добавляет: «...я думаю, что это привременное народное объяснение уже глубже всего того, что мы можем достичь и к концу XX века самыми научными изысканиями». Приехали. Не тот, значит, народ государю императору достался. Недостаточно богобоязненный. Известный тезис. И реформы рыночные у нас в 90-е гг. не пошли как надо по той же причине — народ неправильный.

«...Мы, как нация, потерпели духовный крах», — подводит итог Солженицын. Ну что же, для монархиста, не видящего для России никакого иного пути процветания, кроме как под благодетельной монаршей дланью, вывод вполне логичный. Конечно, крах: монарх оказался несостоятельным, двор — тоже, дворянство забыло о своем долге, генералитет и офицерство растерялись, интеллигенция все только портила, церковь упустила духовное руководство, народ... народ тоже оказался неправильный. Все были плохи, вот хоро-

шая монархическая идея и рухнула. В силу всеобщего помутнения умов. Фактически Солженицын достаточно убедительно показал, что сословная монархия себя изжила и против нее ополчилось все российское общество. А та конкретная монархия — царствование Николая Романова Последнего — вообще встала всем поперек горла. У нее не было исторического будущего, как бы ни лил по ней слезы Солженицын.

А вот какой вывод должны сделать мы? С чего бы вдруг «Российская газета» — почти официоз — так озаботилась максимально широким распространением откровений Александра Исаевича? Почему оказалась отброшенной прежде господствовавшая в средствах массовой информации трактовка Февральской революции, противопоставлявшая благодетельный, демократический и народолюбивый Февраль кошмарному, тоталитарному и человеконенавистническому Октябрю?

По двум причинам. Первая — но не главная — давно обнаружившаяся научная несостоятельность противопоставления Февраля и Октября, которые на самом деле являются всего лишь двумя ступенями общего потока русской революции, зародившегося еще где-то в 1902—1903 гг., с началом массовых «аграрных беспорядков», как называли тогда мужицкие бунты. Вторая, более важная, — кредит доверия к «февральским ценностям» в российском обществе серьезно подорван реформаторами, которые клялись этими ценностями последние 15 с лишком лет. И вот часть российской правящей элиты решила всерьез попробовать вообще отказаться от этих «февральских ценностей», публично предать их анафеме, — но, разумеется, не в пользу ценностей Октября. В качестве замены нам предлагают замшелую конструкцию, в основе которой лежит приснопамятная троица — «самодержавие, православие, народность». Происходит явный дрейф от показного либерализма к махровой реакции и черносотенству.

Собранные «Российской газетой» историки — по-

читатели Солженицына — дружно провозглашают чрезмерность свобод, «дарованных» царем народу в октябре 1905 г., с пониманием глядят на «столыпинские галстуки» и порицают Февраль, открывший дорогу Октябрю. Они, впрочем, малость поосторожнее Александра Исаевича и не зовут нас возлюбить монархию. Но идеи твердой власти, огражденной от претензий «быдла», реформ только сверху, защиты «национальных интересов» железным кулаком (который и будет решать, в чем эти интересы состоят) — эти идеи вполне способны найти их сочувствие и поддержку.

Так что же, именно таков, стало быть, тот новый национальный проект, под который спешно удобряется идеологическая почва? Тем, кто хочет его выстроить, хотелось бы посоветовать не только проклинать Февраль, но и помнить о нем. А то как бы не столкнуться с ним лицом к лицу в самое неподходящее время.

Слов нет, февральские ценности не удовлетворили народ ни тогда, ни сегодня, 90 лет спустя. Однако народ шел на революцию в первую очередь не ради парламентаризма, свободы печати, свободы союзов и т.д. Он шел на нее ради разрешения насущных проблем своей жизни. И если сегодня от решения этих проблем хотят отгородиться «охранительными» мерами в дофевральском духе, не стоит удивляться, что ответ может оказаться тем же, что и в феврале 1917 г.

ОКТАБРЬ 1917 г. — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

БЫЛА ЛИ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ?

(Версия 1)

Перед нами — фундаментальный вопрос о возможностях развития социализма в условиях, когда для генезиса «царства свободы» еще не вызрели достаточные предпосылки. Он уходит своими корнями в полемику об объективной обусловленности и социалистической природе Октябрьской революции 1917 года — полемику, начавшуюся еще накануне этих исторических событий. В 2007 году в связи с 90-летием революции они вновь обнажили всю свою актуальность, которая оказалась вдвойне велика в контексте попыток продвижения к социализму в Венесуэле, а также споров о возможностях социалистической эволюции Кубы, Китая, Вьетнама — стран, чей уровень развития следует отнести, скорее всего, к периоду неравномерного перехода к развитому индустриальному обществу. А этот уровень, как показал опыт распада СССР, скорее неадекватен для социализма...

В рамках нашей школы главным критиком, казалось бы, незыблемой в рамках прежней советской традиции тезы об Октябрьской революции как социалистической стал М.И. Воейков (с некоторой частью этой критики солидаризируется и А.И. Колганов)¹. Раз-

---

¹ Воейков М. 13 тезисов о классовой борьбе в России // Альтернативы, 2006, № 2; Колганов А. Почему погибла Советская держава? (Тезисы к дискуссии) // Альтернативы, 2001, № 3.

вивая тезисы А. Грамши, Р. Люксембург, ряда представителей международного троцкистского направления и т.д., он доказывает, что по своим реальным результатам и реальным движущим силам Октябрь 1917 года был продолжением Февраля, частью единого процесса буржуазной экономической, социальной и даже технологической революции в России. Соответственно, ключевым выводом автора является положение о буржуазной (в общем и целом) природе «реального социализма».

Основные аргументы М.И. Воейкова в принципе известны: главным субъектом революционных событий не мог быть пролетариат (он был крайне малочислен в России) и он им не стал. Главные задачи, которые действительно решила революция, были буржуазными (индустриализация, урбанизация, ликвидация неграмотности и т.п.).

Социально-экономические отношения, господствовавшие в СССР, трудно назвать социалистическими, ибо мера отчуждения человека от труда, его средств и результатов была в условиях этой системы едва ли не выше, чем в условиях «классического капитализма». Следовательно, делает вывод профессор Воейков, эта революция объективно была буржуазной.

Оригинальным в данной постановке является дополнение, которое делает этот автор: акцент на недостаточности для развертывания социалистического проекта даже тех материальных условий, которые сложились в СССР в условиях т.н. «развитого социализма» — с одной стороны, выделение многих прогрессивных достижений (а не только глубочайших негативных явлений) в практике реального социализма — с другой. Последние два тезиса еще в большей мере характерны для А.И. Колганова.

С ним активно спорит Б.Ф. Славин, акцентируя вни-

мание на социалистических слагаемых революции¹. Это и природа партии большевиков, других левых партий, совершавших революцию, и содержание многих социально-экономических преобразований (не только национализации, но и планирования, социальных гарантий и т.п.), и новый тип человека, возникшего в результате победы этой революции, и самосознание ее субъектов и др.

С этими аргументами трудно не согласиться, но, тем не менее, они мне кажутся недостаточными. Они доказывают прежде всего то, что и в самой революции, и в системе, возникшей после ее свершения, были реальные ростки нового, посткапиталистического общества. Это доказать можно, и с этим в конечном итоге может согласиться если не Воейков, то Колганов.

Гораздо сложнее доказать, что *действительное содержание Октябрьской революции было социалистическим*. И здесь я хочу обратиться к некоторым теоретическим положениям о природе революции, высказанным выше.

Как было специально подчеркнуто в предыдущем разделе текста, главным критерием социальной революции является пробуждение к жизни массового социального творчества. И Октябрьская революция действительно стала источником такого творчества низов. Она вызывала к жизни созидание самими трудящимися новых социальных форм, несших в себе ростки (именно ростки — иного и не может быть в исходном пункте нового общества, каковым является революция) отношений нового общества.

---

¹ Славин Б. Кто сегодня определяет ход истории? // Альтернативы, 2000, № 2; Славин Б. Еще раз о природе социализма // Альтернативы, 2000, № 4; Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным // Альтернативы, 2002, № 4; Славин Б. Социализм и Россия // Альтернативы, 2004, № 4.

Этот тезис, конечно же, требует подробного историко-документального обоснования, но даже исторически не слишком просвещенный исследователь знаком с примерами *десятков тысяч новых форм социальной организации*, созданных еще в годы Гражданской войны, а уж тем более — в 20-е годы. Они создавались везде. В экономике ими были коммуны и реальные кооперативы, программы долгосрочного экономического развития (ГӨЭЛРО) и формы всенародного учета и контроля... В политике ими стали Советы и массы новых общественных организаций и движений; по размаху форм социально-политической и иной самодеятельности (того, что ныне называется «grassroots democracy») СССР первых 10 лет революции не знает себе равных. В общественной жизни и культуре это пробуждение к жизни миллионов «рядовых» граждан, участвовавших в ликвидации беспризорности и неграмотности, строительстве дирижаблей и спорте, создании новых художественных объединений и театров, немыслимом ни до, ни после размахе художественной самодеятельности при огромном взлете профессионального искусства...

Да, все это было сопряжено и с многоукладностью нэповской экономики, и с растущей бюрократизацией политической системы, и т.п. Да, все это социальное творчество базировалось на отсталых производительных силах и решало задачи, лежащие в общем и целом в рамках буржуазного горизонта (от электрификации до массовой физкультуры). Но решало оно их на основе *новых, посткапиталистических форм организации*. Эти формы творили *новые субъекты* — по-новому (ассоциации) взаимосвязанные новые (по своим ценностям и мотивам) люди. Видимым символом этого процесса стала *радостно-приподнятая, романтически-энтузиастическая атмосфера*, бывшая не единственной, но господствующей социальной музыкой революционной эпохи.

Более того, это была атмосфера ускорения социаль-

ного времени («Время — вперед!» — это не просто имя музыкального произведения, это ритм эпохи) и открытия новых пространств — Неба (повальное увлечение авиацией), Севера и т.п.

Так мы в практике первого десятилетия Октября находим еще три признака социалистической революции: романтическое сотворение ее просыпающимися к новой жизни низами; музыкальность и праздничность; ускорение социального времени, спрессованность и одновременно открытость социального пространства.

Наконец, это была и культурная революция: Октябрь дал начало новому культурному процессу, имеющему, очевидно, посткапиталистическую природу, что доказала в своих работах Л.А. Булавка¹.

Вот почему я берусь утверждать, что диалектика Октябрьской революции не сводима к однозначной оценке: «буржуазная — социалистическая».

Да, она на капиталистических (подчас даже раннекапиталистических) основаниях решала задачи, которые в принципе должна была решать капиталистическая система. Но она решала их *некапиталистическими методами и вызывая к жизни некапиталистические социальные формы*, что привело, в частности, к тому, что и сами эти буржуазные задачи были решены иначе.

Если мы попытаемся проследить собственно социалистическую линию, идущую от Октября, то заметим, что в нашей стране если и были действительные достижения, то в деле решения задач:

- не столько буржуазной индустриализации (ориентированной прежде всего на массовое производство потребительских благ), сколько (мутантно-) социалистической научно-технической революции;
- не столько обеспечения буржуазной профессио-

¹ Булавка Л. Коммунизм возвращается. Маяковский // Альтернативы, 2006, № 2.

нальной грамотности, сколько (мутантно-) социалистической общей высокой культуры населения;

• не столько обеспечения буржуазной демократии (ее-то как раз и не было, и это одна из важнейших причин краха СССР), сколько первых ростков более высокого низового демократизма — реального социального творчества.

Парадокс Октября и последующих лет состоял в том, что собственно буржуазные задачи-то мы решали как раз очень плохо (экономика дефицита вместо «общества потребления», технологическая отсталость вместо «более высокой производительности труда» и т.п.). *Единственно, где у нас были действительные успехи, так это как раз в сферах посткапиталистических (отчасти даже постиндустриальных) — в обеспечении общедоступного образования высокого уровня и ориентированного на формирование разносторонне развитого человека, а не узкого специалиста; в освоении космоса и фундаментальной науке; развитии высокой культуры и обеспечении ее доступности массам...*

Другие вопросы, которые здесь возникают: *можно ли решать посткапиталистические задачи, не решив собственно буржуазных, и не потому ли в конечном итоге рухнул «реальный социализм», что собственно буржуазные задачи массового потребления и т.п. у нас не были решены, — мы пока оставим в стороне. Нам в данном случае было важно показать другое: то, что импульс Октября вопреки сталинскому террору и брежневскому застою дал мощный (хотя и постепенно истончившийся) поток новых общественных отношений и форм деятельности, человеческих поступков, ценностей и мотив постбуржуазного, социалистического типа.*

Оппоненты могут возразить: это была не единственная линия Октябрьской революции.

Да, это действительно так. В ней было много и того, что характеризует как инерционность общественного

развития, так и разрушительные составляющие самой революции. Низы СССР несли в себе не только начала ассоциированного социального творчества, но и родовые черты Хама. Интеллигенция частью шла в Революцию, созидая в диалоге с массами новые чудеса техники и качественно новую культуру, а частью бежала от революции. Советская власть открывала тысячи новых школ и музеев, но Гражданская война и сталинская модернизация уничтожила массу объектов и — что гораздо страшнее — субъектов культуры...

В этом реальная диалектика революции. И диалектика эта была такова, что *баланс разрушения и созидания был очень подвижен и колебался*, вызывая фантастические достижения и чудовищные разрушения на протяжении долгих десятилетий, пока не завершился поражением советского проекта. Но это была именно революция.

Другой вопрос, была ли это революция «против «Капитала»¹. Если смотреть на проблему узко политико-экономически и исходить только из одного тезиса Маркса о том, что революция происходит там, где старые производственные отношения стали тормозом развития новых, обогнавших их производительных сил, то это действительно так. Но объективно произошедшие в XX веке во многих слабо- и среднеразвитых странах антикапиталистические социально-экономические и политические изменения поставили *проблему возмож-*

---

¹ Выше я постарался коротко показать, что в любом случае это была революция против капитала. Да, она выродилась в конечном итоге, но это не отменяет собственной природы этой революции. Что же касается того, насколько Октябрьская революция произошла в соответствии с буквой и духом марксизма, то здесь следует помнить, что революции — объективное слагаемое исторического процесса. Они происходят, как мы вслед за Марксом отметили выше, не потому, что группа теоретиков и практиков от революции решила, что ее нужно совершить. Это взрыв социального котла с перегретым паром общественных противоречий.

Именно этот взрыв и произошел в России 1917 года и не случайно его кульминацией стали октябрьские события.

ности опережающего развития и решения в некапиталистических системах буржуазных задач: (1) прогресса технологии, создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т.д.

Ключ к решению этой теоретической проблемы дает методология исследования диалектики взаимодействия различных слагаемых социума (в традиционной марксистской терминологии — производительных сил, производственных отношений, «надстройки») и, в частности, методология «Капитала», прежде всего — теория формального и реального подчинения труда капиталу.

К последней мы еще вернемся, а сейчас кратко сформулируем несколько принципиально важных тезисов, касающихся названной выше методологии.

Во-первых, взаимодействие производительных сил и производственных отношений, традиционно сводимое лишь к двум аспектам («содержание и уровень развития первых определяет вторые; на определенном этапе развития производительных сил производственные отношения становятся тормозом их развития, что вызывает революцию»), на самом деле много богаче. Для нашего анализа необходимо как минимум следующее уточнение: возможной является ситуация, в которой производственные отношения опережают развитие производительных сил, оказываются как бы «сшитым на вырост» социально-экономическим «костюмом».

В «Капитале» этот вариант раскрыт при анализе диалектики развития формального подчинения труда в реальное. Напомним, первое предполагает развитие капитала на неадекватном для него материально-техническом базисе простой кооперации и мануфактуры, основанных на использовании ручного труда, доиндустриальных технологий, где только социально-экономическая форма — капитал — подчиняет наемного ра-

ботника. Реальное же подчинение труда предполагает, что капитал развивается на адекватном для него индустриальном базисе и не только определенное производственное отношение — капитал, — но и само *содержание* труда, господство системы машин над работником, превращенным в частичный придаток машины, — обеспечивает *реальное* подчинение труда.

В рамках этой методологии, в частности, показано, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. А при неблагоприятных (как, например, в ренессансной Италии) — не могли. Более того, при неблагоприятных условиях даже индустриальные технологии могли развиваться в феодальных или даже рабовладельческих формах (крепостные фабрики в России XIX века, использование рабского труда вплоть до настоящего времени в некоторых странах мира).

И исторический опыт (например, *систематические поражения многократных попыток перехода к капитализму в доиндустриальную эпоху*), и приведенные выше теоретико-методологические соображения показывают, что для периодов генезиса новых производственных отношений на еще неадекватном материальном базисе характерны (1) возможные успешные примеры такого перехода; (2) многочисленные неуспешные примеры того же и (3) систематичность, закономерность постоянно возобновляемых попыток такого перехода.

Во-вторых, взаимодействие так называемых «базиса» и надстройки» также не сводимо к однозначной детерминации второй первым. Методология анализа трансформационных процессов показывает, что для обществ, находящихся в этом состоянии, характерно резкое возрастание значения социально-политических и социокультурных факторов, что вызвано, в частности, ослаблением базисной детерминации в условиях

уже начавшегося отмирания старого способа производства и еще не завершенного генезиса нового. В силу этих причин *в условиях возникновения новых общественных отношений на неадекватном материальном базисе едва ли не ключевым фактором, обуславливающим успешность или поражение этого генезиса, становится деятельность общественного социального субъекта и социокультурные факторы.*

В-третьих, генезис социализма, как мы показали выше, это прежде всего не возникновение нового способа производства, а переход к «царству свободы», и посему принципиально значимую (хотя и не главенствующую) роль в этой трансформации играют такие феномены, как массовое социальное творчество и культура (впрочем, об этом мы уже писали).

Отсюда *гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок.*

В этой связи автор предлагает уточняющую основные ленинские идеи гипотезу условий, при которых возможно «достраивание» предпосылок нового общества в условиях, когда революционный переход к его созиданию начался на неадекватной базе. К числу таких *условий опережающего развития предпосылок и элементов социализма* на неадекватном материальном базисе относятся как минимум следующие.

(1) Разработка и реализация *стратегии решения буржуазных задач* (прежде всего — создания позднеиндустриального технологического базиса и обеспечения рационального уровня потребления населения) *новыми методами и в новых социальных формах.* В частности, среди таких форм должны были бы быть отношения формального освобождения труда (самоуправление, социальное творчество и новаторство работников в условиях фордистской модели организации труда: ситуация не более, но и не менее противоречивая, чем капи-

талистическое производство на базе ручных орудий труда в условиях простой кооперации труда или ранних мануфактур), новые формы утилитарного потребления (в СССР не были найдены действенные гуманистические альтернативы ни «обществу потребления», ни «экономике дефицита», а это едва ли не ключевые проблемы раннего социализма) и т.п.

(2) Развитие постиндустриальных технологий и сфер деятельности, адекватных вызовам нового общества, а не имитирующих процессы позднего капитализма (для социализма должны быть характерны постиндустриальные процессы как развитие, прежде всего, массового высококачественного образования, здравоохранения, культуры, науки, рекреации природы и общества, трудосберегающих технологий, всех других форм креативной деятельности, развивающей человеческие качества, а не милитаризма, финансовых спекуляций и масс-культуры), причем при помощи новых социально-экономических отношений.

(3) Наличие мощной энергии социального творчества («энтузиазма»), формирующего отношения формального освобождения труда и компенсирующего недостаточное развитие материально-технических предпосылок. Социализм, конечно же, нельзя построить только на энтузиазме, но без энтузиазма, без энергии социального творчества значительной части общества социализм построить так же невозможно. Справедливость обеих тез в полной мере подтверждает опыт генезиса и краха «реального социализма».

(4) Приоритетное развитие подлинной культуры как второго (наряду с социальным творчеством) неотъемлемого слагаемого «компенсации» недостаточного развития материально-технического базиса.

(5) Использование наиболее развитых форм «старой» социально-экономической организации там, где для формирования новых нет условий в рамках смешанных общественных систем; более того, развертывание

новых форм только в той мере, в какой присутствует достаточная социальная энергия для их выращивания. Существенна при этом динамика в соотношении старых и новых форм: для Китая последних десятилетий, как и СССР эпохи нэпа, характерна смешанная экономика, но между ними есть принципиальное различие: в первом случае цели стоят чисто буржуазные (рост ВВП и прогресс «державы» любыми средствами), а ростки социализма постепенно затухают, так и не успев избавиться от мутантных форм, вытесняются капиталистическими отношениями; во втором — в СССР периода нэпа ставились социалистические задачи и наращивалось использование социалистических методов их достижения. В конечном итоге эта попытка, правда, выродилась. Но выродилась именно вследствие отхода (объективно неизбежного или вызванного субъективными причинами — это мы сейчас не рассматриваем) от названной выше стратегии.

(6) Обеспечение форм базисной демократии (строительство «социализма гражданского общества», говоря языком нового века) как абсолютно необходимое условие реализации всех названных выше процессов.

К сожалению, в СССР социальные и политические условия оказались неблагоприятны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем технологического развития и роста потребления не были найдены (или были найдены лишь отчасти — в сферах образования, фундаментальной науки, культуры).

Подытожим наши размышления, введя для четкости анализа некоторые определения, суммирующие (но и несколько огрубляющие — как и всякое определение) сказанное выше.

Итак, в нашем понимании *царство свободы* («коммунизм») — это общественная система, лежащая преимущественно «по ту сторону материального производства» (основные виды деятельности и отношений

принадлежат к пространству и времени креатосферы). В качестве материальной основы предполагает постиндустриальные технологии, основанные на преимущественно творческих функциях человека (всеобщий труд), всеобщую собственность на креатосферные блага и т.п.; цель развития — творческая деятельность и саморазвитие человека, свободное время как самоцель и мотив; добровольная работающая ассоциация как основная социальная форма.

Социализм имеет в рамках наших работ двойное определение.

В широком смысле слова — это пространство и время трансформации царства необходимости в царство свободы.

В узком смысле слова — общество, лежащее по ту сторону капитализма и переходное к царству свободы (для него в этом случае должны быть характерны приоритетное развитие креатосферы; опора основной части экономики на переходных к постиндустриальным технологиям и 4—5 технологических укладах; сознательное регулирование и отмирающий рынок; вытеснение наемного труда формально свободным даже в материальном производстве; переход к всеобщей собственности на креатосферные блага; вытеснение эксплуататорских форм распределения; развитие человеческих качеств как высшая цель; базисная демократия).

При таком подходе мы можем зафиксировать, что социализм — это, *во-первых*, только начало движения к «царству свободы» и потому для него характерны не только приоритет креатосферы (в следующем подразделе мы еще вернемся к проблеме «коммунизм как пространство культуры»), но и развертывание посткапиталистических форм социально-экономической и общественно-политической организации.

Как таковой социализм, *во-вторых*, есть пространство и время преимущественно формального освобождения труда, т.е. развивается на базисе, неадекватном для «классического» состояния «царства свободы»

(коммунизма), и в этом он подобен раннему капитализму, развивавшемуся преимущественно на базе домануфактурного и мануфактурного базиса, т.е. формального подчинения труда капиталу.

В-третьих, возникновение социализма на базе «классических» для капитализма производительных сил (индустриальное массовое производство, содержание и структура приспособлены к потребностям капитала) маловероятно и крайне проблематично. На базе производительных сил позднего капитализма этот генезис становится возможен, но, как общество, возникающее на недостаточно адекватном для «царства свободы» материальном базисе, социализм оказывается неустойчив. Победа или поражение социалистических преобразований во многом зависит от уже названных выше параметров — энергии ассоциированного социального творчества и меры развития культуры, освоения ее гражданами. Существенно, что в последнем случае речь идет о развитии этих параметров не только в некоторой стране, но в человеческом сообществе в целом.

Не менее существенно и то, что, *в-четвертых*, в условиях такого (осуществляющегося на недостаточно развитом базисе) генезиса нового общества особенно велика угроза инволюции социального творчества в *деконструктивный активизм*, становящийся важным фактором акселерации и без того весьма вероятных мутаций социализма.

Возвращаясь к проблеме *природы Октябрьской революции*, мы можем на базе предложенной выше методологии показать, что она, как и практически каждая революция, произошла в условиях, когда на лицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, но в то же время были *гиперреализованы угрозы крайне реакционной, реверсивной исторической инволюции* (военно-феодальной диктатуры, еще более реакционной, нежели прежняя империя).

В этом случае великая миссия и ответственность ре-

волюционных сил состояла в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественно-го здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав — из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам, — интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира. Другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим Alter Ego — мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный социализм был еще и их подвигом — подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Ну а далее работает теоретически отображенная закономерность: *в той мере, в какой «достроить» предпосылки социалистической революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию*, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций — не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе — *мутантно-капиталистические монстры конца XIX — начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты*. И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой ок-

тябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодалного империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором — были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

В заключение еще раз повторю: *несвершение объективно назревшей революции чревато регрессом и жертвами гораздо большими, чем в условиях ее свершения*. Да к тому же это были бы жертвы социального регресса.

Это в полной мере относится и к Октябрьской революции. Ее несвершение в 1917 году было чревато не мирным процветанием в духе бельгийской социал-демократической «монархии» нынешней поры, а кровавой диктатурой и продолжением Мировой войны вкупе с продразверсткой, начатой отнюдь не большевиками, а Временным правительством...

---

¹ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в наших статьях в журналах «Вопросы экономики» (2001, №12) и «Вестник Моск. Ун-та. Сер. Экономика» (2002, № 3, 4, 5).

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

(Версия 2)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

На протяжении последней трети XIX и начала XX века в России постепенно разворачивается *капиталистическая социальная революция*¹, толчок которой дали реформы 60-х — 70-х гг. XIX века и в первую очередь *крестьянская реформа*. Однако и в начале XX века эта революция была еще весьма далека от своего завершения. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10—15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем — уклад их

---

¹ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф.Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39. С. 128.) Вообще Ф.Энгельс в 90-е гг. XIX века неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

экономической жизни оставался добуржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства¹.

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике. Правда, революция 1905—1907 гг. все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шаги вперед в отношении свободы печати и свободы союзов².

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической *социальной* революции и использование буржуазной *политической* революции как рычага назревших социальных преобразований.

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ? НО КАКАЯ?

Историки советской поры сходились в оценке революции 1905—1907 гг. и Февральской революции как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если *основные* задачи буржуазной революции не

---

¹ Все это очень хорошо показано в работе: *Воейков М.И.* Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004. С. 101—121.

² Однако до буржуазной республики было еще очень далеко — и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй в основном еще остается добуржуазным? Примерно такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

решены, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией — ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической социальной революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуатации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что *буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены некоторые основные задачи революции буржуазной.*

Другая особенность этой революции заключается в том, что это *поздняя* буржуазная революция. Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более с ее все еще довольно слабой промышленностью? На

современном языке это называется проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ — ОДНА РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ВСЕ ЖЕ ДВЕ?

С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 год (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789 или к 1793 году, все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь — это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие этих этапов заключается в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу — определенно нет. Они полагали, что пока им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешенными до конца Февралем. В апреле 1917 года (когда, согласно канонической «истории КПСС», Ленин провозгласил курс на социалистическую революцию) вождь большевиков однозначно заявил, отвечая на возражения оппонентов: «Я не только не «расчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в социалистическую, а и прямо предостерегаю

против этого...»¹ Для большевиков (так же, как и для меньшевиков) было вполне понятно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно прийти, и путь этот небыстрый. «Неужели не ясно, — писал В.И. Ленин, — что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?»²

Да и по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач, которые действительно должна была решить Октябрьская революция — аграрная реформа в пользу крестьянства, ширококомасштабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры, — речь может идти только о буржуазной революции.

Но не все так просто. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как *раннесоциалистическую*, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если проводить сравнение с самой ранней успешной буржуазной революцией — в Нидерландах XVI века, — то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо там большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социа-

¹ Ленин В.И. Письма о тактике / Ленин В.И. Соч., 5-е изд. Т. 31. С. 142.

² Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности / Ленин В.И. Соч., 5-е изд. Т. 36. С. 303.

листической революции пролетариат — а тем более фабрично-заводской пролетариат — составлял в начале XX века в России явное меньшинство населения.

Более того: формирование целостного социалистического общества в начале XX века было, с моей точки зрения, невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. И эта позиция уже противоречит общепринятому тогда среди большевиков представлению.

КЛАССОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1917 года ни по своим предпосылкам, ни по своему объективному содержанию, ни по своей классовой базе не была ни пролетарской, ни социалистической. Однако тезис о гегемонии пролетариата в революции все же имел под собой основания. Крестьянство как массовая социальная опора революционного процесса было по своей классовой природе распыленным, не способным к организации в общенациональном масштабе, и потому ведущая роль в революции оказалась в руках гораздо более организованного рабочего класса. Цели и интересы этих двух основных социально-классовых сил революции — пролетариата и крестьянства — далеко не во всем совпадали. Кроме того, само крестьянство было неоднородно, включая в свой состав патриархальное крестьянство, сельскую мелкую буржуазию и сельский полупролетариат. Это создавало почву как для союза, компромисса, так и для конфликта между ними.

Партия большевиков, взяв власть, сразу провозгласила аграрную реформу, основанную на разделе практически всех сельскохозяйственных земель между крестьянами, провозгласила выход из войны и провела демобилизацию армии. Эти два шага обуславливали один другой, и в отрыве друг от друга провести их было

невозможно. Передел земли требовал возвращения с фронта миллионов мобилизованных крестьян, демобилизация армии и возврат в деревню миллионов бывших солдат неизбежно вели к переделу земли.

Одновременно были проведены меры и в интересах рабочих — сокращение рабочего дня, введение прогрессивного трудового и социального законодательства и установление рабочего контроля над производством.

ОЦЕНКА ЗРЕЛОСТИ ПРЕДПОСЫЛОК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Я хочу заявить прямо — «социализм» первой половины XX века был попыткой навязать производительным силам *неадекватные* для них производственные отношения. Индустриальный способ производства с его разделением труда, создающим из человека «частичного рабочего», с преобладанием вещных продуктов и потребностей, подчинением человека в производственном процессе машине является адекватной базой лишь для капитализма. Поэтому попытка построить «индустриальный социализм» (да еще начав с преимущественно доиндустриальной экономики!) была заранее обречена. И Ленин в статье «О нашей революции. По поводу записок Суханова» ошибался не в своей надежде создать материальные предпосылки социализма уже после захвата власти пролетариатом. Он ошибался в своем понимании этих предпосылок.

Строительство «индустриального социализма» не могло привести к обществу, качественно превосходящему капиталистическое¹. Однако этот факт не означает какого-то абсолютного исторического «запрета» на формирование социалистических отношений на не-

---

¹ Объяснение этого факта было дано, в частности, А.Тарасовым в статье «Суперэтатизм и социализм» (Свободная мысль, 1996, №12).

зрелой материальной базе. Постольку, поскольку уже на индустриальной фазе капитализм развертывает все свои сущностные противоречия, поскольку развивается обобществление труда капиталом, появляется и *формальная возможность освобождения труда, то есть снятия этих противоречий в социалистических производственных отношениях.*

Такая возможность может быть реализована, однако лишь в определенных рамках. А именно: возможным является лишь формальное освобождение труда, но не реальное, поскольку для реального освобождения труда необходимы не только достаточные материальные предпосылки, но и переворот в способе материального производства¹. Что же касается России, то там степень развития индустриального капитализма была весьма низкой. По оценкам различных специалистов, численность наемных работников в России перед революцией составляла от 10 до 14,6% от всего населения. Численность же фабрично-заводского пролетариата — 2—3%².

Может быть, достаточными были предпосылки в более передовых странах, и тем самым была возможной победа международной социалистической революции? Судите сами. В начале XX века доля промышленных рабочих во

---

¹ Я употребляю здесь понятия «формальное и реальное освобождение труда» по аналогии с понятиями «формального и реального подчинения труда капиталу», применявшимися К. Марксом в «Капитале» для определения стадий зрелости капиталистических производственных отношений. «Формальное» и в том, и в другом случае означает основанное на изменении только социально-экономической формы производства (т.е. производственных отношений), а «реальное» — основанное еще и на изменении материального способа производства. Например, при капитализме реальное подчинение труда капиталу развивается вместе с переходом от ручного труда к мануфактуре, а от нее к фабрике.

² См.: *Воейков М.И.* К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса // *Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт.* М.: «Экономическая демократия», 2001. С. 168—169.

всем населению составляла: в Германии около 13%, в США — около 11%, в Великобритании — около 20%¹.

Здесь я вступаю в прямую полемику с позицией Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» (за которую несет ответственность и К. Маркс, поскольку соответствующий раздел был подготовлен ими совместно), утверждавшего, что в передовых странах материальные предпосылки социализма в последней четверти XIX века уже были достигнуты². Я считаю это утверждение не соответствующим как основным положениям теории К. Маркса³, так и другим высказываниям самого Ф. Энгельса.

Итак, с этой точки зрения формирование целостного социалистического общества было невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. (Интересно было бы попытаться составить ретроспективную историческую реконструкцию итогов возможной победы пролетарской революции в странах, где капиталистическая индустриализация уже завершена, а постиндустриальные тенденции еще не проявились. С моей точки зрения, и в этом случае целостное социалистическое общество не сложилось бы.

ЛЕНИН О ШАНСАХ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Итак, начиная с Октября к буржуазно-демократической революции начинает примешиваться оттенок революции раннесоциалистической.

В 1921 г. революция в России в социально-эконо-

---

¹ Рассчитано по: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. Статья «Рабочий класс»; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 248–249.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 294.

³ Это несоответствие подробно разъяснено в моей статье «Буржуа и пролетарии. Теоретическая ошибка и историческая правота К. Маркса» (Альтернативы, 1998, №3), а также в упомянутой выше статье А. Тарасова.

мическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 года. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже и патриархального крестьянства? Из чего тут, собственно, можно строить социализм?

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере, в ближайшей исторической перспективе). Что же делать? Отказаться от возможности строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае вместе с отказом от социалистических целей большевики неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они неминуемо потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того как с ростом этого государственного (в смысле — контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо при помощи государственной власти концентрировать ресурсы на развитии современной промышленности, электри-

фикации страны, подъеме культурного уровня народа, на вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым одновременно с ростом капитализма и отчасти на основе этого роста будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью... но открыл дорогу другой.

ПЕРЕОЦЕНКА ШАНСОВ С ПОЗИЦИЙ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Сегодня эта постановка вопроса Лениным выглядит как чрезмерно оптимистическая. И дело здесь — с точки зрения марксистской теории — не только в известном теперь конечном результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX века развитие материальных и экономических предпосылок социализма — в том виде, как они были обоснованы в марксистской тео-

---

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП (б). Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

рии¹, — не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать — хотя она была очень рискованной и никаких гарантий конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин — «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения, — такими предпосылками *не являются*. Они — адекватная материальная база для *промышленной стадии капитализма, а не для социализма*. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма — такого развития, при котором промышленный капитализм не только вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей, *но и создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада*.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX века даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 г. при-

---

¹ Характеристика моей позиции касательно предпосылок социализма уже дана ранее в этом учебнике.

менительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России):

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция, и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик? Получается, что так. И выход из этого тупика, который был найден, был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы.

ЛОГИКА СОБЫТИЙ: К КАПИТАЛИЗМУ БЕЗ БУРЖУАЗИИ?

Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись достаточно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 490—491.

рьяно: передали помещичьи, удельные, монастырские и т.п. земли крестьянам; ввели в России республиканский строй — установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что их буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии им было известно только *одно политическое средство* — установление классового господства рабочего класса, т.е. *диктатура пролетариата*. А это средство — отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, входящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить такое развитие прав и свобод, которое предполагается буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: *как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии?*

Другое дело, что это была весьма своеобразная буржуазная революция. Задачи разрешения противоречий *капиталистического* развития на путях догоняющей модернизации (что тогда означало индустриализацию) стали решаться *без буржуазии*, получившими политическую власть ее классовыми противниками, а потому и неизбежно во многом *небуржуазными методами*.

Почему проблема догоняющей индустриальной модернизации во многих странах решалась вполне в рамках капиталистической системы (хотя и со значительными отклонениями от базовой, либеральной модели развитого капитализма), а в России и ряде других стран

модернизационный проект был сопряжен с попыткой выйти за пределы капиталистического строя? Потому что в этих странах *буржуазия оказалась несостоятельной* в решении данной задачи и вынуждена была уступить классовое господство.

Итак, Октябрьская революция, будучи *по содержанию* разрешаемых ею социально-экономических противоречий в первую очередь *революцией буржуазной* (буржуазно-демократической), *с точки зрения «коренного вопроса всякой революции» — вопроса о власти — оказалась революцией пролетарской.* А с точки зрения *основных социальных сил*, принимавших участие в революции, она была *революцией рабоче-крестьянской* (именно так и определил ее Ленин 25 октября 1917 в своей речи на заседании Петроградского Совета), то есть строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (добуржуазных) мелких производителей (крестьян).

Поэтому ее итогом было формирование крайне необычного «буржуазного общества без буржуазии».

ЛОГИКА СОБЫТИЙ: ПОЛУЧИТСЯ ЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО КАПИТАЛИЗМА ПО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ?

Каким же образом можно было создать этот капитализм без буржуазии? Ведь речь шла не только о том, чтобы обойтись без участия промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и — в гораздо большей степени — о неизбежной в ходе развития буржуазной революции экспроприации большей части мелкой буржуазии и крестьянства в целом. А последнее представляло собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны высокоразвитой крупной промыш-

ленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь — пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги, связь). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, фабрично-заводские комитеты и отчасти профсоюзные организации, то буквально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач и были быстро оттеснены от управления промышленностью — их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организа-

---

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С. 191.

циями, но уже к началу НЭПа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а системой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и при условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны, это сделалось неизбежным.

Здесь, пожалуй, в наибольшей мере проявилось столкновение теоретических оснований социалистического проекта и реальных возможностей его осуществления. Первые попытки построить отношения в промышленности на основе рабочего контроля и самоуправления быстро столкнулись с тенденцией к государственной централизации управления. В условиях гражданской войны и острейшего дефицита хозяйственных ресурсов (потеря основных источников металла, угля, нефти, хлопка и т.д.) тенденция к централизации неизбежно возобладала. Кроме того, ей противостояла недостаточно мощная альтернатива в виде социальной самодеятельности рабочего класса, которая оказалась не способна обеспечить функционирование экономики на основе принципа «свободной ассоциации». Тенденция к рабочему самоуправлению была весьма заметной, но явно недостаточно сильной и эффективной в своих усилиях, ибо под ней не было достаточной социальной базы и социальных традиций.

Из сочетания буржуазных специалистов и «красных директоров» в верхних эшелонах управления, тонкой прослойки квалифицированных рабочих, подвергшихся сильнейшей люмпенизации под влиянием войны — в нижних, не могло получиться социалистического самоуправления трудящихся. Происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна.

Вопреки своей программе большевики все дальше и

дальше двигались по пути отстранения рабочих и их организаций от управления производством. Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и более эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слоем.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения, — эти задачи стала решать бюрократия. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата и в общем в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Окончательно сложившаяся к 1922 г. абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхолащивала возможность контроля над собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутому уровню культуры и сложившейся в начале 20-х гг. социальной психологии никакой особой необходимости в решении социалистических задач не ис-

10 мифов об СССР

пытывал ни один из этих социальных слоев или уж, во всяком случае, не считал необходимым жертвовать своими текущими интересами ради борьбы за социализм — вне зависимости от того, в чем эти люди были субъективно убеждены и какие лозунги провозглашали.

Тем не менее общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И, в-третьих, идеология, обобщившая предыдущие два пункта и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

Итак, в идейно-политической оболочке социалистической революции на деле происходила буржуазная модернизация? Такой ответ был бы упрощением. Своеобразие российской революции состояло в том, что задачи буржуазно-демократической революции стали решаться не буржуазией и не буржуазными методами, вызвав к жизни отчетливую и вполне реальную социалистическую тенденцию. Однако, не имея достаточно прочных социально-экономических оснований, эта тенденция имела весьма малые шансы на создание целостной социалистической системы.

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН НЕМЕЦКИМ ШПИОНОМ, ИЛИ МИФ О «НЕМЕЦКОМ ЗОЛОТЕ»

Всякий раз, когда нужно отвлечь внимание от действительных проблем страны, правящие классы устраивают идеологическую дымовую завесу, заодно стараясь при этом побольнее зацепить своих идейно-политических оппонентов. Среди наиболее охотно муссируемых тем — большевистский террор в годы Гражданской войны, предложения вынести тело Ленина из Мавзолея, обвинения в том, что Октябрьская революция была сделана на германские деньги. Казалось бы, советский период нашей истории наряду с несомненными достижениями содержит немало и крайне неприглядных эпизодов, на которых можно было бы играть нашим противникам, формально не отступая от исторической правды. Но нет! Этого им оказывается мало, и они пускают в ход самую беспардонную ложь и клевету.

Миф о «немецком золоте» — из того же разряда. Этот миф стал предметом не только многочисленных публикаций, но и занял немалое время на телевизионном экране. Рассказ о политическом авантюристе Парвусе, вознамерившемся на деньги германского Генерального штаба и руками Ленина устроить в России революцию, получил широчайшее распространение.

Что же здесь правда, а что ложь? Как разобраться в этом человеку, не являющемуся профессиональным историком? Я сам обратился за советом к весьма авторитетному историку, профессору В.Т. Логинову, и получил от него рекомендацию прочесть книгу ленин-

градского историка Г.Л. Соболева¹. С большим трудом разыскав в московской книжной торговле один экземпляр, я понял, что его работа и весьма немногие другие профессионально честные публикации на эту тему затеряются в море клеветнических поделок, издаваемых огромными тиражами, которыми уставлены полки книжных магазинов. Поэтому я решил по совету своих товарищей взять на себя труд компактно изложить основные факты, опираясь на книгу Г.Л. Соболева (большинство ссылок на источники заимствовано оттуда), и объявляю свою статью полностью свободной для перепечатки и распространения.

«ЗАГОВОР ПАРВУСА»

Наиболее распространенная версия легенды о том, как В.И. Ленин стал «германским агентом», отталкивается от ряда действительных фактов. Парвус (псевдоним А.Л. Гельфанда, бывшего немецкого социал-демократа, за неблагоприятные финансовые поступки отстраненного от работы в германской социал-демократической партии) действительно был агентом германского Генерального Штаба еще до Первой мировой войны (с 1911 г.), когда он работал в Турции. Парвус действительно, действуя сначала через германского посла в Константинополе, а затем через сотрудника имперской канцелярии Рицлера, посланного для встречи с ним в Берлине, представил в марте 1915 года документ под заглавием «Подготовка массовой политической забастовки в России»² (обычно называемый «Ме-

¹ Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.

² Впервые этот документ стал доступен в архивном сборнике документов германского МИД, опубликованном в 1958 г., а в широкий исторический оборот введен публикацией в книге: Zeman Z.A., Scharlau W.B. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Gelphand: Eine Politische Biographic*. Köln, 1964.

морандум д-ра Гельфанда»). В этом документе Парвус предлагал подорвать Россию изнутри, опираясь на национал-сепаратистские и радикальные социалистические организации, в том числе социал-демократов (большевиков), занявших антивоенные позиции. Парвус действительно имел коммерческие связи с некоторыми российскими социал-демократами, работавшими в представительстве его торговой фирмы в Дании (в частности, с Я.С. Ганецким). Ганецкий действительно имел контакты с Лениным... А вот дальше факты заканчиваются и начинаются чистые домыслы.

Никаких фактов связи Парвуса с В.И. Лениным нет. Единственный факт, который можно было бы интерпретировать подобным образом, — это сообщение о встрече Парвуса с Лениным в Швейцарии в 1915 году. Однако этот факт устанавливается только на основе заявления самого Парвуса и никаких других подтверждений не имеет. Более того, имеются косвенные обстоятельства, заставляющие сомневаться в правдивости этого заявления. Но если все же верить Парвусу, то стоит поверить и его сообщению о том, что Ленин отверг его предложения¹.

Но, может быть, Ленин был связан с Парвусом не прямо, а лишь опосредованно и, получая через Ганецкого деньги на работу в России, не заключал никаких формальных соглашений (то есть не был германским «агентом» или «шпионом») и даже не знал точно, а лишь догадывался о действительном происхождении этих денег? Такая версия тоже имеет хождение. Я остановлюсь на этой версии ниже, в связи с расследованием, предпринятым летом 1917 года Временным правительством.

Никаких фактов, свидетельствующих о влиянии Парвуса на революционные события в России, нет. «Назначенная» Парвусом на январь 1916 года революция в России не состоялась, и ему, как и его непосред-

---

¹ См.: Шуб Д. Ленин и Вильгельм II. Новое о германо-большевистском заговоре // Новый журнал. Кн. 57. Нью-Йорк. 1959. С. 238.

ственным начальникам, пришлось объясняться по этому поводу. Все, чего смог достичь Парвус, — это распространения слухов о готовящемся под его руководством восстании. Впрочем, серьезные люди, знавшие о социал-демократическом движении не понаслышке — например, начальник петроградского охранного отделения Глобачев, — считали эти слухи вздором: «Это только мечты, которым никогда не суждено осуществиться, ибо для создания подобного грандиозного движения, помимо денег, нужен авторитет, которого у Парвуса ныне уже нет...» Что же касается поступления немецких денег социал-демократам, то Глобачев отмечал: «...денежные средства их организаций незначительны, что едва ли имело бы место в случае получения немецкой помощи»¹.

Единственное, чем могли оправдать полученные на организацию антиправительственной пропаганды в России деньги Парвус и другие германские агенты, а вслед за ними — и их начальники, так это приписыванием себе любых шагов антивоенного движения, в том числе и социал-демократического (большевистского), беспардонно выклянчивая дополнительные средства на мероприятия, которым не суждено было осуществиться². Именно документы, отражающие потуги немецкой агентуры оправдать растрату казенных средств, и послужили потом основанием для формирования легенды о якобы решающей роли немецких агентов в русской революции³. *Беда лишь в том, что никаких ре-*

¹ Соловьев О.Ф. Парвус: политический портрет // Новая и новейшая история, 1991, №1. С. 178.

² См.: Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. — Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. Составитель Ю.Г. Фельштинский. М.: 1995. С. 257, 260—261.

³ См.: там же. С. 258—260, 262, 268—277; Катков Г. Революция и германское вмешательство. — Тайна октябрьского переворота. СПб.: 2001. С. 146.

альных следов их деятельности в революционном движении не прослеживается, как не прослеживается и никаких немецких денег в средствах социал-демократических организаций. Таких фактов попросту не существует.

И еще одно весьма существенное обстоятельство — Ленин в открытой печати прямо объявил Парвуса немецким агентом, действующим в интересах германского Генерального штаба. От участия во всякого рода «мирных конференциях», за которыми маячила тень германского правительства, большевики категорически отказывались. И, наконец, внутри самой Германии большевики поддерживали группу «Спартак» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, которые выступали за поражение *своего* правительства (как и большевики — *своего*). Не правда ли, странное поведение для «германских агентов», «направляемых» Парвусом?

«ПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН»

Еще один аргумент, к которому прибегают сторонники версии о «немецком золоте», — рассуждения о проезде большевиков во главе с Лениным в Германию в пресловутом «пломбированном вагоне». Имеющиеся документы и мемуарная литература исчерпывающим образом выясняют подоплеку этого эпизода.

Во-первых, поездка через Германию была вызвана отказом стран Антанты на просьбу российских революционных эмигрантов обеспечить проезд в Россию через их территорию. Во-вторых, инициатором использования германского маршрута был не В.И. Ленин, а Ю. Мартов. В-третьих, поездка финансировалась целиком за счет самих политических эмигрантов, и Ленин был вынужден даже занимать деньги на эту поездку¹. В-четвертых, Парвус не был посредником в

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425, 427; Ленин В.И. Неизвестные документы 1891—1922. М.: 1999. С. 211.

переговорах о проезде российских политэмигрантов через Германию, а от посредничества Карла Моора и Роберта Гримма, вполне обоснованно заподозрив в них германских агентов, эмигранты отказались, предоставив вести переговоры Фрицу Платтену¹. Когда же в Стокгольме Парвус попытался встретиться с Лениным, тот категорически отказался от этой встречи². В-четвертых, заявления о том, что Ленину была предоставлена возможность во время этой поездки вести агитацию среди русских военнопленных в Германии, являются ничем не подкрепленным абсолютным вымыслом. В-пятых, никаких политических обязательств, эмигранты, проехавшие через Германию, на себя не брали, кроме одного — агитировать за пропуск в Германию из России интернированных немцев, равных по числу проехавших через Германию эмигрантов. И инициатива в этом обязательстве исходила от самих политэмигрантов, поскольку Ленин категорически отказывался ехать просто по разрешению берлинского правительства³.

Таким образом, ничего компрометирующего В.И. Ленина в использовании германского маршрута не обнаруживается. Неудивительно, что шумиха, поднятая по этому поводу политическими противниками социал-демократов в апреле 1917 года, хотя и нанесла некоторый временный ущерб репутации большевиков, очень быстро утихла, столкнувшись с фактами, предоставленными в ходе открытого и гласного расследования.

Достаточно полный отчет об этих событиях был представлен 4 апреля 1917 года на заседании Исполкома Петроградского Совета (на следующий день отчет

¹ См.: *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. С. 82—85.

² Parvus A. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin, 1918, S. 51; *Платтен Ф.* Поезд Ленина через Германию (предисловие К. Радека). Берлин, 1924. С. 66.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417—419.

Ленина был опубликован в газетах), и Ленин получил от Исполкома одобрение своих действий¹. Маршрут, использованный Лениным, был затем повторен еще двумя группами российских политэмигрантов, организованных Цюрихским комитетом по эвакуации русских эмигрантов.

Разумеется, германское правительство не пропустило бы российских политических эмигрантов через свою территорию, если бы не надеялось извлечь из этого политическую выгоду. Оно полагало, что пропаганда в пользу заключения мира отвечает его интересам (ибо шансы на военную победу становились все более призрачными). Оно, однако, совершенно упустило из виду, что если мир будет достигнут ценой революции в Российской Империи, то и Германская Империя не устоит...

ПАРВУС — ГАНЕЦКИЙ — «NYA BANKEN» — СУМЕНСОН — ... ?

Другая опора версии о «немецких деньгах» — обвинения, выдвинутые Временным правительством в июле 1917 года, и предпринятое им расследование. Обвинения эти базировались на двух основных фактах — на показаниях прапорщика Ермоленко и на коммерческих операциях Ганецкого в России, проводившихся через его торговых агентов М.Ю. Козловского и Е.М. Суменсон. На этот «след» русская контрразведка вышла по подсказке представителей разведслужбы французского Генерального штаба, науськиваемых министром по делам вооружений французского правительства, социалистом Альбером Тома. Вот какое предписание тот направил своему однофамильцу Л. Тома, атташе в Сток-

---

¹ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2, кн. 3—4. М.: 1991. С. 18.

гольме: «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей...»¹

Показания Ермоленко для тех, кто знаком с практикой работы секретных служб хотя бы даже по художественной литературе, сразу же предстают плодом весьма неумного воображения. Видите ли, офицеры Генерального штаба, проводящие вербовочные беседы с Ермоленко, раскрывают ему имена двух немецких агентов, работающих в России, — Иолтуховского и Ленина. Это рассказывают человеку, который только-только дал согласие на сотрудничество, который никак еще не проверен. Больше того, его вовсе и не направляют к Ленину, не дают к нему связей и поручений. Зачем же тогда раскрывать ценных агентов перед незнамо кем? Чтобы он их тут же и провалил, попав в Россию? Недаром власти, ведшие расследование, выплеснув «показания» Ермоленко на страницы печати, тут же поторопились сплавить столь сомнительного «свидетеля» с глаз подальше и больше к расследованию не привлекали². Даже явно антисоветски настроенный историк С.П. Мельгунов не считал эти показания сколько-нибудь серьезными³.

Временное правительство, начав следствие, собрало 21 том следственных материалов. Новоявленный и ревностный гонитель большевиков Д.А. Волкогонов,

¹ *Попова С.С.* Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 266.

² Об этом достаточно ясно сказано в воспоминаниях начальника контрразведки Петроградского военного округа Б.В. Никитина (см.: *Никитин Б.В.* Роковые годы. М.: 2000. С. 85—86). Подробный разбор всей нелепости и откровенной лживости показаний Ермоленко содержится в книге: *Оппоков В.* Убийцы Российской империи. М.: Яуза-ЭКМО, 2008. С. 208—230.

³ *Мельгунов С.П.* Немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 92.

тщательно изучивший эти дела в надежде найти компрометирующие большевиков доказательства, вынужден был признать: «Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами. Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, маловероятно»¹.

Что касается расчетов фирмы Ганецкого, совершавшихся через стокгольмский «Ниа банкен» и проходивших через Е.М. Суменсон, то расследование не нашло никаких свидетельств связи Суменсон с большевиками. Анализ всех 66 коммерческих телеграмм, перехваченных контрразведывательным отделом Главного управления российского Генерального Штаба, показал, что они не дают никаких свидетельств перевода денег из Стокгольма в Россию. Деньги всегда шли только в обратном направлении². Буржуазная пресса в июле 1917 г. взалхлеб расписывала суммы, проходившие через счета Суменсон, умалчивая именно об этом тонком пикантном обстоятельстве: все эти суммы переводились не из Швеции в Россию, а из России в Швецию, не из стокгольмского «Ниа банкен», а в него. Тогда уж логичнее было бы обвинить Ленина в том, что это он подкупает германский Генеральный штаб!

Не удалось найти следа «немецких миллионов» и в финансовых документах ЦК партии большевиков до октябрьского периода³.

Когда Временное правительство попристальнее заинтересовалось движением денег из-за рубежа в Россию, обнаружилось, что заграничные правительства действительно оказывают финансовую помощь российским политическим партиям. Но только это были

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. Кн. 1. Москва.: 1999. С. 220—221.

² См.: Lyandres S. The Bolsheviks' «German Gold» Revisited. An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995, p. 94, 63 и др.

³ См.: Приходно-расходная книга ЦК РСДРП (б) // Аникеев В.В. Документы Великого Октября. М.: 1977. С. 206.

не большевики, якобы финансируемые Германией, а правительственная партия — правые эсеры, через Брешко-Брешковскую финансируемые американской миссией Красного Креста¹.

ТАК КЕМ ЖЕ ОПЛАЧЕНА БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА?

Поскольку выдвинутые против большевиков обвинения гласили, что получаемые ими деньги идут на организацию прогерманской пропаганды, разрушающей тыл и подрывающей боевой дух армии, то логично было бы поискать след немецких денег в большевистской прессе. Такая возможность у Временного правительства была: рано утром 5 июля внезапным налетом была разгромлена типография «Правды» в Петрограде, захвачены все финансовые документы редакции и арестован и подвергнут допросам заведующий издательством и главный финансовый распорядитель К.М. Шведчиков. И что же?

Оказалось, что все произведенные газетой расходы полностью покрывались ее вполне легальными и известными доходами (главным образом, сбором мелких пожертвований среди рабочих и солдат). Газета даже приносила небольшую прибыль. А К.М. Шведчиков после пяти допросов был отпущен без предъявления ему каких-либо обвинений².

Впрочем, существовали и другие источники финансирования большевистской прессы, в том числе немало число фронтовых газет. Но искать их надо было не за границей. По свидетельству генерала А.И. Деники-

¹ *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевистская революция. М.: 1998. С. 90—91; Вольная воля, 1917, 26 ноября.

² *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. С. 182—183.

на, среди источников расходов на большевистскую литературу были собственные средства войсковых частей и соединений, а также средства, отпущенные старшими военными начальниками. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Ю.А. Гутор открыл на эти цели кредит в 100 тыс. рублей, а командующий Северным фронтом генерал В.А. Черемисов субсидировал из казенных средств издание большевистской газеты «Наш путь»¹. Зачем они это делали — ведь, по уверениям антибольшевистской пропаганды, большевистская печать разлагала фронт? Предоставим слово самому командующему Северным фронтом, генералу Черемисову, который следующим образом высказался о большевистской газете «Наш Путь»: «Если она и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях. Мы видим, что большевики умеют драться»². Разумеется, такова была позиция не всех воинских начальников, некоторые из которых — например, уже упомянутый А.И. Деникин — не уступали давлению фронтовых комитетов и денег не давали.

В любом случае большевистская пресса вовсе не была преобладающей на фронте. В марте-октябре 1917 г. в России выходило около 170 военных газет, из которых лишь около 20 были большевистского направления, а 100 изданий проводили эсеровскую или меньшевистскую («оборонческую») линию³. Что причина падения боеспособности армии лежит не в большевистской агитации, признавал и командующий Западным фронтом генерал А.И. Деникин, которого уж никак

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Париж, 1921. С. 83.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. М.: 1991. С. 337.

³ Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества. Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 года. СПб.: 1999. С. 43.

нельзя заподозрить в сочувствии большевикам: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»¹. Полная деморализация русской армии и ее неспособность решать стратегические задачи, независимо от чьих-либо пропагандистских усилий, а лишь в силу сложившейся уже в 1916 году, а тем более — после Февраля 1917 года, политической и социально-экономической обстановки, подтверждается как в исследованиях авторитетных специалистов из числа белоэмигрантов (например, в книге генерала Н.Н. Головина, впервые изданной в Париже в 1939 г.)², так и современными исследователями³.

ПОЯВЛЕНИЕ «ДОКУМЕНТОВ СИССОНА»

Последний аргумент сторонников версии о большевиках, подкупленных немецким золотом (и, как они считают, самый сильный), — массив из нескольких десятков документов, известных как «документы Сиссона». Эти документы были приобретены Эдгаром Сиссоном в Петрограде в 1918 г. за 25 тыс. долларов, а затем опубликованы в Вашингтоне. В этих документах содержатся, как настаивали их публикаторы, достаточные сведения о механизме финансирования большевиков германским Генеральным штабом, а также изложе-

---

¹ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 году // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 164.

² См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М. 2001.

³ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 году... С. 165.

но содержание директив, которые немецкая сторона давала своим агентам-большевикам.

Поучительна история этих документов. Е.П. Семенов (Коган) — журналист, заведующий редакцией «Демократического издательства» межсоюзнической комиссии пропаганды, получил письмо с предложением приобрести документы, компрометирующие большевиков, от другого журналиста — Фердинанда Оссендовского¹. И тот и другой уже успели отметиться в поисках «германского следа» (в частности, Семенов заявлял, что это он уговорил редактора газеты «Новое живое слово» опубликовать 5 июля 1917 года материалы, «разоблачающие» Ленина). Первоначально эти документы они попытались продать ряду союзнических посольств в России, но со стороны последних не было проявлено интереса. Тогда Е.П. Семенов организует публикацию некоторых из этих документов на юге России, в издававшейся кадетами газете «Приазовский край». Поднявшаяся газетная шумиха привлекает внимание посла США Фрэнсиса и Эдгара Сиссона, приехавшего в Россию по поручению президента Вильсона как представитель пропагандистского ведомства США — Комитета общественной информации, и они сами идут на контакт с Семеновым². Заплатив 25 тысяч долларов, они получают в свое распоряжение эти документы.

Почему же ими не заинтересовались многочисленные представители других стран Антанты? Предоставим слово кадровому дипломату и разведчику Роберту Брюсу Локарту, который писал об Эдгаре Сиссоне следующее: «Самым выдающимся из подвигов этого господина явилась, впрочем, покупка пакета так назы-

---

¹ См.: Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. Vol. XXVIII, 1956, p. 148.

² См.: Sisson E. One hundred red days. New York, 1931. P. 291-292; Последние новости, Париж, 1921, 6 апреля; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. P. 371.

ваемых документов, которыми не соблазнилась даже наша разведка, до того они были грубо подделаны»¹. По той же причине от них отвернулись представители 2-го отдела Генерального штаба Франции. А вот Эдгар Сиссон, не будучи ни дипломатом, ни разведчиком, но будучи крайне политически заинтересован в чем-то в этом духе, предпочел заплатить, несмотря на возражения более профессионально подготовленных сотрудников своей миссии.

ПУБЛИКАЦИЯ «ДОКУМЕНТОВ СИССОНА»: ПОДЛИННИК ИЛИ ФАЛЬШИВКА?

В октябре 1918 года по прямому указанию президента США Вудро Вильсона «документы Сиссона» были опубликованы². Уже при первой публикации фотокопий ряда из этих документов в печати были высказаны серьезные аргументы по поводу их поддельности — например, в документах, исходящих якобы от германского Генерального Штаба и адресованных в Швецию и Швейцарию, были проставлены даты по старому стилю, принятому тогда в России. Но тогда имеющиеся сомнения могли толковаться двояко. Была выдвинута версия, что, возможно, несколько из этих документов действительно являются фальшивками, изготовленными ретивыми агентами в погоне за дополнительной оплатой, — но это не может бросить тень на подлинность всех остальных документов. А чтобы эта тень и вправду не была брошена, президент США Вудро Вильсон на-

---

¹ Локкарт Б. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 206.

² The German-Bolshevik Conspiracy. War Information Series. №20. October 1918. Issued by the Committee on Public Information. Washington, 1918.

глухо закрыл доступ к подлинникам «документов Сиссона» в своем личном фонде. Да так наглухо, что они лишь случайно были обнаружены в 1952 году, при разборке в Белом доме личных архивов президента Гарри Трумэна, в одном из давно не использовавшихся сейфов.

Для установления подлинности полученных документов власти США поспешили опереться на авторитет известных историков. В качестве экспертов были избраны ведущий американский славист А. Кулидж, директор исторических исследований Института Карнеги Дж. Джеймсон и главный консультант американского правительства по «русскому вопросу», профессор Чикагского университета С. Харпер, ярый сторонник антисоветской интервенции. А. Кулидж не стал принимать участия в этой экспертизе, а двое других дали заключение о подлинности большей части документов, признав, что остальные сомнительны, но их подлинность также не исключается.

Краешек истины по поводу того, что действительно лежало в основе этого «беспристрастного суждения», стал известен много позже из неопубликованной части воспоминаний С. Харпера. «Мой опыт с документами Сиссона, — писал профессор Харпер, — ясно показал то давление, которому подвергаются профессора во время войны... для профессора невозможно было не внести свой вклад в развитие военного духа, даже если это было сопряжено с необходимостью заявлений определенно пристрастного характера»¹.

Недаром в подлинность этих документов не верили ни ярый критик Советской России С.П. Мельгунов, ни уверенный в связях большевиков с немцами А.Ф. Керенский, ни известный разоблачитель Бурцев (известный тем, что он впервые публично указал на провокаторскую роль Азефа).

---

¹ Kennan G. Russia lives the War. Princeton, 1956, p. 450—451.

1956 ГОД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДЖОРДЖА КЕННАНА

Когда в 1955 г. случайно обнаруженные подлинники «документов Сиссона» были переданы в Национальный архив в США, доступ к ним получил известный американский дипломат и историк Джордж Кеннан.

При исследовании этих документов он прежде всего обратил внимание на то, что содержание многих из этих документов явно противоречит известным историческим фактам об отношениях между Германией и большевиками, в частности их острому противоборству вокруг Брестского мира. Кеннан выяснил, что упоминаемые в «документах» многочисленные германские агенты, засылаемые на Дальний Восток, — это просто люди, с которыми так или иначе сталкивался журналист Оссендовский во время своего пребывания на Дальнем Востоке. При этом Джордж Кеннан опирался на опубликованный еще в 1919 г. памфлет проживавшего во Владивостоке морского офицера Панова, который вскрыл полную несостоятельность «документов», имеющих отношение к Дальнему Востоку¹.

Кроме того, проведя тщательную экспертизу машинописного шрифта «документов», американский исследователь установил, на каких именно пишущих машинках был выполнен каждый документ, и пришел к неутешительному для сторонников «немецкого следа» выводу: «документы якобы из русских источников были реально изготовлены в том же самом месте, где и документы, претендующие на то, что они исходят от германских учреждений, — это явный признак обмана»².

К чести Джорджа Кеннана, следует сказать, что, бу-

---

¹ Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. Vol. XXVIII, 1956, №2, p. 133, 143—153.

² Ibid., p. 142—143.

дучи сторонником противодействия СССР и проводя свое исследование в разгар холодной войны, он не стал отступать от исторической истины.

В 1990 году к проделанной Кеннаном работе наш отечественный историк Г.Л. Соболев добавил тщательный анализ фактических неточностей и противоречий, явно исторически неправдоподобных «подробностей» и т.д., содержащихся в документах. Среди них — именование Правительства России в немецком документе, датированном 25 октября 1917 г., Советом Народных Комиссаров, хотя в тот день никакого СНК еще не существовало, и лишь вечером этого дня Ленин с Троцким обсуждали возможные варианты названия будущего Временного рабочего и крестьянского правительства. В другом документе указывается неправильное (бытовое) название «Петербургское охранное отделение», хотя, во-первых, его официальное наименование было «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице» и, во-вторых, Петербург в это время давно уже именовался Петроградом. Подобного рода несуразности перечисляются на многих страницах¹.

КТО АВТОР «ДОКУМЕНТОВ СИССОНА»?

Исследование Джорджа Кеннана было продолжено известным петербургским историком В.И. Старцевым (ныне покойным). Работая в Национальном архиве США, он обследовал личный фонд Эдгара Сиссона, где он обнаружил еще около сорока документов того же происхождения, что и опубликованные сиссоновские, но имеющие более поздние даты и так и не вышедшие в свет.

---

¹ Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. С. 337—342.

Среди них — так называемые «документы Никифоровой», призванные доказать, что Германия, готовясь к Первой мировой войне, загодя составляла планы финансовой поддержки большевиков в своих интересах. Анализ Старцевым этих документов неопровержимо доказал, что они были сочинены «ретроспективным» путем, чтобы в подкрепление к уже имеющимся фальшивкам подверстать более «старый» документ «немецкого происхождения». В частности, некий циркуляр германского Генерального штаба своим военным агентам от 9 июня 1914 г. перечисляет среди стран — противников Германии Италию, хотя тогда она была членом Тройственного союза и переметнулась к Антанте только в 1915 году¹. Другой документ — циркуляр Министерства финансов Германии от 18 января 1914 года — рекомендовал дирекциям кредитных учреждений установить теснейшую связь и совершенно секретные отношения с предприятиями, поддерживающими оживленные сношения с Россией, и среди них — с банковской конторой «Фюрстенберг» в Копенгагене. Но банковская контора «Фюрстенберг» никогда не существовала, а реальный Фюрстенберг (псевдоним Ганецкого) жил в это время в Австро-Венгрии, где перебивался с хлеба на воду. Директором же экспортно-импортной конторы Парвуса в Копенгагене он стал только в 1915 году².

Многие документы были изготовлены на поддельных бланках и украшены угловыми штампами немецких учреждений, никогда не существовавших в природе — «Центрального отделения Большого Генерального Штаба Германии», «Генерального Штаба Флота Открытого Моря Германии» и «Разведывательного бюро Большого Генерального Штаба» в Петрограде.

¹ Старцев В.И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб. 2001. С. 63, 268.

² Там же. С. 267—268.

Старцев не только доказал поддельность и органическое сходство обнаруженных им документов и опубликованных «документов Сиссона», но и показал единый источник их происхождения — журналиста Фердинанда Оссендовского. Этот талантливый мистификатор, как установил Старцев, с ноября 1917 по апрель 1918 г. изготовил около 150 документов о «германо-большевистском заговоре»¹.

ОПЛАЧЕН ЛИ БРЕСТСКИЙ МИР «ГЕРМАНСКИМ ЗОЛОТОМ»?

Одно из наиболее серьезных обвинений, предъявляемых большевикам, которое рассматривается также и в качестве доказательства их подкупа немцами, — утверждение, что большевики, заключая Брестский мир, действовали в германских интересах и под диктовку немцев.

Однако этот вывод не подтверждается историческими фактами. Будучи вынуждены добиваться перемирия и заключения мира с Германией, большевики шли на это вовсе не ради обеспечения германских интересов, а в силу невозможности дальнейшего продолжения войны. Солдатские массы, которые привели большевиков к власти, давно уже не желали сражаться.

Еще до взятия власти большевиками, 30 сентября 1917 года, военный министр Временного правительства А.И. Верховский, вернувшись из Ставки, записал в своем дневнике: «Нужно придумать, как продолжать войну, при условии что армия воевать не хочет и слышатся даже требования заключить мир во что бы то ни стало...»². А уже 19 октября на заседании Временного

¹ Там же. С. 190.

² Верховский А.И. Россия на Голгофе. Из походного дневника. 1914—1918. Пг.: 1918. С. 125.

правительства он высказывается еще более определенно: «Народ не понимает, за что воюет, за что его заставляют нести голод, лишения, идти на смерть. В самом Петрограде ни одна рука не вступится на защиту Временного правительства, а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков»¹. На следующий день, 20 октября, на выступлении в Предпарламенте Верховский, сделав обзор состояния армии, заявляет: «Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем». Отсюда и выводы: «самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира», «побудить союзников согласиться на прекращение этой истощающей войны, нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса»².

Это понимали и опытные дипломаты союзников. 27 ноября 1917 года английский посол Дж. Бьюкенен телеграфировал в Foreign Office: «Моим единственным стремлением и целью всегда было удержать Россию в войне, но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле... Для нас требовать своего фунта мяса и настаивать на том, чтобы Россия исполнила свои обязательства, вытекающие из соглашения 1914 г., значит, играть на руку Германии...»³

Но союзные правительства, как известно, предпочли не прислушиваться к голосу разума, а сыграть на руку Германии, категорически отвергнув идею мирных переговоров.

А ведь Россию действительно уже невозможно было принудить воевать. Более того, крестьянство, одетое в солдатские шинели и получившее в руки оружие, тре-

¹ Там же. С. 133.

² См.: Былое, 1918, №12. С. 30-40.

³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 316.

бовало земли. Вся политика 1917 года укладывалась в простые формулы:

Армия требует мира и земли.

Любое правительство, вставшее у власти, удержится только в том случае, если удовлетворит эти требования.

Дать землю, не дав мира, невозможно. В противном случае армия начнет стихийную демобилизацию — уйдет с фронта делить землю.

Тем не менее, большевистское правительство вело линию на всемерное затягивание переговоров. Несколько раз по инициативе большевиков в переговорах объявлялся перерыв, который использовался для предания гласности хода переговоров и условий, выдвигаемых сторонами. Одновременно большевики развертывали революционную агитацию среди немецких солдат. Петроградское телеграфное агентство распространило в конце декабря воззвание к немецким солдатам, в котором они призывались «не подчиняться приказам и сложить оружие». Это, естественно, вызвало резкое неудовольствие германской дипломатии¹.

В свою очередь, большевики были также крайне недовольны грабительскими аннексионистскими требованиями немцев и готовились к разрыву переговоров.

На совещание представителей общеармейского съезда по демобилизации 17 (30) декабря 1917 года приехали Ленин, Троцкий и Крыленко. В их выступлениях было заявлено, что дело с заключением мира «почти безнадежно, так как немцы наотрез отказались признать принцип самоопределения народов; поэтому Совет народных комиссаров считает необходимым во что бы то ни стало восстановить боеспособность армии и

---

¹ См.: Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. Составитель Ю.Г. Фельштинский. М.: 1995. С. 369.

получить возможность продолжать войну»¹. Однако полная небоеспособность армии была очевидной².

После очередного перерыва в переговорах главу советской делегации А.А. Иоффе сменил нарком иностранных дел Троцкий. Новая делегация даже по дороге в Брест-Литовск распространяла среди немецких солдат листовки против войны³. Убедившись в невозможности вести революционную войну и в то же время не желая согласиться с немецкими условиями, 13(24) января 1918 г. ЦК большевиков принял официальную директиву Троцкому всячески затягивать подписание мира⁴.

В конце концов 10 февраля 1918 г. Троцкий заявил, что Советская сторона выходит из войны, но отказывается от подписания мира на германских условиях.

18 февраля, чтобы принудить большевиков вернуться за стол переговоров, главнокомандование германской армии возобновило боевые действия на Восточном фронте. Немецкие правящие круги в конце концов вынуждены были использовать против неуступчивых большевиков крайнее средство — возобновление военных действий и наступление. Фронт рухнул и покатился на Восток. И лишь тогда большевистскому правительству ничего не оставалось делать, как уступить германскому ультиматуму.

Глава новой советской делегации в Брест-Литовске Г.Я. Сокольников при официальном подписании мира 3 марта 1918 года заявил: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитариз-

¹ Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции, т. XII, Берлин, 1925. С. 262.

² Там же. С. 266.

³ См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. Перевод с англ. Т.1. М.: 1997. С. 276.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 г. — Февраль 1918 г. М.: 1958. С. 173.

ма над международной пролетарской революцией окажется временным и преходящим». После этих слов генерал Гофман в возмущении воскликнул: «Опять те же бредни!»¹

Не правда ли, как это все похоже на отношения хозяина с купленными им агентами?

После установления в апреле 1918 года дипломатических отношений РСФСР с Германией послом в Берлин был направлен А.А. Иоффе, ярый противник Брестского мира, основной задачей которого была координация усилий по подготовке революции в Германии.

Такой своеобразный характер мира с большевиками порождал в германской правящей верхушке острые разногласия. Если посол в Москве граф Мирбах стоял за сохранение отношений с правительством большевиков, то генерал Людендорф уже в мае 1918 года считал необходимым занять по отношению к большевикам максимально жесткую позицию и помочь приемлемым для Германии силам войти в состав нового, небольшевистского правительства. Постепенно к этой же точке зрения начал склоняться и граф Мирбах. Их обоих волновало неустойчивое положение большевиков и вероятная потеря ими власти. На одном из отчетов Мирбаха Вильгельм II написал: «С ним все кончено» (имея в виду Ленина). Но его собственный конец наступил гораздо раньше².

Противоречия между Германией и РСФСР после подписания мира продолжали нарастать. Масла в огонь подлило убийство левыми эсерами посла в Москве графа Мирбаха, а также непрекращающаяся деятельность большевиков по поддержке германского революцион-

---

¹ Сокольников Г. Брестский мир. М.: 1920. С. 31.

² См.: Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. Составитель Ю.Г. Фельштинский. М.: 1995. С. 390, 411; Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории, 1971, №9. С. 128—129.

ного движения. В конце концов Германия пошла на разрыв дипломатических отношений и 5 ноября 1918 года потребовала высылки представительства РСФСР из Германии. Но было уже поздно — грянула революция, и 13 ноября 1918 года ВЦИК Советов принял решение об аннулировании Брест-Литовского мирного договора «в целом и во всех пунктах».

А теперь я хочу пролить бальзам на душу сторонников версии о подкупе Германией большевиков. Да, германское правительство расходовало в 1918 г. средства на поддержку Советской России. Но большая часть этих средств была израсходована не на помощь СНК РСФСР, который в конце 1917 — начале 1918 года отчаянно нуждался в деньгах¹, а на противодействие странам Антанты, пытавшимся мобилизовать сторонников продолжения войны². В любом случае это были сравнительно небольшие суммы — так, из запрошенного в июне 1918 г. фонда в 40 млн марок было израсходовано к октябрю 1918 г. не более 6—9 млн. марок (а возможно, и вообще ничего)³. И в любом случае к происхождению русской революции эта финансовая помощь никакого отношения не имеет.

КЛЕВЕЩИТЕ, КЛЕВЕЩИТЕ, ЧТО-НИБУДЬ ДА ОСТАНЕТСЯ

Полная историческая несостоятельность сочиненных в 1917—1918 гг. версий о «немецком золоте» в русской революции была обнаружена уже достаточно давно. Это, однако, не мешает антикоммунистам всех

---

¹ См.: Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы. Составитель Ю.Г. Фельштинский. М.: 1995. С. 352, 346.

² Там же. С. 382—384, 387, 391.

³ Там же. С. 411.

мастей активно использовать основанную на фальшивках или домыслах клевету вплоть до настоящего времени. В новой, «свободной» России миллионными тиражами издаются и переиздаются пропагандистские подделки, и даже элементарное чувство брезгливости не останавливает издателей, охотно обрушивающих на головы читателей горы грязной лжи. Публикуются «документы Сиссона», приправленные подлинными документами той эпохи, чтобы создать впечатление достоверности фальшивки¹. Множество изданий выдержала книга писателя Игоря Бунича «Золото партии», в которой он пропагандирует версию о подкупе большевиков Германией, вообще не утруждая себя особыми доказательствами. Даже рекламная публикация на книготорговом сайте Ozon.ru вынуждена была заметить в осторожных выражениях: «Игорь Бунич получил широкую известность после выхода книги «Золото партии», жанр которой можно определить как смесь non-fiction и fantasy. В своих популярно-исторических произведениях автор описывает события истории, построив сюжетную канву на смелых предположениях»². И вот эти «Fantasy» и «смелые предположения» вываливаются нам на голову в качестве исторических фактов, снабженных изрядной порцией деланного морального негодования по поводу нехороших большевиков, продавшихся за немецкое золото.

Вероятно, поняв, что на фоне столь топорно сработанных пасквилей можно не без выгоды для себя щегольнуть показной «солидностью», на российский рынок фальшивок устремилась некая Элизабет Хереш. Газета «Комсомольская правда» предоставила свои страницы для ее саморекламы. Статье журналиста Ва-

¹ Например: Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор: Документы, статьи, воспоминания / Сост. Кузнецов В.И. СПб.: Алетейя, 2001.

² <http://www.ozon.ru/context/detail/id/255147/>

силія Устюжанина предпослан броский заголовок — «Октябрьскую революцию устроили немцы». И далее: «Австрийский историк обнаружила уникальный документ — план подготовки революции в России: Германия вложила в Ленина миллионы марок». Устюжанин замечает: «Доктор Элизабет Хереш в научном историческом сообществе — фигура известная» — и переходит к интервью. Сама Элизабет Хереш торопится подать свои исторические заслуги в наилучшем свете:

«В архиве германского Министерства иностранных дел хранится более 20 тысяч документов. В том числе и секретные телеграммы между дипломатами МИДа Германии и послами нейтральных стран — Швейцарии, Дании, Швеции. Документы свидетельствовали о систематической внешней подготовке революционного движения в России. Я отыскала редкий документ. Своего рода меморандум, план подготовки России к революции. Написал его этот самый Парвус. Датирован он 9 марта 1915 года. Документ потряс меня. Так родилась идея книги»¹.

Все сказанное здесь пропитано ложью. Во-первых, Элизабет вовсе не «известная фигура в историческом сообществе» и уж тем более не «историк», а обычный журналист, подвизающийся на скандальной политической тематике. Во-вторых, Элизабет Хереш напрасно пытается присвоить себе честь обнаружения «Меморандума д-ра Гельфанда» в немецких архивах. Этот документ был обнаружен давным-давно и неоднократно опубликован². И, наконец, все выкладки ее книги «Купленная революция»³ основаны на двух китах — на

¹ Комсомольская правда, 4 апреля 2001 г.

² Первая публикация в массовых изданиях, как уже упоминалось: Zeman Z.A., Scharlau W.B. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Gelphand: Eine Politische Biographic.* Kulln, 1964.

³ Хереш Э. *Купленная революция. Тайное дело Парвуса.* М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 (это, разумеется, не единственное издание данной книги...).

«документах Сиссона», давно разоблаченных как фальшивка, и на неумных домыслах автора, выходящих даже за пределы используемых ею грубых подделок Фердинанда Оссендовского.

Ну что же, сказанного вполне достаточно, чтобы понять — наша демократическая пресса, как и в случае с пасквилем Игоря Бунича, даст измышлениям Элизабет Хереш «зеленую улицу» и массивированную рекламу.

Разумеется, никак не мог остаться в стороне от разнужданной клеветнической кампании и кумир либеральной интеллигенции, ныне покойный А.Н. Яковлев, так же как и Элизабет Хереш, выдававшая себя за историка.

25 января 2004 г. на ОРТ в передаче «Времена» (ведущий В.В. Познер), посвященной 80-летию со дня смерти В.И. Ленина, А.Н. Яковлев заявил буквально следующее: «Давно известно из документов, что это была операция Генерального штаба Германии... Больше всего меня в этом отношении интересуют те деньги, которые получал Ленин через Ганецкого. Организатором был Парвус, это известно вам и всем историкам. Он первые 2 млн (по нынешнему это 10 млн) получил в марте 1915 года, вот так и написано: на подрывные цели. Это все исторические факты, основанные на документах»¹.

Одно из двух — или А.Н. Яковлев никакой не историк, ибо историку стыдно не знать действительные исторические факты, либо он сознательно использует фальшивки в грязной политической игре, и тогда тоже не имеет морального права зваться историком.

Наконец, бойцам нашего идеологического фронта показалось мало издаваемых в совокупности миллионными тиражами фальшивок, и они решили обработать уже десятки миллионов, используя государственное

---

¹ <http://forum.msk.ru/news/2004/93.html?action=read&fid=936>

10 мифов об СССР

телевидение. И вот 22 декабря 2004 года выходит на телеэкраны фильм «Кто заплатил Ленину? Тайна века» (АНО «Дирекция президентских программ» Российского фонда культуры, телеканал «Россия». Автор сценария и продюсер — Елена Чавчавадзе). Стоит ли говорить, что этот фильм состоит из нагромождений все той же самой лжи и клеветы, опирающейся на все те же самые фальшивки, короче — тщательно следует заветам д-ра Геббельса.

Я отдаю себе отчет в том, что теми скромными силами, что имеются сейчас в распоряжении людей, не утративших чести и совести, невозможно переломить эффект, оказываемый правительственной машиной лжи и клеветы и подкармливаемыми ею «интеллектуалами». Большинство людей современных поколений неизбежно приобретут стойкое убеждение, по меньшей мере, в том, что «дыма без огня не бывает» и «наверняка там не все было чисто», а многие прямо уверуют в «германское золото», в то, что Октябрьская революция — следствие «заговора Парвуса» и т.д.

Однако я верю и в то, что власть эксплуататорского меньшинства не вечна, что с ее падением паутина лжи и клеветы будет прорвана, и любое честно сказанное слово внесет свой вклад в грядущее торжество правды.

«Можно все время обманывать немногих, можно какое-то время обманывать всех, но нельзя обманывать всех все время» (Авраам Линкольн).

О ПЯТИЛЕТКЕ В 4 ГОДА

Вокруг первой пятилетки сложилась своя мифология. Одни рассматривают ее как несомненное доказательство эффективности социалистической плановой системы, другие — как показатель мудрости и прозорливости И.В. Сталина, своевременно озаботившегося форсированием индустриального развития страны, третьи твердят о том, что никакие экономические успехи нельзя оплачивать ценой неисчислимых жертв.

Реальная история пятилетки, как и всегда, не является картиной, написанной только одной краской — или даже двумя. Успехи политики индустриализации несомненны, и оспаривать их бессмысленно. А вот вопрос о точной оценке этих успехов как раз может быть предметом обсуждения. Здесь мы ограничимся вопросом об экономической стороне дела, оставив политические, нравственные, психологические и прочие аспекты в стороне.

Первая пятилетка наглядно демонстрирует нам, что к мнению о И.В. Сталине как гениальном менеджере следует подходить с большой осторожностью. Во всяком случае, Сталин образца 1945 или даже 1940 года сильно отличается от Сталина образца 1930 года. Я не склонен давать управленческим способностям Сталина уничижительную оценку. Но достаточно успешные стороны его руководящей деятельности были оплачены ценой довольно тяжелых уроков конца 20-х — начала 30-х гг.

Высокие темпы промышленного роста, достигнутые в 1929 и в 1930 годах, были восприняты И.В. Сталиным как нечто само собой разумеющееся и не были подвергнуты квалифицированному экономическому анализу. Успехи первых лет пятилетки вскружили голову руководителю страны, добивавшемуся, нисколько не считаясь с экономической наукой, расширения программы нового строительства по сравнению с планом и предлагавшему фантастическое завышение наметок пятилетки. Например, вместо предлагавшихся первоначально 6 млн т чугуна на 1932/33 г. в пятилетнем плане была утверждена цифра 10 млн т., а в 1930 г. правительство решило довести ее до 17 млн т. Цифра же в 10 млн т была объявлена в выступлениях на XVI съезде руководителей нашей промышленности — В.И. Межлаука и В.В. Куйбышева — вредительским минимализмом¹. Несмотря на эти громогласные призывы с высокой трибуны, именно они — руководители ВСНХ и Госплана — настояли в конце концов на отказе от авантюристического задания — произвести в 1932/33 г. 17 млн т чугуна². Как известно, черная металлургия к концу пятилетки едва-едва перекрыла рубеж в 6 млн т чугуна. Но когда И.В. Сталин заявил на XVI съезде, что «...люди, болтающие о необходимости *снижения* темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов»³, трудно было протестовать против непосильного для экономики роста капиталовложений и расширения фронта капитального строительства.

Правда, годом раньше такие протесты еще раздавались. В феврале 1929 г., выступая на заседании прези-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 303, 330.

² Маслова Н.С. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР (1928 — 1932 гг.). М.: Наука, 1983. С. 13.

³ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 28.

диума Госплана, инженер Осадчий восклицал: «... Гартван и Таубе говорили, что мы можем произвести 6—7 млн т чугуна, но они были *заподозрены*, им брошено было в лицо сомнение в лояльности, может быть, здесь были подозрения в саботаже, в отсталости и т. д.». Эта обстановка логически приводила его к выводу: «... вы получите в президиуме со стороны его членов и техников или обязанность молчания, или пение похвал, а не критику»¹.

А ведь отказ от авантюризма позволил бы вести работы более обдуманно, без горячки, не неся потерь из-за запаздывания оборудования, нехватки стройматериалов, отсутствия проектов, текучести рабочей силы, не омертвляя гигантские средства, а направляя их на такие участки, где они могли бы дать наибольший эффект в кратчайшие сроки. Эта возможность не была использована. Незавершенное строительство, составлявшее в начале пятилетки 31% к объему капиталовложений, в 1932 г. подскочило до 76%².

Почему же в течение первой пятилетки запланированная программа капиталовложений в промышленность (и в целом в народное хозяйство) была значительно превышена? Ответ на этот вопрос можно найти в уже цитировавшихся политических заявлениях на XVI съезде ВКП (б), состоявшемся как раз посередине первой пятилетки — в 1930 г. Первая и важнейшая причина — ставка на ничем не обоснованный размах капитального строительства — вела к дальнейшим тяжелым последствиям. Нарастали такие явления, как неразбериха в материально-техническом обеспечении строек, переносы сроков строительства, поставок обо-

---

¹ Цит. по: *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 136.

² Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. — Л.: Стандарты и рационализация, 1933. С. 48.

рудования, отсутствие проектной документации и т. д. Многие деятели партии обращали внимание на ненормальность сложившегося положения, не решаясь, впрочем, оспаривать провозглашенные Сталиным амбициозные цели. Член Политбюро ЦК ВКП (б) С.В. Косиор в своем выступлении на съезде говорил об угрозе срыва планов реконструкции и нового строительства угольно-металлургической базы Украины, об отсутствии до настоящего времени окончательного плана строительства и реконструкции предприятий тяжелой промышленности, о затяжке проектирования. Аналогичные проблемы поднимались и в выступлениях других делегатов¹.

Недостатки в области планирования и осуществления капитального строительства вытекали также и из общих недостатков плановой работы, в которую все больше проникали элементы канцелярщины, грозившие превратить ее в игру бюрократических амбиций. Председатель СНК РСФСР С.И. Сырцов с тревогой говорил на XVI съезде: «Такие помехи, как длительное прохождение планов, запоздалое доведение их до предприятия, параллелизм в составлении планов, множественность инстанций, проверяющих и утверждающих планы и прочее, разумеется, представляют собой чрезвычайно большое препятствие для осуществления тех колоссальных задач, которые стоят перед нами. При этом большим злом, которое партия еще не сумела преодолеть, является то, что работа каждого руководителя, каждого учреждения в значительной мере отдается ведомственной борьбе, а не самой работе»². В особенности С.И. Сырцов обратил внимание на царящую неразбериху в принятии решений о строительстве: «Иногда хозорган собирается строить какое-либо предпри-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф, отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 177, 531.

² XVI съезд ВКП(б). Стенограф, отчет. С. 225.

ятие, закладывает фундамент, возводит стены, а потом оказывается, что это строительство не может быть обеспечено немедленно оборудованием, строительными материалами и т. д.», — заметил он. — «Необходимо стремиться к тому, чтобы на фронте строительства уменьшить количество случаев, когда нам приходится отказываться от начатого строительства ввиду его не-реальности в данных условиях из-за необеспеченности чертежами, проектами и прочими необходимыми элементами»¹.

При безоглядном расширении фронта капитального строительства на уже построенных заводах наблюдались низкая загруженность новейшего высокопроизводительного оборудования (30—40%), а иногда и простой импортного оборудования, что тяжелым бременем ложилось на себестоимость продукции, ведя к ее росту². Тем не менее, трибуна XVI съезда неоднократно использовалась для того, чтобы обосновывать необходимость резкого увеличения капиталовложений в ту или иную отрасль, дополнительного развертывания строительства в той или иной местности и т. д.³

Ошибки в строительной программе объяснялись не только политическими амбициями, ведомственным или местническим нажимом, но и очевидными промахами в планировании, ведущими к несбалансированности в создании и освоении производственных мощностей. Особенно наглядно это проявилось в текстильной промышленности. По данным С. Орджоникидзе, если бы даже с 1925/26 г. в текстильной промышленности не велось нового строительства, то при наличном количестве сырья прядильное оборудование осталось бы в 1930 г. неиспользованным на 30—40%. Но с

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 222 — 223

² XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 224, 510.

³ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 539, 547 — 550, 554 — 555.

1925/26 по 1929/30 г. в хлопчатобумажную промышленность было вложено 462 млн руб., в том числе 85 млн руб. в новое строительство. По оценке РКИ, из этих затрат 150 млн руб. были израсходованы вообще напрасно¹.

Представитель ЦК профсоюза текстильщиков добавил к этой картине тот факт, что чрезмерный размах строительства новых фабрик отвлек средства от реконструкции старых, которые находятся в крайне запущенном состоянии, имеют изношенное, зачастую неработоспособное оборудование². На XVI съезде высказывалось оптимистическое предположение, что в будущем, 1931 г. трудности с хлопком будут преодолены и текстильные фабрики заработают с нормальной загрузкой. Однако и в 1932 г. производственные мощности текстильной промышленности оставались загруженными наполовину, поскольку острый дефицит как хлопка, так и шерсти сохранялся³. Подобное же положение складывалось не только в текстильной промышленности. На недогрузку производственных мощностей машиностроительных заводов указывали многие делегаты съезда⁴.

Строящиеся предприятия нередко оказывались необеспеченными строительными материалами и металлоконструкциями, оборудованием из-за разрывов в планировании строительства и производства необходимых для него изделий и материалов, строительной техники. Дефицит строительных материалов сопровождался также огромным завышением заявок на них, ростом нерациональных запасов. Многие уже постро-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 305.

² XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 391.

³ Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР (1917 — 1940 гг.). М.: Политиздат, 1972. С. 151 — 152.

⁴ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 309 — 310, 346, 518, 530, 535.

енные предприятия стояли по 8—9 месяцев из-за необеспеченности сырьем, а в это время начиналось строительство аналогичных им. Новый камфарный завод, призванный избавить страну от импорта, не мог работать, к примеру, потому, что все сырье для производства камфары оказалось проданным за границу¹.

Все это приводило к тому, что огромные капиталовложения часто не приносили отдачи, омертвлялись труд людей, значительные материальные ресурсы. Положение усугублялось низким уровнем организации самого строительного производства. Сроки ввода предприятий в действие нередко переносились, построенные заводы не были готовы к работе с полной нагрузкой. Так, Сталинградский тракторный завод, пущенный досрочно, длительное время не мог освоить своей проектной мощности. И дело было не только в том, что к станкам встала неквалифицированная молодежь. Стремление непременно успеть к заданному сроку привело к тому, что основные цехи к моменту пуска — 17 июня 1930 г. — были оснащены оборудованием первой очереди всего на 30—40%.

Стремление к досрочному пуску предприятий приводило к массовому использованию сверхурочных работ, привлечению в экстраординарном порядке дополнительной рабочей силы. Трудовой энтузиазм, вызванный развертыванием грандиозных работ по индустриализации СССР, позволял опереться на массовый героизм, преодолевавший трудности строительства, ошибки и организационные неурядицы. На строительстве Сталинградского тракторного завода летом 1929 г. стройка была охвачена массовым трудовым подъемом. Все работали по 12—14 часов в сутки, отказывались от выходных дней. Американский инженер, консультиро-

---

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. 1931. С. 332, 403, 434, 541, 564.

вавший Тракторострой, не мог не выразить своего удивления: «Такое впечатление, будто они строят свой дом»¹.

Советские рабочие действительно строили свой дом. Программа индустриализации отвечала их коренным интересам, и многие из них, не колеблясь, бросили на чашу весов свой энтузиазм, чтобы ничто не могло помешать реализации замыслов первой пятилетки. В этой программе им слышалась музыка социализма. Но даже и независимо от задач построения социализма только мощная современная промышленность позволяла СССР превратиться в крепкое жизнеспособное государство.

Однако в стремлении достичь этой цели мы часто натыкались на собственные ошибки и неумелость. С.З. Гинзбург, работавший в строительном управлении ВСНХ, а затем возглавлявший Наркомстрой, в своих воспоминаниях отмечает низкую эффективность организации строительства Днепрокомбината в Запорожье, типографии газеты «Правда» в Москве, Свирьстроя, московского завода «Прибор». «Для этих и других строек того времени, — вспоминает он, — было характерно отсутствие правильных, своевременных проектов организации работ, не было четкого технического планирования строительства, начиная от момента получения задания до момента сдачи сооружения заказчикам»².

Многие намечаемые стройки не имели не только рабочих чертежей, но и проектной документации. Даже для ударных строек своевременное снабжение материалами и механизмами было одной из самых острых проблем. Не всегда это вызывалось общим дефицитом стройматериалов и оборудования. На Магнитострое в 1930 г. не было ни одного мощного экскаватора, в то

¹ Гинзбург С.З. О прошлом — для будущего. М.: Политиздат, 1986. С. 91, 99.

² Так же. С. 136.

время как они простаивали в Сталинграде после пуска тракторного завода¹.

Для строительства Горьковского автомобильного завода 3 тыс. комсомольцев были мобилизованы в трудовую дивизию. Еще одна трудовая дивизия была составлена из членов Осоавиахима. До пуска завода оставалось 50 дней. Райком партии объявил месяц штурма — трудящиеся города с 18 до 23 часов работали на стройке. В массовых субботниках в октябре приняли участие 194 тыс. чел.² Однако к сроку пуска — 1 ноября 1931 г. — строительство не было полностью завершено.

Подлинный героизм проявляли и строители Магнитки. А.М. Исаев, впоследствии работавший в качестве конструктора ракетных двигателей вместе с С.П. Королевым, писал домой со строительства: «Если нужно, рабочий работает не 8, а 12—16 часов, а иногда и 36 часов подряд — только бы не пострадало производство! По всему строительству ежедневно совершаются тысячи случаев подлинного героизма. Это факт. Газеты ничего не выдумывают. Я сам такие случаи наблюдаю все время»³. Но и на Магнитострое трудовой героизм, тем не менее, не привел к пуску комбината в установленные правительством сроки.

Главными причинами не были некомпетентность, недостаток опыта, нетерпение. Кто всерьез возьмется упрекать в некомпетентности специалистов и рабочих, внесивших огромное количество предложений, позволявших реально сокращать сроки тех или иных строительных работ, сооружения объектов, монтажа оборудования? А ведь это было повсеместное явление! Неужели те же специалисты никак не могли уразуметь связи между наличием жилья и обеспеченностью кад-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 403.

² Гинзбург С.З. О прошлом — для будущего. С. 78.

³ Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. С. 151—152.

рами, между бытовыми условиями и производительностью труда, между подготовкой строительного производства и сроками строительства? Думаю, что не только могли, но и прекрасно понимали эту связь, но, тем не менее, сознательно отодвигали эти вопросы на второй план. Главное — продемонстрировать рвение в досрочной сдаче производственных объектов. Все остальное — в сторону. Но так думали не все.

Например, при строительстве Днепрогэса заранее был проделан огромный объем подготовительных работ. Были сооружены временная электростанция, железнодорожные подъездные пути, жилые дома и общежития, здания культурно-бытового назначения — клубы, больницы, бани и т. д., ремонтные цехи, лесопильный и деревообделочный заводы, два бетонных завода¹. Это вызвало массовые упреки в медленном ведении основных работ. Тем не менее, руководивший строительством старый специалист-энергетик А.В. Винтер полагал, что сначала необходимо «обеспечение надежного тыла, расселение строителей в нормальных условиях, организация фронта работ, подготовка кадров, проектов, чертежей и т. п., затем массовое продвижение вперед по всем остальным участкам». Доводы А.В. Винтера встретили негативную реакцию на состоявшемся в сентябре 1930 г. совещании руководителей крупнейших строек. «В выступлениях преваляло настроение, даже требование: любой ценой пустить объекты в срок, а лучше — досрочно»².

Я уже говорил, как обстояло дело с пуском Сталинградского тракторного, Магнитки, ГАЗа, где исповедовалась подобная философия строительства. Днепрогэс же был возведен на семь месяцев раньше установленного срока. Такие плоды давал трудовой энтузиазм,

¹ Гинзбург С.З. О прошлом — для будущего. С. 64.

² Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. С. 141.

помноженный на правильную организацию труда, вместо эксплуатации этого энтузиазма для прикрытия прорех в организации дела.

Сейчас, разумеется, легко рассуждать о том, что вот, мол, если бы все последовали примеру А.В. Винтера, то тогда бы... Когда всякая задержка с ведением работ на основных объектах получала политическую оценку, немного находилось желающих испробовать путь, реализованный на строительстве Днепрогэса. Ведь ярлык «вредительства» стал уже нередко пускаться в ход для прикрытия своей боязни ответственности, если речь шла о крупной инициативе, для прикрытия ведомственных амбиций или просто чиновничьего спокойствия. Так, в 1930 году при рассмотрении вопроса о замене части дорогих импортных металлоконструкций железобетоном при возведении турбогенераторного завода руководители Электрообъединения ничтоже сумняшеся объявили «врагами народа» тех, кто, добиваясь перепроектирования, якобы хочет тем самым затормозить развитие турбостроения¹.

Недооценка трудностей освоения капиталовложений, овладения новой техникой, неполное использование мощностей как новых, так и старых предприятий из-за нехватки сырья и конструкционных материалов — все это привело к падению фондоотдачи, особенно в 1931 и 1932 гг.², предопределило невыполнение плановых заданий по росту производительности труда. При плане прироста производительности труда на 110% за пятилетку фактически она выросла на 41% в годовой выработке и на 61,1% — в часовой (разница объясняется тем, что в связи с переходом на 7-часовой

---

¹ Гинзбург С.З. О прошлом — для будущего. С. 133.

² Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. С. 160 — 164.

рабочий день средняя продолжительность рабочего дня сократилась за первую пятилетку с 7,6 до 6,98 часа)¹.

Такой просчет с определением реальных возможностей роста производительности труда привел к тому, что для выполнения заданий пятилетки по объему производства пришлось привлекать в промышленные отрасли значительно больше рабочей силы, чем первоначально предполагалось. По плану численность рабочих в промышленности должна была возрасти за пятилетку на 33%². На самом же деле она возросла с 3,1 млн человек в 1928 г. до 6,0 млн человек в 1932 г., т.е. почти вдвое³. Особенно значительным был сверхплановый приток работников в строительство и лесное хозяйство: по плану численность работников в этих отраслях должна была возрасти на 45% за пятилетку, фактически же выросла в 4,3 раза⁴.

Такой рост рядов рабочего класса покрывался в основном притоком из деревни. При общем приросте числа рабочих и служащих за пятилетку 12,6 млн человек, 8,6 млн человек из них, или 68,2%, пришли из деревни⁵. Приток крестьянства в ряды рабочего класса по отношению к среднегодовой численности рабочих и служащих составлял 13—18%⁶. В результате доля рабочих со стажем до года в общей их численности составила: в 1927—1929 гг. — 11—12%; в 1930 г. — 23,5; в 1931 г. — 27,6%; со стажем до 3 лет: в 1929 г. — 31,5%; в 1932 г. —

¹ *Маслова Н.С.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР (1928 — 1932 гг.). М.: Наука, 1983. С. 17—18, 20—21.

² *Маслова Н.С.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР (1928 — 1932 гг.). С. 18.

³ История советского рабочего класса. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 194.

⁴ *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. С. 164.

⁵ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 200.

⁶ Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М.: Наука, 1975. С. 101.

56,4%¹. Если учесть, что даже до первой пятилетки значительная часть рабочих сохраняла связь с деревней, а около 20% из них в 1926—1929 гг. имели в деревне землю, станет ясно, насколько усилился вес крестьянских элементов в рабочем классе.

Следует отметить, что столь бурный рост спроса на рабочую силу предопределил успешность введения 7-часового рабочего дня и досрочного (по сравнению с пятилетним планом) решения задачи ликвидации безработицы. Уже в 1930 г. повсеместно ощущалась нехватка рабочей силы.

На 1 сентября 1930 г. биржи труда не могли удовлетворить заявок народного хозяйства на 1 млн 67 тыс. рабочих мест. 9 октября 1930 г. Наркомтруд СССР принял решение о посылке 140 тыс. безработных, еще зарегистрированных на биржах труда, на работу и о прекращении выдачи пособий².

Однако столь массовое разбавление рабочего класса крестьянством имело и отрицательные стороны. Пала трудовая дисциплина, и были введены чрезвычайные меры: руководители предприятий получили право оперативно наказывать нарушителей дисциплины — штрафовать, переводить на другую работу, увольнять и т. д.³

Ситуация с рабочей силой, как и обстановка борьбы за высокие темпы любой ценой, нередко вела к понижению качества продукции. Как отмечалось на XVI съезде ВКП (б), брак, простои и прогулы по одной только ленинградской промышленности привели в 1929 г. к потере около 300 млн руб.⁴

¹ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 199.

² История СССР. 1968. № 3. С. 62.

³ Правда. 1988. 28 окт.

⁴ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 223.

Негативные тенденции, связанные с чересчур быстрым ростом численности рабочих, нерасходом капиталовложений, медленным увеличением производительности труда, не могли не сказаться на величине заработной платы. Немалое влияние на динамику реальных доходов оказывало и положение в сельском хозяйстве. Однако снижение реальных доходов сопровождалось быстрым ростом номинальной заработной платы при одновременном росте цен на предметы потребления¹. Характерным для этих процессов было то, что динамика цен отрывалась от движения себестоимости продукции, а динамика заработной платы — от изменений в производительности труда (см. табл. 1).

Таблица 1

**СООТНОШЕНИЕ ЕЖЕГОДНОГО РОСТА
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ (В% К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ)**

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Производительность труда	112,2	112,9	109,7	107,6	102,6
Заработная плата	111,8	110,0	108,2	114,4	124,4

Источник: *Маслова Н.С.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР (1928—1932 гг.). М.: Наука, 1983. С. 107.

Такое соотношение производительности труда и зарплаты в свою очередь повлияло на рост себестоимости продукции. Рост среднегодовой зарплаты перекрыл плановые наметки пятилетки, составив в 1932 г. 144,1% к плану (в промышленности — 123,9%), она увеличилась с

¹ *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917 — 1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 163.

1928 по 1932 г. на 103,6%, т. е. более чем вдвое¹. По первому пятилетнему плану себестоимость промышленной продукции должна была сократиться на 35%, оптовые цены по группе «А» — на 21,1, по группе «Б» — на 12,6%. Фактически же уровень себестоимости при некоторых колебаниях почти не изменился, цены в группе «А» снизились на 0,4%, а в группе «Б» возросли на 112,9%. Некоторый рост (хотя и небольшой) себестоимости промышленных изделий привел к сокращению прибылей промышленности, а в 1931 — 1932 гг. — к ее убыточности.

В результате финансирование капиталовложений уже не могло основываться на собственных накоплениях промышленности. Тем более что прибыли хозрасчетных предприятий стали почти полностью изыматься бюджетом и государственной банковской системой. Положение о трестах 1927 года увеличивало хозрасчетную самостоятельность предприятий и трестов, сокращало общий размер изъятий из прибыли, оставляя в их руках специальный капитал расширения, часть которого мобилизовалась банковской системой. Законы же 1929 и 1930 гг. последовательно сокращают долю прибыли, остающуюся у предприятия. Если в 1929 г. это делается еще довольно осторожно и изъятия из прибыли не достигают даже величины, характерной для 1923—1927 гг., хотя одновременно усиливается мобилизация собственных средств предприятия банковской системой, то закон от 9 сентября 1930 г., не церемонясь, отхватывает у предприятий сразу 81% прибыли².

Безусловно, такая политика позволяла усиливать бюджетное перераспределение средств, концентрируя их на важнейших направлениях; кроме того, оставшуюся у предприятия прибыль было в сложившихся

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. — Л.: Стандарты и рационализация, 1933. С. 268, 29.

² Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 — 1950 гг.). М.: Наука, 1978. С. 160, 260.

условиях трудно потратить, не заручившись разрешениями или поддержкой вышестоящих органов, поскольку материальные ресурсы стали распределяться по фондам. Но стимулировало ли это предприятия к повышению эффективности их работы, в том числе и за счет предоставляемых им немалых бюджетных средств? Есть серьезные основания полагать, что эффект был как раз обратный. И этот эффект проявился достаточно явно, несмотря на очевидный энтузиазм и массовый трудовой героизм строителей нового общества.

На индустриализацию были брошены колоссальные по масштабам и возможностям страны средства. За один только год — с 1928/29 по 1929/30 — объем капиталовложений в промышленность вырос с 1819 до 4775 млн руб.¹ И концентрация таких ресурсов в столь короткие сроки отзывалась в народном хозяйстве страны очень большим напряжением.

По пятилетнему плану капитальные вложения в промышленность на 50% должны были быть произведены за счет самой промышленности. Для обеспечения этого результата предполагалось на 35% снизить себестоимость промышленной продукции. Однако сами составители пятилетки понимали нереальность этой задачи. Председатель ВСНХ В.В. Куйбышев писал в личном письме: «Вот что волновало меня вчера и сегодня: баланса я свести не могу, и так как решительно не могу пойти на сокращение капитальных работ (сокращение темпа), придется брать на себя задачу почти непосильную в области снижения себестоимости»².

По плану остальные 50% капиталовложений должны были дать кредиты и бюджетные средства, слагавшиеся как из отчислений промышленности, так и из поступлений от других частей народного хозяйства, а также от населения. В действительности капитальные

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 50.

² Цит. по: Правда, 1988, 21 окт.

вложения более чем в 3,5 раза превзошли собственные ресурсы накопления в промышленности¹. Что касается доли бюджетного финансирования в общей сумме капиталовложений, то установить ее мне не удалось².

В экономической литературе нет данных о доле отчислений от прибылей промышленности за длительный ряд лет. Достаточно ясное представление об источниках бюджетного финансирования капиталовложений может дать сопоставление размеров этого финансирования с отчислениями в бюджет от прибылей предприятий всех отраслей государственного хозяйства и с налогом с оборота. В 1931 — 1932 гг. общая сумма бюджетного финансирования промышленности составила 21,4 млрд руб., отчисления от прибылей государственных предприятий — 4,2, а налог с оборота — 31,3 млрд руб.³ Именно несоразмерно большой рост поступлений в бюджет из этого последнего источника и обеспечил скачок в размахе финансирования промышленности, особенно в завершающие годы пятилетки.

Налог с оборота уплачивают главным образом предприятия торговли и легкой промышленности из той

---

¹ Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917 — 1950 гг.). М.: Наука, 1978. С. 169.

² В. П. Дьяченко приводит данные о размерах бюджетного финансирования капиталовложений, но их оказалось невозможно сравнить с общей суммой вложений в промышленность, ибо разные источники приводят значительно расходящиеся данные о капиталовложениях. И. В. Сталин в докладе на XVI съезде ВКП (б) приводил эти данные дважды и каждый раз называл различные ряды цифр, отличающиеся в свою очередь от данных, приведенных на этом же съезде В. В. Куйбышевым (XVI съезд ВКП(б). Стенограф, отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 26, 50, 477). Различные данные (к тому же несопоставимые) приводит и сам В. П. Дьяченко (Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917 — 1950 гг.). М.: Наука, 1978. С. 152, 168), расходясь при этом с данными «Истории социалистической экономики СССР» (История социалистической экономики СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 152, 248).

³ Рассчитано по: История социалистической экономики СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 486—487; 43. С. 262.

10 мифов об СССР

части своего дохода, которую они получают за счет установления цен значительно выше себестоимости. Налог с оборота представляет собой, таким образом, косвенный налог на потребителя. Следовательно, обеспечивая большую часть доходов бюджета, налог с оборота аккумулирует в себе не только прибавочный продукт промышленности, но и прибавочный продукт сельского хозяйства, часть необходимого продукта и часть фонда возмещения. В результате норма реального накопления резко подскочила: с 14,3% в 1928 г. до 44,2% в 1932 г. (соответственно норма потребления резко упала). В целом же фонд накопления за пятилетку вырос в 4,8 раза¹.

За счет каких же источников пополнялся налог с оборота, росший так быстро? Объем производства в отраслях легкой и пищевой промышленности рос явно не так, чтобы каждый год почти удваивать налог с оборота. Как же были получены эти средства? Некоторое представление об этом дает табл. 2.

Таблица 2

ДИНАМИКА ОТПУСКНЫХ ЦЕН НА ПРОДУКЦИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (в%)

	1927/28 г.	1928/29 г.	1930 г.	1931 г.	I полугодие 1932 г.
Тяжелая и лесная промышленность	100,0	98,5	96,2	96,8	99,8
Легкая промышленность	100,0	100,2	103,4	138,8	181,2
Пищевая промышленность	100,0	106,4	132,3	177,7	220,5

Источник: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 158.

¹ Кульчицкий С.В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926 — 1937 гг.). Киев: Наукова думка, 1979. С. 22, 247, 220.

Рост цен в легкой и пищевой промышленности далеко обогнал рост себестоимости, приведя к превращению высоких розничных цен в канал перераспределения доходов рабочих и крестьян через бюджет, делая их источником финансирования капиталовложений. Рост цен потребовал большей денежной массы в обращении, т. е. эмиссии бумажных денег. Однако только шестая часть прироста эмиссии бумажных денег обслуживала номинальный (не говоря уже о реальном) прирост товарооборота. Если в 1927 г. на 1 руб. денежной массы, находящейся в обращении, приходилось товаров на 9 р. 53 к., то в 1930 г. — 4 р. 53 к. Рубль обесценился более чем вдвое¹. Эмиссия обгоняла даже рост цен. Нарастали инфляционные процессы в экономике.

В чем же причина столь негативных явлений в финансовой сфере, почему наметки пятилетнего плана, предполагавшего развитие экономики на базе снижающихся цен, не оправдались?

Основной причиной был созданный волевым нажимом чрезмерно оптимистический расчет эффективности вновь строящихся предприятий и сроков их возведения и освоения в принятом варианте пятилетнего плана. Нежелание отступить от первоначальных предположений, когда стала выявляться их необоснованность, и даже попытка резко превысить первоначальные плановые задания влекли пагубные последствия.

Это привело, во-первых, к значительному перерасходу капитальных вложений на достижение запланированных результатов: при плановом объеме 19,1 млрд руб. капитальные вложения в промышленность составили 24,8 млрд руб.² Одно это уже вело к значительно-

---

¹ Кульчицкий С.В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926 — 1937 гг.). С. 132.

² Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. — Л.: Стандарты и рационализация, 1933 г. С. 254.

му бюджетному напряжению. Но поскольку промышленность не справилась с нереальной программой снижения себестоимости, а следовательно, и с планом внутрипромышленных накоплений, это еще более усилило нагрузку на бюджет.

Во-вторых, для реализации такой программы капиталовложений пришлось привлечь значительно больше людей, чем предполагалось. Если учесть, что почти единственным источником дополнительной рабочей силы была деревня, дававшая совершенно неквалифицированные кадры, то станет ясно, почему не могла быть достигнута и запланированная величина прироста производительности труда. Рост численности рабочей силы в городах требовал и большего, чем предполагалось, фонда продовольствия и предметов потребления. Перерасход капитальных вложений в тяжелой промышленности оголил легкую промышленность, не давшую и запланированных объемов производства. В сочетании с падением сельскохозяйственного производства это резко сузило возможности снабжения как в городе, так и в деревне. В такой ситуации неизбежными стали рост цен и снижение жизненного уровня населения.

Финансирование капитальных вложений, как уже было показано ранее, стало покрываться в основном за счет косвенных налогов на потребителей промышленных товаров, необходимость увеличения которых (сведенных с 1930 г. в единый налог с оборота) и обусловила рост как оптовых, так и розничных цен на предметы потребления.

Разумеется, можно было пойти по другому пути — не повышая цен, сдерживать рост номинальной заработной платы. Но тогда государственный бюджет лишился бы возможности перекачки чистого дохода населения, в первую очередь сельскохозяйственного, на нужды финансирования промышленности путем неэквивалентного обмена. Можно было бы и увеличить прямые налоговые изъятия из сельского хозяйства. Однако эконо-

номическая политика пошла по пути использования не прямых, а косвенных налогов. Это вынуждало увеличивать заработную плату работников промышленности скорее в зависимости от роста цен, нежели от движения производительности труда. Недостающие в результате плановых просчетов миллиарды забирали у трудящихся как города, так и деревни путем увеличения косвенных налогов и соответствующего вздутия цен.

Председатель Правления Центросоюза И. Е. Любимов жаловался на XVI партконференции, что когда промышленность в III квартале 1929 г. снижает себестоимость на 3% вместо 7% по плану и в результате обнаруживается нехватка средств на капитальное строительство, то «из потребительской кооперации делается изъятие 28 млн рублей кредита в одном третьем квартале вместо запроецированного сокращения банковского кредита на 20 млн руб. за год. Я уже не говорю об известном факте, что нынче кооперация уплачивает на 60 млн руб. больше налогового обложения и на 60 млн руб. примерно изымается кредитов вместо запроецированных Госпланом и Наркомфином добавочных 30—50 млн рублей»¹. И. Е. Любимов, судя по всему, полагал, что основной экономической задачей потребительской кооперации является улучшение снабжения населения, и просил оставить хоть немного средств на совершенствование торговых точек. Но вскоре из кооперации стали выкачивать еще больше средств и уже безо всяких жалоб с ее стороны.

Требовать в таких условиях, когда косвенные налоги и инфляция стали неотъемлемыми факторами финансирования промышленности, снижения розничных цен, да еще и обращать это требование к потребительской кооперации, как это сделал И. В. Сталин на XVI съезде

---

¹ XVI конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: Госполитиздат, 1962. С. 189.

ВКП (б)¹, — это либо недомыслие, либо сознательное лицемерие.

По подсчетам А. Н. Малафеева, номинальная заработная плата рабочих и служащих увеличилась за 1928—1932 гг. в 2,26 раза, а индекс цен государственной и кооперативной торговли вырос в 2,5 раза. В результате реальная заработная плата в 1932 г. составила 88,6% уровня 1928 г.² При определении динамики реальных доходов рабочих и служащих следует обратить внимание еще на ряд факторов. Если в 1927/28 г. бесплатные услуги добавляли 32,6% к номинальной зарплате, то в 1932 г. — уже 37,5%³. Однако в сторону понижения уровня реальных доходов действовал огромный рост цен на частном рынке, не учтенный А. Н. Малафеевым в его расчетах. А ведь роль его в снабжении городского населения была достаточно велика: так, неземледельческое население страны тратило на закупку у частника сельскохозяйственных товаров 49,3% всей суммы своих расходов на эти товары⁴.

На снижение реальных доходов городского населения повлиял также тот факт, что количество людей, находящихся на государственном снабжении, выросло с 1930 по 1932 г. более чем в 1,5 раза и составило 40,3 млн человек⁵. В то же время рыночные фонды на промтовары увеличились с 1930 по 1932 г. на 1,5%, а на продо-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 43.

² Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 174.

³ Баевский И. Фонды коллективного потребления: об уровне жизни пролетариата СССР. М. — Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. С. 26.

⁴ Кульчицкий С.В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926 — 1937 гг.). Киев: Наукова думка, 1979. С. 124.

⁵ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 134.

вольственные товары — уменьшились на 24,8%¹. Совокупность этих факторов привела к ухудшению структуры питания населения — росту потребления хлеба и картофеля при сокращении потребления мяса, масла и других молокопродуктов².

Однако, несмотря на некоторое сокращение реальных доходов рабочих и служащих в течение первой пятилетки, они все же превышали уровень, достигнутый до революции, поскольку уже к 1927 г. уровень 1913 г. был превышен на 28,4%³. Сокращение же реальных доходов за 1928—1932 гг. составило около 20%. Ошибки и трудности первой пятилетки не могли ослабить волю рабочего класса СССР к тому, чтобы своим трудом поставить дело социализма в нашей стране на прочную индустриальную базу. Трудовая и социальная активность рабочего класса, направленная на преодоление недостатков экономического развития, позволила все же достигнуть многих рубежей, намеченных пятилетним планом.

Именно годы первой пятилетки стали временем массового рождения рабочих инициатив. В 1929 г. из ударных бригад возникли производственные коммуны, работавшие на единую расчетную книжку, заработок с которой распределялся уравнительно. Первоначально предполагалось, что в такие коммуны будут объединяться исключительно передовые, сознательные рабочие. Но фактически коммуны нередко складывались из молодых, малоквалифицированных рабочих, стремившихся не столько к росту коллективизма и производительности труда, сколько к обеспечению некоего небольшого гарантированного заработка, удовлетворяющего минимальные потребности. Это послужило в

---

¹ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917 — 1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 172.

² Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 136.

³ История советского рабочего класса. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 235.

1931 г. основанием для осуждения коммун как вводящих мелкобуржуазную уравниловку¹.

В 1929 г. возникло движение за добровольное снижение расценок и пересмотр норм. В конце мая 1929 г. с такой инициативой выступили ленинградские рабочие². Вопрос о нормах и расценках был в 20-е годы (да и сейчас остается) одним из самых болезненных вопросов во взаимоотношениях рабочих и администрации. Произвольный пересмотр норм и снижение расценок администрацией нередко приводили к трудовым конфликтам, вплоть до забастовок. Взяв пересмотр норм в свои руки, рабочие стремились не только почувствовать себя хозяевами производства, но и на деле вести себя как хозяева. Принимать меры, прямо не ведущие к росту зарплаток (и даже наоборот), ради стимулирования увеличения выработки могут только люди, считающие себя действительными хозяевами своего рабочего дела.

К сожалению, хозяйственные руководители не изменили своего прежнего отношения к пересмотру норм и расценок, рассматривая его лишь как средство давления на рабочих, побуждающее их поднимать выработку. Добровольный пересмотр норм и расценок не был подкреплен материальными стимулами. Это движение свелось к эксплуатации энтузиазма рабочих и поэтому, не получив широкого распространения, в значительной мере угасло, хотя и не исчезло совсем.

Началось также широкое распространение бригадного хозрасчета. Первая хозрасчетная бригада была создана в феврале 1931 г. литейщиками Невского машиностроительного завода³. На Киевском машино-

---

¹ *Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И.* Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. С. 103 — 104.

² Вопросы истории. 1978. № 3. С. 204.

³ *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. С. 159.

строительном заводе им. В. И. Ленина, выступившем одним из инициаторов этого почину, к 1 июля 1931 г. работало 128 хозрасчетных бригад, охвативших более тысячи человек. К 1 апреля 1932 г. более 1/3 рабочих в важнейших отраслях промышленности состояли в хозрасчетных бригадах. По данным ЦК профсоюза рабочих машиностроения, бригадный хозрасчет охватывал в 1932 г. 37,9% металлистов¹.

В рамках бригадного хозрасчета повседневное руководство бригадой со стороны администрации предприятия заменялось заключением между бригадой и администрацией договора, в котором бригада брала на себя обязательства достичь запланированных производственных результатов при снижении себестоимости, обеспечив определенное сокращение затрат сырья, материалов, рабочего времени и т. д. Бригады не только улучшали качество экономических расчетов, на основе которых строили свою деятельность, но и стремились обрести экономическую самостоятельность, взять на себя экономическую ответственность за дело. Работа в хозрасчетных бригадах демонстрировала трудящимся зависимость результатов труда и затрат от общих условий организации и планирования производства на предприятии. Постепенно они начали осознавать необходимость участия в решении этих вопросов, поначалу стараясь добиться лишь более качественного их решения администрацией предприятия. Так, 36 токарей-карусельщиков Ленинградского завода-втуза котло-турбостроения обратились с открытым письмом к начальнику цеха:

«...Самым слабым звеном во всей нашей работе оказалось внутризаводское планирование...

...Мы готовы сделать и сделаем все, что в наших си-

---

¹ Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М.: Мысль, 1973. С. 113, 124.

лах, чтобы план перевыполнить. Подтяните техническое руководство, установите действительное единоначалие, и в первую очередь поставьте дело планирования, ускорьте переход на хозрасчет»¹.

Таким образом начала ощущаться необходимость самостоятельного участия рабочих в планировании производства. В декабре 1928 г. VIII съезд профсоюзов принял резолюцию, в которой говорилось: «Отмечая, что существующая система планирования чрезвычайно затрудняет участие профорганов и рабочих масс в выработке планов, съезд обращает внимание ВСНХ и НКПС на необходимость усовершенствования системы планирования промышленности и транспорта и поручает ВЦСПС совместно с ВСНХ и НКПС разработать конкретный порядок прохождения как годовых, так и пятилетнего планов развития промышленности с таким расчетом, чтобы обеспечить широкое участие рабочих масс и профсоюзных организаций сверху до низу в разработке этих планов»².

Вскоре потребность рабочих принять активное участие в улучшении дела планирования и организации производства вылилась в движение за встречный промфинплан. Это движение возникло в одном из цехов Ленинградского завода текстильного машиностроения им. К. Маркса, а затем распространилось на все предприятия города. 30 июля 1930 г. «Правда» опубликовала их призыв к рабочим металлургических предприятий последовать примеру машиностроителей. В январе 1931 г. рабочие завода «Электроаппарат» обратились ко всем рабочим Советского Союза с предложением: «Немедленно начать снизу (от бригады) проработку

¹ Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. С. 114.

² Восьмой съезд профсоюзов СССР (10 — 24 декабря 1928 г.). Пленумы и секции. Полный стенограф. отчет. М.: Изд-во ВЦСПС, 1929. С. 554.

встречных промфинпланов борьбы за качественные показатели»¹. На предприятиях стали создаваться плано-оперативные группы из рабочих и специалистов для проработки встречных промфинпланов. Это движение привело затем к возникновению сменно-встречного планирования, к разработке и принятию ударными бригадами встречных плановых заданий для каждой смены².

Встречный промфинплан позволял инициативе рабочих выйти за пределы бригады, цеха и даже предприятия, включившись в проработку плановых вопросов, затрагивавших отношения данного коллектива со смежниками и с хозяйственно-экономическими органами. От своего рабочего места, от решения узкопроизводственных проблем рабочие поднимались до активного включения в важнейшие моменты социально-экономических отношений социализма, подводя под социалистическое плановое хозяйство массовую социальную базу. Рабочий учет и контроль получили форму, позволявшую ему органически войти в систему отношений планирования общественного производства.

«...Контрольные цифры Госплана, трестов и заводуправлений, спущенные вниз, должны быть выверены рабочими на основе своей практики, а затем пойти в обратный путь — от станка к заводууправлению, к тресту, к Госплану с новыми максимальными хозяйственными наметками». При этом рабочие и специалисты ставили не только вопросы повышения выработки, снижения затрат и т. п. Поднимались такие проблемы, как изменение специализации предприятия, перераспределения номенклатуры производства между смежными предприятиями. На заводе имени Сталина в ходе обсужде-

---

¹ *Лебедева Н. Б., Шкаратан О. И.* Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. С. 108—109.

² Там же. С. 111—112.

ния встречного плана было предложено перейти от штучного выпуска мелких турбин к серийному производству крупных. Рабочие Московского инструментального завода предложили провести специализацию между ними и Сестрорецким, Тульским и Златоустовским заводами, которые до этого выпускали одни и те же типоразмеры инструментов едва ли не по всей их гамме¹.

Участие рабочих в выработке встречного плана влекло за собой и постановку вопроса об их участии в контроле за выполнением этого плана: «...рабочие, создавшие встречный промфинплан, должны иметь постоянное наблюдение за оперативным планированием производства»². Экономисты уже ставили проблему развития созданного творчеством масс встречного промфинплана вплоть до полной перестройки всей системы планирования. Б.С. Борилин писал в связи с этим: «Огромную прямо революционную роль играет *встречный промфинплан*, который полностью должен изменить, перестроить нашу плановую систему»³.

Однако встречный план очень быстро столкнулся с хозяйственно-политическими условиями, не желавшими перестраиваться «под встречный», а, наоборот, оттеснявшими встречный промфинплан в сторону. Это проявилось в явно выраженном стремлении хозяйственников брать заниженные планы, чтобы застраховать себя от срывов. Такое стремление было вполне объяснимо в условиях, когда любой срыв влек за собой жесткую административную, а подчас судебную ответственность. Незаинтересованность хозяйственников во вскрытии резервов, в работе с высоким напряжением, чреватой неудачами, которые могли им дорого обойтись, распространилась и на руководителей проф-

¹ Большевик. 1930. № 15 — 16. С. 17, 19, 20.

² Большевик. 1930. № 18. С. 59.

³ Большевик. 1931. № 5. С. 37.

союзных органов. «...Эффективность массовых предложений понижается равнодушным отношением проф-организаций к постановке учета экономического эффекта и премированию рабочих за предложения», — отмечал М. Рафаил¹.

Другой формой, направленной на укрепление взаимодействия трудовых коллективов смежников и также рожденной инициативой рабочих масс, стал «общественный буксир». «Общественный буксир» зародился на шахте им. Артема в Донбассе, когда шахтеры послали бригаду из лучших рабочих и специалистов ликвидировать отставание на соревнующейся с ними шахте им. Октябрьской революции². Активность в распространении этого почина проявили ленинградские рабочие. К октябрю 1930 г. в Ленинграде на «общественный буксир» было взято 25 заводов³. На 1 июля 1931 г. в стране действовало 413 «буксирных» бригад (10 486 человек), на 1 января 1933 г. — 1019 бригад (25 975 человек)⁴. 19 июля 1931 г. газета «Правда» оценила «общественный буксир» как «опыт социалистической взаимопомощи»⁵.

Взаимодействие между коллективами смежников налаживалось и в других формах. Рабочие завода «Красный путиловец» в Ленинграде 28 января 1929 г. предложили организовать переключку с заводами — поставщиками сырья⁶. «Переключка цехов и заводов» помогала

¹ Большевик. 1931. № 5. С. 54.

² Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. С. 105.

³ Лебедева Н.Б., Шкартан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. С. 107 — 108.

⁴ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 269.

⁵ Партия в период наступления социализма по всему фронту, создания колхозного строя (1929 — 1932 гг.): Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. С. 389.

⁶ Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928 — 1932 гг.): Сб. документов и материалов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 44.

выявлению хозяйственных проблем смежных производств, налаживанию более прочных кооперационных связей. Этой цели служили также конференции смежных производств, социалистическое соревнование между потребителями и поставщиками.

Однако развитие социалистического соревнования и других форм инициативы рабочего класса в сфере производства натолкнулось на серьезнейшие препятствия. Рабочая инициатива, выражая, пусть и в далеких от совершенства формах, объективные экономические потребности, будучи реальным проявлением социально-экономического творчества пролетариата, все же осталась как бы по ту сторону складывающейся экономической структуры социализма, как вроде бы желательный, но не обязательный довесок к этой структуре. Как ни прискорбно это констатировать, но творчество масс в конечном счете не оказало тогда сколько-нибудь заметного влияния на устойчивые, закрепленные формы хозяйственного механизма, не смогло стать силой, преобразующей этот механизм. Наоборот, бюрократические деформации, складывающиеся в производственных отношениях социализма и закрепленные в формах хозяйственного механизма, оказали негативное влияние на результаты социально-экономического творчества масс, постепенно отторгая формы, созданные этим творчеством.

Инициатива масс встречала широкую поддержку, но лишь на словах. Приказов и инструкций о развитии соревнования и распространении починов хватало с избытком, но это вело только к формализации инициативы. Если инициатива снизу встречает упорное сопротивление стереотипов хозяйствования, то остаются лишь две возможности. Либо массы ломают эти стереотипы, либо идеологическая поддержка и поощрение инициатив, «не вписывающихся» в хозяйственную систему, приводят к их формальному распространению, рассчитанному на показную шумиху.

Некоторые представители партийных организаций на местах сознавали, что одними призывами к рабочему классу соревнование не исчерпывается, грозя иначе превратиться в прикрытый цветистыми фразами понукающий рефрен: «Давай, давай!» Еще не была забыта — хотя бы на словах — ленинская постановка вопроса в статье «Как организовать соревнование», связывавшая социалистическое соревнование с развертыванием всенародного учета и контроля, и потому, например, МК ВКП (б) и МК ВЛКСМ записали в своем обращении: «...тащить на суд масс вопросы повседневной экономики»¹. Но этот призыв повис в воздухе. Партийная и советская бюрократия вовсе не желала выставлять свои ошибки и промахи на суд масс.

Опасения о выхолащивании сути соревнования были небесспорными. Член Президиума ВСНХ И.А. Краваль в 1929 г. констатировал: «...опыт работы истекших месяцев показывает, что большинство рабочих еще не участвуют в соревновании. Мы нередко значительную часть парадного соревнования принимаем за действительность. К сожалению, нередко случаи, когда в ряде районов и на ряде предприятий ограничались только парадной частью соревнования. Работа по проверке выполнения принятых на себя обязательств поставлена слабо, а в ряде случаев совершенно отсутствует»².

Если бы это были только трудности роста, то на этих оценках, может быть, и не стоило бы заострять внимание. Однако дальнейшее развитие событий свидетельствовало, что проявления рабочей инициативы во все большей степени попадают в положение лишь

---

¹ Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926 — 1929 гг.): Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 459.

² Большевик. 1929. № 15. С. 31.

подсобных средств для поднятия выработки и отторгаются в тех случаях, когда начинают хоть в какой-то мере посягать на прерогативы административной иерархии управления, требовать изменений в привычных стереотипах существования управленческого аппарата.

Сводка Уралпрофсовета за 28 сентября 1930 г. дает немало примеров, достигнутых за счет соревнования роста качества продукции, добровольного пересмотра норм и расценок, роста увлеченности рабочих своим трудом. Но наряду с этим нередко указываются и такие факты, когда ударничество в труде достигается за счет удлинения рабочего дня, вольного обращения с техникой безопасности и т.д.¹ Факты подобного рода были повсеместным явлением в строительстве, но, как показывает сводка, в промышленности соревнование нередко сводилось к тем же требованиям — темпы любой ценой, план любой ценой. Такое соревнование поддерживалось и поощрялось. Напротив, когда рабочие намеревались заглянуть немного дальше собственного носа и действительно вынести на собственный суд вопросы повседневной экономики, то результаты оказывались иными.

«Общественный буксир», рожденный собственной инициативой рабочих в 1931 г., получил в следующем, 1932 г., наибольший размах. Однако затем движение пошло на убыль. Слишком уж неприятными для администрации предприятий, да и вышестоящих хозорганов, были самостоятельные выяснения рабочими обстоятельств плохой работы того или иного завода и, более того, успешное практическое доказательство того, что рабочие и специалисты своими усилиями могут решить задачи, о которые спотыкаются руководящие хозяйственники. Да и вообще — приходят на завод чу-

---

¹ Партия в период наступления социализма по всему фронту, создания колхозного строя (1929 — 1932 гг.): Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. С. 322 — 324.

жие люди, с другого предприятия, а то и вообще из другого ведомства, суют свой нос куда не надо, да еще и учат как работать!

Незавидной оказалась и судьба хозрасчетных бригад. Между ними началось соревнование за проведение режима экономии, за снижение себестоимости продукции, но оно тут же оказалось «возмутителем спокойствия». О том, какие результаты по снижению себестоимости были достигнуты в годы первой пятилетки, я уже говорил. Вместо снижения она *начала расти*. И не удивительно. Обследование, проведенное Наркомфином в первом полугодии 1931 г., установило: «...Какое имеется в работе завода общее снижение себестоимости и какова его прибыль, определить невозможно... за отсутствием калькуляций по всему производству»¹. В условиях борьбы за план и темпы любой ценой, когда хозрасчетные итоги деятельности предприятия отходили на задний план, трудно было рассчитывать на иные последствия, сказавшиеся и на хозрасчетных бригадах. «...После 1932 г. движение по созданию хозрасчетных бригад пошло на убыль, так как отсутствие подлинного хозрасчета как в цехе, так и на предприятии в целом сводило на нет усилия таких бригад»².

В безвыходную ситуацию было поставлено встречное планирование. Эта форма плановой работы могла стать эффективным орудием раскрепощения инициативы трудового коллектива. Встречный план создавал возможность выдвижения коллективами таких плановых проектов, которые основывались на непосредственном производственном опыте трудящихся, на их собственных экономических интересах, на практике взаимодействия со смежниками. На такой основе реаль-

---

¹ Кульчицкий С.В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926 — 1937 гг.). С. 162.

² Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. С. 111.

ной становилась критическая проверка трудящимися первоначальных наметок плановых органов. Для этого трудовой коллектив должен был получить определенную самостоятельность в плановой работе, определенный статус для своего встречного плана, определенные права по решению плановых вопросов. Соответственно должны были быть определены, т.е. поставлены в четкие границы, и прерогативы вышестоящих плановых органов. Однако такая постановка вопроса не устраивала ни хозяйственную, ни политическую бюрократию, стремившуюся сохранить за собой монополию на установление всех условий производства, на командование трудовыми коллективами. Сразу же обнаружилось стремление бюрократии поставить встречное планирование в жесткие рамки, превратить его лишь в способ значительного повышения заданий, спущенных сверху.

Журнал «На плановом фронте» одергивал: «В очень многих случаях встречный промфинплан понимается как самостоятельный план, особый план, идущий снизу навстречу другому плану, идущему «сверху». Это прямо противоречит основным принципам социалистического планирования» (20).¹ Журнал, правда, стыдливо оговаривался, что допустимы и «два плана», если в хозяйственном аппарате не изжиты еще бюрократические извращения. Но такое понимание роли плана, идущего снизу, превращало его неизбежно в придаток к решениям вышестоящих органов. В этих условиях декларация: «Разработка массами встречных планов должна быть обеспечена с самого начала как органическое звено всей работы над планом плановых органов, ведомств, Госплана, объединений и заводууправлений, обязанных к началу составления встречного плана сообщить рабочим организациям необходимый минимум

¹ На плановом фронте. 1931. № 27. С. 25.

показателей (народнохозяйственный лимит топлива, сырья, капитальных работ, потребность в изделиях и т. д.)»¹, — оборачивалась пустым благопожеланием.

Рабочие инициативы не получили поддержки со стороны политических руководителей, и потенциал самостоятельной организованности рабочего класса оказался недостаточным, чтобы против воли своих лидеров все же сломать бюрократическую систему хозяйствования.

Несмотря на такие неблагоприятные условия, рабочие инициативы угасли не сразу. Энергия и настойчивость рабочего класса, пробужденные борьбой за дело социализма, не позволяли отступать, когда речь шла о том, чтобы собственными усилиями выправить недостатки, проявлявшиеся то на том, то на другом участке социалистического строительства. Только героизм рабочего класса оказался способен преодолеть многочисленные трудности и ошибки в развитии народного хозяйства, позволил экономике удержать в целом высокие темпы индустриального развития.

Но ведь, не пойдя на эти героические усилия, не жертвуя жизненным уровнем населения, наверное, нельзя было сохранить запланированные темпы индустриализации?

Давайте разберемся, для чего и почему потребовались эти жертвы и что бы случилось, если бы они не были принесены.

Была ли достигнута цель — увеличить темпы экономического развития страны? Нет. Если сравнить темпы роста промышленности в 1926—1928 гг., предшествующих пятилетке, когда уже завершился восстановительный процесс в промышленности, то вырисовывается следующая картина: в 1926—1928 гг. среднегодовые темпы прироста промышленного производства состав-

---

¹ На плановом фронте. 1931. № 7. С. 3.

ляли 21,7%, а в годы первой пятилетки—19,2%¹. Причем прирост капиталовложений в 1926—1928 гг. был несравненно меньше, чем в годы пятилетки. Фактическая кривая роста промышленного производства по годам пятилетки оказалась близка к многократно осужденной «затухающей кривой». Этот идеологический ярлык приобрел силу поистине символа веры. Не стоит удивляться, что экономист Б.С. Борилин, привычно осуждая установку на «затухающую кривую» как «троцкистскую», противопоставляет ей первую пятилетку, наглядно демонстрирующую, по приведенным им самим фактическим данным, именно эту же самую «затухающую кривую»².

Такое распределение темпов роста промышленно-сти по годам было прямым следствием авантюристического курса на безоглядное наращивание капиталовложений. Экономика не справлялась с непомерно разбухшим капитальным строительством. Темпы роста объемов производства и производительности труда стали падать, цены и себестоимость — расти. Тем самым была сорвана реальная возможность провести экономику по пути, намечавшемуся отправным вариантом пятилетки, а может быть, и достичь наметок оптимального варианта³.

Стоило, видимо, прислушаться к специалистам Госплана, предлагавшим именно эти два варианта пятилетки, не подвергать отправной вариант осуждению как минималистский, а тем более не пытаться вырваться за пределы оптимального варианта, и так составленного в расчете на возможно более благоприятные условия.

Один из разработчиков первой пятилетки С.Г. Струмилин пытался предостеречь против вступления на

¹ История социалистической экономики СССР. Т. 3. М.: Наука, 1977. С. 107.

² Большевик. 1933. № 1—2. С. 79, 87.

³ Коммунист. 1987. № 18. С. 83—84.

этот путь. Он заявил на VI Всесоюзном съезде плановых работников в сентябре 1929 г., что считает преждевременными разговоры о превращении пятилетки в четырехлетку или трехлетку. Не надо делать скороспелых выводов на основании успехов отдельных участков народного хозяйства¹. Но возражения прекратились, когда И.В. Сталин на XVI съезде ВКП (б) широкоवेशательно объявил о том, что задания пятилетнего плана по нефтяной промышленности будут выполнены в 2,5 года, по торфяной промышленности — в 2,5, по общему машиностроению — в 2,5, по сельскохозяйственному машиностроению — в 3, по электротехнической промышленности — в 3 года². Сталин рисовал картину непрерывно растущих темпов развития промышленности: 1928/29 г.—124,3%; 1929/30 г.—132, 1930/31 г.—147%.

Но, может быть, тут просто несколько преувеличенный оптимизм, вызванный беспрецедентными успехами? И потом, пятилетку ведь все же выполнили досрочно, за 4 года?

Вот лежит передо мной на столе небольшая книга в темно-синем переплете, с потускневшими золотыми буквами на обложке: «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР»³. Стоит только заглянуть в нее, чтобы убедиться в мифологическом характере досрочного выполнения первой пятилетки. Она была сорвана в сельском хозяйстве по всем показателям, в промышленности — по подавляющему большинству⁴. Особенно сильный провал

---

¹ Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. С. 128.

² XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 27, 50.

³ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. — Л.: Стандарты и рационализация, 1933.

⁴ Коммунист. 1987. № 18. С. 83 — 84.

произошел по качественным показателям — вопреки плану выросли себестоимость продукции, фондоемкость, цены, менее чем наполовину был достигнут запланированный прирост производительности труда¹. Секретная директива Политбюро ЦК ВКП (б) от 1 февраля 1933 г. гласила: «Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ как сводных, так и отраслевых и районных с тем, что и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана»².

И хотя даже официальные цифры демонстрировали невыполнение пятилетки по широкому кругу показателей, никто уже не осмеливался опровергать насквозь лживые победные реляции типа этой: «...задания пятилетнего плана об улучшении материального положения трудящихся города и деревни выполнены, а по решающим и основным показателям перевыполнены»³. Не случайно, однако, в официальных итогах пятилетки отсутствуют показатели потребления в натуральном выражении.

Несмотря на то что плановые наметки не были достигнуты, СССР сделал беспрецедентный шаг вперед по пути индустриализации народного хозяйства. Но можно было бы избежать многих неоправданных потерь, если бы планирование не подменялось нередко про-

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. С. 14, 268; *Маслова Н.С.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР (1928 — 1932 гг.). М.: Наука, 1983. С. 17 — 18; *Кульчицкий С.В.* Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926 — 1937 гг.). С. 129.

² Правда. 1988. 28 окт.

³ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. С. 31.

стой волевой установкой на увеличение темпов. Попытки выполнить план в 2,5—3 года нанесли эффективности экономики серьезный ущерб.

Поэтому не выдерживает элементарной критики распространенное заблуждение, что И.В. Сталин является изобретателем гениального управленческого приема — дать заведомо нереальные задания, вынудить их выполнять под угрозой разного рода санкций, вплоть до самых жестких, и в результате хотя и не получить запланированный результат, но все же получить нечто среднее между строго рациональным и заведомо нереальным результатом. Практика первой пятилетки, однако, неопровержимо свидетельствует, что такой прием приводит к значительному перенапряжению сил, к снижению качественных экономических показателей, к перерасходу ресурсов — и в итоге все равно не дает возможности выскочить из рамок того, что определяется объективными экономическими условиями.

О НЕИЗБЕЖНЫХ ЖЕРТВАХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

ЗАМЫСЕЛ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В том, что крестьянству в нашей стране суждено пойти по пути кооперирования, в конце 20-х годов не сомневался, пожалуй, ни один экономист. Все оттенки мнений — от Н.Д. Кондратьева до Е.А. Преображенского — сходились в признании неизбежности и прогрессивности перехода сельского хозяйства на путь кооперативного производства. Но даже в среде аграрников-марксистов сталкивались весьма разноречивые суждения о том, какой быть кооперированной деревне и как превратить крестьянина из единоличника в «цивилизованного кооператора». Эти споры отражали противоречивость тех реальных экономических предпосылок кооперирования, которые сложились к концу 20-х годов в СССР.

Кооперация очень медленно переходила от своих первичных форм — сбытоснабженческой, кредитной, потребительской, по переработке сельхозсырья, по эксплуатации машин — к производственной кооперации, к коллективным крестьянским хозяйствам. Да и возникавшие первые колхозы оставляли еще желать много лучшего.

В этих колхозах еще чрезвычайно слаба была материально-техническая база крупного коллективного производства (выдвигался даже тезис о «мануфактурном» характере производства в таких хозяйствах). В 1928 г. на Кубани из 1026 новых колхозов только 19 имели

тракторы. Да и другим инвентарем коллективы были снабжены не лучшим образом. Велико было количество слабых мелких колхозов, нередко они распадались или происходили массовые выходы из них¹. В колхозах преобладала беднота — лица без средств производства или со средствами производства до 400 руб. составляли в 1928—1929 гг. 72—78% членов колхозов. На один колхоз приходилось в среднем 17,7 крестьянского двора, и лишь 20% колхозов имели тракторы². Многие организационные слабости колхозов были связаны с почти полным отсутствием в деревне квалифицированных кадров, что ясно осознавалось в тот период: «Трудности, проистекающие от элементарной неграмотности, неизбежно скажутся с еще большей силой в ближайшем будущем в связи с переходом к массовому созданию крупных колхозов»³.

Сложность решения вопроса о техническом и кадровом обеспечении колхозов и полная невозможность в короткие сроки поставить каждый колхоз в этом отношении в более или менее нормальные условия вызвали напряженные поиски выхода. И такой выход был найден в виде тракторных колонн, положивших начало созданию машинно-тракторных станций. Это позволило, концентрируя ресурсы и квалифицированные кадры, обслуживать значительное число хозяйств — как коллективных, так и индивидуальных, на деле демонстрируя преимущества крупных хозяйств в использовании техники.

Но эта форма неизбежно несла в себе противоречия, связанные с попытками преодоления технической отсталости на ограниченной материальной базе. Пути разрешения этих противоречий виделись по-разному.

¹ Большевик. 1928. № 20. С. 75 — 78.

² *Фигуровская Н.К.* Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-е годы. М.: Наука, 1983. С. 129.

³ Большевик. 1929. № 1. С. 45.

Одни выступали против идеи МТС, указывая на то, что это означало бы отчуждение от крестьянства основных средств производства, и полагая, что «единственным правильным решением вопроса о судьбе, перспективах развития колонны (тракторной. — А. К.) является решение о передаче на *определенной ступени развития* колхоза в собственность последнему всего технического оборудования колонны»¹. При всей абстрактной правильности такого подхода реальные материальные возможности не позволяли брать в ближайшей перспективе курс на обеспечение собственной техникой всех колхозов. Кроме того, немаловажное значение имело и сохранение этого мощного рычага воздействия на преобразование крестьянского хозяйства в руках советского государства.

Другие, отмечая противоречия, связанные с известным обособлением работ колхозов и МТС, предлагали для устранения возникающих при этом проблем составлять из МТС и обслуживаемых ею колхозов единый хозяйственный комбинат с общим планом². Однако эта идея не была реализована ни в какой форме, и конфликты на почве взаимоотношений МТС и колхозов долгое время оставались больным местом аграрной экономики.

Наиболее глубокие теоретические разногласия, получившие впоследствии весьма болезненное практическое воплощение, касались оценки природы сельскохозяйственной кооперации. Прекратилось обсуждение вопроса о том, социалистической ли является кооперация в обращении, и была поднята проблема социальной природы производственной кооперации. Взгляды Н.И. Бухарина, отстаивавшего в полемике с Е.А. Преображенским социалистическую природу кооперации в обращении,

¹ Большевик. 1929. № 1. С. 52 — 53.

² Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Т. 2. Ч. I. М.: Изд-во Ком. акад. 1930. С. 160 — 162.

были полностью отвергнуты вместе с осуждением «правого уклона». Утвердился взгляд, согласно которому кооперация в обращении может превратиться в социалистическую лишь постольку, поскольку она перерастает в производственную. Но и относительно самой производственной кооперации преобладающим становился взгляд, что *любая* кооперация, где нет полного обобществления труда и средств производства, является социалистической лишь по организационной форме, в которой происходит переделка мелкотоварного уклада и борются две тенденции — капиталистическая и социалистическая.

Например, выдвигался тезис, что колхозы не являются социалистическими предприятиями, представляя собой промежуточный этап к обобществленным хозяйствам. В противоположность этой позиции существовала другая, согласно которой суть коллективизации заключается не в создании крупных хозяйств, облегчающих государству возможность их регулирования, а затем и полного огосударствления, а в том, что она создает социалистические производственные отношения в коллективном хозяйстве¹.

Позиция, с которой создание колхозов сознательно или подсознательно рассматривалось лишь как средство облегчения манипулирования экономикой сельского хозяйства со стороны государственных органов, не была плодом только теоретического заблуждения. Она была отражением взглядов многих работников партийного, советского и хозяйственного аппаратов, ориентировавшихся на методы административного командования и потому делавших ставку на введение социализма в деревне «лихой кавалерийской атакой». Даже на колхозников они смотрели с подозрением, как на бывшую мелкую буржуазию.

---

¹ Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 54, 57, 58, 61.

Эта позиция выросла, разумеется, не на пустом месте, выступая односторонней реакцией на действительные противоречия колхозного движения, на колебания крестьянства и неустойчивость первых колхозов.

Уровень обобществления в колхозах в 1929 г. был еще весьма низким. Около 60% коллективных хозяйств составляли товарищества совместной обработки земли, где не обобществлялись ни земля, ни средства производства. Но и в сельскохозяйственных артелях стояла проблема соотношения индивидуального и обобщественного секторов. Существовала возможность при распаде колхоза деколлективизации его обобществленных фондов, в том числе и тех средств, которые были получены в результате льгот, предоставляемых государством и сельхозкооперацией, если они не фиксировались в неделимых фондах, т.е. в фондах, не подлежащих разделу между членами колхоза. Поэтому столь острым в практическом плане на всем протяжении создания коллективного строя был вопрос о формировании и закреплении неделимых фондов. Накопление этих фондов стало рассматриваться как решающий момент в превращении коллективной собственности колхозов в социалистическую.

Приведенные выше факты показывают, почему сложно было рассчитывать на быстрый рост и укрепление высших форм производственной кооперации и почему переход к этим высшим формам рассматривался как крайне желательный. Дело было не только в том, что именно эти высшие формы закрепляли социалистические отношения в деревне. Существовал и непосредственный хозяйственный интерес в переводе деревни на рельсы социалистических отношений, связанный с необходимостью резко поднять производительность сельского хозяйства для обеспечения индустриализации, чего сомнительно было добиться на основе мелкокрестьянского производства. «В течение всех последних лет мы в отношении хлебозаготовок и

хлебоснабжения идем *на грани* удовлетворения текущих потребностей, но не имеем ни маневренных фондов, ни необходимого количества зерна для экспорта», — констатировал В.П. Милютин¹.

В этих условиях все большую роль стала играть не оценка реальной ситуации, опирающаяся на научный марксистский фундамент, а надежда как-нибудь побыстрее разделаться с сельскохозяйственными проблемами. Л. Шанин прямо поставил вопрос о том, что нет нужды идти через промежуточные ступени кооперации, а надо сразу вводить самые высшие типы обобществления, сопровождая эту постановку вопроса чисто умозрительными рассуждениями о якобы большей экономической выгодности такого пути. Редакция журнала «Большевик» подвергла Шанина критике за забвение классовой борьбы в деревне. А вот по поводу курса кооперирования крестьян установка редакции на пятилетку шла еще дальше: предполагалось строить расчеты на том, что всем колхозам достанется современная техника, что все колхозы удастся создать крупными, что в них будет обеспечено полное обобществление средств производства².

Авторам таких установок надо было бы вспомнить слова В.И. Ленина, написанные им в самом начале наброска «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства». Эти слова как нельзя лучше вскрывают главный порок многих плановых проектов — порок, в котором создатели этих проектов не желали признаваться и тем губили дело. В.И. Ленин же не стеснялся направлять критику в том числе и в свой собственный адрес: «Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии»³.

¹ Большевик. 1929. № 4. С. 33.

² Большевик. 1929. № 9 — 10. С. 42, 47 — 51, 55 — 56.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 63.

Весьма явственные черты бюрократической утопии видны и в установках редакции «Большевика» — не потому, что выдвигалась линия на создание крупных, хорошо оснащенных колхозов, а потому, что достичь этого результата предписывалось немедленно, перепрыгивая через всяческие промежуточные ступеньки, надеясь сразу прийти к тому, что могло быть только плодом определенного периода развития. А установка на сплошную коллективизацию в кратчайшие сроки превратила в дальнейшем этот подход в подлинную утопию, которая не могла быть реализована и не была реализована.

Однако до осени 1929 года не только сплошная коллективизация, но и форсирование проходившей коллективизации официальными партийными решениями не предусматривались. XVI партконференцией, состоявшейся в апреле 1929 года, были приняты решения, намечавшие рост посевных площадей обобщественного сектора (колхозы и совхозы) к 1933 г. до 26 млн га, т. е. до 17,5% общей посевной площади, рост их удельного веса в валовой продукции — до 15,5, а в товарной продукции зерновых культур — до 43%¹. В колхозах намечалось объединить к концу пятилетки до 18—20% крестьянских хозяйств, т. е. 4,5—5 млн, а всеми видами кооперации охватить не менее 85% крестьянских хозяйств².

Но выполнение этой программы также сталкивалось со значительными трудностями, связанными с невозможностью в кратчайшие сроки получить необходимое количество техники. Эта ситуация стала еще более обостряться, когда увеличение числа колхозов

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2 — 5. М.: Политиздат, 1983 — 1984. Т. 4. С. 451.

² Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. II. Ч. I. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 336 — 337.

вышло за пределы предусмотренного пятилетним планом. Партийные организации на местах проявляли беспокойство сложившимся положением. Так, Сибирский крайком ВКП (б) направил 5 августа 1929 года в Центральный Комитет письмо, в котором указывал на образование значительного разрыва между темпами коллективизации и возможностями технического оснащения колхозов. Если в 1927 году на 1000 га посевов в колхозах приходилось 7,5 трактора, то в 1928 — 5, а в 1929 году — 2,1 трактора¹.

Немалые разногласия породила проблема определения классовой линии партии в ходе коллективизации. Споры сконцентрировались вокруг вопроса об отношении к кулаку. На XVI конференции ВКП (б) основная линия разногласий проходила через решение вопроса: будет ли колхоз переделывать кулака или же кулак взорвет колхоз изнутри? Одни считали, что кулака, как правило, в колхоз допускать не следует². Другие делегаты полагали, что массовый приток крестьян в колхозы лишает кулака социальной базы для эксплуатации, что организационно крепкий, тракторизованный колхоз способен «переварить» кулака при условии, что последний временно лишается в колхозе избирательных прав и сдает в колхоз все средства производства. Резко отрицательно относился к кулаку И.М. Варейкис, секретарь обкома Центрально-Черноземной области. Он считал, что кулака не только не следует принимать в колхоз, но надо очистить от него и существующие колхозы³.

---

¹ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 52.

² XVI конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: Госполитиздат, 1962. С. 312, 325.

³ XVI конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 296, 357, 383, 398, 333 — 334, 421.

Нарком земледелия РСФСР Н.А. Кубяк пытался обратить внимание делегатов на то, что основной проблемой колхозного движения отнюдь не является выработка мер против кулака. Главной слабостью колхозов был не «пробравшийся туда классовый враг», а недостаток техники, квалифицированных кадров, организованности, слабость финансового положения: «Товарищи утверждали, что коллективы в своем большинстве разваливаются потому, что это кулацкие коллективы, что их разлагает кулак и т. д. Это совершенно не так. Чаще разваливаются бедняцкие колхозы и даже организованные давно». Н.А. Кубяк безуспешно призывал (как и некоторые другие делегаты) не сводить все обсуждение колхозной проблемы к спору о кулаке, а сосредоточить внимание на действительных недостатках колхозного движения: «Два дня мы дискутируем о коллективизации и о колхозах, и никто до сих пор не отметил необходимости надлежащей организации хозяйства в колхозах»¹.

Дискуссия об отношении к кулаку продолжалась и после XVI конференции, не принявшей по этому поводу никаких решений. «Предложения согнать кулаков с земли вовсе или переселить их на пустующие окраины либо на необитаемый остров мы не слышали»², — констатировал В.А. Карпинский в июне 1929 г. Рассматривалась, как и на XVI конференции ВКП (б), лишь возможность переселения кулаков на отруба или на хутора, что встречало вполне резонные возражения, что тем самым как раз сохраняется экономическая база кулака, что именно прием в колхоз лишает кулака возможности использовать свои средства производства для эксплуатации, а рецидивы его классовой вражды ставит под контроль.

¹ XVI конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. С. 421.

² Большевик. 1929. № 11. С. 34.

В рассматриваемый период (до декабря 1929 г.) раскулачивание нигде не фигурировало как официальный партийный лозунг. Более того, имелись вполне определенные директивы против раскулачивания. 13 февраля 1928 г. в письме партийным организациям по поручению ЦК ВКП (б) И.В. Сталин писал: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период». 20 июня 1928 г. И.В. Сталин в письме членам Политбюро ЦК повторил этот тезис: «...нельзя бороться с кулачеством путем раскулачивания, как это делают иногда некоторые наши работники на местах»¹.

Наконец, июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б) прямо предостерег против понимания чрезвычайных мер как вытекающих из курса партии на усиление наступления на капиталистические элементы и высказался против раскулачивания². Ни весной, ни летом, ни осенью 1929 г. эти установки не были пересмотрены ни пленумами ЦК, ни XVI конференцией ВКП (б). Но именно в этот период произошли заметные сдвиги во внутреннем положении деревни и в хлебозаготовках, оказавшие серьезное влияние на фактический отход от этих решений, которые формально не были пересмотрены.

Официальный курс партии на изживание условий, вызвавших в 1928 г. применение чрезвычайных мер при хлебозаготовках, казалось бы, последовательно выполнялся. Были повышены заготовительные цены

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 15, 124.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2 — 5. М.: Политиздат, 1983 — 1984. Т. 4. С. 352.

на зерно, хотя это повышение привело к тому, что средний уровень заготовительных цен 1928/29 г. составил только 96% уровня 1925/26 г. Правда, эта цена обеспечивала рентабельность производства зерна примерно в 20%¹. При этом произошел значительный скачок цен на хлеб в частной торговле — более чем вдвое. Разрыв между ценами на сельскохозяйственную продукцию планового и частного рынков составил в 1928/29 г. 202%².

Что же случилось? Почему на частном рынке цены на хлеб поползли вверх? Хотя валовой сбор зерновых в 1928 г. (именно этот урожай и заготавливался в 1928/29 г.), был несколько выше, чем в 1927 г. (733,2 и 723,0 млн ц соответственно), неурожай на Украине и Северном Кавказе привел к тому, что ржи и пшеницы было собрано примерно на 20% меньше, чем в 1927 г.³ В результате заготовка зерна также оказалась меньше, чем в 1927/28 г. Тогда было заготовлено 110,3 млн ц, а в 1928/29 г. — 107,9 млн ц⁴.

Может быть, все эти обстоятельства не сказались бы столь ощутимо на обстановке хлебозаготовок, если бы не два фактора. Первый — хотя сокращение планового хлебооборота и размеров планового снабжения хлебом городского населения было незначительным, это произошло в условиях быстрого роста промышленности и численности городского населения, предъявляющего возрастающий спрос на продовольствие. Именно это вызвало скачок цен частного рынка. Второй — связан-

¹ *Бакай П.Я.* Использование закона стоимости в практике ценообразования колхозной продукции (1924 — 1938 гг.). Харьков: Вища школа, 1975. С. 27, 28.

² *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). С. 119, 121.

³ *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 20, 50.

⁴ СССР за 15 лет. М.: Гос. соц.-экон. изд. 1932. С. 267.

ное с острым дефицитом ресурсов для внутреннего рынка сокращение хлебного экспорта, который в 1928/29 г. составил всего 3,27 % к уровню 1926/27 г.¹

Хлебный экспорт фактически потерял всякое реальное значение, вызвав крайнюю напряженность платежного баланса. Поскольку хлеб был важным экспортным ресурсом, дававшим значительную часть валюты, под угрозу ставилась программа импорта машин и оборудования, а по существу программа индустриализации.

Поэтому февральский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП (б) признал необходимым вновь применить чрезвычайные меры. Поскольку никакие материалы этого Пленума не были опубликованы, трудно судить об аргументах в пользу чрезвычайных мер, приводимых на этом Пленуме. Но вот по материалам апрельского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б) можно представить себе эти аргументы. И.В. Сталин говорил в своей речи на Пленуме: «Если раньше кулак был еще сравнительно слаб, не имел возможности серьезно устроить свое хозяйство, не имел достаточных капиталов для укрепления своего хозяйства, ввиду чего он был вынужден вывозить все или почти все излишки своего хлебного производства на рынок, то теперь, после ряда урожайных годов, когда он успел обстроиться хозяйственно, когда ему удалось накопить необходимые капиталы, — он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют, в резерв для себя, предпочитая вывозить на рынок мясо, овес, ячмень и прочие второстепенные культуры. Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно»².

¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 52, 118, 130.

² Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 15.

Однако аргументы И.В. Сталина находятся в прямом противоречии с фактами. Значение кулацких хозяйств падало по всем линиям. Некоторое представление об этой тенденции можно получить по данным табл. 1.

Таблица 1

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ
С ПОСЕВОМ СВЫШЕ 17,6 ГА (В %)**

	1927 г.	1928 г.	1929 г.
В посевных площадях	12,9	10,1	7,1
В валовом сборе зерновых	10,2	8,4	5,8

Источник: *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.) М.: Наука, 1972. С. 59—60.

В чистой товарной продукции зерновых доля кулацких хозяйств упала с 25,1% в 1927 г. до 14% в 1929 г. Правда, кулаки проявляли значительную активность в частной торговле хлебом, скупая его и придерживая в спекулятивной игре на повышение цен. Удельный вес частного в торговле хлебом был в 1928/29 г. еще довольно высок — 23%¹, однако ни о каком *повышении* роли кулака и частного в хлебной торговле говорить не приходится. Поэтому чрезвычайные меры по своему объективному значению не могут быть рассматриваемы как только антикулацкая мера, хотя их и пытались представить таким образом. Кроме того, эти меры существенно отличались от чрезвычайных мер в 1928 году.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июня 1929 года вводилась практика доведения плана хлебозаготовок до района и села², а также принятия на этой

¹ *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 119.

² Большевик. 1929. № 15. С. 23.

основе сельскими сходами самообязательств и принудительной раскладки их на зажиточную часть деревни. По ст. 107 УК РСФСР карали теперь не за укрытие запасов хлеба для спекуляции, а просто за невыполнение обязательств по поставкам хлеба. Узаконивалась продажа «государству по твердой цене излишков хлеба зажиточной частью деревни»¹, чем фактически налагался запрет на частную торговлю хлебом. С этого момента новая экономическая политика в деревне фактически прекратила свое существование.

Практика применения чрезвычайных мер уже летом 1929 г. вызвала протесты не только со стороны зажиточной части крестьянства, но и со стороны деревенских коммунистов. Нередко партийные ячейки на селе выступали против плана хлебозаготовок, находя его непосильным, против широкого использования чрезвычайных мер².

Одновременно с принудительной продажей излишков хлеба по фиксированным ценам (с чего, кстати говоря, начиналась продрозверстка в 1918 г.) начался процесс ликвидации кулачества. Конференции батраков и бедноты ходатайствовали перед правительством о раскулачивании и выселении кулаков. Уже в июле 1929 г. М.И. Калинин отмечал факты, когда «сплошь и рядом кулаков выгоняют с земли, лишают их земельного надела»³. Некоторая косвенная поддержка этой линии была дана ЦК ВКП (б) 18 июля 1929 г., когда ЦК впервые определенно поддержал точку зрения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о недопущении кулака в колхозы и очистке колхозов от кулаков⁴.

---

¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 64.

² Большевик. 1929. № 16. С. 50.

³ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. С. 325.

⁴ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 — 1932 гг.) М.: Наука, 1972. С. 159.

А 28 июля 1929 г. ВЦИК принял постановление о конфискации и распродаже имущества кулаков — злостных саботажников хлебозаготовок, послужившее юридической основой для раскулачивания¹ и одновременно сыгравшее провокационную роль, подталкивая неустойчивые элементы из числа бедноты к проведению раскулачивания ради возможности поживиться конфискованным имуществом.

Однако раскулачивание, проводимое пока лишь на основании чрезвычайных мер при хлебозаготовках (или прикрывавшееся этими мерами), но отнюдь не на основании каких бы то ни было прямых партийных или правительственных директив, не могло решить зерновой проблемы. Ее решение представлялось, впрочем, достаточно ясным. Если в колхозах удельный вес товарного, т. е. поступающего в продажу, хлеба выше, чем у единоличника, то расширение общественного сектора позволяет резко поднять товарность зернового хозяйства в целом.

Вопрос, однако, заключался в том, как будет решаться эта проблема — путем совершенствования эффективного и высокотоварного обобществленного производства или путем поголовного записывания крестьян в колхозы и «поднятия» товарности зернового производства на одной только этой основе? Борьба между этими двумя линиями шла до января 1930 года.

Главным аргументом сторонников форсирования коллективизации был тот факт, что колхозное движение в 1929 году значительно вышло за рамки пятилетнего плана: число хозяйств, вовлеченных в колхозы, возросло до 1040 тыс. против 564 тыс. по плану, а посевные площади колхозов выросли до 4,3 млн га, т. е. на 206,7% за год против 137,4% по плану². «В тепереш-

¹ Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 227.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2—5. М.: Политиздат, 1983—1984. Т. 5. С. 8.

них условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации — значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их, надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе», — заявил в своем докладе на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) В.М. Молотов¹. Разговоры о трудностях коллективизации были им объявлены правооппортунистическими.

Но на Пленуме высказывались и иные суждения. В докладах Председателя Колхозцентра Г.Н. Каминского и генсека ЦК КП(б)У С.В. Косиора приводились данные об искусственном форсировании коллективизации, о допускаемых при этом администрировании нарушениях законности². Хотя точка зрения недопущения кулака в колхоз была на Пленуме уже общепринятой, секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А.А. Андреев и А.И. Микоян считали, что это временная мера, необходимая лишь постольку, поскольку колхозы еще не окрепли³. Примерно в то же время И.В. Сталину поступило письмо инструктора Колхозцентра Баранова, где говорилось о перегибах в Хоперском округе, впервые выдвинувшем лозунг сплошной коллективизации всего округа: «Вся работа по организации проходила под лозунгом «Кто больше!». На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти...» Если сейчас же не принять мер к укреплению этих колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться. Необходимо учесть, что в округе идет сильнейшая распродажа скота»⁴.

Эти предупреждения, безусловно, повлияли на со-

¹ Большевик. 1929. № 22. С. 12.

² Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 64—65.

³ Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 79.

⁴ Цит. по: 10. Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 64 — 65.

держание резолюций ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Хотя его решения и предусматривали форсирование коллективизации, они пока еще не шли за шапкозакидательскими высказываниями Молотова, в них содержались и указания на противоречия, связанные с ростом колхозного движения, — отсталость технической базы, низкий уровень организации труда в колхозах, недостаточный культурный уровень в деревне и в связи с этим — недостаток кадров. В резолюции от 17 ноября 1929 года указывалось также, что «колхозное строительство, являясь нераздельной частью единого кооперативного плана Ленина и высшей формой кооперирования, может успешно развиваться, лишь опираясь на всю систему сельскохозяйственной кооперации...». Было заявлено также, что «Пленум ЦК предостерегает против недооценки трудностей колхозного строительства и особенно против формально-бюрократического подхода к нему и к оценке его результатов»¹. Если бы ЦК еще смог (или захотел...) добиться выполнения своих собственных решений — хотя бы от членов Центрального Комитета!

Решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б) означали, тем не менее, дальнейшее значительное превышение заданий пятилетки: в 1930 г. посевные площади в совхозах должны были возрасти до 3,3 млн га, в колхозах — до 15 млн га². Но и эти решения были вскоре отложены в сторону. К концу 1929 года Колхозцентром и Наркомземом РСФСР был разработан и утвержден СНК РСФСР, а затем и Политбюро ЦК план

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2—5. М.: Политиздат, 1983—1984. Т. 5. С. 29, 31—34, 36, 37.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2—5. М.: Политиздат, 1983—1984. Т. 5. С. 13.

коллективизации в весеннюю сельскохозяйственную кампанию 1930 г., далеко выходящий за пределы наметок ноябрьского Пленума. Общее число колхозов определялось в 55 666 с посевной площадью 24 млн га (по пятилетнему плану намечалось довести посевные площади колхозов и совхозов вместе до 26 млн га только к 1932/33 г.). В районах сплошной коллективизации должно было быть обобществлено не менее 90% хозяйств уже весной 1930 г., причем «пашня, инвентарь и рабочий скот должны быть обобществлены полностью на 100%, продуктивный рогатый скот, свиньи и овцы обобществляются на 80%, причем для продуктивного скота допускается снижение приведенных норм по отдельным видам скота в тех районах, где этот вид скота не имеет развитого товарного значения»¹. Политика «административного восторга» брала верх.

На первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в конце 1929 года был сделан еще один шаг в сторону создания атмосферы гонки за сплошной коллективизацией и полным уничтожением кулачества. На этой конференции И.В. Сталин развил идеи своей статьи «Год великого перелома», опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 года. Статья констатировала произошедший перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов и выдвигала на этом основании задачу быстрее завершения коллективизации. Сталин оптимистически уверял, что на основе колхозного строя наша страна через три года станет самой хлебной страной в мире, и вот в декабре 1929 года Сталин выступает перед аграрниками-марксистами с призывами насаждать колхозы, ликвидировать кулачество как класс, не пускать кулака в колхоз, сде-

¹ План коллективизации в весеннюю сельскохозяйственную кампанию 1930 г. М. — Л.: Сельхозгиз, 1930. С. 13—16.

лять раскулачивание составной частью колхозного строительства¹.

Итак, провозглашены насаждение колхозов и раскулачивание на базе сплошной коллективизации. А там, где нет сплошной коллективизации, где она еще не встала в порядок дня? В «Ответе товарищам свердловцам» Сталин поясняет: чтобы кулак не улизнул от раскулачивания, распродавая свое имущество, надо скорее подвести под раскулачивание базу сплошной коллективизации². Во всем этом явственно звучит сладкая для сердца администратора музыка — скорей, скорей, даешь немедленно 100% коллективизации и раскулачивания!

Но ведь ни XV съезд, ни XVI конференция ВКП (б), наконец, ни состоявшийся только что ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК не выдвигали таких задач?! Да, не выдвигали, охотно соглашается Сталин. Но летом и осенью 1929 года в деревне произошла крутая перемена обстановки, соответственно изменилась политика партии, и прежние решения надо «отложить в сторону»³.

Тем не менее, на заседаниях комиссии Политбюро, готовившей проект постановления о темпах коллективизации, продолжалось столкновение сторонников «бесшабашной» коллективизации и тех, кто пытался внести хоть какие-то разумные ограничения, не позволившие бы свести коллективизацию к формально-бюрократическому мероприятию на базе административного нажима, т. е. пытался сохранить верность директивам ноябрьского Пленума. Стоит напомнить, что часть членов ЦК и его Политбюро стояла в оппозиции всем основным решениям по крестьянскому вопросу,

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 132, 149, 169, 170.

² Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 188.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 181—182

принимавшимся с начала 1929 г., что было охарактеризовано как «правый уклон». Но разногласия в ЦК ВКП (б) не ограничивались только борьбой с «правыми уклонами».

Нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев и первый секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП (б) М.М. Хатаевич, выступая на заседаниях комиссии Политбюро, указывали на факты искусственного форсирования темпов, нездоровую погоню за процентом коллективизации, а в ряде мест — и административный нажим¹. Я.А. Яковлев, в частности, призывал развернуть соревнование вокруг производственных показателей: поднятия посевных площадей, организации конно-машинных колонн, поднятия хозяйств, а не устраивать гонку «кто первый прибежит к финишу со 100% коллективизацией»².

В подкомиссии, возглавляемой первым секретарем Московского комитета ВКП (б) К.Я. Бауманом, занимавшейся проблемами экспроприации кулака, было выдвинуто следующее положение: «Очевидно, безнадежно решить «кулацкую проблему» выселением всей массы кулацкого населения в отдаленные края или тому подобными мероприятиями. Наша тактика должна быть дифференцирована»³. Подкомиссией предлагалось: 1) активных контрреволюционеров арестовывать или выселять в отдаленные местности; 2) выселять или переселять в пределах данной местности тех, кто оказывает пассивное сопротивление, отказывается подчиняться порядкам, устанавливаемым при сплошной

---

¹ Источниковедение истории советского общества. Т. I. Вып. I. М.: Наука, 1964. С. 269, 271.

² См.: *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 92.

³ Источниковедение истории советского общества. Т. I. Вып. I. М.: Наука, 1964. С. 273.

коллективизации; 3) большую часть кулацкого населения использовать как работников в колхозах при условии лишения избирательных прав и передачи средств производства в неделимые фонды, с предоставлением прав колхозника после 3—5 лет испытательного срока¹.

Комиссия также установила, что основной формой колхоза на данной стадии должна являться сельскохозяйственная артель, где обобществляются основные средства производства (земля, инвентарь, рабочий скот, товарный продуктивный скот) при сохранении частной собственности на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочных коров и т. д., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи².

Однако в предложенном комиссией виде проект постановления о темпах коллективизации принят не был. Он прошел предварительную редакционную обработку, учитывающую ряд высказанных по проекту замечаний, и в окончательном своем виде вышел уже из-под пера И.В. Сталина. Изменения, внесенные в проект, отражают мнение не только И.В. Сталина, но и других партийных работников. Примером их позиции являются замечания зам. пред. СНК СССР П.Р. Рыскулова, требовавшего форсирования коллективизации и недовольного занятой комиссией позицией сугубой добровольности колхозного движения.

В результате сталинской обработки из проекта постановления было исключено положение о том, что успешность коллективизации будет оцениваться ЦК не только по числу хозяйств, объединенных в кооперативы, «но прежде всего на основе того, насколько тот или

¹ Источниковедение истории советского общества. Т. I. Вып. I. М.: Наука, 1964. С. 273.

² *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929—1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 98.

иной район сумеет на основах коллективной организации средств производства и труда действительно расширить посевные площади, повысить урожайность и поднять животноводство»¹. Тем самым создавались благоприятные условия для гонки за «стопроцентным охватом» вместо превращения коллективизации в средство для повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Сталин исключил из проекта также конкретные указания о порядке обобществления средств производства, о сохранении у крестьян скота, обслуживающего их потребительские нужды, а также мелкого скота, птицы, инвентаря; о порядке допуска кулака в колхозы и дифференцированном подходе к кулаку. Была исключена также детализация сроков коллективизации, а сами они резко сжаты: для Нижней Волги, Средней Волги и Северного Кавказа — осень 1930 года — весна 1931 года, для других зерновых районов — осень 1931 года — весна 1932 года. Для остальных районов сроки не конкретизировались и единственным ориентиром оставался уже упоминавшийся «План коллективизации в весеннюю с.-х. кампанию 1930 г.»², в декабре 1929 года одобренный Политбюро ЦК ВКП(б).

Тем самым Сталин пошел на прямое нарушение решений ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б), предостерегавшего от формально-бюрократического насаждения коллективизации. Результаты такой редакции не замедлили сказаться. Директивы центра вынуждали партийных и хозяйственных руководителей настаивать на форсировании коллективизации. Например, Сибирский крайком ВКП (б) принял 2 февраля

---

¹ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929—1932 гг.). С. 100.

² См.: *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 100, 101—102, 114.

1930 г. постановление: в основном завершить коллективизацию в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года, в проведении коллективизации сделать упор на организацию коммун¹. Между районами края разжигалась гонка за процент коллективизации.

Из центра, однако, раздавались не только понукания, но и угрозы. В.М. Молотов на совещании по советскому строительству 13 января 1930 года указал: «В отношении тех советов, которые и теперь не обещают решительного сдвига в организации бедноты и останутся в стороне от массового колхозного движения, мы будем иметь основание сказать, что это не те Советы, которые нам нужны, что это... кулацкие советы!»². Г.Н. Каминский (бывший председатель Колхозцентра, а с 14 января 1930 года — зав. Агитпропом ЦК ВКП (б)) на совещании представителей районов сплошной коллективизации высказал следующую мысль: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело»³.

И аресты последовали. Правда, арестовывали не перегибщиков, а тех, кто пытался предотвратить превращение колхозов в простые насосы для выкачивания зерна из деревни. Сначала, еще осенью 1929 года, последовали окрики в партийной прессе по адресу тех колхозов, которые некоторую часть хлеба стремились реализовать на частном рынке, чтобы как-то восполнить потери от низких государственных заготовительных цен. «Колхоз, продающий свой хлеб на частный рынок, это лжеколхоз, это кулацкий колхоз, — возмущался журнал «Большевик» и делал выводы: — *Руководители*

¹ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 114.

² Правда. 1930. 21 янв.

³ Цит. по: Вопросы истории. 1965. № 3. С. 7.

таких колхозов, которые получают помощь от государства в виде кредита и машин и обращают ее на содействие кулаку в его борьбе против рабочего государства, должны понести соответствующую кару»¹. Репрессии стали превращаться в составную часть аграрной политики.

В информационной сводке Колхозцентра отмечалось, что посланные в деревню рабочие-двадцатипяти-тысячники бьют тревогу в связи с тем, что во многих колхозах забрали в ходе хлебозаготовок все, вплоть до семян и продовольствия. Сводка приводила целый ряд примеров того, как в ответ на протесты двадцатипяти-тысячников, что отбор семян обрекает колхозы на срыв весенней посевной кампании, этих рабочих снимали с работы и исключали из партии².

Произвол становился основным рычагом переустройства деревни. Хотя закон о раскулачивании, принятый ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г.³, предполагал установление жестких количественных лимитов по применению репрессий по каждой из трех групп кулаков — подлежащих суду и полной конфискации имущества, подлежащих высылке в отдаленные районы с конфискацией средств производства и подлежащих переселению в пределах области или края с частичной конфискацией средств производства, установленные лимиты были нарушены (хорош, кстати говоря, закон, заранее предопределяющий число тех, кто будет предан суду!). Нередко у кулаков отбирались не только все средства и орудия производства, но и предметы домашнего обихода и продовольствие. В ряде случаев ме-

---

¹ Большевик 1929. № 19. С. 17.

² Немаков Н.И. Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 179.

³ См.: Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 228.

стные работники превращали раскулачивание в основной метод колхозного строительства. Бедняцко-батрацкие массы стремились расширить круг хозяйств, подлежащих раскулачиванию, ибо конфискованное имущество передавалось колхозам в качестве вступительных взносов батраков и бедняков, а часть этого имущества в нарушение директив партии распределялась среди батраков и бедняков.

Факты, подтверждающие эти слова, приводил кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) С.И. Сырцов: «Можно привести один чрезвычайно выразительный пример, — к сожалению, далеко не единичный. В одной из станиц Северного Кавказа продается с торгов имущество одного кулака, на которого наложен штраф. И вот как это делается. Дом продается за 20 коп., 4 лошади продаются за 60 коп., корова с телкой за 15 коп., гуси по одной копейке, причем все это покупают с торгов исключительно члены сельсовета»¹.

Критерии отнесения хозяйства к категории кулацкого были определены столь широко, что под них можно было подвести любое крупное хозяйство, даже бедняцкое, хозяйства, входящие в крестьянские кооперативы и т.д. Это позволяло должностным лицам использовать угрозу раскулачивания как основной рычаг создания колхозов, организуя давление деклассированных слоев деревни на остальную ее часть.

Даже раскулачивание периода 1918—1919 годов, проводившееся комбедами, при всех его издержках было, во всяком случае, ответом бедняцкой массы на классовый террор со стороны основной части кулачества и происходило в обстановке острой гражданской войны, когда с обеих сторон применялись крайние средства. За весь же период коллективизации со стороны 2,5—3 млн человек из зажиточной прослойки отмечено несколько

¹ Большевик. 1930. № 5. С. 55.

тысяч случаев террора. Но это ни по каким меркам не сравнимо с гражданской войной. Если и можно говорить о проявлениях гражданской войны в период коллективизации, то это касается в первую очередь не кулаков, а массовых крестьянских выступлений против принудительной коллективизации и грабительской политики хлебозаготовок. Эти выступления приобрели значительный размах и ожесточение, так что против крестьян неоднократно применялась вооруженная сила.

Исторические источники приводят разные данные о числе раскулаченных и выселенных хозяйств. Называются следующие данные: к концу 1930 г. раскулачено около 400 тыс. хозяйств (т. е. примерно половина кулацких хозяйств), из них выселено в отдаленные районы около 78 тыс.¹; по другим данным — 115 тыс.² Хотя Политбюро ЦК ВКП(б) еще 30 марта 1930 г. вынесло постановление о прекращении массового выселения кулаков из районов сплошной коллективизации и предписало проводить его только в индивидуальном порядке, число выселенных хозяйств в 1931 г. возросло более чем вдвое — почти до 266 тыс.³

В результате к концу 1931 г. число оставшихся кулацких хозяйств оценивается в 150 тыс., к осени 1932 г. — в 80 тыс. В 1933 г. их сохранилось уже менее 50 тыс. Экспроприация кулачества проводилась не только методами «раскулачивания», но и под предлогом налогообложения. При объеме дохода на одно хозяйство в 1500 руб. и более сумма налога превышала весь объем дохода, что автоматически вело к примене-

---

¹ Проблемы аграрной истории советского общества. М.: Наука, 1971. С. 157.

² Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М.: Политиздат, 1969. С. 108.

³ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. С. 121.

нию конфискации части имущества¹. Эта ситуация приводила к тому, что кулаки распродавали свое имущество и бежали с мест проживания. К моменту раскулачивания в кулацких хозяйствах оставалось лишь 30—35% рабочего и продуктивного скота, совершенно незначительное число мелкого скота и 45—70% сельскохозяйственных машин².

Выселенные кулаки и середняки (около миллиона человек), которые не являлись уголовными преступниками (и во всяком случае не были таковыми члены их семей), оказались подвергнутыми уголовному наказанию — высылке — во внесудебном порядке. Это была первая волна незаконных массовых репрессий. Сосланные хотя и направлялись значительной частью в необжитые районы и нередко бросались на произвол судьбы, все же, как правило, получали семенную ссуду (затем признанную безвозмездной) и иные средства на обзаведение. Их направляли, кроме того, на достаточно тяжелые работы, где не хватало рук, — на лесоразработки, торфоразработки, рудники, прииски, шахты, на строительные работы. Сосланные могли состоять пассивными членами кооперации, организовывать неуставные артели, их также включали во вновь организуемые совхозы³.

Если подходить к вопросу о раскулачивании с чисто экономических позиций, отбрасывая пока в сторону социальные, юридические, политические, нравственные проблемы, то сразу можно обратить внимание на два момента.

Первый. Раскулачивание означало устранение из

¹ *Иеницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 — 1932 гг.). М.: Наука, 1972. С. 294 — 296.

² *Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И.* Партия и кооперация. М.: Политиздат, 1978. С. 262.

³ *Иеницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 — 1932 гг.). С. 304 — 321.

деревни элемента хотя и содержащего эксплуататорский потенциал, но обладавшего навыками культурного хозяйствования. Даже брошенные в отдаленные, суровые, необжитые районы, бывшие спецпереселенцы сумели в удивительно короткие сроки создать коллективные хозяйства, оказавшиеся передовыми. Из их среды вышли талантливые руководители коллективного производства.

Не следует также забывать, что кулак, который был мелким капиталистом, сам весьма интенсивно трудился. Он был для себя собственным агрономом, счетоводом и т. д.

Коллективизация, лишая кулака свободной рабочей силы (свободной прежде всего от средств производства), создавала предпосылки для использования культурно-хозяйственных навыков хотя бы части бывшего кулачества в колхозном строительстве.

Пошли же большевики на риск в 1918 году, пригласив на работу буржуазных специалистов и даже царских офицеров и генералов, отчетливо сознавая, что среди них окажется немало противников революции!

В отношении большинства кулачества, не прибегавшего к террору и вредительству, необходимой была тактика поисков компромисса, что, конечно же, сузило бы масштабы кулацкой контрреволюции (хотя и не могло исключить ее вовсе — ибо при любых методах коллективизации речь шла об изживании условий существования кулака как мелкого сельского капиталиста).

И второй момент — сумма расходов по выселению и обустройству выселенных кулаков едва ли покрывалась конфискованным у них имуществом¹.

---

¹ *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 — 1932 гг.). С. 330.

ЧТО СОЗДАЛА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ?

Вернемся в 1930 год. Эпопея коллективизации еще не закончилась, хотя конец казался уже близок — в феврале 1930 года коллективизацией было охвачено 56% крестьянских хозяйств. Надо, правда, отметить, что эта цифра во многом отражает дутые сводки, куда были записаны колхозы, существовавшие лишь в воображении их организаторов, полагавших, что, добившись любой ценой заявления о вступлении в колхоз всей деревней, они уже решили все проблемы коллективизации.

С.И. Сырцов, характеризуя методы подобного рода, саркастически замечал: «Ведь если долго возиться с крестьянином, да убеждать его, да прорабатывать с ним практические вопросы, тебя, глядишь, и обскочет соседний район, не теряющий времени на эти «пустяки». Так зачем же долго возиться с крестьянином? Намекни ему насчет Соловков, насчет того, что его со снабжения снимут, или заставь голосовать по принципу «кто за коллективизацию, тот за советскую власть, кто против коллективизации — тот против советской власти»¹.

Члены ЦК ВКП (б) столкнулись с растущим потоком сообщений о перегибах, инспирированных под воздействием и прямых директив ЦК, и кипучей «инициативы» некоторых его членов. 30 января, 20 февраля, 10 и 14 марта ЦК ВКП (б) принимает постановления с осуждением практики перегибов. 10 марта было решено разослать соответствующее постановление всем нацкомпартиям, краевым и областным комитетам, секретарям окружкомов с обязательством снять копии и разослать секретарям райкомов партии. Первоначально ЦК решил не публиковать этих постановлений в печати. Но события приняли такой размах, что постановление от 14 марта было опубликовано. Еще до

¹ Большевик. 1930. № 5. С. 50 — 51.

этого, 1 и 3 февраля, в «Правде» публиковались передовые статьи, предостерегавшие против распространения раскулачивания за пределы районов сплошной коллективизации и на средняцкие хозяйства.

Почему же эти авторитетные предупреждения не возымели действия? Во-первых, существовало известное противоречие между призывами к осторожности и общей политической линией, сложившейся к тому моменту. С наивной откровенностью указал на это противоречие делегат конференции партийной организации Волоколамского района: «...Перегибы допустили потому, что боялись, как бы не понасть в правый уклон»¹. Во-вторых, ЦК одной рукой предостерегал, а другой — подталкивал к перегибам. О выступлениях Г.Н. Каминского, В.М. Молотова и самого И.В. Сталина уже говорилось. А вот что отметил в своем постановлении от 24 февраля 1930 года Севкрайком ВКП(б): «Работавшая в Вологодском округе орггруппа ЦК еще до ошибочного решения окружкома и без его ведома давала в некоторых районах (Грязовецком, Кубино-Озерском) неправильные политические директивы о сплошном и немедленном раскулачивании и проводила эти установки в жизнь, чем осложняла работу парторганизации»².

Постановление ЦК от 14 марта 1930 года «Об искривлениях партлинии в колхозном движении» и вышедшая 5 марта в «Правде» статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», конечно, сыграли свою роль в устранении многих перегибов. Приостановка репрессивных мер тут же отозвалась как сокращением членства в колхозах, так и сокращением антиколхозных выступлений.

---

¹ Цит. по: *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 194.

² Цит. по: *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С.150 — 151.

Но и после постановления от 14 марта благополучие в колхозном движении не наступило. Конечно, наиболее уродливые случаи «административного восторга» (вроде того, когда секретарь Новоторжковского райкома запугиванием и арестами довел уровень коллективизации в районе до 96,8%, обобществив все, вплоть до личных вещей) были устранены. Но уже через две недели после принятия постановления «Об искривлениях партлинии в колхозном движении» (28 марта 1930 г.) Канский окружком ВКП (б) принял постановление о завершении коллективизации к началу весенней сельскохозяйственной кампании¹.

В чем же дело? Может быть, прав был И.В. Сталин, когда главными виновниками перегибов объявлял местных работников? Дело было в другом. Местные работники хорошо усвоили, на кого им ориентироваться. Постановление ЦК, даже наикатегоричнейшее, само по себе еще с работы не снимет. А вот комиссия ЦК под руководством Л.М. Кагановича — может снять. На совещании Козловского окружкома ВКП (б) 20 марта 1930 года Каганович заявил: «Нужно биться до конца сева за коллективный выезд в поле, антиколхозников исключать из колхоза, отрезать им землю в отдаленности, не давать кредита и т.д.»². (Важно заметить, что выйти из колхоза и быть исключенным из колхоза — существенная разница. Во втором случае на человека автоматически ставилось клеймо политической подозрительности.) Что же было тут делать: спорить с Кагановичем или подшить постановление ЦК в папку и засунуть поглубже в шкаф? Но в 1930 году еще не все партийные работники склонны были рассуждать подобным образом. Подвергшись критике на областной партконференции, секретарь МК ВКП (б) на III Пле-

¹ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 115.

² Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 66.

нуме МК вынужден был самокритично признать: «Когда я в заключительном слове говорил о колебаниях середняка, подчеркивая неизбежность этих колебаний, я не поставил в центр внимания вопрос о том, что основной причиной отлива из колхозов являются наши извращения и перегибы»¹.

При всех перегибах насаждение колхозов все же продвигалось вперед. И главным мерилom его успехов сделались не достижения коллективного земледелия, а рост хлебозаготовок. Колхоз давал чудесные результаты: при том же урожае заготовки подскакивали чуть ли не вдвое! В самом деле, если в 1928 году при валовом сборе 73,3 млн т было заготовлено 10,8 млн т хлеба, то в 1929 году при урожае 71,7 млн т заготовили 16,1 млн т хлеба. Ну чем не доказательство успехов колхозного строя? А в 1930 году собрали небывалый урожай — 83,5 млн т и заготовили 22,1 млн т². И.В. Сталин поспешил удовлетворенно объявить с трибуны XVI съезда ВКП (б), что «мы сумели уже разрешить в основном зерновую проблему».³ Хотя, по данным Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР (заменившего несговорчивое ЦСУ), сбор на деле составил 77,2 млн т⁴, дутые цифры смело озвучивались с высоких трибун. Правда уже становилась ненужной.

В 1928/29 и 1929/30 годах произошел резкий скачок в применении такой плановой формы заготовок, как

---

¹ Цит. по: 64. *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 12.

² *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 226.

³ XVI съезд ВКП (б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 37.

⁴ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 258.

контрактация посевов, которая давала государству определенную уверенность в получении хлеба, а крестьянину — в получении промтоваров. Доля законтрактованных посевов выросла с 1,8% в 1928/29 г. до 73,5% в 1930/31 г.¹ Охватив в 1930 г. контрактацией большую часть посевов, государство, установив постановлением СТО СССР от 9 сентября 1929 года обязательные нормы сдачи зерна с гектара — в среднем не ниже 3 ц (с дифференциацией по социальному признаку), ликвидировало для зерновых систему выдачи авансов при заключении договоров контрактации². Правда, колхозы, выполнившие план заготовок, получали право с каждого рубля, полученного за хлеб, 35 коп. истратить на закупку дефицитных товаров (единоличники — 30 коп.). Однако завоз тканей, одежды и обуви в деревню сократился; если в 1928/29 году он, по материалам Наркомснаба СССР к отчету правительства XI съезду Советов, составлял 1218,0 млн руб., то в 1929/30 году — 1041 млн руб.

Успехи в решении зерновой проблемы сопровождались, однако, тревожными симптомами. С осени 1929 года в городах карточное снабжение было введено повсеместно. Валовой сбор 1931 года составил всего 69,5 млн т. Правда, заготовки подскочили до еще более высокого уровня, чем в урожайный 1930 год, — с 22,1 до 22,8 млн т. Товарность колхозов подпрыгнула с примерно 27% в 1930 году до 39% в 1931 году³.

А в планировании хлебозаготовок царил бюрократический произвол. В результате неравномерного рас-

¹ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). С. 124.

² Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 143, 146.

³ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 151 — 152, 226.

пределения плана заготовок 1931 г. на Северном Кавказе, например, выдача зерна в среднем на одно крестьянское хозяйство в колхозах колебалась:

- в Армавирском районе — от 26 до 2192 кг;
- в Благодарненском районе — от 54 до 1269 кг;
- в Петровском районе — от 298 до 3459 кг;
- в Виноделенском районе — от 41 до 1490 кг¹.

Такой разрыв обеспеченности хозяйств зерном (до 84 раз!) нельзя объяснить никакими рациональными экономическими причинами.

В результате такой системы заготовок на ряд районов страны надвинулся призрак голода, и значительную часть заготовленного зерна приходилось везти обратно в деревню, возвращая его хозяйствам в виде семенной и фуражной ссуды. В 1931 г. эта ссуда составила в процентах к объему сданного хлеба:

- в Уральской области — 45;
- в Казахской республике — 36,2;
- в Западно-Сибирском крае — 21,9;
- в Башкирской республике — 20,3².

Система контрактации обеспечивала некоторую двусторонность в отношениях города и деревни; она не только обеспечивала город хлебом, но и в зависимости от поставок хлеба снабжала деревню некоторыми видами машин, удобрениями, сортовыми семенами. Но к 1932 году снабжение деревни полностью оторвалось от контрактации посевов. Вместо контрактации были введены обязательные погектарные поставки, к тому же с высокими нормами заготовок, исчислявшимися не по фактической, а по так называемой «биологической» (т.е. предполагаемой) урожайности, что мало улучшало дело. Были установлены низкие заготови-

¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 190 — 191.

² Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 191.

тельные цены, к тому же стоимость перевозок на сыпные пункты оплачивалась за счет колхозов. А она достигала, например, на Северном Кавказе 75% стоимости продукции. К тому же заготовительные организации безо всяких оснований зачастую задерживали выплату денег колхозам¹.

Летом 1931 г. было установлено правило, согласно которому натуральная оплата труда в колхозах сверх определенной нормы продуктами не отоваривалась, а оплачивалась деньгами. Это по существу было равносильно введению нормированного продовольственного снабжения колхозников, особенно если учесть финансовые затруднения многих хозяйств, бывших не в состоянии производить сколько-нибудь заметные денежные выплаты. В.Я. Чубарь, Б.П. Шеболдаев, И.Н. Пивоваров выступили на июньском (1931 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) за отмену этого решения. Однако их предложение не получило поддержки².

В результате сложившейся ситуации осенью и зимой 1931/32 года произошел второй отлив крестьян из колхозов. С 1 января по 20 мая 1932 года из колхозов вышло 593 тыс. хозяйств. К осени 1932 года количество хозяйств, состоящих в колхозах, сократилось с 15,5 до 14,4 млн. Резко усилился неорганизованный переход сельских жителей в промышленность и строительство³. Опасение Х.Г. Раковского, задававшего в 1930 году тревожный вопрос: «Неужели может случиться, чтобы наша пролетарская власть издала закон, прикрепляющий крестьянина-бедняка и середняка к колхозу, а на-

¹ *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 192, 219 — 220.

² *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 192.

³ *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 193.

шу красную милицию обязывающий ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства?»¹, сбылось. В 1932 году была введена отмененная революцией паспортная система, установившая жесткий административный контроль за движением рабочей силы в городах, а в особенности из села в город, превратившая колхозников в беспаспортное население. Был сделан еще один шаг к «казарменному социализму».

Тревожные симптомы заставили принять хотя бы некоторые меры к исправлению создавшегося положения. ЦКК — РКК снижала завышенные суммы натуроплаты за работу МТС, устраняла задержку выплаты денег за сданный хлеб и другие нарушения. Абсолютно нереальный заготовительный план 1932 года, предполагавший получить 29,5 млн т хлеба, несколько раз пересматривался в сторону снижения и в окончательном варианте составил 18,1 млн т. Особенно сильно были сокращены планы заготовок на Украине и Северном Кавказе, которые пострадали от засухи. В постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об уборочной кампании 1932 г.» отменялись прежние ограничения натуральных выдач по трудодням, вводился определенный порядок авансирования колхозников в ходе уборки.

В результате темп заготовок в 1932 году в целом был выше прошлогоднего. Но в основных зерновых районах — на Украине, Северном Кавказе, в Центральной Черноземной области и Нижне-Волжском крае — трудности предыдущего года не только не были преодолены, но и значительно усугубились. Из-за нехватки семян и фуража для рабочего скота в ходе весеннего сева не были засеяны значительные площади. Урожай оказался крайне низким. Уборочная кампания шла очень медленно — ослабленные оттоком крестьян, падением рабочего скота из-за бескормицы и головоотяп-

¹ Цит. по: Большевик. 1930. № 7 — 8. С. 19.

ской политикой заготовок, колхозы не справлялись со сбором урожая. Даже к 10 декабря на полях Украины осталось не обмолоченным 10% хлеба, в том числе в Винницкой области — 30%¹.

В колхозах, оказавшихся в обстановке крайних продовольственных затруднений и совершенно экономически не заинтересованных в сдаче хлеба, получили массовое распространение попытки решить для себя продовольственную проблему любыми, в том числе незаконными, путями. Широко распространились случаи хищения хлеба, укрытия его от учета, заведомо неполного обмолота, припрятывания и т. д. Делались попытки заранее раздать хлеб по трудодням, провести его как расходы на общественное питание во время уборочной. Колхозники и колхозы стремились вынести хлеб на рынок, поскольку рыночные цены не только превосходили закупочные, но и более чем вдвое превышали розничные цены. По примерным оценкам, оборот колхозных рынков в 1932 году составил 7—8 млрд руб.² Разница между заготовительными и рыночными ценами принесла колхозникам значительную сумму (за 1929—1931 гг. — около 4 млрд руб.)³. Но эту сумму никак нельзя отнести к чистому выигрышу деревни, поскольку она заведомо не компенсировала потери крестьян от сдачи хлеба государству по ценам, далеко не покрывающим издержки производства.

Низкий темп хлебозаготовок в наиболее пострадавших от засухи районах было решено поднять применением репрессий. Выискивали «организаторов саботажа» хлебозаготовок и отдавали под суд. В районы, которые

¹ *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 209 — 211.

² *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). С. 170.

³ *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). С. 131.

не могли осилить заготовки, полностью прекращался завоз каких бы то ни было товаров. Отстающие колхозы заносились на «черную доску», с них досрочно взыскивали кредиты и проводилась чистка их состава. Тем самым еще более подрывалось и без того нелегкое экономическое положение этих хозяйств.

Комиссия Л.М. Кагановича, посланная на Северный Кавказ для ускорения заготовок, прибегла к массовым исключениям из партии. В 17 кубанских районах из 716 секретарей станичных парткомов и колхозных ячеек половина была исключена. Многие колхозники арестовывались и высылались. Для выполнения плана вывозился весь хлеб без исключения, в том числе семенной, фуражный и выданный на трудодни. Выполнившие план колхозы и совхозы облагались повторными заданиями по сдаче хлеба¹.

В результате действий комиссии Кагановича было арестовано и выслано несколько тысяч человек. В ходе начавшейся на Украине, Кубани и Нижней Волге чистки партии на Кубани было исключено 43% из числа проверенных, на Украине — 23%². М.А. Шолохов, встревоженный этим массовым произволом, обратился с личным письмом к И.В. Сталину. В ответном письме Сталин, признавая неправильными нарушения законности, в то же время оправдывал их саботажем со стороны колхозников³. Это была та самая логика, которая превратила пословицы «дыма без огня не бывает» и «лес рубят — щепки летят» в политические стереотипы, решавшие судьбы людей. По мнению Сталина, главное было сделано: город исправно получал хлеб по карточкам. И хотя зимой 1930/31 года в ряде районов

¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 217.

² Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 215 — 216.

³ Правда. 1963. 10 марта.

прекращали снабжение людей по карточкам, а в 1932 году сократили нормы выдачи хлеба, город все равно снабжался лучше, чем деревня¹.

Валовые сборы хлеба все время падали начиная с 1928 г. (если не считать урожайного 1930 г.), зато росли хлебозаготовки и экспорт. И если в 1930 г. собрали 771,6 млн ц хлеба, а вывезли на экспорт 48,4 млн ц, то в 1931 г., собрав всего 694,8 млн ц, заготовили 228,4 млн. ц., вывезли 51,8 млн ц. Но в 1932 г. при росте сбора до 698,7 млн ц заготовки упали с 228,4 до 187,75 млн ц². Почему же так? Даже и чрезвычайные меры не помогли. Казалось бы, уж вывозили все подчистую, довели Украину, Северный Кавказ, Поволжье и ряд других районов до голода. Пришлось ЦК даже принять в июле 1933 года постановление о перегибах на Дону (по следам комиссии Л.М. Кагановича), выделить весной крупную семенную ссуду для Украины и Северного Кавказа. А все же заготовки оказались ниже уровня прошлого менее урожайного года. Ответ, к сожалению, очень прост: хлеб с бюрократическим упрямством стремились непременно взять именно там, где планировалось, — в основных зерновых районах, сильнее других пострадавших от засухи. Но разве может план хлебозаготовок отступить перед неурожаем?! Хлеб надо взять там, где записано в плане. Неважно, что в других местах его можно взять больше, рабочие в городах тоже перебытуют, посидят на сокращенной норме.

Я совершенно уверен, что организаторы голода зимой 1932/33 года, приведшего к множеству жертв и к третьей волне бегства из колхозов, подобным образом не рассуждали. Но никоим образом не может быть опровергнут факт, что они так делали, руководствуясь,

¹ *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 136.

² *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929 — 1932 гг.). С. 131, 226.

может быть, и самыми лучшими побуждениями типа неукоснительного соблюдения государственной дисциплины поставок. Беда только, что среди массы самых «правильных» побуждений, которым следовали партийные и хозяйственные руководители, интересы как колхозников, так и рабочего класса стояли далеко не на первом месте. Иначе вместо выколачивания «процента», возможно, кто-нибудь задумался бы над тем, почему оказались столь велики потери при уборке урожая, составившие, по данным инспекции НК РКИ, в 1930 году 177 млн ц, а в 1931 году — 176 млн ц, или 20—22% всего урожая, что было близко к плановому объему хлебозаготовок¹. А ответ простой — для колхозников (и даже для оставшихся единоличников) этот хлеб уже успел стать чужим. Эти цифры нагляднее, чем что-либо другое, показывают, что такое бюрократическое отчуждение трудящихся от общественной собственности.

Особенно губительно последствия административного произвола сказались даже не на зерновом хозяйстве, а на животноводстве. И дело не ограничивалось массовым убоем скота в период перегибов конца 1929 — начала 1930 года при проведении массовой коллективизации и раскулачивания. 16 января 1930 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», чтобы предотвратить катастрофическое сокращение поголовья. Однако уже 15 июля 1930 года Политбюро отменяет постановление, приняв другое — «О скотозаготовках и мясоснабжении», в котором предписывает «снять все ограничения продажи скота крестьянством государственным и кооперативным заготовителям»². В результа-

¹ *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 249.

² *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 259.

10 мифов об СССР

те кривая заготовок получает судорожное движение: в 1929 г. подсакивает в результате массового убоя скота, в 1931 г. — в результате снятия ограничений на заготовки (см. табл. 2).

Таблица 2
ЗАГОТОВКА ПРОДУКТОВ ЖИВОТНОВОДСТВА (В ТЫС. Т)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Мясо и скот в живом весе	1778,0	2625,4	1729,8	2818,8
Масло животное	82,1	77,8	41,0	81,3

Источник: 79. СССР за 15 лет. М.: Гос. соц.-экон. изд. 1932. С. 273.

Немалую роль в дезорганизации животноводства сыграли и колебания в вопросе обобществления скота. После осуждения перегибов начала 1930 года постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 30 июня 1931 года предлагало Колхозцентру пополнить «общественное колхозное стадо за счет покупки правлениями колхозов молодняка у самих колхозников, а также путем обобществления части приплода скота колхозников»¹. При существовавшей практике исполнения указаний центра (кто первый придет к финишу со стопроцентным успехом) это привело к перегибам, вызвавшим в свою очередь постановление ЦК ВКП (б) от 26 марта 1932 года «О принудительном обобществлении скота» с осуждением этих перегибов².

Однако как перегибы и шараханья в области заготовок и обобществления скота, так и подобные же обстоятельства в зерновом хозяйстве в 1930—1932 годах, подорвавшие фуражную базу как продуктивного, так и

¹ Вопросы истории. 1965. № 3. С. 10.

² *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929 — 1932 гг.). С. 238.

рабочего скота, нанесли животноводству глубочайший урон. С 1928 до 1933 года произошло сокращение поголовья крупного рогатого скота с 60,1 до 33,5 млн голов, в том числе коров — с 29,3 до 19,4 млн, а поголовье лошадей упало с 32,6 млн в 1929 г. до 14,9 млн в 1935 г.¹ Урон, нанесенный животноводству, целые десятилетия сдерживал развитие сельского хозяйства. Восстановление поголовья до уровня конца 20-х годов произошло только в 50-е годы.

Провалы экономической политики 1929—1932 годов в деревне были одной из основных причин, обусловивших неудачу попыток досрочного выполнения первого пятилетнего плана. Если бы сельское хозяйство смогло обеспечить промышленность необходимым сырьем, а рабочих — продовольствием, то просчеты, связанные с чрезмерным размахом капиталовложений, особенно в 1931 — 1932 годах, и переоценкой возможностей роста производительности труда, оказали бы на промышленность далеко не столь ощутимое влияние.

Основной причиной деградации сельскохозяйственного производства в 1929—1932 годах были даже не перегибы в ходе проведения тех или иных массовых кампаний, а общий административно-бюрократический подход к установлению экономических взаимоотношений с сельским хозяйством. Перегибы же являлись в конечном счете неизбежным следствием этого подхода к сельской экономике.

Критика нарушений принципов добровольности и постепенности в переходе крестьянских хозяйств от низших форм кооперации к высшим в нашей экономической и исторической литературе давалась уже в советский период. Однако главное, в чем политика

---

¹ Бакай П.Я. Использование закона стоимости в практике ценообразования колхозной продукции (1924 — 1938 гг.). Харьков: Вища школа, 1975. С. 44; Вопросы истории. 1965. № 3. С. 20.

периода сплошной коллективизации шла вразрез с ленинским кооперативным планом, состояло не в нарушении этих принципов. Главное состояло в том, что коллективизация вовсе не создала в деревне строя цивилизованных кооператоров, о котором писал В.И. Ленин. *Колхоз образца 30-х годов в своих наиболее существенных чертах не являлся кооперативным хозяйством.*

Черты кооператива (и то зачастую формально) сохранялись в основном во внутренней организации колхоза, например в наличии общего собрания колхозников, возможности (реально исчезнувшей к середине 30-х гг.) выйти из колхоза вместе с некоторой частью средств производства (хотя бы с земельным наделом), в несколько меньшей, чем у совхоза, регламентации порядка и уровня оплаты труда и т.д. Но колхоз как производственная единица практически не обладал свойственной кооперативным предприятиям экономической самостоятельностью. Причем он утратил эту самостоятельность не как подчиненное звено более широкой кооперативной системы, которая регулировала и планировала бы снабжение и сбыт, переработку сельхозпродукции, финансирование, агрономическое и машинно-техническое обслуживание. Колхоз оказался встроенным в жесткую административную иерархию государственного планирования производства и заготовок сельскохозяйственной продукции, что на практике превращало кооперативную собственность в фикцию.

И хотя автор статьи в «Большевике» декларировал: «продукция, созданная колхозниками в течении хозяйственного года, поступает в коллективное распоряжение колхозников, а не в распоряжение государства, как это имеет место с продукцией госпредприятий», далее он сам показал весьма недвусмысленно, что же это за «коллективное распоряжение». *«Прежде чем приступить к распределению дохода между членами, колхоз дол-*

жен обеспечить производственные задачи: покрыть все производственные и административно-управленческие расходы, покрыть свои обязательства перед государством как по линии с.-х. налога и кредитования, так и по линии хлебозаготовок, возврата семенной ссуды и т. п., а также создать общественные фонды накопления для расширенного воспроизводства»¹. Колхоз получал перед совхозом два основных «преимущества»: не иметь права на гарантированную оплату труда колхозников (а фактически даже на авансирование до окончания года) и не иметь права на государственные дотации.

В сложившейся административной системе колхоз оказался зажат в гораздо более тесные бюрократические тиски, нежели государственные предприятия. Последние хотя бы формально находились на хозрасчете, действовали в условиях самокупаемости, а планоубыточные (к их числу принадлежали и совхозы) пользовались государственными дотациями. Ничего подобного не было и не могло быть в сложившемся хозяйственном механизме даже для самых передовых и наилучшим образом работающих колхозов.

Еще в начале 1930 года высказывалась вполне рациональная точка зрения, что «денежные отношения понадобятся еще очень продолжительное время для того, чтобы возможно резче провести в колхозах принцип хозрасчета, вполне оправдавший себя в нашей промышленности. Не подводя под колхозы принцип хозрасчета, мы рискуем нашу плановую систему весьма основательно запутать»². Но этот подход был попросту отброшен. Ни о какой самокупаемости для колхозов и не помышлялось, не говоря уже о полном хозрасчете.

В то же время некоторая часть колхозов по уровню доходности могла заметно опережать государственные

---

¹ Большевик. 1931. № 6. С. 69, 78 — 79.

² Большевик. 1930. № 5. С. 43.

сельскохозяйственные предприятия. Это было связано с двойственностью экономической структуры колхозного производства, а также с особенностями планирования заготовок.

Одна часть колхозного производства — обобществленный сектор — была целиком поставлена на обслуживание нужд государственных централизованных заготовок сельскохозяйственной продукции. Поставки продукции обобществленного сектора осуществлялись на основе почти безвозмездного изъятия, потому что заготовительные цены на зерно, державшиеся примерно на уровне 1929 года и в то время едва покрывавшие издержки производства, в 30-е годы оказались фиктивными из-за инфляции и значительно возросшей себестоимости производства зерна. Насколько велик был разрыв между ценами и себестоимостью, точно установить невозможно, поскольку подсчет себестоимости в колхозах с начала 30-х годов не проводился, т.е. во что колхозу обошлось зерно, было неважно, главное, чтобы сдал все, что положено. В производственном плане колхоза значились в основном натуральные показатели, в финансовом плане, разумеется, денежные, однако этот план не содержал стоимостной оценки значительной части продукции колхоза и издержек ее производства.

Примерные оценки, в том числе сравнения с уровнем издержек совхозного производства, показывают, что издержки превышали заготовительные цены на зерно приблизительно в 2—3 раза. Еще хуже соотношение цен и себестоимости было для продукции животноводства¹. В то же самое время заготовительные цены на технические культуры были экономически обоснованы.

---

¹ *Бакай П.Я.* Использование закона стоимости в практике ценообразования колхозной продукции (1924 — 1938 гг.). С. 53 — 64.

ванными, к чему принудил почти катастрофический сырьевой голод.

Почти полное прекращение импорта сырья, занимавшего ранее очень большую долю в потреблении промышленности, было вызвано падением валютной эффективности экспорта и его рентабельности (из-за падения в результате Великой Депрессии 1929—1933 гг. мировых цен на сырье и продовольствие — основные статьи экспорта СССР). В условиях выполнения пятилетнего плана по импорту в целом на 48,6% потребовалось перераспределение скудных ресурсов валюты с импорта сырья на импорт машин и оборудования. Пятилетний план импорта машин и оборудования был выполнен на 105,6%¹.

Эти обстоятельства и принудили принять экстренные меры по улучшению экономических условий для производителей технических культур, дабы избежать грозящей остановки легкой промышленности. Для производителей зерна, картофеля, овощей, мясомолочной продукции производство оставалось заведомо убыточным. Откуда же покрывались эти убытки, из каких источников?

Процесс производства в колхозах поддерживался по-разному. Одни колхозы, будучи вынуждены выполнять план обязательных заготовок, оплачивать поставки средств производства, создавать семенной и фуражный фонды, покрывали производственные затраты за счет резкого сокращения оплаты труда колхозников. Источником покрытия убытков выступала тем самым часть необходимого продукта, производимого в обобществленном хозяйстве. Некоторые хозяйства планирование заготовок ставило в особо льготные условия,

---

¹ Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР (1917 — 1940 гг.). М.: Политиздат, 1972. С. 158 — 159.

позволявшие полностью выполнить планы по сдаче зерна и других продуктов, оставляя в своих руках довольно крупные натуральные фонды. Как правило, именно из таких хозяйств, которые отдавали государству только прибавочный продукт (или даже часть его), и вырастали передовые колхозы с высоким уровнем оплаты труда. Часть хозяйств получала безвозмездную финансовую, техническую, семенную, фуражную помощь государства.

А вот воспроизводство рабочей силы общественный сектор колхозов обеспечить не мог. Точных цифр на этот счет не существует, но никак не менее 60% своих доходов колхозники получали в 30-е годы за счет личного подсобного хозяйства, хотя оно и облагалось налогами и натуральными поставками. Тем самым экономика колхоза получала подозрительное сходство с некоторыми чертами феодального поместья. Работа колхозников приобретала четкое деление: в общественном хозяйстве колхозник работает на государство почти безвозмездно, в личном хозяйстве колхозник работает на себя. Общественная собственность тем самым не только в сознании колхозника, но и в действительности превращалась для него в чужую, «казенную».

Форсированная индустриализация, безусловно, требовала перераспределения части национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, в пользу промышленности до тех пор, когда последняя встанет на собственные ноги и будет способна технически преобразовать земледелие. Однако и размеры, и формы этого неизбежного (в определенных пределах) изъятия необходимо было строить таким образом, чтобы заинтересовать крестьянина в подъеме производительности. Ведь государство направляло в деревню весьма крупные и все возрастающие капиталовложения, поставляло машины, удобрения, сортовые семена, оказывало

безвозмездную помощь. Но распределение этих ресурсов осуществлялось вне непосредственной связи с экономическими результатами деятельности хозяйств, скатываясь к своего рода подачке как оборотной стороне грабительских методов заготовок.

Система экономических отношений между городом и деревней, сложившаяся в результате сплошной коллективизации, не может быть признана реализацией ленинского кооперативного плана еще и по той причине, что коллективизация сопровождалась прямым разрушением сельскохозяйственной кооперации. Кредитная, сбытоснабженческая кооперация, товарищества по переработке сельхозпродуктов и т.д. — все эти виды кооперации, объединявшей как индивидуальных членов, так и колхозы, были сметены за несколько месяцев массовой коллективизации. А.И. Микоян констатировал на XVI съезде ВКП (б): «В период ошибок при коллективизации низовые органы заготовок по существу были ликвидированы. Первичная сельскохозяйственная кооперация почти не существует — она была ликвидирована, остались только колхозы...»¹ Оказалась полностью отброшенной в сторону упоминавшаяся выше резолюция ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б) о том, что колхозное строительство, являясь нераздельной частью единого кооперативного плана Ленина и высшей формой кооперирования, может успешно развиваться, лишь опираясь на всю систему сельскохозяйственной кооперации.

Система бюрократического произвола в управлении сельским хозяйством восторжествовала.

Эта система породила моменты деградации в сельском хозяйстве СССР и ухудшение продовольственно-

---

¹ XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 260.

10 мифов об СССР

го снабжения населения как в городе, так и в деревне. И если в городе произошло ухудшение структуры питания, то в деревне вообще сократилось потребление продовольственных продуктов (см. табл. 3).

Таблица 3

ГОДОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ (В КГ)

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Зерновые 3	250,38	254,43	241,45	233,91	214,64
НЗ	174,39	169,82	198,09	207,81	211,30
Картофель 3	141,12	146,03	147,00	145,10	125,00
НЗ	87,60	108,64	136,18	144,22	110,00
Мясо, птица 3	24,77	29,51	21,20	20,00	11,20
НЗ	51,68	47,50	33,16	27,29	16,93
Масло коровье 3	1,55	1,22	0,97	0,80	0,70
НЗ	2,97	2,84	2,25	1,79	1,75

3 — сельскохозяйственное население

НЗ — не сельскохозяйственное население

Источник: Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 136.

Таким образом, сталинская политика коллективизации и ликвидации кулачества как класса привела вместо роста сельскохозяйственного производства — к его падению, вместо улучшения снабжения промышленным сырьем к его ухудшению и полному провалу первой пятилетки в легкой и пищевой промышленности, вместо роста потребления продовольствия — к ухудшению питания почти всех слоев населения и массовому голоду 1932/33 года, вместо налаживания планомерной связи между государственной промышленностью и кооперированной деревней — к бюрократическому

А. Бузгалин, А. Колганов

шаблону и произволу в заготовках, вместо формирования системы сельскохозяйственной кооперации — к ее разрушению и замене ее системой фактически полного огосударствления сельского хозяйства, отягощенной полуфеодальными чертами.

На исправление наиболее очевидных провалов сельскохозяйственной политики эпохи «великого перелома» пришлось потратить долгий ряд лет и немалые ресурсы. А ряд проблем, заложенных в годы бесшабашной коллективизации и раскулачивания, превратился в хронические болезни советской аграрной экономики.

«МАЛОЙ КРОВЬЮ, МОГУЧИМ УДАРОМ...»

Некоторые вопросы военного строительства
РККА в 1930—1941 гг.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ МАССОВОЙ АРМИИ

Современный историк, оценивая готовность РККА к столкновению с вермахтом, непременно обращает внимание на различие подходов к строительству вооруженных сил. И вермахт, и РККА представляли собой к 1941 г. массовые армии, создававшиеся за счет всеобщей воинской обязанности. И вермахт, и РККА развертывались на базе относительно небольшого кадрового костяка, существовавшего в 20-х — начале 30-х гг. Но здесь сходство кончается и начинаются различия.

Причины количественной ограниченности рейхсвера до его развертывания в вермахт были внешними (Версальский договор). Вермахт, хотя его потребности в кадрах унтер-офицеров, офицеров и специалистов в условиях быстрого развертывания массовой армии в конце 30-х гг. удовлетворялись с большим трудом, все же имел сравнительно неплохую готовую кадровую базу. Она обеспечивалась предпринятыми в предшествующий период стараниями пропустить через рейхсвер и вспомогательные формирования как можно больше людей, а также системой непрерывной подготовки и переподготовки кадров в войсках. Кроме того, вермахт имел вполне пригодный для воспитания солдат и офицеров современной армии мобилизационный контингент (Германия была высоко урбанизированной страной — около 70% населения проживало к 1939 году в

городах). Вермахт начал развертывание при почти полном отсутствии современных тяжелых вооружений, но Германия имела необходимую промышленную базу и научно-технический задел для восполнения этого недостатка (первые прототипы танков Pz.I и Pz.II начали создаваться в 1931 году, до 1933 г. разработаны конструкции подводных лодок и они заложены на стапелях и т.д.).

Причины количественной ограниченности РККА до середины 30-х гг. были не внешнеполитическими (как в Германии), а социально-экономическими. Бюджет страны был неспособен обеспечить содержание массовой армии, а промышленность не могла насытить ее современными вооружениями и боевой техникой. Мобилизационный контингент не вполне подходил для воспитания современных солдат и офицеров (в конце 20-х годов почти треть населения была неграмотна, а доля городского населения была около одной пятой). Кадровая часть РККА не смогла поэтому, подобно рейхсверу, выступить в роли кузницы массы хорошо подготовленных резервных военных кадров, и еще в меньшей степени эту задачу решали территориальные формирования.

Естественно, что в таких условиях концепции строительства вооруженных сил в вермахте и РККА не могли быть одинаковыми. Уже к 1931 году партийным руководством была утверждена концепция достижения превосходства РККА над вероятным противником как по численности, так и по вооружениям на основном театре военных действий¹. Эта концепция не предписывала прямо курс на противопоставление качественному превосходству вероятного противника (будь то

---

¹ См.: История Второй мировой войны, 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1973, т.1, с. 258.

Англия, Франция, Япония или Германия) прежде всего своего количественного перевеса. Но в условиях очевидного отставания качественной составляющей и в сфере вооружений, и в сфере кадрового состава, и в уровне организации — отставания столь значительного, что оно не могло быть преодолено за несколько лет даже ценой экстраординарных усилий, — главным средством противостояния вероятному противнику неизбежно фактически оказывалась ставка на наращивание количественного превосходства.

Разумеется, в 1931 г. прямое столкновение с сухопутными армиями этих стран было маловероятным. Скорее можно было прогнозировать войну с кем-то из стран «санитарного кордона» (или их коалицией), поддержанной одной из крупных держав путем поставок военной техники, посылки советников или даже экспедиционного корпуса. Но и численность, и оснащение РККА были тогда соответствующие.

К моменту массового развертывания в 1939—1941 гг. как вермахта, так и РККА указанные выше различия между ними никуда не исчезли. Несмотря на значительные успехи СССР в проведении индустриализации и ликвидации неграмотности населения, проблемы относительной технической и культурной отсталости все еще не полностью отошли в прошлое.

КАДРОВЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РККА

Промышленность в начале 30-х гг. вынуждена была начинать производство военной техники с прямого копирования зарубежных образцов в танкостроении («Виккерс 6-тонный» — «Т-26», «Кристи М.1930 и М.1931» — «БТ-2») или использования их концепции в качестве отправной базы («Виккерс 16-тонный» по-

служил прообразом для «Т-28», «Индепенденс» — для «Т-35»), с использования зарубежных образцов для производства моторов в авиации. Некоторые артиллерийские системы также создавались на основе зарубежных (чешских и немецких) образцов. И хотя в 1939—1940 годах были поставлены на конвейер образцы танковой техники целиком отечественной разработки, даже те из них («Т-34 и КВ»), которые превосходили по некоторым параметрам (в первую очередь по вооружению и броневой защите) танки вермахта, несли печать технической отсталости — ненадежность ходовой части и трансмиссии, низкий моторесурс двигателей, плохая обзорность и плохие приборы наблюдения, недостаток и низкое качество бортовых радиостанций. Авиационная техника смогла приблизиться к немецкой, но не смогла сравняться с ней, поскольку в производстве авиадвигателей мы по-прежнему шли за уже известными западными образцами (М-105 — «Испано-Сюиза», «М-62» и «М-63» — «Райт», «М-88Б» — «Мистраль-Мажор»), и только микулинский «АМ-35А» был полностью самостоятельной разработкой (частично к таковым можно отнести швецовский «А-82»)¹. В результате наши авиадвигатели постоянно были на шаг позади немецких.

Значительную часть призывного контингента РККА продолжали составлять крестьяне или недавние крестьяне, едва овладевшие началами грамоты. С переходом к всеобщей воинской повинности к ним добавились призывники из Средней Азии и Казахстана, многие из которых не знали русского языка.

Экономически и технически СССР продолжал отставать от Германии (с Австрией). Из данных Таблицы 1 видно, что СССР производил меньше основных ви-

---

¹ См.: Герасимов Г. Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны // Авиация и космонавтика, январь 2000 (выпуск 54). С. 5.

10 мифов об СССР

дов промышленной продукции (кроме нефти), чем Германия с Австрией, не говоря уже об уровне производства на душу населения (отставание практически по всем показателям более чем вдвое) или тем более о производстве Германии вместе с союзниками и оккупированными территориями.

Таблица 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (ГОДОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО), СССР — 1940 Г., ГЕРМАНИЯ С СОЮЗНИКАМИ И ОККУПИРОВАННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ — 1941 Г.

	Германия с Австрией	Германия с союзниками и оккупированными территориями	СССР
Население (млн чел.)	76	283	190
Электроэнергия (млрд квт-час)	52	110	48
Нефть (млн тонн)	0,5	10	31,1
Уголь (млн тонн)	185	348	165,9
Сталь (млн тонн)	20	43,6	18,3
Зерновые (млн тонн)	136	540	95,6
Автомобили (тыс.)	333*	676	145

* Вероятно, только грузовые автомобили и автобусы (хотя это и не оговорено в источнике). По данным за 1937 г. было произведено 320,7 тыс. грузовых автомобилей и автобусов, 99,2 тыс. тягачей и 641,8 тыс. легковых автомобилей (Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 86).

Источник: *История Второй мировой войны, 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1974, т.3. С. 285, 376—378.*

Эта отсталость в общем не столь значительно сказывалась в количественном уровне оснащения войск военной техникой и вооружениями. Однако по отдель-

ным направлениям техническая отсталость давала себя знать: более низкий уровень моторизации войск (хотя разрыв был и не столь велик, как это обычно представляют), слабая оснащенность средствами радиосвязи (и недопустимо низкие навыки практического использования радиосвязи), недостаток зенитной артиллерии, крайний дефицит бронебойных снарядов (особенно калибра 76 мм) и их невысокое качество, отставание в радиолокации. Технический уровень вооружений и военной техники РККА был довольно близок к германским образцам, иногда отставая заметно (например, «максим» и «ДП-27» против «MG-34»), а иногда кое в чем и превосходя («БТ-7» против «Pz. II», «БМ-13» против шестиствольного миномета).

Казалось бы, заметное совершенствование качества боевой техники за вторую половину 30-х гг. позволяло РККА после 1939 г. уже не делать основную ставку на количественное превосходство, а базировать дальнейшее военное строительство на движении к качественному паритету, а затем и к превосходству в боевой технике и вооружениях. Но это заблуждение. Во-первых, путем максимального напряжения сил нам удалось приблизиться к техническому уровню германских вооружений, но в большинстве случаев не удалось сравняться с ним, а тем более превзойти. Во-вторых, воюет не техника сама по себе, а люди, вооруженные техникой. Поэтому требуется борьба не просто за высокую техническую оснащенность, но и за превосходство в качестве боевой подготовки и организации войск, чтобы они были способны эффективно применить эту технику. Каковы же были тогда, в конце 30-х гг., объективные границы совершенствования в этом направлении?

Несомненно, было необходимо всеми силами бороться за повышение качественного уровня РККА. Од-

нако перед лицом неизбежного резкого повышения численности вооруженных сил с началом мировой войны РККА не имела никакой возможности более или менее полно обеспечить развертываемые дополнительные соединения (при росте численного состава за 1939—1941 гг. примерно в 2,8 раза) как высококачественным личным составом, так и хорошо подготовленными и обученными офицерскими и техническими кадрами. «В 1938 г. некомплект командно-начальствующего состава РККА (без ВВС и ВМФ) к штатной численности составлял 34%, в 1939 г. — 32%. К началу 1941 г. он хотя и снизился до 19%, но выражался цифрой более 80 тыс. человек. Уровень военного образования начальствующего состава (подчеркнем — мирного времени) к началу Великой Отечественной оказался следующим: 7% имели высшее военное образование, 60% — среднее, 25% — «ускоренное» и у 12% военное и специальное образование отсутствовало»¹.

Каковы были при таких условиях боевые качества ряда соединений, спешно разворачивавшихся в 1939 г., свидетельствует цитата из стенограммы совещания в Кремле начальствующего состава Красной Армии, посвященного итогам боевых действий против Финляндии, 14—17 апреля 1940 г. Говорит комбриг Пшенников (погиб в 1941 г.), командир 142-й стрелковой дивизии, которая была развернута до штата военного времени накануне «зимней» войны: «Я и командование всех частей прибыли к месту мобилизации дивизии на 3-й день... Дивизия укомплектовывалась до момента отправки последнего эшелона... и отправилась к месту ее назначения с некомплектом людского состава 10%,

---

¹ Анатолев Александр, Николаев Сергей Закономерное поражение. Красная Армия могла бы стать по-настоящему боеспособной только к концу 1940-х годов // Независимая газета (НВО) № 26 (341) 1 августа 2003 г. Источник: Проект «Военная литература»: militera.lib.ru

конского 23%, автотранспорта 60%... Когда мы получили возможность проверить боевую подготовку полученного личного состава, то оказалось, что до 47% красноармейского состава не знало материальной части положенного ему оружия. Это главным образом относилось к станковым пулеметчикам и ручным пулеметчикам. До 60% личного состава, призванного из запаса, не «стреляло» в течение трех последних лет. Командный состав не знал друг друга и бойцов, и наоборот... Тактическая подготовка у наших бойцов и командиров была слабой, особенно для действий в лесистой местности. Пример — из начальствующего состава дивизии оказалось только 17% знающих компас, карту и умеющих ходить по азимуту. Командный состав, особенно его среднее звено, не умеет использовать мощный огонь пехоты. Управление огнем и движением на поле боя фактически отсутствовали»¹.

Помимо уже упомянутых выше проблем с общим уровнем мобилизационного контингента, равно как и с качеством офицерского состава низшего и среднего звена (малограмотные офицеры в этом звене были не редкостью), при таких исходных данных невозможно было добиться качественного перелома в боевой подготовке и организации войск всего за год, остающийся до 22 июня 1941 года.

КАЧЕСТВО ИЛИ КОЛИЧЕСТВО?

При сложившихся условиях обеспечение количественного превосходства в течение какого-то времени неизбежно должно было оставаться необходимым элементом советской военной стратегии. И в общем так оно и было. СССР к началу войны в целом опережал Германию как по наращиванию численности личного состава

---

¹ Там же.

10 мифов об СССР

вооруженных сил (хотя в 1939 общая численность сухопутных войск Германии еще превосходила численность РККА), так и по оснащению их вооружением и боевой техникой.

ПРОИЗВОДСТВО ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЙ В СССР И В ГЕРМАНИИ

Таблица 2

ПРОИЗВОДСТВО ТАНКОВ

	СССР	Германия (танки и штурмовые орудия) ¹
1930	170	
1931	740	
1932	3038	
1933	3509	
1934	3565	54
1935	3055	896
1936		572
1937	1559	482
1938	2271	463 (804)
1939	2986	434 (746)
1940	2666	1803 (1696)
1941	1672 ²	3725 (3642)

¹ без учета самоходной артиллерии

² первые шесть месяцев.

Источники: СССР 1930—1935 — История второй мировой войны, 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1973, т.1. С. 214; СССР 1937—1941 — <http://www.uic.nnov.ru/~teog/tank01.htm>; Германия 1934—1941 — <http://www.ipclub.ru/arsenal/angar/WWII/army/germany/gertanks/panzerwaffe.htm>; Германия 1938—1941 (цифры в скобках) — ww2.kulichki.ru/gewpro3845.htm.

ПРОИЗВОДСТВО САМОЛЕТОВ

	СССР	Германия
1939	10342	2518
1940	10125	10247
1941	14946	13005

Источники: СССР — Михаил Мухин. Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны // Отечественная история, 2003, №3;

Германия — www.polarcom.ru/~vvtsv/s_doc15.htm

Общая численность сухопутных войск Германии на 1.01.1939 составляла 2,7 млн чел. На середину 1941 г. численность сухопутных войск Германии — 3,8 млн чел., из них против СССР развернуто 3,3 млн чел.

Вооруженные Силы СССР на 31.08.1939 составляли св. 2 млн чел., на 1.01. 1941 — 4,2 млн чел.¹

(К сожалению, мне не удалось найти сопоставимых данных по моторизации, оснащению средствами ПВО и связи.)

Еще одним фактором, повлиявшим на решения советского руководства в пользу количественного наращивания войск и вооружений, была завышенная оценка численности вооруженных сил нацистской Германии и уровня производства в ней вооружений и боевой техники. Например, на лето 1940 года численность вооруженных сил Германии оценивалась так: «Всего до 240 — 243 дивизий, с общей численностью до 8 миллионов человек, 13 900 самолетов и до 9—10 тысяч различного типа танков»². Если в численности дивизий

¹ См.: История Второй мировой войны, 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1974. Т.2. С. 199, 377. Т. 3. С. 327.

² №95. Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы. / 1941. Документы. Книга первая. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

ошибка не очень грубая, то количество танков и самолетов завышено примерно втрое. На май 1941 года численность вооруженных сил Германии оценивалась в 284 дивизии, а группировка войск Германии и ее союзников, могущая быть развернутой против СССР, — в 240 дивизий¹. Как видим, и здесь разведданные заметно завышают реальную численность вермахта.

Вопрос о том, в какой мере был соблюден правильный баланс между усилиями на количественное наращивание войск и вооружений, и усилиями, обеспечивающими их качественное совершенствование, остается открытым. Впрочем, ход войны с Германией показал, что она вряд ли могла быть выиграна при более низких количественных порогах численности и оснащения РККА. Возможно, по некоторым направлениям военного строительства и было желательно и возможно перераспределение усилий в сторону качественного совершенствования, но точных весов, чтобы измерить верный баланс, у меня нет.

Это, однако, не значит, что в деле строительства РККА не было допущено серьезных (я бы даже сказал — крайне серьезных) просчетов.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

Первый из них — противоречивость стратегической доктрины Советского руководства. Она, с одной стороны, *фактически* исходила из признания относительной качественной отсталости РККА, которую надо было компенсировать количественным перевесом, но одновременно — и из крайне завышенного представления об уровне боеспособности РККА, якобы делающем возможным развернуть широкомасштабные маневрен-

---

¹ См.: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 617.

ные наступательные операции *едва ли не немедленно* с самого начала войны, *при любых условиях, и против любого вероятного противника*. Из такого подхода вытекали:

- убеждение (не только ничем не подкрепленное, но и прямо опровергавшееся теми данными, которыми не только располагало, но которыми оперировало военно-политическое руководство) в способности РККА предупредить противника в развертывании;

- убеждение в способности первого эшелона прикрытия, выделявшегося по мобилизационному плану, выполнить свою задачу, несмотря на то что им не обеспечивалась уставная плотность войск в обороне даже при фактическом соотношении сил (а советская разведка к тому же переоценивала силы вермахта, которые тот мог выделить для войны с СССР!);

- убеждение в способности второго эшелона и резерва войск приграничных округов перейти в наступление при их незначительном количественном превосходстве над противником или даже при отсутствии такого превосходства (впрочем, при заметном превосходстве в боевой технике).

Так, руководство РККА перед войной намеревалось:

- переиграть вермахт в скорости развертывания (хотя знало, что это физически невозможно, если противник сам проявит инициативу в развертывании¹);

- переиграть его в глубоких маневренных операциях (для которых противник имел заведомо больший бое-

---

¹ Лишь примерно за полтора месяца до войны этот факт «внезапно» был осознан и появился известный документ Василевского с предложением о нанесении упреждающего удара по вермахту (обычно датируемый 15 мая 1941 г.) — некоторые писатели окрестили его планом «Гроза» и выдают за реальный оперативный план войны, — который, впрочем, в остающиеся сроки мало что мог изменить, ибо гонка развертывания к концу мая уже была РККА проиграна.

вой опыт и организационно-кадровые предпосылки, а затруднения РККА в проведении таких операций были очевидны по опыту больших маневров, похода в Польшу и войны с Финляндией);

- реализовать свое количественное превосходство в боевой технике так, как будто РККА может обеспечить тот же уровень ее боевого применения, что и противник.

Это были, очевидно, нереалистичные предпосылки, в чем должен был нас убедить, по крайней мере, опыт финской войны. И, кстати сказать, в чем-то убедил. И выводы были сделаны соответствующие, по многим направлениям, — улучшить, усилить, укрепить... Но это касалось в основном тактической подготовки войск (для чего тоже уже не оставалось времени), а вот реалистической переоценки стратегии и построенных на ней оперативных планов сделано не было вообще.

Вторая серьезная ошибка заключалась в донельзя топорном проведении развертывания дополнительных соединений в первой половине 1941 г. Эти соединения развертывались при явном некомплекте офицерских кадров и кадров технических специалистов, причем некомплект по некоторым специальностям приводил к созданию в ряде соединений практически ни на что не способных подразделений обеспечения. Эти соединения развертывались при некомплекте личного состава и военной техники. Эти соединения развертывались в том числе и в приграничных округах, причём их развертывание там продолжалось и в период нарастания непосредственной угрозы перехода Германии к военным действиям. Такие недостатки в сравнительно небольшой степени касались мотострелковых дивизий, и в гораздо большей — авиационных и танковых дивизий мехкорпусов и корпусов ВДВ.

В результате в приграничных округах были сосредо-

точены новые соединения, обладавшие низкой бое-
способностью, причем более низкой, чем те части и
соединения, на базе которых они развертывались, —
если, скажем, более или менее боеспособную танковую
бригаду развернуть в дивизию, разбавив ее новобран-
цами или плохо подготовленными запасниками, при
некомплекте военной техники (собранной к тому же «с
бору по Сосенке» — «Т-26» из подразделений непосред-
ственной поддержки пехоты, «БТ-2» и «БТ-5» из учеб-
ных частей и т.д.), при недостатке офицеров и специа-
листов, большая часть которых к тому же вообще не
служила в танковых войсках, без тыловых и медицин-
ских служб, без транспорта, то у нас уже не будет бое-
способной бригады. Это могло бы быть более или ме-
нее терпимо, если бы эти соединения не дислоцирова-
лись в зоне прямой угрозы попасть под первый удар
вермахта, не имея времени на дооснащение, пополне-
ние и организационное сколачивание. Несколько утри-
руя, кто-то назвал такое состояние формируемых
соединений «организованными кадрами военноплен-
ных».

Приведу кое-какие цифры, пусть и отрывочные, ко-
торые характеризуют это состояние:

«Вот данные по некоторым соединениям на июнь
1941 г.: в 35-й ТД 9-го МК КОВО вместо 8 командиров
танковых батальонов имелось 3 (укомплектованность
37%), командиров рот — 13 вместо 24 (54,2%), коман-
диров взводов — 6 вместо 74 (8%). В 215-й МД 22-го
МК КОВО не хватало 5 командиров батальонов, 13 ко-
мандиров рот, укомплектованность младшим команд-
ным составом — 31%, техническим — 27%. 11-й мех-
корпус ЗапВО был обеспечен командными кадрами на
36%.

Большинство мехкорпусов не имело необходимого
количества вооружения и боевой техники. Укомплек-

тованность к середине июня 1941 г. составляла: по автомобилям — 39%, тракторам — 44%, ремонтным средствам — 29%, мотоциклам — 17%»¹.

Кроме того, проводилось усиленное оснащение войск в приграничных округах новейшими образцами танков и самолетов при катастрофической нехватке для них обученных экипажей, что не только резко снижало эффективность боевого применения новой техники, но и ставило эту технику под угрозу захвата противником (что и произошло)².

При этом организационная структура создаваемых мехкорпусов игнорировала практический опыт вермахта в войне на Западе и наш собственный опыт при походе в Польшу, Прибалтику и в финской войне. Штаты мехкорпуса были перегружены танками при нехватке мотопехоты и моторизованной артиллерии. Недоставало автомобилей, особенно специальных, для обеспечения снабжения. Вновь создаваемые в 1940 году мехкорпуса, при имевшихся средствах связи и навыках управления у командного состава, были чересчур громоздкими и трудноуправляемыми структурами, включая две танковых и моторизованную дивизию, множество корпусных частей, 1031 танк (вместо прежних корпусов трехбригадного состава с 560 танками). Непонятно, почему не было реализовано принятое в ноябре 1939 г. решение о развертывании моторизованных дивизий с более или менее приемлемой структурой³. Корпусное звено также можно было сохранить, но не делать его чрезмерно громоздким.

Не следует на этом основании признавать ошибкой

---

¹ Дрогозов И. «Железный кулак РККА». Танковые и механизированные корпуса Красной Армии 1932-41 гг. М.: Техника-молодежи, 1999 г., гл. 2.

² См.: <http://www.russ.ru/forums-new/war-ist/messages/21905.html>.

³ См.: Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 151, 156—158.

само намерение командования РККА обеспечить перевес над вермахтом в количестве имеющихся подвижных механизированных соединений. Однако практическая реализация этого намерения, равно как и выбранная для мехкорпусов организационная структура, были, как я постарался показать, обременены грубыми просчетами¹.

Третья серьезная ошибка состояла в принятии мобилизационного плана (МП-41), который исходил не из фактически имеющихся ресурсов для ведения боевых действий и возможного прироста этих ресурсов в результате перестройки экономики на военный лад, а планировал мобилизацию и развертывание войск в случае начала военных действий на основе таких количественных установок, которые по многим позициям могли быть удовлетворены только через 2—5 лет.

Приведу длинную выдержку с характеристикой этого мобплана:

«МП-41 разительно отличался от своего первоначального варианта — проекта мобплана в октябре 1940 г. Если второй документ составлен с учетом реальных возможностей, более-менее сбалансирован, обеспечен материальными и людскими ресурсами, то первый — как бы «перспективный»: чтобы привести его в действие, требуется «изыскать» дополнительно тысячи танков, орудий, минометов. Особенно рельефно это выра-

---

¹ Вероятно, рациональнее было бы в 1940 г. сократить количество танков в танковых дивизиях и, соответственно, штатную численность мехкорпуса (увеличив тем самым удельный вес мотопехоты и артиллерии), свести к середине 1941 г. количество «готовых» мехкорпусов к 15—16, за счет этого увеличить штат и фактическую численность автомобилей, улучшить укомплектование специалистами, офицерским составом, артиллерией, вывести из штатного состава наиболее устаревшие танки и тем самым создать более комплектные и поворотливые соединения. Не отрицая необходимости в перспективе развернуть мехкорпуса сверх этого количества, формирование дополнительных мехкорпусов следовало бы отнести целиком во внутренние округа.

жается в обеспечении запланированных формирований военного времени танками (подсчет ориентировочный, без учета ВДВ, учебных, запасных и прочих частей): согласно проекту мобплана октября 1940 г. требовалось 19 448 машин, а по МП-41 — 35 680. А на 1 января 1941 г. имелось 21 564 танка.

В первом случае потребности мобилизационного развертывания в целом удовлетворяются наличием танков (оговоримся, что реальная картина была сложнее, и для формирования мехкорпусов пришлось взять танковые батальоны почти всех стрелковых дивизий, за исключением дальневосточных). По мере поступления от промышленности новых современных машин старые «Т-26» и «БТ» можно было бы в плановом порядке ремонтировать и иметь некоторый резерв, а частично — и списывать. Во втором случае — обеспечить даже мехкорпуса и танковые дивизии удалось бы не ранее чем через два года, потребности мобилизационного развертывания — через три года, а перевооружиться на современные танки — вообще в необозримом будущем, до наступления которого «тянуть лямку» должны были все те же Т-26 и БТ. При этом надо иметь в виду, что ресурс двигателей типа М-17, устанавливавшихся в танки БТ и Т-28, составлял от 100 до 300—400 часов работы в зависимости от времени их изготовления, а знаменитый дизель В-2 в те годы едва преодолевал 100-часовой рубеж.

Предвоенные планы, в частности в МП-41, содержат еще несколько «подводных камней», к наиболее опасным из которых относится полное игнорирование накопления ВВТ в запасах РККА с целью оперативного восполнения потерь, понесенных войсками в первые несколько месяцев войны. В НКО отнесли вопросы восполнения потерь к сфере планирования работы промышленности в военное время, т.е. ограничились включением соответствующих показателей в мобилизационную заявку наркомата. Хотя это можно по-

нять — имевшихся ресурсов едва хватало (а чаще не хватало) даже для спланированных формирований, какие уж тут резервы. Хорошей иллюстрацией этого служит артиллерийское вооружение, положение с которым было (по сравнению, например, с танками) относительно благополучным.

Из данных таблицы ясно: незначительный резерв имелся лишь по стрелковому оружию и отдельным артиллерийским системам, не имевшим решающего значения. Войска, оснащенные подобным образом, потеряв часть вооружения в первый, самый напряженный период боевых действий, не смогли бы восстановить боеспособность — обеспечивающим органам просто нечего было бы подать на замену утраченного. И опять, как и в примере с танками, ситуация могла бы измениться только через несколько лет после утверждения МП-41.

Наименование вооружения	Потребность	Наличие	Недостает (излишествует)	%*	Примечания
Стрелковое оружие (тыс. ед.): **					
индивидуальное	7754,8	7933,0	178,2	102	—
пулеметы ручные и станковые	233,7	240,0	6,4	103	—
пулеметы зенитные и крупнокалиберные	30,8	8,5	-22,3	28	около 5
Артиллерийские орудия (ед.):					
зенитные,	17291	5964	-11327	35	около 2
в том числе 37-мм	9854	544	-9310	6	около 5
76-мм и 85-мм	7437	5420	-2017	73	менее года
противотанковые	14736	14148	-588	96	менее года

10 мифов об СССР

Наименование вооружения	Потребность	Наличие	Недостает (излишествует)	%*	Примечания
полковые и горные	5461	6233	772	114	—
дивизионные	27647	18541	-9106	67	около 2
в том числе 76-мм пушки	4284	8311	4027	194	—
122-мм гаубицы	18598	6920	-11678	37	около 5
152-мм гаубицы	4765	3310	-1455	70	около года

Примечание:

* исходя из планов серийного производства на 1941 г.

** винтовки, карабины, пистолеты-пулеметы, пистолеты, револьверы.

(Графа «Примечание» в таблице указывает число лет, за которое потребность по МП-41 могла быть удовлетворена полностью. — А. К.)

Выше мы называли план МП-41 «перспективным». Действительно, для того чтобы получить возможность реализовать заложенные в нем идеи, Красной Армии требовалось несколько лет «перестройки и ускорения» в условиях мирного времени. Более того, на это время многие (если не большинство) соединений и частей приводились в практически небоеспособное состояние. Подобным образом тогдашний Генеральный штаб, организатор всех основных процессов в армии, имел право вести себя только в одном случае — при наличии абсолютных гарантий мира на все ближайшие годы. Однако в действительности такими «гарантиями» оказалось лишь мнение Сталина и его окружения¹.

Понятно, что при объявлении мобилизации такой

¹ Анатолев Александр, Николаев Сергей. Закономерное поражение. Красная Армия могла бы стать по-настоящему боеспособной только к концу 1940-х годов. Проект «Военная литература»: militera.lib.ru Источник: Независимая газета (НВО) № 26 (341) 1 августа 2003.

план мог сыграть лишь дезорганизирующую, а никак не мобилизирующую роль.

Четвертая ошибка заключается в развертывании массовых огульных репрессий против высшего командного состава РККА буквально накануне резкого увеличения численности вооруженных сил.

Я остановлюсь на этом несколько подробнее, поскольку в настоящее время в противовес прежней тенденции максимально раздувать и преувеличивать масштаб репрессий¹ проявляется противоположное стремление — преуменьшить масштаб репрессий, принизить их влияние на состояние вооруженных сил, встать в позицию оправдания или полуоправдания Сталина. Эта тенденция проявляется не только в работах публицистов (скажем, у В. Суворова или В. Бушкова), но и у профессиональных историков.

На чем строится эта новая тенденция? Как и противоположная, на подтасовке фактов. Во-первых, как правило, из подсчета исключаются репрессии 1939—1941 гг. Во-вторых, уволенные из РККА не в связи с арестом исключаются, безо всяких оснований, из числа репрессированных, хотя подавляющее большинство из них затем арестовывалось. В-третьих, исключаются массовые политические чистки 1933—1936 гг. (и даже у самых «добросовестных» — 1933—1935 гг.) с последующими репрессиями против уволенных командных кадров. В-четвертых, исключаются из подсчета репрессии в ВМФ (а зачастую — и в ВВС). В-пятых, факт необоснованного увольнения или ареста тысяч командиров с последующим (иногда весьма не быстрым) возвратом в строй трактуется чуть ли не как позитивное событие! В-шестых, игнорируется влияние на РККА повальных

---

¹ Например, среди прочих этим занимался записной враль А. Н. Яковлев, кумир либеральной интеллигенции (см.: А. Н. Яковлев. Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 25.04.1995).

10 мифов об СССР

репрессий против хозяйственных и научных кадров, в том числе непосредственно связанных с военной промышленностью. В-седьмых, снова пропагандируется иезуитский тезис о виновности репрессированных. В-восьмых, частенько «забывают» о весьма неравномерном влиянии репрессий на разные категории командных кадров.

В результате в некоторых публикациях общая оценка потерь офицерских кадров из-за политических репрессий сводится к 17.776 человек¹. Попробуем дать более объективную картину потерь кадрового состава РККА в результате репрессий, опираясь на те же официальные документы, которыми оперируют сторонники преуменьшения масштаба репрессий (см. табл. 4).

Таблица 4

ВЫБЫТИЕ КОМАНДНЫХ КАДРОВ В РККА (1934—1939 гг.)

Годы	Всего уволено	В% к штатной численности	Уволено в связи с арестом и по политическим мотивам	Восстановлено уволенных в связи с арестом и по политическим мотивам
1934	6.596	—	479 ¹	—
1935	6.198	4,9	349 ¹	—
1936	5.677	4,2	257 ¹	—
1937	18.658	13,1	15.578	4.544
1938	16.362	9,2	12.750	6.008
1939	1.878	0,7	357	152
Итого за 1935—1939 гг.	55.369	—	29.770	10.704

¹ Только арестованные и осужденные

— Нет данных

Источники: Черушев Н.С. Статистика антиармейского террора // Военно-исторический архив. 1998, №3.

¹ См.: www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/army.htm

Таким образом, по этим далеко не полным данным (поскольку большая часть уволенных по политическим мотивам в 34—36 гг. впоследствии так же арестовывалась), только безвозвратные потери офицерского состава РККА за 1934—1939 гг. из-за репрессий составили никак не менее 19074 человек. Кроме того, 10 704 человека прошли через мясорубку политического шельмования, многие — через арест, следствие и осуждение, прежде чем быть восстановленными в кадрах РККА. К этим цифрам следует добавить невыясненное количество репрессированных в ВВС и ВМФ, примерно 12—14 тыс. офицеров, уволенных по политическим мотивам в 1933—1936 гг. — они не выделяются отдельной строкой в общей статистике уволенных за эти годы (большинство из них затем были арестованы, но уже как гражданские лица, и в статистику НКО не попали)¹, а также небольшое число репрессированных в 1940—1941 гг. Кроме того, следует учесть возвращение в строй в тех же 1940—1941 гг. некоторых уволенных и осужденных (по приблизительным данным — около 10 тыс. человек). На основании этих данных можно сделать *грубую оценку* потерь офицерских кадров РККА из-за предвоенных репрессий — она составляет примерно 24—26 тыс. человек, из которых погибли (по приговору, во время следствия, и в лагерях), *предположительно*, около половины.

Оставим в стороне очевидные натяжки и фальсификации. Но есть и аргументы неоднозначного характера.

---

¹ К.Е.Ворошилов на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) сообщал о 22 тыс. уволенных по политическим мотивам в 1934—1936 гг. (без ВМФ), что превышает общее число уволенных за этот период по справке Щаденко. Кроме того, Ворошилов называет общую численность командно-начальствующего состава РККА (без ВМФ), что расходится как с его же данными о процентной доле уволенных, так и с приводимыми мной данными из справки Щаденко (см.: Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Военно-исторический журнал, 1993, №1. С. 56).

Главный из них — рассуждения вокруг качественной оценки замены репрессированных высших командных кадров представителями более молодого поколения офицерского корпуса. Я не говорю здесь о тех, кто, подобно Суворову и Бушкову, готов объявить всех репрессированных скопом некомпетентными, бездарями, консерваторами, авантюристами, пьяницами и развратниками. Я говорю о тех историках, которые опираются на объективные данные о несколько более низком образовательном уровне репрессированных по сравнению с пришедшим им на смену слоем командных кадров.

В этом рассуждении упускается из виду, что уровень подготовки командных кадров должен оцениваться по меньшей мере по двум объективным показателям (а не по одному) — по уровню образования и по опыту (стажу) работы в командных должностях. И если по первому показателю ситуация не вполне однозначная (в звене НКО, окружном, армейском и корпусном показатели образования после репрессий улучшились, в дивизионном — ухудшились)¹, то по второму показателю ситуация стала однозначно хуже. Для замещения должностей в звене от наркомата обороны до корпусов почти не осталось кадрового резерва даже на уровне командиров дивизионного звена (ибо окружное, армейское и корпусное командное звено было полностью утрачено, а наркоматское и дивизионное — почти полностью). «...Были уничтожены все командующие войсками округов и начальники их штабов, все командующие и начальники штабов корпусов, 95% командиров и начальников штабов дивизий, 95% работников центрального аппарата НКО и начальников его главных управлений, все начальники военных академий (за

---

¹ См.: Герасимов Г.И. Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999, №1.

исключением одного). К этому следует добавить уничтоженных всех командующих флотами и флотилиями вместе с их начальниками штабов, всех командующих эскадрами, почти всех руководителей военных отраслей промышленности, директоров и главных инженеров крупных военных заводов. На место уничтоженных назначались новые и тоже вскоре уничтожались¹. В приведенной цитате из работы Сувенирова игнорируется тот факт, что часть репрессированных вовсе не была уничтожена, а некоторые из них были позднее возвращены в строй и успешно воевали. Однако, несмотря на это уточнение, потери, начиная от дивизионного звена и выше, были подавляющими.

Вот и получается — офицеров перемещали с дивизии на округ (а то и в НКО или Генштаб), с бригады — на корпус или армию, и лишь для замещения должностей дивизионного и бригадного звена оставалось достаточно командиров полков (половина).

Если учесть, что широкомасштабные увольнения и репрессии шли непрерывно с 1933 по 1941 год, с колоссальным пиком в 1937—1938 гг., масштаб кадровой чехарды становится ужасающим. За 1938 — первый квартал 1939 г. количество перемещений по группе строевых должностей от командира полка и выше составило 73,9% к штатной численности². И это только за год с небольшим, предшествующий массовому развертыванию РККА. Когда же началось массовое развертывание, положение стало еще более острым — к моменту нападения гитлеровской Германии и ее союзников на СССР 50% советских командармов занимали свою должность до 3 месяцев, не более полугода (а то и меньше) командовали своими соединениями свыше половины командиров стрелковых, кавалерийских и

¹ См.: <http://www.deol.ru/manclub/war/suv5.htm>

² См.: История Второй мировой войны, 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1974, т. 2, с. 205.

механизированных корпусов и почти столько же командиров таких же дивизий (командиры авиакорпусов и авиадивизий — 100 и 91,4% соответственно)¹.

Разумеется, массовое развертывание вооруженных сил порождало аналогичные проблемы и в вермахте. Однако там это развертывание происходило более плавно, опиралось на более качественный мобилизационный контингент, на лучше подготовленный кадровый резерв унтер-офицерского, низшего, среднего и высшего офицерского звена, проходившего практически непрерывную учебу, в том числе и в ходе реальных боевых действий.

Даже сторонники преуменьшения значения репрессий из числа профессиональных историков не могут обойтись без упоминания такой важнейшей составляющей последствий репрессий как социально-психологическая, хотя и отказываются анализировать этот аспект под предлогом отсутствия объективных данных². Между тем некоторые объективные данные (хотя и косвенные, и неполные) для такого анализа есть. Это, например, уровень дисциплины в РККА в 1939—1941 гг., который находился во многих частях и соединениях в ужасающем состоянии. Вот, например, цитируемые В.В.Карповым отрывки из неопубликованных глав воспоминаний Г.К.Жукова, относящихся к 1937—38 гг.:

«Однако вскоре все же был получен приказ наркома обороны о назначении меня командиром 3-го конного корпуса...

¹ *Анатольев Александр, Николаев Сергей.* Закономерное поражение. Красная Армия могла бы стать по-настоящему боеспособной только к концу 1940-х годов // Независимая газета (НВО) № 26 (341) 1 августа 2003 г. Источник: Проект «Военная литература»: mlitera.lib.ru

² См.: *Герасимов Г.И.* Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999, №1.

Через две недели мне удалось детально ознакомиться с состоянием дел во всех частях корпуса, и, к сожалению, должен был признать, что в большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая работа командного состава, понизилась его требовательность к личному составу, а как следствие понизилась дисциплина и вся служба. В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки «вражеского подхода» к воспитанию личного состава...»¹.

На одном из сайтов, посвященных РККА, даже делается категорический вывод: «В некоторых частях рядовые солдаты выходили из-под контроля, так как любые методы воздействия на них оборачивались для командиров доносом в органы. Нормальная воинская дисциплина была повсеместно на грани полного разрушения, вся РККА находилась в состоянии глубокого морального разложения»². Это, разумеется, чрезмерно широкое обобщение — наряду с частями и подразделениями, где произошло разложение дисциплины, в РККА оставалось немало частей, сохранивших нормальный уровень организованности, иначе она вообще не могла бы оказать сопротивление вермахту в 1941 г. Тем не менее, положение с дисциплиной было весьма серьезным. Недаром при анализе итогов войны с Финляндией проблемы дисциплины были поставлены на первое место. Вот выдержки из соответствующего приказа НКО:

---

¹ <http://militera.lib.ru/bio/karpov/08.html> (Карпов В.В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Книга I // Роман-газета, 1991. Книга на сайте: militera.lib.ru/bio/karpov/index.html).

² <http://www.ipclub.ru/arsenal/platz/ww2/redarmy/redarmy1941.htm>

«ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 120

16 мая 1940 г.

Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии.

Воинская дисциплина не стояла на должной высоте. В отдельных случаях *состояние дисциплины не обеспечивало твердого выполнения войсками поставленных им боевых задач* (выделено мной. — А. К.).

Войска не были подготовлены к боевым действиям в сложных условиях, в частности к позиционной войне, к прорыву УР, к действиям в суровых условиях зимы и в лесу.

Взаимодействие родов войск в бою, особенно в звене рота — батарея, батальон-дивизион, являлось наиболее узким местом.

Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск.

Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии.

Артиллерия, танки и другие рода войск также имели ряд недочетов в своей боевой выучке, особенно в вопросах взаимодействия с пехотой и обеспечения ее успеха в бою.

В боевой подготовке воздушных сил резко выявилось неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками, неподготовленность к полетам в сложных условиях и низкое качество бомбометания, особенно по узким целям.

Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям.

Командиры не командовали своими подразделениями (выделено мной. — А. К.), не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов.

Авторитет комсостава в среднем и младшем звене невысок. Требовательность комсостава низка. Командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов (выделено мной. — А. К.).

Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного опыта.

Старший и высший комсостав слабо организовал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации.

Командный состав запаса был подготовлен исключительно плохо и часто совершенно не мог выполнять свои обязанности...»¹

Низкий уровень дисциплины и организованности, подрыв доверия рядовых подчиненных к офицерам, офицеров — друг к другу и к вышестоящим начальникам открыто вышли на поверхность в июне-июле 1941 г. и явились одной из важнейших причин паники и дезорганизации, охватившей войска, подвергшиеся ударам вермахта, а особенно те из них, которые очутились в окружении, что приводило к массовой сдаче в плен².

Наконец, пятая серьезная ошибка, на которую я хо-

¹ http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%9D%D0%9A%D0%9E_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%BE%D1%82_16_%D0%BC%D0%B0%D1%8F_1940_%D0%B3_%E2%84%96_120

² <http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava4sov%5B1%5D.htm>

чу обратить внимание, состояла в неправильном планировании наращивания танкового и авиационного парка. Наибольшие темпы поставки военной техники пришлось на середину 30-х гг., что привело накануне войны к формированию его нерациональной возрастной структуры (перегруженность устаревшими типами машин)¹. Если учесть, что тогдашняя военная техника, особенно производившаяся в первой половине 30-х гг., не могла выдерживать длительных сроков эксплуатации (невысокое качество ходовой части, слабая трансмиссия у танков, низкий моторесурс двигателей у танков и самолетов), а производство запасных частей к устаревшим моделям прекращалось, танковый и авиационный парк оказался перегружен не только технически устаревшими, но также и крайне изношенными машинами.

* * *

Я настаиваю на том, что это именно ошибки, а не следствия далеко рассчитанных планов напасть первыми 6 июля 1941 г. или подставить РККА под серьезное поражение, дабы психологически оправдать военнополитический альянс с Гитлером, как о том рассуждают авторы некоторых фантастических романов о войне. Конечно, если выхватывать отдельные из предъявленных мной претензий, то такие выводы возможны — и в зависимости от того, какую из этих ошибок изолированно рассматривать, можно будет сформулировать и очередную оригинальную гипотезу о коварном замысле Сталина. Но в совокупности они представляют собой именно то, чем и являются — нагромождением ошибок, вытекающих из проникновения формально-

¹ См.: Герасимов Г. Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны // Авиация и космонавтика, январь 2000 (выпуск 54). С. 1—5.

бюрократического подхода и некомпетентного вмешательства в военную стратегию и строительство вооруженных сил, в подбор и расстановку кадров, что, в свою очередь, вытекает из общего факта глубокой бюрократизации государственной власти.

Из этого факта вытекали также ошибки и в оперативных планах на случай войны, и в практических действиях военно-политического руководства перед войной и в ее начале. Но это — предмет специальных исследований (коих уже несть числа).

Здесь же я должен поставить перед собой вопрос — что было основной причиной катастрофических неудач РККА в первый период войны с Германией? Перечисленные мною ошибки в военном строительстве или какие-то другие факторы?

Мой ответ заключается в том, что главными факторами неудач были:

1) Объективно более низкий уровень кадрового состава, боевой подготовки, организационной структуры, системы снабжения, более низкое качество вооружений и боевой техники, отставание средств моторизации и связи РККА.

2) Утрата РККА стратегической инициативы, что позволяло вермахту разгромить по частям соединения РККА, располагавшиеся в крайне неудачной оперативной конфигурации и в дальнейшем навязывать РККА сражения по собственному плану в наиболее выгодных для себя условиях.

3) Отсутствие реалистичной концепции начального периода войны.

Даже если бы все те ошибки, о которых речь шла выше, не имели бы места, это, возможно, могло бы позволить смягчить глубину неудач первоначального периода войны, но не изменило бы принципиально хода боевых действий. Однако эти ошибки значительно увеличили цену, заплаченную за поражения и за достижение победы.

Что же касается фактически проводившейся воен-

10 мифов об СССР

но-политическим руководством страны ставки на количественный перевес над противником (что не исключало также попыток приблизиться к нему и по качественному уровню), *то эта ставка в основном оправдала себя*, позволив непрерывно восполнять утраченные в приграничных сражениях технику и кадровые ресурсы и навязать вермахту войну на истощение. Именно истощение материальных и кадровых резервов вермахта к ноябрю-декабрю 1941 г. стало главной причиной окончательного срыва блицкрига.

«ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!»

Среди потока научной, околону научной и публицистической литературы, посвященной как в целом теме Отечественной войны, так и роли И.В. Сталина в ней, достаточно редко находишь попытки взвешенного анализа действительной истории. Гораздо чаще придется сталкиваться с произведениями двух жанров: панегириками и разоблачениями. Понять причины сложившейся ситуации достаточно легко — фигура Сталина имела (и имеет до сих пор) столь большое историческое значение и так тесно связана с самыми героическими и трагическими страницами нашей истории XX века, что накал эмоций, окружающий эту фигуру, вполне объясним, равно как и стремление к крайностям в ее оценке.

Однако для научного исследования свойственно стремление не восхвалять или осуждать, а понимать. Вот такого понимания нам, особенно сейчас, когда к личности Сталина привлечено огромное общественное внимание, остро не хватает.

Так действовал ли Сталин во благо и к славе русского оружия или его следует винить прежде всего в наших ошибках и неудачах? Несомненно, что Сталин стремился к укреплению военной мощи Советского государства и вложил немало собственных сил в достижение Победы. Однако во всех этих «бочках меда» содержится и своя «ложка дегтя». Но давайте разберемся во всем этом предметно и по порядку.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Несомненной заслугой Сталина является ясное понимание того факта, что без современной индустрии и основанной на ней современной оборонной промышленности интересы, да и само существование СССР, не могут быть надежно гарантированы. Разумеется, речь идет не только о понимании, многократно повторенном в его речах и статьях, но и о практической политике, направленной на создание современных отраслей промышленности в СССР. Более того, Сталин страстно рвался ускорить процесс индустриализации, всеми мерами форсировать его. Широко известно также то личное внимание, которое уделял Сталин вопросам организации производства современных вооружений.

И в то же время историк обязан сказать: именно сталинская политика индустриализации *замедлила* развитие промышленности в СССР. Именно его страстное желание форсировать темпы индустриализации, не подкрепленное экономическим и техническим расчетом, более того, направленное прямо против такого расчета, сорвало выполнение первого пятилетнего плана, принятые наметки которого не были достигнуты по абсолютному большинству показателей. Форсирование коллективизации привело к сельскохозяйственному кризису, бедствиям крестьянства, ухудшило продовольственное снабжение рабочих и подорвало сырьевую базу многих отраслей промышленности.

В результате ценой огромного перенапряжения сил, падения жизненного уровня народа, омертвления значительной части капиталовложений были примерно достигнуты результаты, запланированные в отправном варианте первой пятилетки, который был объявлен Сталиным «минималистским» и «вредительским», а

его авторы были репрессированы. Те же сверхзадачи, которые Сталин выдвинул на XVI съезде, призывая завершить пятилетку по ряду отраслей не то что за четыре, а за 2,5—3 года, не были достигнуты даже в результате второй пятилетки.

Личное вмешательство Сталина в вопросы военного производства также было не всегда благотворным. Хотя Сталин проявлял поразительную способность к овладению необходимой военно-технической информацией, он все же оставался в этих вопросах хотя и широко образованным, но все же дилетантом, а не профессионалом. В условиях же, когда ему принадлежало последнее слово, любое проявление непрофессионализма могло обойтись слишком дорого. К просчетам Сталина можно отнести недостаточное внимание к современным средствам связи. Хотя он достаточно рано осознал необходимость сплошной радиофикации танков и самолетов, но решение этой проблемы, как и проблемы устойчивой связи в войсках вообще, так и не оказалось предметом его реальной заботы. Можно указать также на непоследовательность и шарахания в деле производства артиллерийских систем, что привело к недостатку противотанковой и зенитной артиллерии.

Необходимость реализации программы массового производства танков была оценена Сталиным далеко не сразу и первоначально послужила причиной его конфликта с Тухачевским в самом начале 30-х гг. Лишь затем, когда Сталин осознал свою ошибку и, напротив, испытал чрезмерное увлечение чисто количественным наращиванием танковых войск, он (уникальный случай!) письменно перед Тухачевским извинился. Впрочем, он вряд ли был особенно благодарен Тухачевскому за это вынужденное извинение...

СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Сталин, несомненно (при всех возможных ошибках в этой области), проявлял постоянную заботу об оснащении РККА современной военной техникой, стремясь превзойти вероятных противников как в количественном, так и в качественном отношении.

Нельзя не видеть заслугу Сталина и в том, что им был поддержан переход от территориально-кадровой организации армии к кадровой, причем именно тогда, когда рост военной промышленности создал для этого необходимые предпосылки, а нарастание военной угрозы заставило подумать об армии военного времени. Очевидно, что переход к территориальной системе в ходе военной реформы 1925 года диктовался именно условиями мирного периода, равно как и экономической невозможностью содержать тогда крупную кадровую армию. Поэтому возникновение непосредственной военной угрозы требовало перехода на иные принципы организации и комплектования РККА.

Но и здесь наряду с явно выраженной волей к созданию мощных и эффективных вооруженных сил мы видим *грубые просчеты, корни которых лежат не столько в личных качествах Сталина, сколько (так же, как это было и в экономике) в пестуемой им бюрократической системе власти.*

Бюрократической системе свойственна концентрация на формальных задачах в ущерб задачам содержательным. И в военном производстве это вело к сосредоточению усилий на наращивании объемов производства, в ущерб задачам освоения войсками новой техники, приобретения ими навыков применения этой техники в современном бою, а нередко и в ущерб качественным характеристикам вооружений. Как этот просчет сказался в годы Отечественной войны, я еще покажу ниже.

Значительным просчетом были и колебания в выборе форм организации танковых и механизированных войск: сначала создание танковых соединений, затем их расформирование, и, наконец, поспешное и плохо продуманное воссоздание накануне войны.

Хочу подчеркнуть — ответственность за эти просчеты несет, разумеется, не один только Сталин. Все видные военачальники, стоявшие у руководства РККА — Ворошилов, Тухачевский, Кулик, Щаденко, Тимошенко и другие, — несут свою долю ответственности за допущенные ошибки. *Однако именно созданная Сталиным система сосредоточения решений по массе вопросов в его собственных руках, помноженная на убежденность если и не в собственной непогрешимости, то, во всяком случае, в том, что он лучше прочих обладает видением стратегических перспектив развития страны в целом и ее вооруженных сил в частности, вела к возобладанию субъективных пристрастий Сталина, часто ставила эти пристрастия над профессионализмом и компетентностью военных специалистов.*

РЕПРЕССИИ

Длительное время считалось, что репрессии 1937—1938 гг. нанесли существенный урон советскому офицерскому корпусу и тем самым значительно ослабили РККА. Не обращая здесь к иезуитской логике тех, кто утверждает, что огульное избиение командных кадров вело к «очищению» и «укреплению» армии, нужно внести определенные коррективы в это общее утверждение.

Во-первых, общий масштаб репрессий, как правило, оценивается крайне приблизительно и неточно. Обычно ссылаются на общую цифру в 40 000 уволенных из РККА в результате репрессий командиров. Однако в 1939—1941 гг. некоторая часть уволенных была

возвращена в строй. С другой стороны, и в 1939—1941 годах репрессии продолжались, хотя и не в прежних масштабах. Кроме того, такой «обобщающий подход» ведет к упущению из виду судьбы разных категорий командных кадров.

Если обратиться к более точным цифрам, то на начало 1937 года в РККА было: 5 маршалов, 5 командармов 1 ранга, 10 командармов 2 ранга, 62 комкора, 201 комдив, 474 комбрига, 1713 полковников, 5501 майор, 14 369 капитанов, 26 082 старших лейтенанта, 58 582 лейтенанта. Итого: 107 004 человек (7971 высшего и старшего командного состава и 99 033 капитанов и лейтенантов)¹. С января 1937 по август 1938 года из РККА был уволен по политическим мотивам 36 761 командир. Но на самом деле репрессии начались еще до 1937 года. Из выступления К.Е. Ворошилова на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года можно узнать, что в 1934—1936 годах было уволено из армии по политическим мотивам 22 тысячи командиров. Выборочная проверка их судьбы показала, что подавляющее большинство из них было расстреляно во время террора 1937—1938 годов по решению так называемых «внесудебных органов НКВД» и в статистику репрессированных военных не попало.

Что же касается высшего командного состава, то вот краткая сводка сложившейся тогда ситуации:

«За несколько предвоенных лет (в основном в 1937—1938 годах) было по сфабрикованным политическим обвинениям арестовано более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли во время следствия, а 412 были расстреляны»². «...Были уничтожены все командующие войсками округов и начальники их штабов, все командую-

¹ Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

² Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998. С. 317.

щие и начальники штабов корпусов, 95% командиров и начальников штабов дивизий, 95% работников центрального аппарата НКО и начальников его главных управлений, все начальники военных академий (за исключением одного). К этому следует добавить уничтоженных всех командующих флотами и флотилиями вместе с их начальниками штабов, всех командующих эскадрами, почти всех руководителей военных отраслей промышленности, директоров и главных инженеров крупных военных заводов. На место уничтоженных назначались новые и тоже вскоре уничтожались. Массовое истребление высшего комсостава РККА накануне грандиозной войны — явление беспрецедентное в мировой истории как по сути, так и по масштабу. За 1418 дней и ночей небывало истребительной Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек высшего комсостава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами)¹, то есть более чем в два раза меньше по сравнению с потерями от террора»².

В результате уровень подготовки командных кадров недопустимо снизился. К началу войны только 4% командиров сухопутных войск имели высшее военное образование, 46% — среднее, а половина вовсе не имела никакого военного образования³ (либо оно ограничивалось ускоренными курсами). При сопоставлении этих цифр следует учитывать, что численный состав офицерского корпуса за этот период в связи с развертыванием множества новых соединений и ростом численности вооруженных сил в 2,8 раза также значитель-

---

¹ Там же.

² Подробнее см.: <http://www.deol.ru/manclub/war/suv5.htm>

³ Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. С. 71.

но увеличился за счет ускоренной подготовки новых офицерских кадров.

Во-вторых, главный негативный эффект необоснованных репрессий в чисто военном отношении состоит не только в их масштабе. Конечно, потеря верхушки командных кадров, которые не могут быть восполнены так же быстро, как кадры низшего офицерского звена, была весьма чувствительна. И начавшееся в 1939 году в преддверии войны ускоренное развертывание новых соединений, быстрый рост численности РККА придавали особую остроту дефициту опытных командных кадров высшего звена.

Но основной удар по армии был нанесен тем, что огульные и необоснованные репрессии породили в армии атмосферу страха, боязни ответственности, сковывали инициативу, способствовали развитию духа чинопочитания и угодничества, вели к развитию недоверия и подозрительности по отношению к командным кадрам. Нередко репрессии оказывались прямой реакцией на попытки части высших командных кадров вести борьбу за исправление недостатков в строительстве вооруженных сил. Любая критика могла оказаться поводом для обвинений в политической неблагонадежности и применения репрессий.

Массовые кадровые перестановки и перетряски негативно сказались на боевой подготовке войск, снижали степень организованности и слаженности частей и подразделений, подрывали дисциплину. Многие командиры были озабочены лишь тем, чтобы отвести от себя подозрения в политической неблагонадежности, забывая о состоянии вверенных им войск.

Не меньшая неразбериха царила и на уровне верховного командования РККА. Легенда о сталинской эпохе как о времени высочайшей организованности и строжайшей дисциплины не всегда выдерживает столкновения с фактами. Прочитирую лишь один документ той эпохи:

**«АКТ О ПРИЕМЕ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
ТОВ. ТИМОШЕНКО С.К. ОТ ТОВ. ВОРОШИЛОВА К.Е.**

Совершенно секретно.

Во исполнение постановления СНК СССР от 8 мая 1940 года за № 690 при приеме Наркомата обороны тов. Тимошенко от тов. Ворошилова в присутствии тт. Жданова, Маленкова и Вознесенского заслушаны доклады Начальников Центральных управлений и установлено следующее.

...Большинство войсковых частей существуют по временным штатам, неутвержденным народным комиссаром...

...Проверка на местах не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов...

...К моменту приема и сдачи Наркомата обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общие, так и частные. Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения Военных советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны...

...Точно установленной фактической численности личного состава Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет. Учет личного состава по вине Главного управления Красной Армии находится в исключительно запущенном состоянии...

...Нового мобилизационного плана Наркомат обороны не имеет...

...Войсковое хозяйство продолжает оставаться в запущенном состоянии. Учет и отчетность по имуществу не налажены...

Подписи: Сдал — К. Ворошилов. Принял — С. Тимошенко

Участвовали при сдаче и приеме: Жданов, Маленков, Вознесенский»¹.

¹ Подробнее см.: Известия ЦК КПСС, 1990, № 1. С. 210—215.

ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ

Военно-политическая целесообразность заключения договора о ненападении 1939 года в общем не вызывает у меня сомнений. Явное нежелание Англии и Франции заключить с СССР честный оборонительный союз против Гитлера практически не оставляло нам выбора. Нельзя не признать целесообразным и стремление отодвинуть границу возможного соприкосновения с Германией как можно дальше на Запад (хотя политические формы и методы решения этого вопроса, как и военная эффективность принимавшихся мер, уже не могут быть оценены столь однозначно). Однако заключенный после падения Польши договор с Германией о дружбе и границе явно выходит за пределы политически целесообразного и выглядит скорее как заигрывание с Гитлером.

Но даже этот договор вовсе не обязывал нас в своей пропаганде обелять фашистскую агрессию в Европе и возлагать ответственность за разжигание войны на англо-французскую коалицию. Нельзя не заметить и того давления из Москвы, которое оказывалось на коммунистические партии, входящие в Коминтерн, с целью заставить их целиком следовать этой линии официальной советской пропаганды.

Такие политические установки нанесли Советскому Союзу несомненный ущерб не только в глазах будущих союзников, но и среди массы населения, сочувственно относившегося к СССР и к социалистическим идеям, а в ряде случаев послужили предлогом для репрессий против коммунистов (например, во Франции).

УРОКИ ФИНСКОЙ КАМПАНИИ 1939—1940 гг.

Недостатки подготовки СССР к войне дали себя знать во время конфликта с Финляндией, причиной которого было стремление изменить линию границы, проходившую в опасной близости от Ленинграда. Советское руководство не смогло решить этот вопрос путем переговоров и перешло к военному решению.

Уже сама подготовка военной кампании свидетельствовала о неблагополучии в наших вооруженных силах. Когда Генеральный штаб представил свой план кампании против Финляндии, Сталин выразил неудовольствие слишком большим, по его мнению, числом сил и средств, привлекаемых к войне. Командующий Ленинградским военным округом Мерецков, чутко уловивший настроение вождя, тут же предложил разработать план военных действий, опирающийся на силы только одного ЛВО. Именно этот план был положен Сталиным в основу зимней кампании 1939—1940 гг. Итоги его реализации были плачевными.

РККА была остановлена перед линией Маннергейма и в бесплодных попытках штурма понесла значительные потери. Немалые потери были вызваны плохой подготовкой войск к действиям в полевых условиях зимой, что привело к значительному числу обмороженных. Сказывалась и слабая лыжная подготовка пехоты. Попытки прорыва финской обороны на востоке Карельского перешейка, где не было серьезной линии укреплений, показали преимущество финских войск в маневренных боевых действиях, что привело к многочисленным обходам и охватам наших частей и соединений, а сами они проявляли пассивность в труднопроходимой местности, насыщенной инженерно-взрывными заграждениями.

Наконец, после присылки значительных подкреп-

лений и усиления войск тяжелой артиллерией линия Маннергейма была все же прорвана и Финляндия запросила мира. Однако эта победа была куплена ценой значительных потерь в людях и в технике (например, костяк танковых войск Финляндии теперь составляли трофейные советские танки). Столь неудачные действия (хотя степень их неудачности раздувалась вражеской пропагандой) превосходящими силами против заведомо слабого противника дискредитировали РККА в глазах потенциальных агрессоров и служили дополнительным фактором, подталкивающим Гитлера к решению о нападении на СССР. Стремясь скрыть выявившиеся в ходе войны с финнами просчеты, Сталин назначил Мерецкова, подготовившего авантюристический план кампании и не сумевшего как следует организовать ее обеспечение, начальником Генерального штаба. Напротив, Шапошников, к плану которого пришлось вернуться после провала плана Мерецкова, был снят со своей должности. Однако вряд ли эта «азиатская дипломатия» могла всерьез кого-то обмануть.

Итак, финская кампания обнажила многие из недостатков, сложившихся в советских вооруженных силах накануне войны. Следует заметить, что Сталин серьезно отнесся к извлечению уроков из советско-финского конфликта. Но очень многого исправить просто не успели, а к решению ряда коренных вопросов и вовсе не подступились.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА СССР И ПЛАН ПРИКРЫТИЯ ГРАНИЦЫ

Широко известен неоднократно повторявшийся тезис о победе, которая должна быть достигнута малой кровью и на чужой территории, о том, что на любую агрессию РККА тут же нанесет ответный сокрушительный удар. Этот подход к военной доктрине СССР пре-

допределил и планы прикрытия границы, и планы строительства оборонительных районов у новой границы. Предполагалось разместить у границы войска, достаточные для того, чтобы сковать передовые группировки агрессора в приграничных сражениях, дав возможность авиации сорвать мобилизационные мероприятия противника, а стратегическим резервам развернуться и нанести из глубины удары, ведущие к разгрому войск агрессора. Таким образом, оборона рассматривалась лишь как временная мера, обеспечиваемая частью сил и призванная лишь создать небольшую оперативную паузу для подготовки наступательных действий основных сил.

Такой план в принципе не исключал вариант, когда РККА берет инициативу в открытии боевых действий на себя, чтобы предупредить вероятного противника в развертывании, сковать его передовые (уже развернутые) группировки и нанести со своей территории удар, способный прорвать передовые позиции противника и разгромить те его войска, которые еще находятся в стадии развертывания и не готовы к отражению наступления. (Замечу в скобках, что именно подобный вариант и был со своей стороны реализован вермахтом.)

Однако вне зависимости от оценки такого замысла следует сказать, что его реализация советским верховным командованием не оставляла никаких надежд на успех.

Численность войсковой группировки, реально выделенной для прикрытия границы, была явно недостаточна для того, чтобы задержать (пусть даже временно) войска агрессора. Плотность войск, выдвинутых в первый эшелон, если судить по нормам тогдашних Уставов, была слишком мала для обороны. Может быть, это определялось заниженной оценкой численности войск противника? Нет, разведывательные данные, которыми располагал Генеральный штаб РККА, на самом деле завышали действительную численность сил и

средств, которые предполагал использовать вермахт. Правда, о численности группировки, развернутой у границ СССР, у нашей разведки были как раз заниженные сведения. Она оценивалась на 1 июня 1941 г. в 120 дивизий. Однако и это не объясняет ряда недопустимых просчетов.

Во-первых, недостаток количества войск, выделенных для отражения первого удара противника, был наглядно выявлен в ходе штабной игры 1940 года. Хорошо известно, что «западные», за которых играл Г.К. Жуков, по результатам игры нанесли поражение «восточным» и продвинулись далеко в глубь их территории (хотя по условиям этой игры отыгрывался даже не начальный период войны, а последующие операции). Менее известен эпизод, когда в ходе фронтовых учений Западного направления генерал-лейтенантом Ватутиным была дана вводная, поразительно схожая с имевшими место позднее реальными действиями 4-й танковой группы вермахта по прорыву наших позиций в Прибалтике в районе Лиды. И что же выяснилось? Выяснилось, что никаких возможностей для парирования этого прорыва в распоряжении армейского звена нет. Однако никаких последствий этот эпизод, хотя о нем было доложено И.В. Сталину, не имел, в то время как он должен был бы всерьез насторожить высшее военное руководство.

Во-вторых, войска прикрытия не были развернуты в оборонительную группировку, не занимали укрепрайонов и оборонительных сооружений, не имели на руках боеприпасов. Более того, значительная часть танковых войск, артиллерии и войск связи была выведена перед самым началом войны для учений на специальные полигоны в отрыве от своих частей и соединений. Таковы были следствия позиции Сталина, считавшего, что не следует провоцировать Германию.

В-третьих, даже те недостаточные плотности войск, которые мы имели перед началом войны, начали соз-

даваться только с середины мая 1941 года, в то время как противостоящая немецкая группировка усиливалась регулярными перебросками войск уже с февраля. Прибывающие войска опять-таки не развертывались в оборонительные группировки. Они располагались во временных лагерях, и зачастую даже командные кадры не имели возможности толком ознакомиться с театром военных действий и позициями, которые им предстояло оборонять.

К 22 июня в первом эшелоне армий прикрытия находилось 56 стрелковых и кавалерийских дивизий и 2 бригады даже (на 7 дивизий меньше, чем предусматривалось планом прикрытия!). А в первом эшелоне наступательной группировки вермахта было 157 дивизий¹, притом что численность немецкой дивизии была больше. Совершенно бессмысленным актом было разоружение укрепрайонов по линии старой границы. Можно, конечно, сослаться на реальную нехватку артиллерийско-пулеметного вооружения для новой линии укрепрайонов, но разоружать старую линию до того, как будет готова новая, в любом случае нелепо. О старых укрепрайонах вспомнили перед самой войной, но восстановить уже не успели.

К слову сказать, все эти несуразности послужили аргументом для некоторых ретивых писателей, чтобы обосновать версию о том, что СССР будто потому и не держал в готовности оборонительную группировку, что собирался не обороняться, а первым напасть на Германию. Тогда развертывание могло только насторожить противника. Но даже если поверить в эту версию (а она основана на многочисленных передержках и подтасовках), то и тогда нежелание держать на границе развернутые оборонительные группировки является глупо-

---

¹ История Второй мировой войны, т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 451.

стью и недооценкой противника. А что, если противник все же вскрыет замысел нападения и ударит по неразвернутым еще соединениям? Так что с любой стороны — это грубая ошибка.

В заслугу Сталину можно было бы поставить те меры, которые он принимал с 1939 года по наращиванию численности вооруженных сил в преддверии вероятного конфликта с Германией, как и укрепление войсковых группировок приграничных округов. Однако и здесь не обошлось без просчетов. Массовое одновременное развертывание множества новых соединений, происходившее перед самой войной, нередко приводило к тому, что эти соединения оказывались длительное время не обеспеченными штатной техникой, командными кадрами, личным составом и оказывались реально небоеспособными. Скажем, развертывание танковой бригады в механизированный корпус приводило к тому, что вместо боеспособной бригады мы получали временно небоеспособный корпус. Временно — но это «временно» происходило в приграничных округах буквально накануне войны, которую в результате многие новые соединения встретили в виде неорганизованной массы, где солдаты даже плохо знали своих командиров.

ОЦЕНКА СРОКОВ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Версия, что Сталин игнорировал данные разведки и преступно проморгал начало войны, получила широкое хождение уже в начале 60-х годов, а затем была подхвачена и раздута «перестроечной» публицистикой. Но анализ доступных данных о донесениях разведки показывает, что это был клубок крайне противоречивых сведений, многие из которых потом опровергались последующими сообщениями тех же разведчиков. Уга-

дать, что в этом потоке, содержащем и массу прямой дезинформации, инициированной германскими спецслужбами, единственно верной датой является 22 июня, было крайне затруднительно, если вообще возможно. И все же установление этих фактов не снимает полностью ответственности со Сталина.

Нельзя возлагать на него ответственность за то, что он не угадал дату 22 июня. Немцам удалось усыпить его бдительность также и тем, что никаких претензий советской стороне не выдвигалось. Но были и вполне установленные факты: во-первых, факт продолжающегося с февраля 1941 года систематического наращивания группировки вермахта у советской границы, во-вторых, факт начатой вокруг этого дезинформационной игры германской разведки. Уже одного этого было достаточно, чтобы насторожиться и «держать порох сухим». Сталин же маниакально уверовал в свою способность оттянуть различными дипломатическими маневрами срок войны до 1942 года, когда должны были быть в основном завершены начатые мероприятия по расширению и перевооружению РККА, по строительству новых укрепрайонов и аэродромной сети в приграничных областях. Этой маниакальной уверенности была принесена в жертву реальная боеготовность войск прикрытия.

Впрочем, к чести Сталина следует сказать, что 18 июня были изданы директивы, имеющие целью повысить боевую готовность приграничных округов (в том числе предписывались маскировка и рассредоточение самолетов на приграничных аэродромах). Однако полностью предписанные мероприятия осуществлены не были, а жесткого контроля реализации этой директивы не проводилось.

ПОРАЖЕНИЯ РККА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Сражения начального периода войны выявили два весьма прискорбных факта — неготовность РККА к ведению современной войны и неготовность верховного главнокомандования руководить войсками в такой войне.

В прессе многократно высказывались самые различные версии того, как вел себя Сталин в первые часы и дни Великой Отечественной войны. Отсутствие достоверных свидетельств позволяет авторам этих версий выдвигать прямо противоположные утверждения — от заявлений о том, что Сталин находился в полной растерянности и даже прострации, фактически отстранившись от решения насущных вопросов обороны страны, до утверждений, что Сталин действовал спокойно и уверенно, как обычно.

Я лично не склонен доверять тем, кто полагает, будто Сталин впал в панику. Однако и действия Сталина по управлению войсками в первые дни войны, и действия высших войсковых командиров носят печать растерянности перед неожиданно складывающейся и до конца не ясной обстановкой. Многие крупные соединения неоднократно перебрасывались с места на место, совершали изнурительные марши, несли потери, так и не вступая в бой. Нередко отдавались противоречивые приказы то об оставлении какой-либо территории, то вновь о занятии оставленных по приказу позиций¹. Разумеется, это вызвано не злым умыслом, а недостатком информации, запоздалым ее поступлением. Однако столь поспешная и неоднократная перемена принятых решений свидетельствует и о другом.

¹ См., например: *Поппель Н.К.* В тяжкую пору. М.: Воениздат, 1959. С. 131—132, 134—136.

Когда стремление восстановить положение любой ценой превалирует над любыми рациональными соображениями военной науки — это свидетельство растерянности. Растерянность Сталина очевидно сквозит в его требовании немедленно нанести контрудары по прорвавшимся немецким войскам. Такой подход вел к тому, что контрудары осуществлялись без какой бы то ни было подготовки, без разведки, без организации взаимодействия частей и соединений и даже без учета реальных сроков выдвижения этих соединений к району намечаемого контрудара. Попытки возражать этим нереальным приказам и распоряжениям наткнулись на грубый окрик и угрозы. Высшее военное руководство страны не пыталось противостоять сталинским желаниям, и само усвоило эту манеру управления войсками¹. Одновременно отмечались случаи, когда военачальники упрямо игнорировали вполне рациональные распоряжения, отдававшиеся сверху.

Вот что свидетельствует о состоянии руководства войсками командовавший в 1941 году Южным фронтом И.В. Тюленев:

«Не имея конкретной, вытекающей из обстановки задачи, наши войска вынуждены были вести боевые действия на случайных рубежах...

Растерянность командного состава и штабов в те памятные июньские дни часто приводила к потере управления войсками, что сильно отражалось на боеспособности частей.

...Никакой организованной обороны создать и занять наши войска в первые дни войны не могли. Бои носили разрозненный характер. Вместо сплошного фронта обороны, который не мог быть создан из-за не-

---

¹ См. там же. С. 137—141; *Сандалов Л.М. Пережитое*. М.: Воениздат, 1966. С. 114.

организованного вступления в бой частей прикрытия, отдельные очаги и очажки»¹.

Совершенно несправедливо было бы отвергать действительную необходимость быстро реагировать на прорывы немецких подвижных войск контрударами наших собственных подвижных соединений по флангам танковых групп вермахта. Это было единственно возможное оперативное решение в тех обстоятельствах. Однако его исполнение оказалось на редкость неумелым, подверженным скорее эмоциям, чем профессиональному военному расчету.

Особенно ярко панический стиль руководства проявил себя в организации контрударов самыми мощными соединениями, которыми располагала тогда РККА — механизированными корпусами. Эти корпуса бросались в бой по частям, не успевая сосредоточиться, и в результате, будучи в целом сильнее противника, в каждый данный момент боя оказывались слабее, ибо могли действовать лишь частью сил, и в результате вступившие в бой части оказывались биты. А подходящие подкрепления оказывались лицом к лицу с противником, только что разгромившим их ранее вступивших в бой товарищей. Корпуса шли в бой без разведки, не зная даже, где находятся противостоящие им силы противника и наши собственные войска, без прикрытия с воздуха, без обеспечения горючим, боеприпасами и ремонтно-эвакуационными средствами, не поддержанные пехотой и артиллерией. Не зная реальной обстановки, Ставка нередко предписывала участие в контрударах соединениям, которые уже были втянуты в тяжелые оборонительные бои. Это, естественно, ослабляло реальный ударный кулак, который нередко существовал только на бумаге.

10-й механизированный корпус, который в начале

---

¹ Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1960. С. 148.

войны был брошен на финскую границу, получив приказ о наступлении, смог ввести в бой всего... *один танковый батальон*, от которого очень быстро оторвались и пехота и артиллерия, реально не оказавшие ему поддержки! И дело здесь было не в том, что корпус не успел сосредоточиться и вынужден был вступать в бой своими передовыми частями (как это происходило при организации большинства других контрударов). Здесь проявилась неспособность высшего командного состава РККА грамотно распорядиться крупными танковыми соединениями. Командующий 23-й армией генерал-лейтенант П.С. Пшенников, в ведении которого находился корпус, начал изымать из состава корпуса танковые взводы, роты и даже батальоны, придавая их стрелковым дивизиям первой линии и управлениям корпусов¹, раздергав корпус по частям и фактически ликвидировав его как крупное танковое соединение.

Несогласованные и непродуманные удары мехкорпусов приносили в лучшем случае незначительный кратковременный выигрыш, покупавшийся слишком дорогой ценой. Скажем, относительно успешный (не приведший к немедленной гибели наносивших его корпусов) контрудар на Юго-Западном направлении в районе Броды-Дубно, который координировал сам Г.К. Жуков, страдал теми же недостатками (отсутствие разведки, отсутствие взаимодействия между корпусами и с соседями, отсутствие поддержки авиацией, отсутствие нормального снабжения горючим и боеприпасами). А ведь Жукова нельзя было упрекнуть в незнании этих азбучных истин организации современной операции (что он доказал на практике на Халхин-Голе). Здесь сказлось и отсутствие в Ставке достоверной информации, и подмена этой информации собственным нетерпением и начальственным окриком, и неспособ-

---

¹ См.: <http://mechcorps.rkka.ru/files/mechcorps/>

ность высшего и среднего командного звена мехкорпусов реализовать требования собственных уставов при организации крупной войсковой операции.

Подобные же недостатки были свойственны и организации боя частей и соединений сухопутных войск в целом. Не было налажено взаимодействие с приданными им средствами усиления (танками и артиллерией). Не были развернуты тыловые службы, что резко ухудшало боевое снабжение войск. Не было надежной связи с вышестоящими штабами. Подтягивавшиеся из глубины резервы подвергались сильному воздействию авиации противника, запаздывали и вводились в бой по частям. Стойкость войск во многих случаях оказывалась низкой, солдаты покидали позиции нередко в результате лишь беспокоящего артобстрела с дальних дистанций, а то и вовсе из-за панических слухов («Обошли! Окружают!»)¹. В случае окружения сопротивление редко носило организованный и упорный характер, солдаты и офицеры сдавались в плен десятками тысяч. В течение первых трех месяцев боевых действий почти все войска, сосредоточенные в приграничных округах, были разгромлены. Фронт удавалось держать только благодаря наличию крупных стратегических резервов, непрерывно подтягивавшихся из глубины страны.

КУДА ДЕЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА?

Советская танковая промышленность, созданная фактически с нуля, сумела развернуть в 30-е годы массовое производство танков. Начав с копирования и совершенствования зарубежных образцов (американско-

¹ См.: Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965. С. 175—180; Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1964. С. 22—23.

го «Кристи», английских «Виккерса» и «Индепенденса»), она сумела не только произвести величайшую в мире танковую армаду, но и создать перед войной превосходные образцы танков, равных которым не было тогда в мире. В заслугу Сталину можно поставить тот факт, что он по достоинству оценил новаторские идеи, заложенные в конструкцию танка «Т-34» и поддержал развертывание его производства. Однако танки «Т-34» и «КВ» выпуска 1940—41 гг. были еще «сырыми» машинами, имевшими ряд конструктивных недостатков, снижавших их потенциально высокую боевую ценность. Кроме того, к 76-мм пушкам этих танков почти не имелось бронебойных снарядов.

Новых средних танков «Т-34» и тяжелых «КВ» наша армия имела на советско-германском фронте лишь немногим меньше, чем вермахт — средних танков «Pz.III» и «Pz.IV», примерно эквивалентных нашим машинам по боевым качествам. Наши легкие танки «БТ-7» и «БТ-7м» сравнительно недавнего выпуска (выпуск прекращен в 1940 году) явно превосходили немецкие легкие танки «Pz.I» и «Pz.II» и качественно, и количественно. Более того, уступая немецким средним танкам «Pz.III» и «Pz.IV» в бронировании, «БТ-7» не уступал им в скорости и превосходил в запасе хода, а его 45-мм пушка хотя и с трудом (из-за низкого качества бронебойных снарядов), но все же была способна поражать эти танки в борт с дистанции до 300 м. Кроме того, РККА имела несколько тысяч устаревших танков «Т-26», «БТ-2» и «БТ-5». Эти танки не уступали немецким легким танкам и вполне годились для поддержки пехоты. Конечно, среди этих танков была весьма велика доля крайне изношенных и полностью небоеспособных машин. Но вряд ли нам стоит ставить этот факт Сталину в заслугу...

Всего против СССР развертывалось: 160 «Pz.I» (абсолютно устаревших, с пулеметным вооружением), 753

«Pz.II», 625 легких чешских танков «Pz.38(t)», 1118 «Pz.III», 429 «Pz.IV», 84 огнемётных танка, 187 командирских танка «PzVef» — в общей сложности 3356 бронеединиц¹ (не считая танки резерва, переброшенные на Восточный фронт лишь в сентябре 1941 г.), из них 1547 средних танков. В это число входят лишь бронеединицы танковых групп. Если учесть, помимо этого, танки в отдельных частях и подразделениях, сверхштатные танки, самоходные орудия, а также бронетехнику союзников Германии, то общее число единиц бронетехники агрессора на Восточном фронте приблизится к 4,5 тысяч.

Чем же располагала РККА на этом же театре военных действий? (Ниже в скобках я указываю число танков лишь исправных или требующих только текущего ремонта):

469(466) новых тяжелых танков «КВ» (аналогов которых у немцев не было вовсе), 51(42) устаревший тяжелый многобашенный танк «Т-35», 832(831) новых средних танка «Т-34», 424(377) устаревших средних танка «Т-28», 1549(815) устаревших легких разведывательных плавающих танков «Т-37» и «Т-38» с пулеметным вооружением, 115(115) новых легких плавающих танков «Т-40», 4221(3602) устаревший легкий танк «Т-26», 1274(1040) устаревших легких танка «БТ-2» и «БТ-5», 3288(2851) легких танков «БТ-7», 542(487) специальных танка, 17(8) «САУ», 112(69) бронированных машин на танковой базе, 1087(534) безнадежно устаревших танкеток.

Итого мы имели на Западе *только исправных* 1716 тяжелых и средних танка, из них 1297 — новейшие «Т-34» и «КВ»; 8423 легких танка, из них 2851 вполне боеспо-

¹ См.: Thomas L. Jents. Panzertruppen 1933 — 1945, Schiffer Military History Book, 1997.

собных «БТ-7» и 115 новых «Т-40», а в общей сложности — 11 237 исправных бронеединиц¹. Таким образом, получаем если и не трехкратное (как это следует из чисто количественного подсчета), то в любом случае преобладающее и качественное, и количественное превосходство над германскими танковыми войсками.

Следует отметить, что к исправным, по принятой в РККА системе учета, можно отнести танки 1-й категории (новые исправные танки) и 2-й категории (бывшие в эксплуатации танки — исправные и требующие текущего ремонта). К сожалению, невозможно установить, какая часть танков требовала текущего ремонта, а значит, была и осталась (ввиду отсутствия запчастей к танкам старых типов) небоеспособной, и какая часть новых исправных танков, находившихся на хранении, не была испытана в войсках и их реальная техническая пригодность не была проверена. По ряду отрывочных данных можно предположить, что значительная (если не основная) часть танков «БТ-2», «БТ-5» и «Т-26» была либо небоеспособна, либо крайне изношена и чрезвычайно быстро оказывалась небоеспособна. Однако и такие танки могли сыграть свою роль в качестве неподвижных или ограниченно подвижных огневых точек в обороне. Перегрузка танкового парка РККА изношенными машинами также была нерациональным решением, ведущим к неверной оценке возможностей развертывания полноценных танковых и механизированных соединений.

Так или иначе, в любом случае количественное и качественное превосходство танкового парка РККА не

---

¹ Рассчитано автором по: <http://www.russ.ru/forums-new/war-ist/messages/21905.html>. См. также: Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны: Статистический сборник №1 (22 июня 1941 года). — М.: Воениздат, 1994.

вызывает сомнений. Но уже к началу Смоленского сражения — на Западном фронте, а позднее — и по всему советско-германскому фронту количественное превосходство в танках было нами потеряно. Почему же так произошло?

Следует учесть, что воюют не танки сами по себе, а организованные войсковые единицы, нуждающиеся в управлении, связи, подготовленных кадрах специалистов, в снабжении горючим и боеприпасами, и эффективно применяться они могут не изолированно, а только во взаимодействии с артиллерией, пехотой и авиацией.

Нередко даже без столкновения с танковыми соединениями противника, не имея поддержки своей артиллерии и пехоты, наши мехкорпуса несли огромные потери в танках, натываясь на неплохо организованную противотанковую оборону немецкой пехоты и активные действия немецкой авиации.

Прочитую мнение военного комментатора Сергея Харламова: «...Немцы располагали многочисленной противотанковой артиллерией. Основной их противотанковой пушкой была 37-мм пушка с длиной ствола 45 калибров. К 1 июня 1941 года их насчитывалось 14 459. На расстоянии 500 метров ее снаряды пробивали 30-мм броню (под углом 90 градусов) и 25-мм броню (под углом 60 градусов), при использовании подкалиберных снарядов бронепробиваемость возрастала соответственно до 42 и 36 мм. Против «Т-34» и «КВ» эти пушки были совершенно бесполезны, но «БТ» они подбивали без проблем. К тому же немецкая артиллерия была моторизована практически на 100% (а наша — на 20%). В 1941 году это приводило к тому, что, как правило, немцы успевали организовывать противотанковую оборону в случае советских танковых атак и рейдов. Если к этому добавить и господство

немецкой авиации над полями сражений, то нетрудно себе представить, чем заканчивались эти атаки...

К тактике танковых засад у нас перешли только осенью 1941 года — после того как было выбито 90% наших танков. Одна из причин столь позднего изменения тактики ведения боя заключалась в том, что боевой устав предусматривал для танковых частей только один вид боя, как в наступлении, так и в обороне, — атаку. Стрельба с места в обороне допускалась в исключительно редких случаях. Вот и шли в атаку БТ без авиационной и артиллерийской поддержки, шли прямо под прицельный огонь противотанковых пушек и немецких танков, стрелявших с места. Потери были ужасающими»¹.

При ряде неточностей и преувеличений в этом заявлении (например, 100%-ная моторизация артиллерии у немцев была только в танковых группах; 37-мм пушка при некоторых условиях могла поражать «Т-34» и даже «КВ»; танковые засады не являются панацеей...), оно отражает реальные проблемы наших танковых войск в начальный период войны.

Кроме того, танковые соединения несли потери от авиации противника на марше, нередко оказывались лишенными боеприпасов и горючего как из-за действий авиации противника, так и из-за отставания с развертыванием служб тыла (в мирное время эти службы в большинстве случаев просто отсутствовали); незначительные поломки выводили танки из строя, а эвакуировать в тыл их было нечем. Из-за этого приходилось подрывать или сжигать даже вполне исправные танки (в том числе и новейших образцов), а нередко их просто бросали.

Отсутствие радиосвязи в каждом танке препятство-

---

¹ www.deol.ru/manclub/war/suv31.htm

вало согласованному маневру танков на поле боя. Уставной же способ подачи сигналов командирами (при помощи флажков, высунувшись из люка) вел к неоправданным потерям офицерского состава танковых войск.

В результате подобных действий огромное превосходство над противником как в качестве, так и в количестве бронетехники, которой РККА располагал в начале войны, было быстро и бездарно утрачено.

Оказалось, что мало располагать совершенной техникой и накопить ее больше, чем противник. Надо было еще и овладеть ею. Однако в ходе первых недель войны выяснилась неспособность большей части командного состава организовать взаимодействие в ходе боя танков, авиации, артиллерии и пехоты, что вело к неудачным действиям как танковых, так и пехотных частей и соединений. Оказалось, что танки без горючего и боеприпасов представляют собой просто металлолом (достающийся при этом противнику в виду отсутствия средств эвакуации). Оказалось, что большая часть экипажей новейших танков не успела их как следует освоить и не может полностью использовать возможности этих боевых машин. Совокупность этих причин привела к тому, что к сентябрю-октябрю 1941 года почти вся танковая техника, сосредоточенная перед войной в западных округах, была потеряна¹.

И это было несомненным следствием грубейших просчетов в подготовке танковых войск РККА к современной войне, за которые Сталин как высший руководитель несет свою долю ответственности:

---

¹ Подробнее см.: *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М.: АСТ, 2001. Несмотря на явную тенденциозность автора и ряд фактических ошибок, в книге собран богатый материал по проблеме потерь танковых войск.

КУДА ДЕЛИСЬ «СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ» ?

Авиация перед войной была одним из предметов гордости советских людей и предметом неустанного внимания Сталина. Авиационная промышленность, созданная в годы первых пятилеток, смогла снабдить наши вооруженные силы большим количеством самолетов, стоявших близко к уровню самолетов, принятых на вооружение в ведущих странах мира. Что же могли нам противопоставить наши противники?

Для войны против СССР разворачивались около 3100 самолетов Люфтваффе, в том числе 1025 одномоторных истребителей, 93 двухмоторных истребителя, 953 двухмоторных бомбардировщика, 307 пикирующих бомбардировщиков, 715 разведчиков¹.

Советские вооруженные силы (РККА, флот, Дальнебомбардировочная авиация и резерв Ставки) имели на Западном ТВД исправных самолетов 9550 (из них бомбардировщиков 3936, истребителей 4889, разведчиков 756), в том числе сравнительно современных и новых типов (включая в их число истребители «Як-1», «МиГ-1» и «МиГ-3», «ЛаГГ», бомбардировщики «Пе-2», «Як-2», «Як-4», «Ар-2», «ДБ-3ф») — 2314².

Итак, мы видим здесь опять тройное количественное превосходство советских ВВС над Люфтваффе. Что касается качественного состава, то здесь существовало примерное равенство машин современных типов, лишь незначительно уступавших новым образцам са-

---

¹ Groehler, Olaf Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1970. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1977/1975.

² Рассчитано автором по: <http://www.russ.ru/forums-new/war-ist/messages/21905.html>. См. также: Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны: Статистический сборник №1 (22 июня 1941 года). — М.: Воениздат, 1994.

молетов Люфтваффе. Таких машин у нас имелось на Западном ТВД 2314 (исправных). Что касается немецко-фашистских войск, то из 3100 самолетов, сосредоточенных против СССР, часть принадлежала к устаревшим типам («Хе-111», «Ю-87»).

Нередко захват немецкой авиацией господства в воздухе списывается на неудачное начало военных действий, на просчеты, позволившие Люфтваффе нанести чувствительный удар по нашим аэродромам и вывести из строя значительное количество самолетов. Однако потери на земле были вызваны не внезапностью — первый удар люфтваффе по нашим аэродромам как раз не привел к значительным потерям, — а систематическим воздействием противника по нашим аэродромам при отсутствии реального плана вывода наших самолетов из-под удара на запасные площадки.

Наши потери на земле и в воздухе за первый день войны действительно были очень велики — по нашим официальным данным, они составили около 1200 самолетов, из них 768 пришлось на Западный особый военный округ¹. Данные из немецких источников называют цифру примерно в 1800 машин, а данные нашего собственного учета материальной части позволяют сделать вывод, что потери составили не менее 2000 машин в первый день и примерно 3900 — за первые два дня. Далеко не все здесь — боевые потери. В отличие от немецкой авиации в это число попали и самолеты даже с небольшими повреждениями, и вовсе исправные, которые пришлось бросить на оставляемой территории². Однако этого было еще далеко не достаточно, чтобы изменить общее количественное соотношение сил в воздухе в пользу немецко-фашистских войск. Лишь на Западном фронте потери довольно резко изменили со-

¹ История Второй мировой войны, т.4. М.: Воениздат, 1975. С. 35.

² <http://www.ipclub.ru/arsenal/officerroom/hazanov/index.htm> (Д. Хазанов. Вторжение).

отношение сил. Однако основная драма теперь разворачивалась не на земле, а в воздухе.

При количественном превосходстве нашей авиации борьба за господство в воздухе была проиграна в первый же день, поскольку соотношение потерь в воздушных боях складывалось явно не в нашу пользу. В первый день войны было сбито в воздухе 322 наших самолета (по немецким данным — 392). По нашим официальным данным, немцы потеряли в воздушных боях около 200 машин. Немцы рапортовали о потере 35 машин¹. На самом деле, как было установлено по немецким архивам, их безвозвратные потери составили 63 машины, а вместе с самолетами союзников их потери превысили 70 машин². Но так или иначе, героизм и мастерство отдельных наших летчиков столкнулись с явным превосходством и выучки среднего немецкого воздушного бойца, и качества материальной части Люфтваффе, и способностей немецкого командования к управлению боевыми действиями в воздухе.

На Западном фронте количественное соотношение наших и немецких самолетов перевернулось в обратную сторону за какую-то неделю. Именно там происходили эпизоды, с таким трагическим напряжением изображенные К.Симоновым в его романе «Живые и мертвые». Не прошло и трех месяцев, как господство германской авиации в воздухе лишило наши ВВС их былого количественного превосходства. Огромное число самолетов и множество летчиков было потеряно.

Что же случилось?

А случилось примерно то же, что и с танковыми войсками. И организация наших ВВС, особенно орга-

---

¹ <http://www.ipclub.ru/arsenal/officerroom/hazanov/index.htm>; Ch.Shores. Luftwaffe fighter units Russia 1941—45, Osprey, 1978.

² <http://www.ipclub.ru/arsenal/officerroom/hazanov/index.htm>; ЦАМО, ф.35, оп.11280, д.798, л.182.

10 мифов об СССР

низация управления и связи, и качества командного состава, и подготовка экипажей оказались не на высоте требований современного боя. Большинство истребителей (даже новых конструкций, где была предусмотрена установка радиостанции) не было радиофицировано. Авиационная разведка, наземная служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) были поставлены неудовлетворительно. Взаимодействие с командованием частей и соединений сухопутных войск не было налажено.

Крайне негативно сказались на использовании авиации черты, характеризовавшие стиль управления войсками, сложившийся к концу 30-х годов: боязнь ответственности и инициативы, чиновничество, стремление скрыться за бумажными отчетами и т.д. Это вело к распылению сил и средств под давлением вышестоящих начальников, к погоне за числом самолето-вылетов «для отчетности» и «успокоения начальства», к таким недопустимым явлениям, как использование ночных бомбардировщиков днем без истребительного прикрытия, к боязни делать выводы из опыта первых дней боев и отказываться от не оправдавших себя тактических установок и т.д.

Часто это приводило к тому, что при общем количественном превосходстве советской авиации ее не оказывалось в нужный момент в нужном месте, либо в этот момент и в этом месте немецкой авиации удавалось создать количественный перевес.

Не удалось использовать возможности недавно поступившей в войска современной авиационной техники (близкой по своим параметрам к лучшим немецким образцам), поскольку она еще не была освоена летчиками, и для новых самолетов катастрофически не хватало боеготовых экипажей. Так, для 201 исправного «Пе-2» в ВВС РККА в наличии было только 27 боего-

товых экипажей. Несколько лучше дело обстояло на флоте: там для 151 исправного «Пе-2» нашлось уже 96 боеготовых экипажей. Столь же плохо дело обстояло с истребителями: для 786 исправных «МиГ-3» в ВВС РККА успели подготовить только 322 экипажа и т.д.¹ Вероятно, именно поэтому значительная часть новейших самолетов была уничтожена и просто брошена на земле в первые дни войны — их просто некому было поднять в воздух.

Итак, несмотря на неустанную заботу и внимание товарища Сталина, выпестованные им «сталинские соколы» не смогли выдержать удара количественно меньших, но лучше подготовленных сил Люфтваффе. В личном героизме советских летчиков не сомневается никто, в том числе и противник. Проблема была в массе ошибок и просчетов, допущенных при подготовке ВВС к войне. Исправлять эти недостатки и упущения, восполнять потери и идти к завоеванию господства в воздухе пришлось долгим путем, ценой тяжелых потерь и перенапряжения сил народа.

ЭВАКУАЦИЯ

Несомненной заслугой руководства СССР, включая, разумеется, и Председателя СНК СССР И.В. Сталина, была организация эвакуации населения и промышленности с территории, оказавшейся под прямой угрозой оккупации (непосредственное руководство эвакуацией осуществлял Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником, его первыми заместителями были

---

¹ Рассчитано автором по: <http://www.russ.ru/forums-new/war-ist/messages/21905.html>. См. также: Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны: Статистический сборник №1 (22 июня 1941 года). — М.: Воениздат, 1994.

А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин). Эпопея с эвакуацией советской промышленности на Восток не имеет себе равных в мировой истории. Без проведения эвакуации было бы невозможно обеспечить военно-техническое превосходство над Германией, достигнутое в ходе войны. Под утверждением, что эвакуация промышленности на Восток была решающим сражением начального периода Отечественной войны, выигрыш которого определил провал нацистской агрессии, есть немалые основания.

Всего в ходе эвакуации на Восток было перебазируется 1523 предприятия, из них более 1360 крупных предприятий (главным образом военных или связанных с производством продукции военного назначения)¹. Вместе с предприятиями было эвакуировано примерно 30—40% их персонала. Всего на Восток было вывезено около 10 млн советских людей.

Кроме этого, на Восток было перебазировано множество научно-исследовательских институтов, вузов, музеев, библиотек.

Было эвакуировано значительное количество запасов материальных ценностей, около 2,4 млн голов крупного рогатого скота.

Для эвакуационных перевозок 1941 года было использовано примерно 1,5 млн железнодорожных вагонов. 870 тыс. тонн грузов было перевезено водным транспортом².

В сжатые сроки была проделана колоссальная работа по размещению эвакуируемых людей и предприятий в восточных районах страны. С огромным напряжением сил шла работа по вводу эвакуируемых предприятий

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 41.

² История Второй мировой войны, т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 140.

в строй. Были созданы по существу новые промышленные районы на Востоке. 266 предприятий было размещено в Поволжье, 667 — на Урале, 244 — в Западной Сибири, 78 — в Восточной Сибири, 308 — в Казахстане и Средней Азии.

Значительно менее успешно осуществлялась эвакуация населения. Более или менее организованной была лишь эвакуация кадров вывозимых на Восток предприятий, советских и партийных работников, членов семей офицерского состава, да и то не всегда. Нередко эвакуация начиналась со значительным запозданием, и тогда приоритет отдавался вывозу военного имущества и оборудования предприятий.

Хотя из прифронтовой полосы удалось эвакуировать 10 млн чел., а всего на Восток так или иначе было перемещено около 25 млн, значительную часть из них составляли не организовано эвакуированные, а стихийные беженцы. Существенный просчет был связан с малыми масштабами эвакуации населения из Ленинграда, что весьма осложнило затем снабжение населения в блокадный период.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Не меньшей личной заслугой Сталина являются те усилия, которые он предпринимал для налаживания работы военной промышленности СССР. При этом были эффективно использованы сильные стороны советской централизованной плановой системы, оказавшейся как нельзя более пригодной для осуществления военной мобилизации экономики, и одновременно смягчены ее наиболее болезненные недостатки.

Именно централизованная плановая система позволила в кратчайшие сроки изменить структуру выпуска промышленной продукции, изменить характер коопе-

рациональных связей между десятками тысяч предприятий, сконцентрировать все ресурсы прежде всего для выпуска военной продукции.

Разумеется, это означало одновременно резкое сокращение ресурсов для выпуска гражданской продукции, бедствия и лишения для основной массы населения СССР. Тем не менее, несмотря на потерю огромной части сельскохозяйственных районов, массовый голод удалось предотвратить. Резкое сжатие рациона, систематическое недоедание, рост заболеваемости и смертности из-за скудного питания, нередкие случаи голодной смерти — все это было, но не повторилось ничего подобного голоду 1932/33 года.

В ходе широкомасштабной структурной перестройки производства, налаживания выпуска военной продукции на гражданских предприятиях, обеспечения производства необходимых для этого сырья, материалов, комплектующих изделий применялись достаточно жесткие методы планового руководства вплоть до ответственности за выполнение плановых заданий по нормам военного времени. Однако в то же время масштаб, сложность, и настоятельность задач, которые надо было решать в кратчайшие сроки, диктовали и расширение фактической самостоятельности руководителей предприятий. Руководителям производства нередко прощались нарушение разного рода правил и инструкций, если оно было оправдано достигнутым результатом — расширением выпуска военной продукции.

В результате СССР превзошел экономически более мощную Германию (опиравшуюся, кроме того, на ресурсы союзников и покоренных стран Европы — см. табл. 1) по размерам военного производства именно благодаря свойствам плановой системы. СССР удалось довести долю военной продукции в выпуске до недостижимых для других воюющих стран величин.

**ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ
ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР
И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1940—1944 ГГ.**

Продукция	СССР	Германия*	Соотношение
Электроэнергия, млрд квт-ч	195,9	352,7**	1:1,8
Уголь, млн т	607,4	2924,0	1:4,8
Сталь, млн т	63,7	162,6	1:2,6

* С учетом ввоза из оккупированных стран, присоединенных территорий и импорта.

** В границах Германии 1937 г.

Источники: История Второй мировой войны, т. 12. М.: Воениздат, 1982. С. 159.

В расчете на каждую тысячу тонн выплавленной стали советская промышленность производила в пять раз больше танков и артиллерийских орудий, на тысячу выпущенных металлорежущих станков — в восемь раз больше самолетов, чем германская промышленность.

Хотя национальный доход страны в целом и производство всех основных видов промышленной продукции в ходе войны сокращались вплоть до 1943 года (а в некоторых отраслях — и до 1944), и даже в 1945 году далеко не достигали довоенного уровня, в производстве военной продукции после кратковременного снижения (в конце 1941 — начале 1942 гг.) был достигнут существенный рост. По размерам среднегодового выпуска полевой артиллерии СССР превосходил Германию более чем в 2 раза, по минометам — в 5 раз, по противотанковым орудиям — в 2,6 раза, хотя несколько уступал в выпуске зенитных орудий. В 1942—1944 гг. советская промышленность ежемесячно производила свыше 2 тыс. танков, в то время как Германия в период мак-

симального подъема производства танков — в мае 1944 г. — произвела только 1450 танков.

Сталин, стоявший во главе Советского правительства, разделяет со всем советским народом славу, по праву принадлежащую им как творцам оружия Победы.

В постперестроечное время ряд историков стал выражать сомнение в достоверности данных советской статистики о выпуске вооружений, выдвигая предположения о значительных приписках в отчетности. Эти сомнения основывались на факте сокращения числа рабочих рук в промышленности и замены квалифицированных рабочих малоквалифицированными женщинами и подростками. В результате, с их точки зрения, значительный рост производительности труда в промышленности является малоправдоподобным¹. Такие сомнения надо отнести скорее к категории домыслов, поскольку они не считаются с реальными фактами.

Во-первых, отчетность по выпуску военной техники крайне сложно исказить приписками, поскольку она предполагала натуральный учет изделий (и в отличие от валовых объемов производства или объемов строительных работ гораздо труднее поддавалась подтасовкам — поэтому советские данные о выпуске продукции в натуральном выражении западными экспертами сомнению не подвергаются); во-вторых, дополнительный жесткий контроль осуществлялся органами военной приемки. Что касается производительности в сфере выпуска военной техники, то здесь следует обратить внимание на следующие факторы: 1) рост продолжительности рабочего времени по меньшей мере в 1,5 раза; 2) значительное увеличение интенсивности труда, превосходившее, с точки зрения стороннего наблюдателя, все мыслимые пределы (люди работали бук-

¹ Ссылка на такие сомнения содержится, например, в: *Каца Л.* Великая Отечественная война (<http://his.1september.ru/1999/his45.htm>)

важно на износ); 3) значительно меньший, чем в целом по народному хозяйству, отток квалифицированных кадров из оборонной промышленности; 4) передача значительных мощностей предприятий гражданского назначения для выпуска военной продукции; 5) первоочередное снабжение военной промышленности современным оборудованием, инструментом и комплектующими, поступавшими по ленд-лизу; 6) постоянная реализация нововведений, обеспечивающих весьма существенное совершенствование или упрощение технологии производства и подчас резко снижающих его трудоемкость.

ОТ ПОРАЖЕНИЙ — К ПОБЕДАМ. СТАЛИН УЧИТСЯ ВОЕВАТЬ

Поражения 1941 года несут на себе печать полководческого таланта И.В.Сталина. Непродуманные и поспешные контрудары и одновременно — приверженность жесткой обороне в условиях маневренной войны, запоздалые решения об отходе, стремление исправить положение кадровой чехардой, попытки списать собственные промахи на измену командующих армиями, некоторые из которых (в том числе погибшие в бою) безо всяких оснований объявлялись предателями — таков был стиль сталинского руководства летом и осенью 1941 года.

Полоса неудачных действий наших войск была прервана в декабре 1941 года в ходе сражения под Москвой. Однако и наступательная операция под Москвой, оказавшись в целом успешной для Красной армии, все еще несла на себе печать тех же промахов и упущений в организации боевых действий, которые предопределили неудачи первого периода войны. Наступательным группировкам нередко ставились задачи, превышавшие их реальные возможности. Эти задачи не подкреп-

лялись поставкой в войска необходимых боеприпасов и военной техники. Взаимодействие было организовано плохо.

В результате тяжелейшие бои, которые вели наши войска на Вяземском направлении в начале 1942 г. с целью окружить и разгромить Вяземскую группировку противника, не принесли желаемых результатов. Немецкие войска, уже было замкнутые в кольцо, смогли отбросить наши ударные группировки и разомкнуть наметившееся окружение.

Тем не менее эти просчеты не послужили для Сталина достаточным уроком. Вопреки мнению Генерального штаба Сталин принял решение запланировать на 1942 год проведение целого ряда наступательных операций, для которых наши вооруженные силы не располагали в тот момент ни достаточными ресурсами, ни достаточным опытом для успешной организации наступательных действий такого масштаба. В итоге попытки наступления оказались в лучшем случае безрезультатной растратой сил и средств (как, например, попытка прорвать блокаду Ленинграда), а в двух случаях обернулись катастрофами, резко ухудшившими положение на южном фланге советско-германского фронта. Речь идет о полном разгроме нашей Крымской группировки и о провале наступления под Харьковом, что привело к падению Севастополя, к потере между-речья Дона и Волги и выходу противника на Северный Кавказ.

Лишь при подготовке Сталинградской операции поведение Сталина как Верховного Главнокомандующего свидетельствовало, что он стал лучше разбираться в планировании операций фронтового масштаба и научился больше полагаться на мнение профессионалов. К чести И.В. Сталина надо сказать, что он умел учиться. Его становление как Верховного Главнокомандующего проходило одновременно с процессом обретения нашим генералитетом опыта руководства опе-

рациями современных армий. Точно так же как Сталин разделяет с нашими высшими командными кадрами ответственность за ошибки и неудачи 1941—1942 гг., он разделяет с ними и славу разработки и осуществления удачных операций последующего периода, приведших в конечном счете к выигрышу войны и к Победе. Сталин по праву может называться одним из маршалов Победы — если не забывать, что груз поражений тоже ложится на его плечи.

ПОТЕРИ

Просчеты и ошибки в организации и подготовке войск перед войной и в руководстве войсками во время войны привели к большим потерям как среди войск, так и среди мирного населения. Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, равны 26,6 млн человек¹. Демографические потери Вооруженных Сил СССР (убито, умерло от ран и болезни, погибло в результате несчастных случаев, расстреляно по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена) составили 8 668 400 чел. военнослужащих списочного состава². Безвозвратные людские потери Советских Вооруженных Сил в Великую Отечественную войну (учтенные в оперативном порядке по ежемесячным докладам из войск) составили 11 444,1 тыс. чел. (разница между этими цифрами определяется тем, что из пер-

---

¹ См.: http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_02.html (Электронный вариант книги: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Под общей редакцией кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001.)

² http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_05.html (Электронный вариант книги: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил...)

вой исключаются военнослужащие, вернувшиеся из плена).

Особенно значительны были эти потери в начальный период Великой Отечественной войны. Безвозвратные потери личного состава за 1941 год составили 3 137 673 тыс. чел., за 1942 — 3 258 216 тыс. чел. В целом на эти два года пришлось более половины безвозвратных потерь действующей армии. Следует заметить, что более половины безвозвратных потерь 1941 года — пропавшие без вести, часть из которых относится к неустановленным погибшим, но большинство — оказавшиеся в германском плену.

В отдельных операциях начального периода войны потери оказывались вопиюще велики. Имеющиеся данные о масштабе безвозвратных потерь в отдельных операциях, оцениваемые относительно первоначальной численности войск, конечно, зависят не только от самого уровня потерь, но и от длительности операции, поскольку в длительных операциях в войска поступали значительные пополнения, которые также затем несли потери. Точнее было бы использовать данные о доле потерь первоначальной численности, приходящейся на один день операции (эту цифру я далее привожу в скобках).

Так, в Белорусской оборонительной операции 22 июня — 9 июля 1941 г. безвозвратные боевые потери составили 54,4% (2,86% в день) личного состава войск, имевшихся к началу операции. В Киевской оборонительной операции 7 июля — 26 сентября 1941 г. потери составили 98,0% (1,2% в день) личного состава войск, имевшихся к началу операции. В Смоленском сражении 10 июля — 10 сентября 1941 г. потери составили 83,6% (1,33%)¹.

---

¹ http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_10_1.html (Электронный вариант книги: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил...); расчеты автора.

Для сравнения: безвозвратные потери в гораздо более удачной для нас Московской наступательной операции 5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г. составили 3,7% (0,11%) личного состава войск, имевшихся к началу операции. А вот в малоуспешной Демянской наступательной операции 7 января — 20 мая 1942 г., где большим напряжением сил так и не удалось окончательно сомкнуть кольцо окружения вокруг Демянской группировки немцев, безвозвратные потери составили 84,1% (0,63%) личного состава войск, имевшихся к началу операции. Напротив, в крайне ожесточенной, но хорошо организованной Курской оборонительной операции 5—23 июля 1943 г. безвозвратные потери были 5,5% (0,29%) личного состава войск, имевшихся к началу операции¹.

Высокий уровень потерь начального периода войны объясняется как плохой подготовленностью войск к немецко-фашистской агрессии, так и многочисленными просчетами Ставки Верховного Главнокомандования в управлении войсками в тот период. Особенно велик был уровень потерь за счет недопустимо большого числа военнопленных, оказавшихся в немецких «котлах», а затем и в плену.

Потери германских вооруженных сил в войне против СССР также были значительны. В зависимости от методик подсчета, используемых источников, включения или невключения в подсчет тех или иных категорий военнопленных цифры получаются весьма различными. Немецкими исследователями безвозвратные потери вермахта во второй мировой войне оцениваются от 2,85 до 5,47 млн чел. Наиболее авторитетные источники называют цифры 4,0 — 5,1 млн чел. Потери на советско-германском фронте при этом исчисляются величиной менее 3 млн чел.

---

¹ Там же; расчеты автора.

Однако следует учитывать, что эти данные опираются на статистику вермахта, обладавшую рядом особенностей. Во-первых, первоначальные данные о потерях всегда были занижены и затем пересматривались в сторону увеличения. Например, одно служебное заключение отдела потерь в штабе вермахта, относящееся к 1944 г., документально подтвердило, что потери, которые были понесены в ходе польской, французской и норвежской кампаний и выявление которых не представляло никаких технических трудностей, были почти вдвое выше, чем первоначально сообщалось. Во-вторых, учет потерь в последний период войны прогрессирующими темпами разлаживался и его данные крайне неполны. В течение 1944 г. в статистике ОКВ значительно возросло количество пометок об отсутствии конкретных данных. Еще хуже положение было в 1945 году¹. А ведь именно на этот период приходятся наиболее значительные потери вермахта, особенно пленными.

Кроме того, в немецких источниках (публикациях) безвозвратные людские потери Германии даются, как правило, только в границах 1937 г. При этом потери граждан других государств, служивших в вермахте и даже в войсках СС, немцы к своим потерям не относили. При рассмотрении общих потерь на советско-германском фронте обычно не учитываются также потери войск союзных Германии держав, а также и других формирований из числа граждан стран, не входивших в германскую коалицию.

В целях наиболее реального определения масштабов потерь личного состава вооруженных сил Германии вновь обратимся к наиболее свежим и полным данным авторского коллектива под руководством В.Ф. Кривошеева, которым была применена та же балансовая ме-

---

¹ Там же.

тодика, что и при исчислений потерь Советских Вооруженных Сил:

«Исходя из численности вермахта перед Второй мировой войной, ее наращивания в ходе войны за счет призыва людских ресурсов и наличия войск, оставшихся после капитуляции, проведен анализ причин убыли личного состава.

...Таким образом, безвозвратные людские потери вермахта составили 11 млн. 844 тыс. чел., из которых 4 457 тыс. не вернулись с войны. В их числе: немцев — 3 600 тыс., австрийцев — 270 тыс., судетских немцев и эльзасцев — 230 тыс., граждан других государств, в том числе «фольксдойче» и советских граждан — 357 тыс. чел.

...Безвозвратные людские потери вермахта, войск СС и всех других военных формирований Германии, действовавших на советско-германском фронте, составили 7 181,1 тыс. чел.»¹.

Потери войск союзников Германии (Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия и Словакия) составили в общей сложности 1 468 145 чел., или 20,4% от числа безвозвратных потерь вермахта на советско-германском фронте. Наибольшая их часть приходится на венгерские и румынские войска. Таким образом общие безвозвратные потери Германии и ее союзников на Восточном фронте составили 8 649,3 тыс. чел.

Можно заметить, что демографические потери вооруженных сил Германии заметно меньше, чем безвозвратные. Это объясняется значительным числом пленных солдат вермахта (которые учитываются в безвозвратных потерях), вернувшихся домой после войны.

Таким образом, если безвозвратные потери войск германской коалиции на Восточном фронте несколько меньше, чем у советских войск (8 649,2 тыс. чел. у Германии с союзниками против 11 444,1 тыс. чел. у СССР —

¹ http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_11.html

соотношение примерно 1:1,3), то при определении соотношения потерь убитыми, ранеными и погибшими в плену эта разница заметно возрастает не в нашу пользу (5 076,7 тыс. чел. против 8 744,5 тыс. чел. — соотношение 1:1,7)¹. Многие специалисты находят в подсчетах В.Ф. Кривошеева ряд ошибок и упущений, и по их заключениям соотношение безвозвратных потерь может возрасти до 1:1,8. Но и такое соотношение никак нельзя отнести к категории «завалили трупами», как любит выражаться определенный сорт публицистов. Однако в любом случае наши победы и поражения мы оплачивали жизнями своих солдат гораздо щедрее, чем немцы. К сожалению, суворовское выражение «воюют не числом, а умением» — в данном случае не про нас, как бы ни горько было такое признание.

ПЛЕННЫЕ

Особенно трагична судьба советских людей, оказавшихся в результате жестоких поражений первого периода Великой Отечественной войны в фашистском плену. По утверждению автора книги «Они нам не товарищи» немецкого ученого Кристиана Штрайта, из 3,4 млн советских военнослужащих и гражданских лиц, плененных вермахтом в 1941 г. при вторжении в Советский Союз, к концу января 1942 г. в живых осталось

---

¹ Расчеты автора на основе данных в: http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_11.html. Разумеется, эти цифры существенно отличаются от тех, когда сравнивают германские потери по неполным учетным данным вермахта с 22 июня 1941 года по 30 ноября 1944 года с советскими потерями за 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1944 г. и получают соотношение 1:4,3. (<http://www.deol.ru/manclub/war/1pr>). Но эти данные, по меньшей мере, во-первых, не согласуются с расчетами методом демографического баланса; во-вторых, они опускают потери за период наибольших для Германии безвозвратных потерь; в-третьих, они не учитывают потери не граждан Германии и войск союзников Германии на Восточном фронте.

только 1,4 млн человек. Остальные 2 млн стали жертвами расстрелов, эпидемий, голода или холода. Десятки, сотни тысяч были уничтожены командами СД или же войсковыми подразделениями по политическим или расовым мотивам¹. По данным управления по делам военнопленных верховного главнокомандования вермахта, к 1 мая 1944 г. общее число истребленных советских военнопленных достигло 3 291 157 чел., из них: умерли в лагерях 1 981 000 чел., расстреляны и убиты при попытке к бегству 1 030 157 чел., погибло «в пути» 280 000 человек. По другим данным фашистского командования, к середине 1944 г. были уничтожены около 3,3 млн. советских военнопленных².

В результате изучения различных материалов авторы монографии «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование» пришли к выводу, что фактически в немецком плену находилось около 4 млн. 559 тыс. военнослужащих, в числе которых и не попавшие еще в войска военнообязанные (500 тыс. чел.). Эти сведения не совпадают, да и не могут совпадать, с данными, публикуемыми в зарубежной печати. Расхождения объясняются главным образом тем, что в немецких сведениях учитывались, кроме военнослужащих, также гражданские лица, захваченные в районе боевых действий, личный состав спецформирований различных гражданских ведомств³.

Документальные данные свидетельствуют, что в конце войны и после ее завершения из плена вернулись 1 836 562 чел. Из них около 1 млн чел. были направлены для дальнейшего прохождения военной

¹ См.: http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_08.html

² Совершенно секретно. Только для командования. М., 1967. С. 102—103.

³ http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_08.html. См. также: ЦГАОР. Ф. 7021, оп. 148, д. 258, л. 420-421.

службы в частях Красной Армии, 600 тыс. — для работы в промышленности в составе рабочих батальонов и 339 тыс. (в том числе 233,4 тыс. бывших военнослужащих) как скомпрометировавшие себя в плену — в лагере НКВД¹. Таким образом, для более чем 900 тыс. советских граждан, оказавшихся в плену, возвращение домой обернулось той или иной формой прямых репрессий или поражения в правах.

Не следует думать, что все эти репрессии были необоснованными, хотя и примеров такого рода бездоказательного и огульного подхода было предостаточно. Немало военнопленных поступили на службу в разного рода военные формирования, созданные нацистами. В их числе Русская освободительная армия генерала Власова (РОА), 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, русский пехотный корпус генерала Штейфона, обеспечивающие их подразделения и учреждения, а также ряд отдельных частей, сформированных из граждан СССР (всего 160—180 тыс. чел.). Примерно 800 тыс. военнопленных были освобождены немцами из лагерей, изъявив желание работать во вспомогательных частях германской армии. Всего таких «добровольных помощников» («хиви» — от немецкого *Hilfwilliger*) насчитывалось около 1 млн.

Фактически, однако, ограничение в правах затронуло всех бывших военнопленных, вернувшихся на Родину (и не только их, а вообще всех, кто так или иначе оказался на оккупированной врагом территории). Соответствующие пункты в анкетах автоматически делали их «гражданами второго сорта», препятствовали не только занятию должностей, связанных с разного рода допусками, но и серьезно тормозили любую деловую карьеру, затрудняли поступление в вузы и т.д. Бывшие

---

¹ http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_08.html; ЦАМО РФ. Ф. 19А. оп. 1900, д. 3, л. 39—41.

в плену фактически не рассматривались как участники войны, к ним нередко культивировалось отношение как к скрытым или потенциальным предателям. Семьи пропавших без вести во время войны подвергались дискриминации в социальном обеспечении — по отношению к пропавшим без вести не действовала презумпция невиновности, а действовала презумпция подозрительности.

Такое отношение к военнопленным, за масштабы трагедии которых Сталин разделяет ответственность со всем военно-политическим руководством страны, трудно охарактеризовать иначе как синдром нечистой совести.

Судьба германских военнопленных, захваченных нашей армией и находившихся на территории СССР, сложилась принципиально иначе. Обратимся к данным все той же книги под редакцией Г.Ф.Кривошеева.

По донесениям фронтов и отдельных армий, обобщенным в Генеральном штабе ВС СССР, нашими войсками было пленено 4377,3 тыс. немецких военнослужащих, из которых около 600 тыс. чел., после соответствующей проверки, были освобождены непосредственно на фронтах. В основной массе это были лица негерманской национальности, насильственно призванные в вермахт и армии ее союзников (поляки, чехи, словаки, румыны, словены, болгары, молдаване, фольксдойче и др.), а также нетранспортабельные инвалиды.

Основная масса военнопленных противника (3777,3 тыс. чел.) с фронтовых пунктов сбора направлена в тыловые лагеря НКВД СССР, в их числе около 752,5 тыс. военнослужащих союзных Германии стран.

Однако учтенными в лагерях НКВД оказалось 3 486,2 тыс. чел. Разница между числом направленных и учтенных военнопленных составила 291,1 тыс. чел. и объясняется тем, что военнопленные из числа граждан Советского Союза, служивших в вермахте или прини-

мавших участие в войне на стороне фашистской Германии (более 220 тыс.), а также военные преступники (14,1 тыс. чел.) были направлены в специальные лагеря НКВД, а другая часть (около 57 тыс. чел.) умерла в пути от болезней и обморожений, не достигнув тыловых лагерей.

Общее количество освобожденных и репатриированных пленных из состава вермахта и войск союзников Германии составило 2 967 686 чел., а число умерших в плену — 518 520 чел. Таким образом, процент возвращенных из плена составляет 85,1%, а умерших в плену 14,9% от всех учтенных немецких военнопленных.

Эти данные не идут ни в какое сравнение с числом советских военнопленных, погибших в немецком плену. Из 4 559 тыс. советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в немецкий плен, вернулись на Родину только 1 млн 836 тыс. чел., или 40,0%, а около 2,5 млн чел. (55,0%) погибли и умерли в плену и только небольшая часть (более 180 тыс. чел.) эмигрировала в другие страны или вернулась на Родину в обход сборных пунктов¹. Кроме того, в плену погибли сотни тысяч советских граждан, не являвшихся военнослужащими.

ОТНОШЕНИЯ С СОЮЗНИКАМИ

То, как выстраивались отношения с союзниками в период Великой Отечественной войны, следует отнести к числу заслуг И.В. Сталина. Характер отношений с союзниками позволил нам опереться в борьбе с Германией на их существенную помощь и в то же время не поступиться своей национально-государственной са-

¹ http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_08.html

мостоятельностью, реализовать в ходе войны и после нее свои государственные интересы.

При Сталине, да и после него, Советское руководство не то чтобы вовсе замалчивало, но всячески стремилось принизить значение военной и экономической помощи союзников. К сожалению, из-за этого тень забвения упала и на тысячи советских летчиков, моряков, рабочих, участвовавших в обеспечении поставок по ленд-лизу на Севере, через Тихий океан, через Иран. Справедливости ради следует заметить, что бывшие союзники отвечали нам тем же, всячески принижая роль СССР во Второй мировой войне и пытаясь представить свою помощь чуть ли не как главный фактор победы.

Как же объективно оценить значение западной помощи в Великой Отечественной войне?

Следует сказать сразу — эта помощь была значительной, хотя и не определяющей. Особенно большое значение имели даже не поставки военной техники, а поставки продовольствия (в особенности различного типа консервов), транспортных средств (грузовики, вездеходы, паровозы) и критически важных материалов и оборудования (взрывчатых веществ, средств связи, оборудования и комплектующих для авиационной промышленности). Что касается взрывчатых веществ (пороха), то поставки союзников по некоторым позициям более чем вдвое превосходили внутреннее производство. Без них невозможно было бы обеспечить необходимое насыщение войск боеприпасами.

Другие виды поставок также сыграли свою роль. Хотя поставки военной техники были относительно невелики по сравнению с внутренним производством, все же они заметно дополняли внутренние поставки. Даже небольшие по объемам поставки зимой 1941/42 г. (октябрь-декабрь 1941 г. — 256 самолетов) имели для нас в тот период наихудшего положения военной промышленности и одновременно наиболее значительно-

го сокращения обеспеченности военной техникой крайне серьезное значение.

Суммарные поставки по ленд-лизу были достаточно внушительны. Всего было поставлено: 22 150 самолетов, 12 700 танков, 8000 зенитных и 5000 противотанковых орудий, 132 000 пулеметов, 376 000 грузовиков, 51 000 джипов, 8000 тягачей, 35 000 мотоциклов, 472 млн штук снарядов, 4,5 млн т продовольствия, 2,1 млн т нефтепродуктов, 1,2 млн т химических и взрывчатых веществ, 11 000 вагонов, 2000 паровозов, 128 транспортных судов, 3 ледокола, 281 военный корабль¹.

Доля поставок по ленд-лизу в общем объеме поставок для армии и гражданских нужд составляла: по бронетанковой технике — 16%; самолетам — 15,3%; боевым кораблям — 32,4%; зенитной артиллерии — 18,4%; радиолокационной аппаратуре — свыше 80%; тракторам — 20,6%; металлорежущим станкам — 23,1%; паровозам — 42,1%; грузовым и легковым автомобилям — 66,1%. Эта оценка дана только по количественным показателям без учета качественных характеристик машин, их грузоподъемности, мощности двигателя, проходимости².

Сталин не напрасно уделял значительное внимание проблемам ритмичного поступления западной военной помощи, не останавливаясь перед жестким нажимом на союзников. Тот факт, что союзники длительное время оттягивали оказание нам прямой военной поддержки, конечно, не может быть поставлен в вину Сталину. Союзники преследовали в войне свои собственные интересы, сроки и масштабы их участия в боевых

¹ http://nvo.ng.ru/history/2001-10-12/5_land_lize.html (Александр Вислых. Спасительный ленд-лиз. Не надо преуменьшать его значение в нашей Победе в Великой Отечественной войне).

² *Бутенина Н.* Ленд-лиз: сколько же мы должны? // Мир истории, 2002, №1 (<http://www.historia.ru/2002/01/butenina.htm>)

действиях определялись их собственными геостратегическими соображениями, среди которых немалую роль играло стремление возможно более сократить потери собственных вооруженных сил, и их поставки также диктовались отнюдь не альтруистическими побуждениями.

В перестроечное и постперестроечное время в нашей прессе, в противовес прежнему принижению, появились панегирики западной помощи и обвинения СССР в черной неблагодарности по отношению к союзникам, в нежелании расплачиваться за долги¹. Действительно, урегулирование финансовых обязательств в связи с американскими поставками приняло после войны довольно конфликтный характер, а согласованные платежи в разгар «холодной войны» были заморожены. Более точные данные о наших финансовых расчетах с Америкой содержатся в статье Натальи Бутениной:

«...В 1951 г. американцы дважды снижали сумму платежа, которая стала равняться 800 млн долл., однако советская сторона соглашалась уплатить только 300 млн долл. По мнению советского правительства, расчет должен был вестись не в соответствии с реальной задолженностью, а на основе прецедента. Этим прецедентом должны были стать пропорции при определении долга между США и Великобританией, которые были закреплены еще в марте 1946 г.

И только в 1972 г. в Вашингтоне состоялось подписание соглашения об урегулировании расчетов по ленд-лизу. По этому соглашению СССР обязался до 2001 г. заплатить 722 млн долл., включая проценты. К июлю 1973 г. были осуществлены три платежа на общую сумму 48 млн долл., после чего дальнейшие выплаты прекратились. В июне 1990 г. в ходе переговоров

---

¹ См., например: <http://www.aif.ru/aif/old/show.php/916/art014.html>

президентов США и СССР стороны вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности — 2030 г., и сумма — 674 млн долл.»¹.

Разумеется, оттяжка с расплатой по долгам никого не красит. Но союзники прекрасно осознавали, за что они давали нам в долг. Согласно словам президента США Гарри Трумэна, «деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно спасли множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи»².

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА

Главный вопрос, который всегда возникает в связи с обсуждением роли И.В. Сталина в Великой Отечественной войне, обычно сводится к жесткому противопоставлению. Так кто же он? «Вдохновитель и организатор наших побед», с именем которого на устах шли на смерть советские воины и с которым они пришли в Берлин в победном мае 1945 г.? Или же хитрый и коварный, но недалекий тиран и самодур, обескровивший армию, допустивший нелепые стратегические просчеты в подготовке к войне, бездарный полководец, проваливший кампании 1941 и 1942 гг. и обрекший на смерть и плен миллионы советских людей, выигравший в конце концов войну у немцев, только завалив их нашими трупами? Была ли победа достигнута благодаря или же вопреки Сталину?

---

¹ Бутенина Н. Ленд-лиз: сколько же мы должны? // Мир истории, 2002, №1 (<http://www.historia.ru/2002/01/butenina.htm>).

² Harry S. Truman, *Memoirs*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1955, p. 234.

Довольно сложно разделить в событиях Великой Отечественной войны и предшествовавших им те, за которые в той или иной мере должен нести ответственность лично Сталин, и те, которые были связаны с общими социально-экономическими и политическими условиями развития советского общества. В то же время то, что эти условия сложились именно так, а не иначе, также во многом связано с деятельностью Сталина. Все это создает простор для самых разнообразных оценок и толкований.

Ответить на поставленный выше вопрос, взяв на вооружение только черную и белую краски, невозможно. Несомненно, Сталин искренне желал видеть Советское государство крепким и могучим и немало сделал для укрепления его обороноспособности. Однако интересы Советского государства были для него превыше всего лишь постольку, поскольку он сам был превыше всех в этом государстве. И как только ему начинало лишь чудиться, что его власти что-то угрожает, так он, не колеблясь, жертвовал интересами государства ради личной власти.

Созданная Сталиным жестко централизованная бюрократическая система обладала огромными, беспрецедентными военно-мобилизационными возможностями. Но одновременно она ставила важнейшие экономические и политические решения в зависимость от воли одного человека, его компетентности или некомпетентности, его эмоций и настроения. Эта система стала выдвигать на первый план формальные задачи, вела к подавлению инициативы и ответственности исполнителей, превращенных в «винтики», и тем самым подрывала свою собственную эффективность.

Сталин оказался не на высоте положения, взяв на себя ответственность за руководство военными действиями, что привело к дорого обошедшимся нам провалам в 1941 и 1942 гг. Он возглавлял военно-экономический механизм СССР, но далеко не всегда успешно.

10 мифов об СССР

Однако Сталину удалось преодолеть собственный непрофессионализм в военных вопросах, и его вклад в успешное проведение военных операций последующих лет также не подлежит сомнению.

Его личный авторитет, а точнее, культ его личности, отождествление всех положительных сторон Советского государства с его именем также сыграли определенную мобилизующую роль. Но в то же время преступления и просчеты, связанные со сталинской политикой, превратили многих людей либо в противников государства либо в инертных и пассивных «винтиков», что также подрывало нашу обороноспособность и особенно сказалось в начальный период войны.

В роли Сталина в Великой Отечественной войне ярко проявили себя как сильные, так и слабые стороны системы единоличной власти, помноженные на его далеко не ординарную и не однозначную натуру. *Все то, что с неистощимой энергией и размахом делал Сталин ради повышения обороноспособности СССР и ради достижения победы в Великой Отечественной войне, к сожалению, не может заслонить грубейших и тяжчайших ошибок и просчетов и прямых преступлений против собственного народа, совершавшихся с не меньшей энергией и размахом, и совершавшихся — скажем прямо — не столько в силу искренних заблуждений, сколько ради сохранения собственной власти. В результате этих ошибок и преступлений было поставлено под угрозу само существование Советского государства и народа, и отвести эту угрозу удалось лишь ценой величайшего героизма, страданий и жертв, которые принесли на алтарь Победы советские люди.*

МИФ О ЛЕДОКОЛЕ. «ЧЕСТНАЯ КНИГА», ПОЛНАЯ ЛЖИ

На последней странице обложки книги Владимира Резуна «Ледокол» приведена цитата из газеты «Ди Вельт»: «Советские товарищи и их западные друзья будут в дикой ярости. Без боя они не отдадут последнее «белое пятно» в своей истории. Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга». Пожалуй. Но только «честность» перебежчика — особого рода. Он честно отрабатывает благорасположение своих новых хозяев, не гнушаясь при этом никакой низостью. Судите сами...

ВСТУПЛЕНИЕ

Начну с вопроса: почему 90-е годы стали в России периодом расцвета антикоммунистической пропаганды? Ответ вроде бы напрашивается сам собой: коммунизм в России рухнул, и теперь никто не мешает заниматься антикоммунистической пропагандой. Можно говорить о 60 миллионах расстрелянных или, наоборот, хвалить Сталина за уничтожение кроважанных революционеров — врагов народа, воспевать гуманизм и мудрость Николая II, рассказывать страшные истории о всемогущей, всеведущей и вездесущей партийно-гебистской мафии (она же — сборище бездарных, недальновидных и все прошляпивших недоумков), прославлять Россию 1913 года как страну экономического процветания, классового мира и поголовной

грамотности и проклинать Советскую Россию как страну покорного быдла, так долго терпевшую безбожных коммунистов...

Да, действительно, теперь все можно. Но зачем? Ведь коммунизм, по утверждениям его противников, рухнул и похоронен окончательно. Зачем изводить тонны бумаги на доказательство очевидного — преступная идеология обанкротилась, саморазоблачилась и никогда не воскреснет.

Нет, снова и снова, в газетах, на радио, на телевидении, во все новых и новых книгах нам доказывают, нас убеждают: коммунизм — это очень плохо!

Когда кого-то так усиленно хоронят, это значит только одно — «покойник» более чем жив. Иначе не стоило бы так долго и так однообразно пыжиться ради его похорон.

Коммунизм жив. И пока он жив, он будет защищать свою честь и достоинство. Он будет защищать честь и достоинство России, которую решили втоптать в грязь заодно с коммунизмом.

Антикоммунисты чувствуют это. Они опасаются, что коммунизм оправится от нанесенных ударов. Они спешат, следуя завету: клеветайте, клеветайте — что-нибудь да останется.

Владимир Резун — профессиональный антикоммунист. В огромном мутном потоке антикоммунистической литературы я обратил внимание на книгу Владимира Резуна, потому что он — не обычный борзописец, ошалевший от того, что все дозволено, и спешащий удовлетворить свои амбиции (которым, конечно же, мешала развернуться советская власть), нагромождая горы антикоммунистических нелепостей. Резун — профессионал. Недаром его книги, уже выдержавшие в восьмидесятые годы множество изданий за рубежом,

теперь постоянно издаются и переиздаются на территории разваленного Советского Союза. Дело свое он знает — по всему видно, что в советской разведке офицерские кадры получали хорошую подготовку и комплектовались из людей, не лишенных талантов.

Резун свои таланты использовал для того, чтобы не только один раз предать свою Родину, но и для того, чтобы продолжать мстить ей, утоляя глубоко запрятанный комплекс вины.

Для своих книг, тематика которых вращается вокруг одного центрального предмета — Великой Отечественной войны, — Владимир Резун избрал псевдоним «Суворов». Ну конечно, никак не меньше. Не Румянцев, не Кутузов, не Нахимов, не Скобелев, не Брусилов... Нет, Резун берет себе имя самого прославленного российского полководца. Да и имя взял себе для псевдонима соответствующее — Виктор (что значит — победитель). Ну, да что говорить. К лицу ли тут скромничать, если Резун взялся — ни много ни мало — опровергнуть все сложившиеся в исторической науке представления о причинах, подготовке, начале и последствиях Второй мировой войны!

Надо отдать Резуну должное — он проделал значительную работу и проявил немалые способности. Чтобы дать представление о том, как Резун выполняет свою задачу, я попробую проанализировать две его книги — первую, нашумевший «Ледокол», и другую, так сказать, из середины списка, — «Очищение». Хотя в списке того, что наплодил Резун-Суворов, значатся еще и «День М», «Освободитель», «Аквариум», «Контроль», «Последняя республика» и еще множество писаний того же рода, эти две книги дают вполне достаточное представление о его творческой манере.

Итак, «Ледокол»...

Часть I

**ЧТОБЫ СЛОМАТЬ НАШУ
НАЦИОНАЛЬНУЮ ГОРДОСТЬ,
РЕЗУНУ ПОНАДОБИЛСЯ «ЛЕДОКОЛ»**

**«ЛЕДОКОЛ» В ПОИСКАХ ИСТОКОВ
ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ
БОЛЬШЕВИКОВ**

«Господа, я поймал коммунистов на слове и позовьте им защищаться самостоятельно», — написал Резун в декабре 1987 года, сидя в Бристоле. На каких же словах поймал нас Резун?

«...Для Маркса и Энгельса грядущая война желательна», — начинает Резун первую главу «Ледокола». А вот и подтверждение — цитата из Энгельса про «всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» как результат грядущей всемирной войны. Да, Энгельс писал, обращаясь к господствующим классам: «И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. С. 361). Однако желал ли Энгельс этого «великого военного танца»? Вот опять его собственные слова, написанные в том же году: «Мы стоим перед лицом чрезвычайной опасности. Нам угрожают войной, в которой французские и немецкие пролетарии, ненавидящие ее и имеющие одни лишь общие интересы, будут вынуждены истреблять друг друга» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. С. 354). Годом раньше Энгельс пишет: «Всеобщая же война, напротив, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России и во Франции была бы отсрочена; наша партия в Германии подверглась бы участи Коммуны 1871 года. Без сомнения, в конце концов события повернулись

бы в нашу пользу; но сколько бы пришлось потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!.. Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции... Социалисты обеих стран (имеются в виду Франция и Германия. — А. К.) одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны» (Маркс, К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. С. 326—327). Где же тут желание войны?

Думаю, достаточно. Владимир Резун, ты не только перебежчик. Ты к тому же еще лжец и клеветник.

Но этого Резуну мало. И вот на первой странице первой главы мы видим еще один шулерский прием. Он мимоходом превращает ленинский лозунг поражения собственного правительства в лозунг поражения собственной страны (Ледокол. М.: Издательский дом «Новое время», 1993. С. 15¹). В самом деле: какая разница — страна или правительство? Страна может быть разорена и погублена, а правительство жить припеваючи. Или наоборот — страна процветает, а правительство пало. Но Резуну непременно надо представить большевиков ненавистниками вовсе не правительства, а собственного народа.

На следующей странице Резун делает новое «открытие», выделяя его заглавными буквами, — оказывается, Ленин уже в 1916 году мечтал о Второй мировой войне, обосновывая ее необходимость для построения социализма во всем мире (16). Каждый, кто читал «Военную программу пролетарской революции», может убедиться, что Ленин, вслед за Энгельсом, имел в виду «оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133), а вовсе не мировую войну ради мировой революции!

---

¹ В дальнейшем при ссылках на это издание будет указываться только номер страницы.

А что же Ленин действительно писал о грядущей мировой войне? А вот что: «Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет — на худой конец — еще вторую империалистическую войну...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 139—140). Конечно, после таких слов впору объявить Ленина страстным борцом за новую мировую войну!

Затем Резун забывает, что только что сам цитировал слова Энгельса про «всеобщее истощение» в результате грядущей войны, и приписывает эти слова Марксу, говоря про «желаемое еще Марксом «всеобщее истощение» (17). Резун повторяет зады антикоммунистической литературы, заявляя, что Ленин предал Россию, заключив Брестский мир и лишив тем самым Россию плодов победы над Германией, которая вот-вот должна была быть повергнута (18). Разумеется, нужны были еще новые сотни тысяч убитых и искалеченных, чтобы Россия, получив формальный статус победительницы, имела право наблюдать, как ее бесцеремонно отпихивают от раскройки послевоенной карты: Германия повергнута, и зачем тогда нужна сильная Россия? Ссылка на отданные Германии миллионы квадратных километров плодородных земель (18) может значить только одно — что России надо было схватиться за эти земли еще и с Украиной в союзе с Германией. То-то славно стало бы на Руси от столь патриотического решения! Тем более что все мы знаем, что в итоге эти миллионы квадратных километров немцам так и не достались.

Логика Резуна хорошо видна в следующем его заявлении: «все силы большевиков были брошены на внутренние фронты, на борьбу против народов России, не желавших коммунизма» (19). Интересная получается картина — несколько сотен тысяч большевиков, возглавляемых бездарными в военном отношении претендентами на роль полководцев (как это подробно старается разьяснить Резун в «Очищении»), идут походом

против всех народов России, в первых рядах которых сражаются добровольческие офицерские полки, цвет российской армии... и первые почему-то побеждают последних. Почему? Было бы странно искать у Резуна и сам этот вопрос, и ответ на него. Резун, конечно, знает о существовании такого вопроса, но разумные ответы на него Резуну не нравятся. Поэтому он предпочитает не замечать этот вопрос и уж тем более не отвечать на него.

Вообще компетентность Резуна в военных вопросах и внимание к соблюдению точности в деталях, характерные для кадрового разведчика, так и сквозят во всей его книге. Так, М.Н. Тухачевский объявляется стоящим «во главе советских войск», воюющих против Польши в 1920 году. «В критический момент у Тухачевского не оказалось стратегических резервов, и это решило исход грандиозного сражения» (19). Во-первых, против Польши действовало два фронта — Западный и Юго-Западный, и Тухачевский командовал только одним из них (Западным). Во-вторых, стратегические резервы находились не в распоряжении Тухачевского, а в распоряжении главкома Каменева, и обвинять Тухачевского в том, что у него не оказалось стратегических резервов, по меньшей мере нелепо. Тухачевского можно обвинить лишь в том, что он не потребовал приостановки наступления на Варшаву, когда обозначилось истощение сил наступающих соединений и сосредоточение поляками вдвое превосходящей группировки войск.

Причинами военного столкновения с Польшей Резун объявляет стремление Советского руководства разжечь пламя революционной войны в Европе, прорвавшись через Польшу на территорию Германии, которая была близка к революционному взрыву. Он полностью игнорирует и попытки Советского правительства заключить мир с Польшей в январе 1920 года, предлагая полякам линию границы в 250—300 км восточнее оп-

ределенной Версальским договором, и факт польского наступления в апреле, приведшего к взятию ими Киева. Лишь после этого Красная Армия двинулась на Варшаву. Да, Советское руководство имело намерение воспользоваться глубоким прорывом на территорию Польши в случае его удачного продолжения, чтобы революционизировать Германию. Но нет (и не может быть в природе) никаких доказательств, что это соображение было причиной войны с Польшей, тем более что не Советская Россия была инициатором этой войны.

Резун заявляет, что большевики уже в 1920 году собирались «готовить Вторую мировую войну» (21). Доказательства? Пожалуйста! Ленин говорил: «новая такая же война неизбежна», «мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй». Итак, если я говорю о неизбежности новой войны, значит, я и готовлю эту войну. Неподражаемая строгость логики!

«По Марксу и Ленину, революция возникает в результате войны», — заявляет далее Резун (24). А какие здесь доказательства? Но разве недостаточно того, что было сказано выше про кровожадность большевиков? Какие же вам еще доказательства!

БОЛЬШЕВИКИ ВООРУЖАЮТСЯ ДО ЗУБОВ

Танки

Как утверждает Резун, по свидетельству Гейнца Гудериана (в то время полковника), якобы посетившего в 1933 году Харьковский паровозостроительный завод, на нем выпускалось 22 танка в день. Резун делает круглые глаза: «В 1939 году Гитлер начал Вторую мировую войну, имея 3195 танков, т.е. меньше, чем Харьковский паровозостроительный завод мог выпустить за полгода, работая в режиме мирного времени» (27).

Если на минуточку забыть о том, что Гудериан никогда Харьковский паровозостроительный завод не по-

сещал (но разве грех соврать для доброго дела?), то, вооружившись карандашом, несложно сделать простой подсчет. Если в день выпускалось 22 танка, то в год (учитывая выходные и праздничные дни) — не менее 5,5 тыс., а за всю вторую пятилетку (1933—1937 гг.) можно было выпустить около 28 000 танков. И это на одном только заводе! А какие танки выпускались? БТ. Всю следующую страницу Резун поет дифирамбы этим танкам. И сколько же танков БТ было в Красной Армии в 1937 году? Всего 5 тыс. «Куда же делись остальные?» — спросите вы. А никуда. Их просто не выпускали столько.

Даже если бы Харьковский завод и мог выпускать 22 танка в день (что не соответствует истине), то это вовсе не значит, что он каждый день выпускал бы 22 танка. Столько было невозможно производить по экономическим соображениям и нецелесообразно по военным. Резун в своей книге «Очищение» немало страниц издевается над предложением Тухачевского иметь в Красной армии 50 000 танков. Но сам-то он в «Ледоколе» пытается заставить нас поверить в практическое осуществление подобного же рода нелепости!

Что касается качеств БТ, то для своего времени это действительно был очень хороший танк. Однако это был легкий танк, и даже в последней своей модификации «БТ-7м» (1939 г.) он, превосходя немецкие средние танки «Т-III» и «Т-IV» в скорости по шоссе и запасе хода, уступал им в скорости по пересеченной местности, в вооружении и броневой защите. «БТ-7м» имел пушку 45 мм и лобовую броню башни — 15 мм, корпуса — 20 мм, борта — 13 мм. А немецкий танк «Т-IIIФ» имел пушку 50 мм и броню башни и корпуса, как лобовую, так и борта, по 30 мм. Танк «Т-IVF1» имел лобовую броню 50 мм и пушку 75 мм. А ведь даже лобовая броня «БТ-7м» пробивалась немецким легким 7,9 мм противотанковым ружьем, имевшим бронепробиваемость 20 мм. Вот какой страшный «наступательный» танк!

Может быть, для 1933 года и даже для 1939 года (хотя применение БТ в Испании уже выявило его крайнюю уязвимость от противотанковой артиллерии и другие недостатки) это было хорошее оружие для наступательных операций в Европе. Но уж в 1941 году БТ был обречен.

Резун очень обстоятельно доказывает, что колесно-гусеничный БТ был плохо приспособлен для действий на своей территории и куда лучше — для действий на автострадах Европы (29—30). Может быть. Колесному танку действительно лучше двигаться по автостраде, нежели по пересеченной местности. В этом Резун не лжет. Но...

Скоростные данные БТ сильно преувеличены Суворовым. Во-первых, колесный ход (дающий максимальную скорость) предполагалось использовать только для совершения маршей, а боевые действия предписывалось вести на гусеницах. Кроме того, реальная маршевая скорость частей и подразделений, оснащенных танками «БТ», была не выше, чем таковая же у сравнительно тихоходного гусеничного «Т-26». Наконец, сравнительные испытания «БТ-7» и немецкого «Т-III» (точнее, «Pz. III Ausf. F») показали, что реальные скоростные возможности последнего выше!

Желание иметь скоростной (на момент его принятия на вооружение — самый скоростной) танк вполне вписывалось в советскую военную доктрину, которая и предполагала необходимость достижения победы только наступательными действиями на чужой территории. Однако зачем же столько пафоса для доказательств очевидного и давно известного? Позже будет ясно, зачем.

Чтобы усилить впечатление от «наступательного танка» БТ, Резун повествует о разработке с 1938 года колесно-гусеничного танка «А-20» (индекс А расшифровывается им как «автострадный»). «Главное назначение «А-20» — на гусеницах добраться до автострад, а там, сбросив гусеницы, превратиться в короля скорости» —

объясняет Резун (31). Вывод — сталинские танки готовились не к обороне, а к войне на территории Западной Европы, поскольку только там были автострады.

Постойте, но что это за танк — «А-20»? Во-первых, буква «А» в его обозначении никакого отношения к автострадам не имеет. Это просто заводской индекс изделий Харьковского паровозостроительного завода. Во-вторых, разве такой танк был в Красной Армии? Был, но только в качестве опытного образца. Параллельно с ним стал разрабатываться чисто гусеничный вариант «А-20Г». Получив в ходе дальнейшей конструкторской разработки обозначения сначала «А-30», а затем «А-32», последний стал известен в Красной Армии под именем «Т-34».¹ Это танк не колесно-гусеничный, а широкогусеничный, предназначенный для действий на труднопроходимой местности. Военные руководители в процессе работы над опытными образцами отказались от концепции колесно-гусеничного танка. Неужели они это сделали вопреки воле Сталина думать только о наступлении, а к обороне ни в коем случае не готовиться? (Далее мы убедимся, что Резун тратит огромное число страниц, чтобы уверить нас — Сталин об обороне и не помышлял!)

Авиация

Резун стремится опровергнуть тот факт, что большинство самолетного парка Красной Армии к началу войны составляли устаревшие машины. С этой целью он начинает «реабилитировать» «И-16». Но этот истребитель конструкции Поликарпова в реабилитации не нуждается. Так же как и танк БТ, для своего времени это была превосходная машина. Резун ссылается на

---

¹ См.: *Свириг М.Н.* Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937—1943. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 77—92.

10 мифов об СССР

мнение Альфреда Прайса, который утверждает, что «по огневой мощи «И-16» в два раза превосходил «Мессершмит-109Е» и почти в три раза «Спитфайр-1» (32). («Спитфайр» был в то время лучшим истребителем британских ВВС.) Но вряд ли в таких вопросах следует полагаться просто на чьи-то (пусть и весьма авторитетные) мнения. Лучше обратиться к фактической стороне дела.

Первые истребители конструкции Вилли Мессершмита «Me-109В» (Vf. 109 Ausf. В), с которыми столкнулись наши летчики на «И-16» в небе Испании в 1936 году, не превосходили наши машины по скорости и, имея менее мощный двигатель, уступали им в маневренности. Однако и про эти самолеты нельзя сказать, что их вооружение было вдвое слабее. Но появившийся в Испании в 1939 году «Me-109Е» уже превосходил наши «И-16» и по скорости, и по мощности двигателя, а некоторые модификации — и по вооружению.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ «И-16» И «МЕ-109»

Тип истребителя	Скорость, км/час	Мощность мотора, л.с.	Вооружение	Дальность полета, км
«И-16»	462	900	4 пулемета калибра 7,62*	625
«Me-109В»	470	610	4 пулемета калибра 7,9	...
«Me-109Е1»	570	1100	4 пулемета калибра 7,9**	660

* — Имелись модификации «И-16» с пушечным вооружением, но их было выпущено немного.

** — последующие модификации «Me-109Е» имели 20-мм пушку и 2 пулемета. Вместе с пушечным «Me-109F» они составляли костяк истребительной авиации Германии в начале войны с СССР.

Источники: История 2-й мировой войны. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 323, 424; Яковлев А. С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1969. С. 177—178.

Что касается английских самолетов, то даже устаревший «Харрикейн» имел скорость 520 км/час, т.е. больше, чем у «И-16». А «Спитфайр» обладал скоростью в 585 км/час. Вот вооружение у них действительно было не сильнее, чем у «И-16», но ни о каком тройном превосходстве и здесь говорить не приходится.

Кроме того, «И-16» был не только явно слабее «Me-109Е», но и уступал в скорости основным немецким бомбардировщикам. «И-16» еще мог догнать устаревшие машины «Хе-111» (435 км/час) и «Ю-87» (400 км/час), но не мог тягаться с «Ю-88» (472 км/час) и «До-217» (515 км/час). Хорош истребитель, который не может догнать бомбардировщик! А ведь кроме «И-16», самолетный парк Красной Армии состоял из истребителей-бипланов «И-15», «И-15бис» и «И-153», имевших еще худшие характеристики.

Основным бомбардировщиком в нашей армии был тогда СБ, значительно уступавший даже устаревшему «Хе-111» и по дальности полета (более чем в 2,5 раза), и по бомбовой нагрузке, и по вооружению (20-мм пушка и 6 пулеметов 7,9 мм у «Хейнкеля» против 4 пулеметов 7,62 мм у СБ).

ЗАЧЕМ СТАЛИНУ ОБЩАЯ ГРАНИЦА С ГЕРМАНИЕЙ?

Резун утверждает, что вся политика Сталина в 1939—1940 годах была нацелена на то, чтобы получить общую границу с Германией. По его утверждению, если бы Сталин хотел защищаться, ему надо было искать союза со странами, отделявшими его от Гитлера. Вместо этого Сталин занимает республики Прибалтики, восточные районы Польши, Бессарабию, южные районы Финляндии. Резуну ясно — все это делается в качестве подготовки к грядущей агрессии против Германии.

«...Страны Восточной Европы были естественными союзниками СССР. С ними нужно было искать союза против Гитлера. Но Сталин такого союза не искал, а в случаях, когда договоры существовали, Советский Союз не выполнял своих союзнических обязательств», — утверждает Резун (38). Это прямая ложь! Вспомните судьбу предвоенной Чехословакии. СССР чуть ли не навязывал военную поддержку Чехословацкому правительству, которое предпочло капитулировать перед Гитлером, хотя и могло воспользоваться советской помощью по договору.

Кроме того, не выдерживают критики аргументы Резуна, согласно которым нужно было сохранять между СССР и Гитлером барьер из нейтральных и дружественных государств, а не втыкать им нож в спину, по его выражению. Но все дело в том, что эти страны не были ни нейтральными, ни дружественными. Они длительное время выполняли роль «санитарного кордона» против Советского Союза. Их правящие круги колебались между страхом перед Гитлером и желанием договориться с ним за счет Советского Союза. Вовсе не был исключен вариант, что они предпочтут превратить свои страны в сателлитов фашистской Германии и примут участие в агрессии против СССР. А вот возвращение отторгнутых за двадцать лет до этого Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии, аннексия Сталиным (будем называть вещи своими именами) Эстонии, Латвии, Литвы и южных районов Финляндии давала возможность использовать эту территорию для подготовки военных действий против Гитлера.

Резун согласен с тем, что Сталин готовился воевать с Гитлером. «Но, — уточняет он, — не просто воевать, а напасть первым». Более того, он разрушал свою собственную оборону. Доказательства? Пожалуйста. «...В этот момент Советский Союз прекратил производство противотанковых и зенитных пушек» (40). И опять ложь. «В этот момент» действительно было прекращено про-

изводство *некоторых образцов* противотанковых и зенитных пушек. Например, была снята с вооружения 76-мм зенитная пушка образца 1940 года, но продолжали производиться зенитные орудия калибра 37 и 85 мм. Правда состоит в том, что в ходе смены моделей производимых противотанковых и зенитных орудий произошло неизбежное сокращение их выпуска. До сих пор ведется дискуссия о том, выбор каких образцов артиллерии для производства был бы тогда более целесообразным. Но прекращение производства противотанковой и зенитной артиллерии — чистая выдумка Резуна.

Наконец, Резун выкатывает свое основное утверждение. Сенсация! Оказывается, Сталин намеревался напасть на Гитлера сначала в 1942 году, а потом передвинул сроки нападения на лето 1941 года! (45).

Поначалу единственным доказательством этого утверждения выступают у Резуна рассуждения по поводу того, что Сталин удачливо столкнул своих возможных противников лбами, а сам получил возможность воспользоваться плодами их взаимного истощения. Ну, раз была такая возможность, то Сталин уж точно намеревался напасть первым, полагает Резун.

А теперь — внимание! Здесь Резун пускает в ход свой основной прием.

ПОДГОТОВКА К НАСТУПАТЕЛЬНЫМ ОПЕРАЦИЯМ = ПОДГОТОВКА К АГРЕССИИ?

В доказательство агрессивных замыслов Красной Армии Резун находит и факты. Так, 25 июня 1941 года советские катера высадили десант на румынском берегу Дуная в районе города Килия (61). Это, по Резуну, доказательство изначально агрессивных замыслов большевиков. Они были готовы к наступательным действиям!

Разумеется, были! Ну, и что это доказывает?

Это доказывает только один и притом давно и широко известный факт: в Красной Армии перед войной исповедывалась сталинская военная доктрина — «малой кровью и на чужой территории». Соответственно, и подготовка войск, и военно-техническая политика, и конфигурация приграничной войсковой группировки, и ее состав — все подчинялось концепции, согласно которой в случае нападения на СССР Красная Армия перейдет в наступление на войска агрессора без длительной оперативной паузы, перейдя к обороне лишь на второстепенных направлениях и лишь кратковременно. На этой же концепции строились и оперативные планы прикрытия границы. Авантюристичность этой концепции в немалой степени повлияла на неготовность Красной Армии вести в начале войны оборонительные операции.

Резуну это известно. Но вместо того, чтобы прямо заявить об этом, он прибегает к длинному обходному пути, призванному скорее запутать, чем прояснить вопрос. На протяжении множества глав своей книги он с упорством, достойным лучшего применения, ломится в открытую дверь, дотошно и многословно доказывая эти известные истины. Это, однако, вовсе не недомыслие. Резун не столь прост.

Многословие и дотошность позволяют Резуну довольно ловко имитировать работу разведчика-аналитика, восстанавливающего по открытым источникам следы тщательно скрываемой страшной тайны. Ему очень нужно создать впечатление, что тут-то и зарыта собака: Резун выяснил то, о чем до сих пор никто почему-то не догадывался — оказывается, большевики готовились наступать! И тут же Резун ловко подменяет карты, имеющиеся у него на руках, другими, припрятанными в рукаве: раз готовились не к обороне, а к наступлению, значит, хотели не защищаться от Гитлера, а напасть на него.

Наступление = агрессия.

Прием незатейливый, но достаточно действенный. Резун апеллирует не к тем данным и той научной логике, которой владеют специалисты. Он пытается опереться на эмоциональное воздействие, нацеленное на неискушенного читателя. Что толку во множестве статей и книг, в которых специалисты разоблачают измышления Резуна. Их ведь и читают только специалисты. Резуну же удалось широко посеять семена сомнения в общественном мнении. И многие, очень многие, принимают эту фальшивку за документально доказанные истины.

Чем больше ложь, тем охотнее в нее поверят. Этот эффект достаточно понятен: ну как человек в здравом уме осмелится утверждать **такое**, если у него нет вагона неопровержимых доказательств? Тем более что Резун с готовностью этот вагон демонстрирует. И мало кто замечает, что из приводимых Резуном доказательств следуют совсем не те выводы, которые он навязывает читателям. Да, повторю еще раз — бесталанных людей в офицерах внешней разведки в СССР не держали.

Однако при всей ловкости этого приема Резуну подчас отказывает чувство меры, и он опускается до прямой лжи. Я уже приводил ряд примеров явного несогласия Резуна с фактами. Будут и еще.

РЕЗУН КАК ВОЕННЫЙ ТЕОРЕТИК

Владимир Резун делает в своей книге ряд блестящих военно-теоретических открытий. Так, он сравнивает расположение подвижных соединений у самой границы с положением теннисиста у сетки: «Если теннисист стремительно пошел к сетке (мотострелковая дивизия — к границе), то это никак не для обороны. У самой сетки — лучшее положение для нанесения удара, но самое худшее для отражения удара противника». Для обороны же «надо держаться подальше от грани-

цы, чтобы иметь время и пространство для проведения оборонительного маневра» (71).

Здесь что ни слово — то открытие. И в военной теории, и в теннисе.

Возникает впечатление, что Резун никогда не видел, как играют в теннис. В нем любой удар (кроме подачи) есть одновременно отражение удара противника. И из глубины площадки, и от сетки удар наносится только путем отражения мяча, пущенного противником. Выбор же положения — у сетки или в глубине площадки — зависит от того, как противник наносит удар.

Но хватит о теннисе — дело-то ведь не в нем. Для организации обороны против войск агрессора примитивное правило, навязываемое Резуном, тоже не подходит. Да, при организации обороны действительно *часть войск* — второй эшелон — следует располагать вдали от границы. А вот первый эшелон, напротив, должен быть придвинут к границе. Для чего? Для того чтобы вынудить противника ввязаться в приграничные сражения, сразу заставить его обозначить направление главного удара, выявить конфигурацию его ударных группировок. Именно это и позволит второму эшелону выиграть время для маневра силами и средствами из глубины для отражения прорвавшегося противника.

Простым оттягиванием всех своих войск в глубину такого результата не добиться. Какой оборонительный маневр должны осуществлять эти войска, если характер действий войск агрессора еще не проявился? Все, что будет достигнуто таким оттягиванием войск, — это сдача противнику части территории без боя.

Другое открытие Резуна — в наступательных боях войскам нужны гаубицы, а не пушки, в оборонительных же — наоборот: от гаубиц нет никакого толку, а пушки совершенно необходимы. И обоснование есть — при наступлении противника приходится выковыривать из траншей, и тут нужен навесной гаубичный огонь. Когда же сидим в обороне, а противник насту-

пает открыто, то тут как раз нужен настильный пушечный огонь (71).

Конечно, гаубичный огонь в наступлении очень нужен, равно как и пушечный — в обороне. Но это вовсе не значит, что по наступающему противнику не следует стрелять из гаубиц. Неужели не надо бить по его командным пунктам, по складам, по резервам, укрытым в блиндажах? А если в обороне наносится контрудар? Тут уж без гаубичного огня не обойтись. Да при случае можно и из гаубиц ударить прямой наводкой и очень даже эффективно.

То же самое можно сказать и про пушки. Неужели Резуну не доводилось встречаться с таким выражением — «сопровождать наступающие войска огнем и колесами»? Если огнем могут сопровождать и гаубицы, то вот сопровождать колесами (то есть передвигаться вместе с наступающими войсками) должны именно пушки. И в наступлении от настильного огня и стрельбы прямой наводкой зависит никак не меньше, чем в обороне. Особенно — при отражении контратак.

Так что идея Резуна — гаубица есть наступательное оружие, а пушка — оборонительное — насквозь фальшива.

ЗАЧЕМ СТАЛИН УНИЧТОЖАЛ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ ОБОРОНУ?

Резун очень активно эксплуатирует утверждение (не опирающееся ни на какие серьезные источники), что перед войной была ликвидирована полоса обеспечения у границы — разминированы подготовленные к взрыву мосты, ликвидированы минные поля, сняты заграждения из колючей проволоки. В этой полосе у самой границы сосредоточивались войска, несмотря на то что группировка войск, следующая начертанию границы, оказывалась неблагоприятной для обороны.

Сталин собирался не обороняться, а наступать, делает вывод Резун. Ведь и германская армия в ходе подготовки агрессии против СССР делала практически то же самое.

Особо напирает Резун на то, что в середине июня пограничные части, подчиненные НКВД, начали снимать проволочные заграждения на границе. Проволоку режут перед самым наступлением, делает вывод Резун. Значит, Сталин собирался напасть на Гитлера, и не когда-нибудь, не в 1942 году, а теперь же, летом 1941 года (87)!

В самом деле, зачем пограничники резали проволоку, если группировка войск Красной Армии заведомо не была готова к наступлению и не могла быть готова — ни в июле, ни в августе, ни вообще в 1941 году? Резун, стремясь подогнуть ответ под нужное ему решение, тратит огромное количество усилий, чтобы доказать — нет, Красная Армия была готова наступать уже к июлю 1941 года. Еще один его аргумент — уничтожение «линии Сталина» (полосы укрепрайонов вдоль старой границы).

Действительно, консервация и разоружение «линии Сталина» начались еще до начала строительства линии укрепрайонов на новой границе. Более того, в начале 1941 года, как утверждает Резун, часть долговременных сооружений этой линии была взорвана. Однако здесь Резун не приводит ни одного подтверждения этим словам. И не случайно — наступающий вермахт обнаружил в 1941 году эти долговременные сооружения на своих местах и отнюдь не взорванными.

Что же это за глупость — разоружать собственную оборону? Резун не спешит с комментариями. Подробно и очень эмоционально расписав всю мощь «линии Сталина», а затем — всю нелепость ее разоружения и частичной ликвидации, он переходит к столь же эмо-

ционально окрашенным рассуждениям о линии укреплений на новой границе.

Весьма обстоятельно Резун доказывает, что эта линия предназначалась не для обороны, а для прикрытия наступательных действий. Именно так. Сталинская военная доктрина предписывала отвечать на агрессию наступательными операциями. Но это вовсе не значит, что Сталин хотел напасть первым. Резун замечает, что немцы делали то же самое — строили на границе слабую линию укреплений на второстепенных направлениях, не прикрытую минными полями. А «линию Зигфрида» на французской границе и полосу укреплений в районе Одера забросили.

Да, и те, и другие собирались наступать. Линии укреплений в глубине казались им ненужными. Но между ставкой на наступление и ставкой на агрессию есть немалая разница. Резун ее предпочитает «не замечать». Да, а зачем же, по Резуну, якобы стали взрывать сооружения «линии Сталина»? Ведь немцы, при всех их агрессивных устремлениях, со своими оборонительными сооружениям такого не устраивали. Вспомните, какой ценой заплатили наши солдаты за прорыв укреплений в Восточной Пруссии. У Резуна готов ответ, вполне соответствующий его замыслу: «линия Сталина» мешала Красной Армии сосредоточиться у германских границ и мешала снабжению войск в ходе планируемых наступательных действий. «Укрепрайоны как бы сжимали потоки транспорта в относительно узких коридорах. Это и решило судьбу уже ненужной «линии Сталина» (105).

Резун пытается уверить нас, что и сосредоточение Красной Армии, и ее снабжение «должны быть рассредоточены на тысячи ручейков» (104). Так и представляешь себе сотни тысяч бойцов, пробирающихся к границе лесными тропками, и грузовики, везущие на Запад

за сотни и тысячи километров горючее и боеприпасы по российским проселкам... Большую несурязицу трудно себе представить. И переброска войск, и их снабжение вплоть до уровня фронтовых тылов осуществлялись эшелонами по железной дороге. «Линия Сталина» этому нисколько не мешала. Так зачем же тогда ее разрушать?

Ответ на этот вопрос следует, видимо, искать не в области рациональных военно-стратегических соображений. Однозначно-наступательная установка военной доктрины в обстановке запугивания и репрессивного давления на командные кадры делала всякие разговоры об обороне проявлением паникерства, трусости и т.п. В этих условиях явное бюрократическое головотяпство с преждевременным (еще до окончания строительства новой линии укрепрайонов) разоружением долговременных сооружений на «линии Сталина» вполне вписывалось в борьбу с «оборонческими настроениями». Кроме того, в этом разоружении был и вполне рациональный фактор — промышленность не могла в короткие сроки обеспечить новые укрепрайоны артиллерийскими и пулеметными установками, и их было решено получить за счет временного разоружения старых укрепрайонов

И еще один вопрос, которого Резун вовсе «не замечает», поскольку вопрос этот не укладывается в его концепцию. Зачем Главным Военным Советом весной 1941 года было принято решение о приведении оборонительных сооружений на старой границе в состояние боевой готовности? (см.: История 2-й мировой войны, т. 3. С. 438). Чтобы еще больше стеснить приготовления Сталина к нападению на Германию? Или очевидно надвигающаяся фашистская агрессия заставила все же вспомнить об обороне?

СКОЛЬКО И КАКИХ ВОЙСК ВЫДВИГАЛОСЬ К ГРАНИЦЕ?

Главу за главой Резун посвящает разоблачению «страшных тайн»: ах, Сталин готовил горнострелковые войска, чтобы наступать на Румынию через Карпаты! Ах, Сталин готовил морскую пехоту для высадки на румынском побережье! Ах, Сталин создавал воздушно-десантные корпуса — ясное дело, для наступления! Ах, оперативные планы приграничных округов предусматривали ведение наступательных операций! Ах, Сталин ликвидировал в конце 30-х годов партизанские базы и костяк партизанских отрядов!

Все это так, и во всем этом нет никакой страшной тайны. Еще и еще раз Резун пытается выдать планирование и подготовку решения задач войны в наступлении за подготовку агрессии. Конечно, безоглядная ставка на наступление вне зависимости от обстоятельств не делают Сталину чести ни как стратегу, ни как ответственному политику. Но и не доказывают его намерения непременно напасть первым. Поэтому Резун поневоле прибегает к передержкам и преувеличениям, чтобы непременно, — нет, не доказать, потому что доказать это невозможно — создать впечатление, что Сталин готовился именно к нападению.

Так, Резун рассказывает о подготовке в Советском Союзе миллиона десантников-парашютистов (113). Миллион парашютистов в стране явно отсутствовал, поскольку нельзя же зачислять в парашютисты всех, кто хоть раз прыгнул с парашютом с вышки в местном парке культуры и отдыха. Кроме того, например, за весь 1940 год было подготовлено 14 тыс. парашютистов. Сколько же лет нужно было для подготовки миллиона? И понятно, для чего эти парашютисты готовились. Но приравнять питомцев аэроклубов к десанникам может только очень болезненная фантазия. Чтобы усилить «эффект» от слова миллион (которое к тому же

выделяется заглавными буквами), Резун добавляет: «... парашютный психоз бушевал в Советском Союзе одновременно со страшным голодом. В стране дети пухнут от голода, а товарищ Сталин продает за границу хлеб, чтобы купить за границей парашютную технологию, чтобы построить гигантские шелковые комбинаты и парашютные фабрики, чтобы покрыть страну сетью аэродромов и аэроклубов...» (113).

Нет слов, за сталинскую индустриализацию мы заплатили жестокую цену. И голод 1932/33 годов лежит на совести товарища Сталина несмываемым пятном. Но при чем тут парашютисты? Или Резун хочет нас уверить, что закупки парашютной технологии, строительство шелковых комбинатов и парашютных фабрик, развитие сети аэродромов и аэроклубов, подготовка миллиона парашютистов, создание запасов парашютного снаряжения и т.д. — все это происходило в голодные зиму, весну и лето 1932/33 года и оплачивалось именно тем хлебом, что был отнят в этом году у голодающих? Ответственность за голод, безусловно, лежит на Сталине. Но истины ради стоит знать, что экспорт хлеба в этом голодном году был сокращен в несколько раз и упал до минимальных, за все годы индустриализации, размеров.

«...В апреле 1941 года в Советском Союзе тайно развернуто ПЯТЬ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ КОРПУСОВ», — пишет Резун (115). Это ли не доказательство агрессивных замыслов?

И опять не обошлось без лжи. В апреле 1941 года было только *принято решение о развертывании* этих корпусов. К концу июня 1941 года эти корпуса еще находились в стадии формирования — и формировались они не из выдуманного Резуном миллиона парашютистов, а на базе обычных пехотных и кавалерийских частей и соединений. Следует заметить также, что оборонительные операции, и даже отступление, как показал опыт войны, отнюдь не исключают использования

воздушно-десантных войск по прямому назначению. Так что их не обязательно было, как это полагает Резун, переформировывать в обычные стрелковые дивизии (хотя к этому и вынудила отчаянная нехватка пехотных соединений после огромных потерь лета 1941 года).

Огромные усилия Резун предпринимает, чтобы поразить нас размахом формирования и переброски новых соединений к западным границам СССР. Им перечисляются номера новых армий и дивизий, подробно рассказывается об их формировании и перемещениях, делаются многочисленные ссылки на мемуары участников этих событий. И все это для того, чтобы создать у читателя впечатление: в Советском Союзе создается и выдвигается к границе гигантская армия вторжения. «Это подготовка агрессии гигантских масштабов», — уверяет нас Резун (136).

Резун рисует нам ужасающие по своей мощи ударные армии, называя их по номерам — 6, 9, и 10-я. «После полного укомплектования каждая из этих трех армий должна была иметь в своем составе 2350 танков, 698 бронемашин, свыше 4000 орудий и минометов, более 250 000 солдат и офицеров. Кроме основного состава каждая из этих армий должна была получить дополнительно 10—12 тяжелых артиллерийских полков, части НКВД и многое другое» (147).

И это правда. Но как вы думаете, какие сведения из приведенных выше являются ключевыми для характеристики этих грозных армий? Вот эти сведения: «после полного укомплектования» и «должна была получить». Все верно, такие армии планировалось создать. Но летом 1941 года они в таком виде существовали только на бумаге. Эти армии, как и остальные, вновь формирующиеся, не имели еще и половины необходимого вооружения и боевой техники, испытывали острый некомплект личного состава, который, в свою очередь, еще не успел освоить поступающую боевую технику. Эти

армии не представляли собой достаточно боеспособных военных организмов.

Чтобы окончательно поразить наше воображение, Резун восклицает: «И если германские танковые группы по 600—1000 танков мы именуем механизмами агрессии, то как бы нам назвать армии по две-три тысячи танков в каждой?» (147) А никак не называть. Потому что таких армий в составе Красной Армии летом 1941 года *не было*. И когда Резун утверждает — «Каждая из этих армий по количеству танков была равна примерно половине Вермахта», — то он просто лжет. Впрочем, местами Резун сам вынужден признать, что это были еще недостроенные каркасы. Но, признав это, он тут же снова бросается поражать наше воображение количеством танков, которые *могли бы быть* в этих армиях.

Н.И. Бухарин как-то справедливо заметил, что из будущих кирпичей сегодня нельзя ничего построить. Точно так же обстоит дело и с проектируемыми армиями. Летом 1941 года большинство из них не было готово воевать, а уж тем более — служить «инструментом агрессии». И никаким чудом к июлю 1941 года их нельзя было довести до штатной численности, оснастить штатной техникой и вооружением, обучить и сколотить личный состав.

КОГДА НАЧАЛОСЬ ВЫДВИЖЕНИЕ К ГРАНИЦЕ?

Резун отмечает, что решение о выдвижении первого стратегического эшелона к границе было принято 13 мая 1941 и стало осуществляться через месяц, 13 июня (165). А как двигались к границе германские войска?

К февралю 1941 года на Восточной границе Германии были дислоцированы три армии — 4, 12 и 18-я (до 30 дивизий). С 4 февраля по 12 марта в дополнение к ним переброшены еще восемь дивизий. К 8 апреля переброшены еще 18 дивизий. С 10 апреля по 10 мая пе-

реброшены еще 17 дивизий. С 25 мая по 10 июня переброшены еще 47 дивизий. С 10 июня соединения начинают занимать исходные районы (История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 1. С. 383—384). А наши дивизии 13 июня только начинают выдвигаться! Кто же тут готовит агрессию?

Поэтому смехотворно выглядит вывод, навязываемый Резуном — германская разведка в июне 1941 года обнаружила массированное выдвижение советских войск на Запад (206) и... и поэтому Гитлер летом 1940 года принял решение о войне с Россией, в декабре 1940 года утвердил план «Барбаросса», а в конце апреля 1941 года назначил окончательную дату вторжения — 22 июня. Это, конечно, высший продукт логического ума!

Теперь разберемся с соотношением сил.

Германия с союзниками выставила готовые к бою 190 дивизий численностью 5,5 млн чел., 47 200 орудий и минометов, 4300 танков, 4980 самолетов. Советский Союз имел в первом стратегическом эшелоне 56 дивизий, дислоцированных у границы, 52 дивизии в глубине приграничных округов, и 62 дивизии в резерве. Всего 170 дивизий численностью 2,68 млн чел. и 37,5 тыс. орудий и минометов. (О количественном превосходстве Красной Армии по танкам и авиации я еще скажу позже.) Даже если сюда добавить 77 дивизий Второго стратегического эшелона, которые далеко еще не все начали выдвижение на Запад, то все равно численного превосходства не получается.

В КАКОМ СОСТОЯНИИ БЫЛИ СОВЕТСКИЕ «АРМИИ ВТОРЖЕНИЯ»? (КОЕ-ЧТО О ТАНКАХ, АВИАЦИИ И ПЛОТНОСТИ ВОЙСК)

Чтобы уверить нас, что Красная Армия усиленно готовилась к агрессии, Резун, как обычно, не брезгует подтасовками. Так, в подтверждение своего тезиса о

массовой переброске новейших самолетов он цитирует мемуары генерала Сандалова: «С 15 июня мы начнем получать новую боевую технику. Кобринский и Пружанский истребительные полки получают истребители «Як-1», вооруженные пушками, штурмовой полк — самолеты «Ил-2», бомбардировочный — «Пе-2». Резун спешит добавить, что раз эти три полка имели штатную численность 247 самолетов, а старые самолеты из дивизии не изымались, то она «превращалась в гигантский боевой организм, насчитывающий несколько сотен самолетов» (209). Читатель может поверить в эту историю, тем более что здесь Резун цитирует мемуары без искажений.

Однако давайте сами заглянем в мемуары начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова. Что сообщает ему 21 июня командир Пружанского истребительного полка? А вот что: их полк получил аж два новых самолета «МиГ», а штурмовой полк — пару «Ил-2» (*Сандалов Л.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966. С. 83*). Вот вам и 247 новейших самолетов! Вот вам и боевой организм в сотни самолетов! Таково же было положение в большинстве авиационных соединений. Новые самолеты либо еще не прибыли, либо, где успели получить какое-то заметное их количество, летчики еще не научились на них летать. И с этими «гигантскими боевыми организмами» Сталин намеревался через две недели напасть на Германию?!

Итак, хотя Красная Армия имела значительное превосходство над Германией по числу самолетов старых типов, это не делало ее намного сильнее. Далеко не всегда можно было компенсировать недостаток новых самолетов количеством старых. Раз «И-16» не мог догнать бомбардировщик «Ю-88», то выпусти против немца хоть десяток «И-16», они его все равно не догонят. Кроме того, авиационные соединения только еще осваивали новую технику, многие из них находились в процессе переформирования, а аэродромная сеть, на

которую они должны были опираться, должна была быть закончена строительством не ранее августа 1941 года. В такой ситуации соотношение сил складывалось для Красной Армии неблагоприятное и для обороны, и тем более — для наступления.

То же самое можно сказать и про танковые войска. Да, хотя новых средних танков «Т-34» и тяжелых — «КВ», а также старых средних танков «Т-28», и старых тяжелых танков «Т-35» мы имели на западной границе в полтора раза меньше, чем немцы имели новых средних танков «Т-III» и «Т-IV», наши новые танки потенциально имели хорошие боевые возможности, что могло отчасти уравновесить количественное неравенство. Да, танков старых типов мы имели во много раз больше, чем немцы (в противостоящих друг другу группировках соотношение по числу танков было примерно 1:4 в нашу пользу). Но что это были за танки? Да и представляли ли вообще эти танки реальную силу?

Старые тяжелые танки имели серьезный недостаток — крайне слабую ходовую часть, не рассчитанную на их большой вес. Из-за этого танки «Т-35» были реально небоеспособны, практически сразу выходя из строя, стоило им проехать несколько километров. Качества «Т-28» были не намного лучше. Их бронирование и артиллерийское вооружение уже не отвечало современным требованиям.

Старые легкие танки не могли противостоять огню немецких противотанковых ружей, и даже лобовая броня старых тяжелых танков пробивалась из основной немецкой противотанковой 37-мм пушки. Из общего числа старых танков к началу боевых действий исправными были далеко не все. Восстановить неисправные танки не было возможности, потому что к ним практически отсутствовали запасные части.

А что собой представляли исправные танки? Мой дед, М.И. Чесноков, перед войной командовал 24-й танковой дивизией, дислоцированной под Ленингра-

дом, где на вооружении были в основном «БТ-2» и «БТ-5», поступившие из учебного полка. Часть из них была получена с началом войны со складов, где они находились на консервации, и оказалась разукомплектованной. Прежде чем вступить в боевые действия, его дивизия вынуждена была совершить марш сначала к финской границе, а от нее — на Лужский оборонительный рубеж. В результате этих маршей дивизия, почти не вступая в соприкосновение с противником, оставила на обочинах дорог около трети своих машин.

Обратимся вновь к мемуарам Л.М. Сандалова. Он передает свою беседу с командиром 30-й танковой дивизии С.И. Богдановым. Дивизия только что развернута из танковой бригады.

«...Полковник Богданов жаловался, что дивизия оснащена только устаревшими и сильно изношенными танками. Половина из них может быть использована только в качестве учебных. Большинство имеет на вооружении 45-миллиметровые пушки, но у некоторых остались 38-миллиметровые пушки «Гочкис» или только пулеметы.

— Бронебойных снарядов очень мало, — продолжал он. — В экипажах по одному — два бойца из новобранцев. Опытных танкистов при формировании дивизии поставили на должности среднего состава: командиры танков стали командирами взводов, механики-водители — помощниками командиров рот по технической части. Штабы полков еще два месяца назад были штабами батальонов.

— По вашему докладу можно сделать вывод, что танковая дивизия стала слабее танковой бригады, из которой она развернулась, — заметил я.

— Между нами говоря, так оно и есть, — доверительно сказал Богданов» (Сандалов Л.М. Пережитое. С. 84).

И с такими грозными танковыми армадами Сталин

намеревался немедленно отправиться покорять всю Европу?

Следует добавить к сказанному, что полоса для наступления, согласно представлениям об армейской наступательной операции, должна была составлять на главных направлениях 3—5 км для дивизии, на второстепенных — 7—8 километров. В оборонительной операции дивизия на важном направлении должна была занимать полосу 8—12 км. Реально армии, выдвинутые к границе, вынуждены были развертывать на главных направлениях одну дивизию на 25—30 км фронта, а на второстепенных — на 50—100 км фронта. Эта группировка была совершенно недостаточна не только для наступления, но даже и для обороны. Даже построение всех 170 дивизий приграничных округов в один эшелон (не оставив в глубине ни войск второго эшелона, ни резервов) не позволило бы создать плотности войск, достаточные для наступления. Более того, такую плотность не обеспечило бы и выдвижение к границе 77 дивизий второго стратегического эшелона.

Все это делало невозможным для Сталина помышлять о нападении на Германию летом 1941 года.

КАК РЕЗУН ИЩЕТ ПРИЗНАКИ ПОДГОТОВКИ К АГРЕССИИ?

Догадываясь, что его аргументы при пристальном рассмотрении легко рассыпаются, Резун пытается найти признаки, которые бы свидетельствовали, что Сталин вот-вот двинет Красную Армию на Германию. Например, он говорит о том, что в мае 1941 года нашими войсками было начато разминирование приграничной полосы (175). Что же, Сталин, который собирается внезапно напасть на Германию в июле, в мае отдает приказ о разминировании? Для чего? Чтобы лучше сохранить в тайне приготовления к первому удару?

То же самое можно сказать и о рекогносцировке нашими военачальниками приграничной полосы. По заявлению самого Резуна, такие рекогносцировки начались еще с сентября и даже с июля 1940 года (282, 283, 285). Опять для того, чтобы не привлечь внимание немцев к подготовке внезапного удара?

Резун утверждает, что наши войска, выдвигавшиеся в июне 1941 года к границе, не имели в назначенных им местах дислокации ни условий для зимовки, ни базы для ведения боевой подготовки. «Зачем это Сталин вывел почти всю Красную Армию в такие места, где ни для зимовки, ни для обучения войск никаких условий нет?» — вопрошает Резун. «Да очень просто, — отвечает он — этим войскам там недолго надлежало оставаться. Они должны были вот-вот двинуться в наступление» (258—259).

Во-первых, почти всю Красную Армию никто в такие места не выдвигал. Это очередное вранье. В такие условия попали лишь те соединения, которые были дополнительно выдвинуты непосредственно в приграничную полосу. Во-вторых, если Сталин не намеревался занимать эти войска боевой подготовкой, а собирался их почти тут же бросить в бой, почему же тогда война застала 22 июня артиллерийские части — на артиллерийских полигонах, связистов и саперов — на своих учебных полигонах, танковые части (по крайней мере, некоторые) — на танковых полигонах, зенитные дивизионы — на сборах отдельно от тех соединений, которые они должны были прикрывать? Что это за армии вторжения, у которых артиллерия, зенитчики, танки, саперы, связисты, — все разбросаны по своим «ведомственным» учебным базам?

Нет уж! Либо Сталин — гений коварства, собиравшийся внезапно воткнуть нож в спину Гитлеру, — и тогда эти факты никак не объяснимы. Либо для объяснения этих фактов надо пожертвовать выдумкой Резуна.

Еще один аргумент Резуна ни в какие ворота вооб-

ще, собственно, не лезет. Он говорит, что ежели Сталин провел мобилизацию, забрал мужиков из колхозов, двинул всю эту массу к границам, то ее надо было — волей-неволей — бросать в бой. А то к весне 1942 года эту толпу нечем было бы кормить (291—292). Интересно! А чем же эту массу войск на самом деле кормили в 1942 году, мобилизовав к тому времени еще больше мужиков из колхозов, да еще потеряв немалую часть хлебородных земель? Неужели ничем?

ВЕРИЛ ЛИ СТАЛИН В ВОЙНУ?

Почему Сталин сомневался в донесениях разведки и в подсказках англичан — это Резун объяснил очень даже хорошо. А вот почему Сталин так и не получил от военной разведки ясного ответа на вопрос — собирается ли Германия напасть на СССР?

Известно, что советской военной разведке удалось добыть данные, отчасти отражающие этапы последовательной разработки плана «Барбаросса». Было известно немало конкретных деталей о сосредоточении немецких войск у наших границ. И тем не менее, как утверждает Резун, глава военной разведки Ф.И. Голиков докладывал Сталину, что Германия к вторжению не готовится (314). Этот факт давно известен военным историкам, одни из которых объясняют позицию Голикова боязнью делать выводы, находящиеся в прямом противоречии с мнением Сталина, другие — наличием значительных сомнений в близости германских приготовлений к завершению. Резун, однако, предлагает свою версию.

Резун объясняет: для Голикова неопровержимыми свидетельствами подготовки Германии к войне против СССР должны были стать два факта — массовая заготовка бараньих тулупов и переход на зимнюю ружейную смазку. По приказу Голикова велось тщательное

наблюдение, которое должно было немедленно засечь эти события. Но они все не происходили. Гитлер оказался таким глупцом, что ринулся в войну без подготовки, обманув тем самым генерал-лейтенанта Голикова, а заодно и Сталина (311—314).

Такое объяснение выставляет в очень неприглядном свете и Голикова, и Сталина, а заодно — и самого Резуна. Если предположить, что данные по плану «Барбаросса» были хотя бы в самых общих чертах известны, то должно было быть известно и то, что вся кампания планируется на три месяца. А в таком случае Гитлеру не нужны ни тулупы, ни зимняя смазка. И зачем тогда все эти разведмероприятия по отслеживанию поголовья баранов?

Предположим, однако, что данных о сроках кампании по плану «Барбаросса» разведка не имела. Но и тогда и Сталину, и Голикову должно было быть ясно, что Гитлер ни в коем случае не будет обнаруживать приготовления к зимней кампании в России до момента вторжения. До ноября 1941 года у Гитлера было еще 4 месяца, чтобы проделать все эти необходимые мероприятия, не обнаруживая их до начала войны.

Резун пишет, что Голиков вскрыл концентрацию у границ огромных масс германских войск, но вполне справедливо счел, что это еще не признак подготовки вторжения (правда, только что Резун долго и старательно пытался нас уверить, что если большие массы войск движутся к границе, то за этим неизбежно должна следовать агрессия). Но даже если Голиков был прав, и на границе происходила только концентрация войск, но не подготовка вторжения, то тогда, зная это, для Сталина намерение напасть на Гитлера в июле 1941 года было бы еще большей глупостью, чем желание встретить агрессора наступательным порывом, позабыв об организации обороны.

Если Сталин знал, что у границ СССР сосредоточивается крупная группировка германских войск, но не

верил, что они собираются немедленно напасть, то, значит, из этого следовал единственный вывод — эта группировка готовится к нападению в более поздние сроки, а в данный момент решает оборонительные задачи. И Сталин намеревался пустить в наступление на изготовившегося к обороне противника свои не готовые к наступлению, не сосредоточенные еще войска, состоящие из наспех созданных соединений, не успевших получить штатное вооружение и технику, обучить и переподготовить кадры? Это было бы самоубийством. Да и Резун уверяет нас, что Сталин намеревался напасть, когда гитлеровские войска увязнут в операциях против Англии, чтобы ударить в спину. Но Сталину было известно, что не менее половины из них сосредоточено у советской границы и к 6 июля (по Резуну — якобы день советского нападения) никаким чудом вся эта группировка в Англию попасть не сможет.

Как совместить одно с другим? Кто такой Сталин — гений военного коварства, столкнувшийся с самоубийственным упрямством Гитлера, или ослепленный — пусть на время — собственным величием самодур, проглядевший очевидные вещи и навязавший свою слепоту командному составу Красной Армии?

Просчет Сталина коренился в его военной доктрине, предполагавшей отражение агрессии путем перехода к наступательным операциям без оперативной паузы. Сталин готовился встретить грядущую германскую агрессию именно таким ответным ударом, но не имел еще достаточных военных сил для этого. Однако вполне понятное стремление оттянуть германское нападение, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, переросло в условиях насаждения культа непогрешимости Сталина в отрицание возможности такого нападения до 1942 года, а насаждение наступательной доктрины привело в условиях огульной борьбы с «паникерством» и «отступательными настроениями» к торможению проведения необходимых мер по подго-

товке обороны. Даже начавшиеся в июне, ввиду очевидной возможности германского вторжения, переброска войск в приграничные округа, и мероприятия по повышению боевой готовности войск, очевидным образом запоздали, были подчинены все той же нереалистической доктрине и поэтому не обеспечили должного эффекта.

Как свидетельствуют факты и как видно из всего предшествующего анализа, летом 1941 года Сталин не мог готовить агрессию ни по военно-стратегическим, ни по военно-техническим соображениям. Гитлеровские войска не были заняты операциями в Западной Европе, а с февраля 1941 года стягивались к границам СССР. Сталин же тогда не располагал достаточной группировкой войск для ведения широкомасштабного наступления на европейском театре и не мог подготовить такую группировку ранее 1942 года. На 22 июня 1941 года не было создано достаточной плотности войск даже для обороны. Поэтому версия Резуна, несмотря на обилие софизмов и притянутых за уши аргументов, оказывается полностью беспочвенной, что, разумеется, не является тайной для него самого. Иначе Резун не стал бы так часто употреблять в «Ледоколе» ложь вместо доказательств. Впрочем, нам не привыкать. *À la guette comme à la guette* — на войне как на войне. И кто сказал, что «холодная война» закончилась?

Часть II

ГРЯЗЬ КАК ИНСТРУМЕНТ «ОЧИЩЕНИЯ»

В своей книге «Очищение» Резун-Суворов сделал значительный шаг вперед по сравнению с «Ледоколом». Это действительно так. Измышления его стали более правдоподобными, а система доказательств —

более изощренной, так что поймать его на лжи становится непросто. И тем не менее эта книга еще более лжива, чем «Ледокол». Если в «Ледоколе» Резун по большей части спекулировал на действительных фактах, обильно, впрочем, разбавляя их прямым враньем, то в «Очищении» он избрал иной подход. Теперь он спекулирует не на фактах, а на мнениях, которые труднее опровергнуть, чем просто вранье. И здесь гораздо меньше прямой лжи, и гораздо больше софистики, раскапывать и разоблачать которую нелегко.

В «Очищении» Резун чуть ли не похлопывает дружески по плечу товарища Сталина, величая его гениальным стратегом. И тем не менее эта книга является еще более злобно-антикоммунистической, чем «Ледокол».

ПОЧЕМУ ГЕББЕЛЬС ОТДАВАЛ ДОЛЖНОЕ СОВЕТСКИМ ВОЕНАЧАЛЬНИКАМ, А СВОИХ — СМЕШИВАЛ С ГРЯЗЬЮ?

Вступление к своей книге Резун начинает с обильного цитирования дневников Геббельса за март-апрель 1945 года. В этих дневниках Геббельс ругательски ругает высший генералитет Германии, требует решительных мер по его «очищению» и порицает фюрера за то, что тот таких решительных мер не проводит. Геббельс в отчаянии — генералитет из рук вон плох, а заменить его нечем. Он даже вспоминает убитого в 1934 году шефа штурмовиков Рема, замечая, что следовало бы, наверное, вместо верхушки штурмовиков расстрелять тогда несколько сотен генералов.

Резун услужливо объясняет: «...Гитлер к войне не готовился, генералов сотнями перед войной не стрелял, потому войну проиграл, потому был вынужден застрелиться сам». (Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию? М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»,

1998. С. 29)¹. И добавляет: «У Сталина к концу войны — плеяда выдающихся и даже гениальных полководцев. У Гитлера — никого. Так кто же из них умнее?» (29.)

Логика незатейливая и вроде бы очевидная — цыплят по осени считают. Гитлер генералов не уничтожил и остался с по-стариковски расслабленными бездарями. Сталин перестрелял стариков и пришел к концу войны с когортой молодых энергичных талантов.

Да, ясная логика. Например, перестрелял и пересажал наш вождь и учитель уткнувшихся во всякие догмы экономистов вроде Кондратьева, Чаянова, Громана, Рамзина и прочих, кого глупый Ленин поставил работать в высшие хозяйственные органы СССР. То-то наша экономическая наука скакнула вперед! До сих пор от этого скачка почесываемся...

Шуганул Иосиф Виссарионович всяких там мудрецов, обремененных классическим философским образованием, всяких там Лосевых, Дебориных да Рязановых, и открыл дорогу молодым и талантливым — вроде Митина, Юдина и прочих певцов сталинского гения на философском фронте. И оттого мы в области философии также стали «впереди планеты всей»...

Перестрелял и разогнал Сталин замшелых «вейсманнистов-морганистов» и открыл дорогу молодым энергичным «агробиологам мичуринского направления» во главе с академиком Лысенко. Вот и шагнула советская биологическая наука на небывалую высоту!

Что, продолжить списочек? Или хватит?

Но ведь войну-то Сталин выиграл! Да, выиграл. Значит, по генералам-то он правильно ударил? С друзьями, может, и напутал чего, а вот по генералам стукнул — в самый раз?

¹ Далее при ссылках на эту книгу будет указываться только номер страницы.

Давайте разберемся. Были у Сталина к концу войны талантливые полководцы? Конечно же, были! А у немцев — сплошные бездари? Постойте, но кто это сказал и когда? А сказали это Гитлер и Геббельс в марте 1945 года, когда у них все рушилось, военно-стратегическое превосходство Советской Армии стало подавляющим, и совершилось тогда даже чудо, и переместись все наши полководцы в Ставку фюрера, а немецкие генералы — к товарищу Сталину, исход войны был бы тот же самый. Ясное дело, поскольку военно-стратегическое руководство было в руках нацистской верхушки, то и стали Гитлер с Геббельсом все валить на генералов — сплошные, дескать, бездари, все прошляпили... Когда эти бездари за три недели разгромили польскую армию, за месяц — французскую, за две недели — югославскую, Геббельс что-то не вспоминал, что надо было в 1934 году несколько сот генералов к стенке поставить!

Впрочем, в любом споре не худо бы выслушать и другую сторону. Что же немецкие генералы в своих мемуарах про Гитлера писали? А ничего хорошего. Выскочка-ефрейтор ничего в военном деле не понимал, но во все вмешивался и все портил. «Вот в том-то и дело!» — восклицает Резун. Не нашлось среди немецких генералов честных да смелых, что могли бы наперекор фюреру свое мнение отстаивать. Подобно Жукову, который в августе 1941 года потребовал оставить Киев, а после отказа Сталина подал в отставку. До большой чистки никто Сталину не смел перечить, а вот после чистки такие генералы нашлись. И Гитлеру надо было бы поступить так же... (397—402).

На мертвых легко возводить поклеп. Кто из расстрелянных и умерших под пытками осмеливался возражать Сталину, и в чем — они уже не расскажут. А неужели среди немецких генералов никто ни на что подобное оказался не способен? В этом-то случае живые

свидетели имеются. Вот примеры, взятые лишь из одного источника.

1941 год: «Когда фельдмаршал фон Рундштедт в конце ноября потребовал эвакуации Ростова и отступления на Миусскую позицию, считая это неизбежным, пришел приказ Гитлера, запрещающий всякое отступление. Рундштедт отказался выполнять приказ Гитлера, который он считал бессмысленным...» (*Курт Типпельскирх. История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 196*).

1942—1944 годы: «...Цейтцлер (начальник Генерального штаба, которого Резун упрекает в трусости и неспособности подать в отставку, защищая свои взгляды. — А. К.) не хотел снизойти до роли простого исполнителя, а с присущим ему темпераментом резко и решительно отстаивал свои взгляды и поэтому вскоре вступил в тяжелую борьбу с Гитлером... Если Цейтцлер не хотел пасть жертвой бесконечных конфликтов со своей совестью, он должен был, несмотря на вытекающие лично для него из такого шага последствия, сложить с себя полномочия. Это и произошло летом 1944 года» (*Курт Типпельскирх. История... С. 239*).

1944 год: «...Гитлер 15 августа отклонил поступившую накануне новую просьбу Клюге разрешить, наконец, обеим армиям отступить, чтобы уйти из готового замкнуться кольца окружения. Тогда Клюге, взяв на себя всю полноту ответственности, сам отдал приказ об отходе» (*Курт Типпельскирх. История... С. 419*). И это еще не все примеры подобного рода.

Наконец, пусть Резун вспомнит, а кто же это пытался свергнуть Гитлера в 1944 году?

Стоит заметить, что эти же самые бездарные немецкие генералы сумели оттеснить наших прославленных полководцев до Волги. И, даже проиграв войну, они заставили нашу армию понести больше боевых потерь, нежели понесли сами. Но все-таки, в конце концов, войну они ведь проиграли? Да, они проиграли войну.

И немалая заслуга в этом принадлежит нашим военачальникам, десятки и сотни которых доказали, что они умеют воевать не хуже немцев. Но главная заслуга в нашей Победе принадлежит всему советскому народу, сплотившемуся против гитлеровской агрессии и своим ратным трудом, и своим нечеловеческим напряжением в тылу обеспечившим СССР военно-стратегический перевес. И тут уж, повторю еще раз, никакой Манштейн и никакой Рундштедт, будь они даже на голову выше Жукова и Рокоссовского (едва не расстрелянного Сталиным), ничего не могли поделать.

Так что не надо так уж хаять гитлеровских генералов. Вояки они были отменные. И наши полководцы сражались отнюдь не с бездарями. «...Тем выше наша слава», — как сказал Константин Симонов по аналогичному поводу.

КАКУЮ ЧАСТЬ КОМАНДНОГО СОСТАВА УНИЧТОЖИЛ СТАЛИН?

Для своих целей Резун очень ловко использует стремление нашей перестроечной и постперестроечной пропаганды раздуть факт трагических и преступных массовых репрессий в 1937—1938 годах до невысказанных масштабов, не останавливаясь при этом перед, мягко скажем, весьма вольным обращением с фактами. Резун ловит этих усердных не по уму оголтелых антикоммунистов за руку и восклицает: постойте-ка! А ведь не такие уж они и большие были, эти репрессии.

Резун показывает, что цифра в 40 000 репрессированных офицеров и генералов при ближайшем рассмотрении начинает заметно сокращаться. Во-первых, репрессировали не 40 тыс. Это число уволенных из армии за 1937—1938 годы, а не число репрессированных. А увольняли из армии по различным мотивам, в том числе и по старости, и по болезни. При численности

начальствующего (т.е. офицерского) состава в 206 тыс. человек таких уволенных ежегодно должно было быть немало. Арестовано же было в 1937—1938 годах 10 868 офицеров (61—62). Во-вторых, из общего числа арестованных немалую часть составляли офицеры НКВД и политработники. Резун полагает, что они никакой позитивной роли в ходе отражения вероятной агрессии заведомо играть не могли. Доказательству этого Резун уделяет почти целиком две главы своей книги — 4-ю и 5-ю. В-третьих, из общего числа уволенных значительная часть — а именно 12 461 человек (на 1 мая 1940 года) — была впоследствии освобождена и вернулась на командные должности (66). И это не все — ведь продолжали возвращать в строй вплоть до самого начала войны.

Однако и здесь, справедливо обращая внимание на искусственное раздувание масштаба репрессий антикоммунистической пропагандой конца 80-х — начала 90-х годов, Резун, в свою очередь, не смог удержаться от передержек. Давайте разберемся и с цифрами, и с комментариями к ним, которые дает Резун.

Прежде всего стоит обратить внимание на тот факт, что цифра в 10 868 арестованных, которую приводит Резун, касается только системы Наркомата обороны и только 1937—1938 годов. Но ведь аресты проводились и на флоте, и не только в 1937—1938 годах. Аресты проводились и до 1937 года, продолжаясь и в 1939, и в 1940, и в 1941 годах, хотя масштабы репрессий в эти годы заметно уменьшились. Поэтому общую цифру репрессированных офицеров можно принять примерно в 14—15 тыс. Следует отметить, что это заведомо преуменьшенная цифра, ибо значительная часть командиров *арестовывалась после увольнения из РККА* и в статистику Наркомата обороны, таким образом, не попадала.

Красная Армия, однако, была ослаблена не только арестами и расстрелами, но и просто увольнением кад-

ровых офицеров. *Общие потери офицерского корпуса, учитывая факт возвращения части репрессированных в строй, можно оценить примерно в 25 тыс. человек.*

Конечно, если сравнить эту цифру с общей численностью офицерского корпуса в 206 тыс., то получается вроде бы не так уж и много. Но Резун намеренно не обращает внимания на следующий факт. Репрессии и увольнения затронули в основном высший слой офицерских кадров, от командиров полков и выше. Взводное, ротное, батальонное звено пострадали несравненно меньше. А ведь именно в этих низших звеньях и была сосредоточена основная масса офицеров. Вот со старшим офицерским составом дело обстояло совсем плохо. Тут прошлись почти как косою. *Погибли все командующие войсками военных округов; были репрессированы или уволены все командиры корпусов, почти все командиры дивизий и командиры бригад, около половины командиров полков.* Примерно то же самое касается штабов военных округов, соединений и частей Красной Армии, а также высшего аппарата Наркомата Обороны и Наркомата Военно-морского флота.

Еще одно обстоятельство, на которое не хочет обращать внимание Резун, — репрессии пришлись как раз на тот период, вслед за которым начался быстрый количественный рост вооруженных сил. В 1939—1941 годах начинается развертывание новых частей и соединений в преддверии грядущей войны. Общая численность армии возрастает более чем втрое. А высший командный состав поголовно устранен из армии. Его бы и так, безо всяких репрессий, в подобных обстоятельствах остро не хватало бы. Репрессии же сделали эту нехватку катастрофической. Из комбригов — в командующие войсками округа, с полка — на корпус, подобные передвижения сделались не исключением, а правилом.

И напрасно Резун иронизирует над полководцами с петлицами НКВД, равно как и над комиссарами. Ин-

интересно знать, что, в других армиях не было контрразведки и войск по охране и очистке тыла действующей армии? В других армиях не было офицеров, которые вели в войсках политическую и воспитательную работу? Конечно, функции их были иными, нежели у войсковых командиров или у штабных работников. Но это вовсе не значит, что они были излишними.

В своем стремлении опорочить скопом офицерские кадры с погонами НКВД Резун издевается над «полководцем Берзиным», именуя его «гулаговским полководцем» и «рабовладельцем». Резун, желая опереться на авторитетное мнение, добавляет: «Тому, кто желает больше узнать про полководца Берзина, настоятельно рекомендую «Колымские рассказы» Шаламова. Шаламов писал Берзина и подобных ему стратегов с натуры. С предельно близкой дистанции» (91). Ой, напрасно Резун на Шаламова сослался, ой, напрасно. Рассчитывал небось, что читатель поленится сам в Шаламова заглянуть. А мы не поленимся. Мы заглянем.

Вот что рассказывает Шаламов о берзинских порядках на золотом прииске в системе Дальстроя (начальником которого и был Э.П. Берзин): «Прибывшим было выдано новое зимнее обмундирование... Медпункт пустовал. Новички даже не интересовались сим учреждением... Тяжелая работа, зато можно заработать много — до десяти тысяч рублей в летний, сезонный месяц. Зимой поменьше. В большие холода — свыше 50 градусов — не работают. Летом работают десять часов с пересменкой раз в десять дней (зимой — 4—6 часов)» (Шаламовский сборник. Вып. I. Вологда: 1994. С. 45—46). Шаламов также сообщает о том времени, когда Дальстроем руководил Берзин, что при нем практиковались «зачеты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда... Колоссальные заработки заключенным, позволявшие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми....

Тогдашние кладбища заключенных настолько малочисленны, что можно было думать, что колымчане — бессмертны» (*Шаламов В. Колымские рассказы. Кн. I. С. 532*).

Разумеется, работа в системе ГУЛАГа никого не красит. Но старый большевик, дивинтендант (генеральское звание) Э.П. Берзин, даже по свидетельству бывших заключенных, отнюдь не подходит под нарисованный Резуном стереотип «рабовладельца». Да и оказался он на Колыме не по своей воле, и сам пал жертвой одной из первых волн массовых репрессий летом 1937 года.

В этих главах совершенно очевидной становится идеологическая подкладка писаний Резуна. Комиссары не нравятся ему потому, что исповедовали марксистско-ленинскую идеологию. Все функции НКВД Резун сводит исключительно к проведению необоснованных политических репрессий и охране ГУЛАГа. Ну конечно, если встать на такую позицию, то получится, что на территории СССР не было и не могло быть никаких шпионов, диверсантов, бандитских формирований — это все выдумки большевиков. Абвер территорией СССР не интересовался, а бандеровцы и мельниковцы из ОУН занимались исключительно культурно-просветительной работой. А с уголовниками, как с социально-близкими элементами, НКВД из принципа не боролся. Или все-таки боролся? Тогда не стоит всех офицеров НКВД скопом зачислять в каратели и садисты.

Предпочитает Резун «забыть» и о том, какое влияние оказали необоснованные репрессии на политикоморальное состояние офицерского корпуса. Грубые просчеты в военно-технической политике, в военной доктрине, в боевой подготовке войск, в планах развертывания, как правило, оказывались не опротестованными, или протесты застревали на уровне непосредственных начальников. Возобладал принцип «начальству

виднее». Это была одна из причин, по которой очевидная угроза агрессии со стороны Германии так и не привела к достаточным ответным мерам, поскольку таковые рассматривались «начальством» как паникерство или провоцирование агрессии. Впрочем, как мы уже видели, Резун пытается утверждать как раз обратное.

Вероятно, Резун чувствует, что его аргументы недостаточно весомы для того, чтобы свести масштаб репрессий в Красной Армии к безобидным пустякам. И тогда он прибегает к своему основному приему в данной книге. Этот прием весьма незатейлив, но его эмоциональное воздействие на читателя хорошо рассчитано. Резун выбирает несколько фигур из числа репрессированных военачальников — Блюхера, Дыбенко, Тухачевского, Якира, добавляет к ним одного из руководителей НКВД Фриновского и начинает поливать их всей грязью, которую ему только удалось собрать. «Вот, — демонстрирует Резун, — какова цена ваших прославленных полководцев. Верно сделал товарищ Сталин, что железной метлой вычистил их из армии».

Даже если поверить Резуну на слово — а, как показывает весь предшествующий анализ его книг, делать этого ни в коем случае не следует, — то все равно — эта грязь ничего не доказывает. Пусть в стаде была не одна паршивая овца, пусть их были десятки и сотни — это еще не основание зачислять в пьяницы, каратели, авантюристы, бездари и т.д. всех репрессированных и уволенных из армии. Но мы не будем верить Резуну на слово.

ПЬЯНИЦЫ, АВАНТЮРИСТЫ, КАРАТЕЛИ...

БЕЗДАРНЫЙ АВАНТЮРИСТ ТУХАЧЕВСКИЙ

Больше всех досталось от Резуна Михаилу Николаевичу Тухачевскому. Целых семь глав своей книги (из двадцати трех) отводит Резун только на перечисления

грехов Тухачевского. Главное, что хочет доказать Резун, — Тухачевский никакими стратегическими талантами не обладал.

Главы 12-ю и 13-ю Резун почти целиком посвящает разбору разного рода неудачных выражений и преувеличений в трудах Тухачевского. Что же, Резун поработал на славу, вытащив на свет божий все, что только можно было отыскать по этой части. Хотя при этом сам Резун шеголяет отсутствием знаний принятой в то время военной терминологии (например, «декавильки», по поводу которых иронизирует Резун, это всегонавсего разборные узкоколейные железные дороги системы инженера Декавиля), в вину это почему-то ставится Тухачевскому. Раз Резун этого слова не знает, значит, это — нелепость. Весьма убийственная логика... Но допустим, что Тухачевский действительно был неразборчив в употреблении тех или иных военных терминов, допускал нарочито туманные обороты речи, ради красного словца шел на вольное обращение с фактами. Такого рода дела, конечно, никого не красят. Но дискредитирует ли это способности Тухачевского как командира?

Резун уже прошелся по Тухачевскому в «Ледоколе», упрекнув его в бездарном ведении кампании против Польши в 1920 году. Здесь же, в «Очищении», он обобщает: «В Первой мировой войне Тухачевский воевал полгода. А Гражданская война — это вовсе не война, а карательные экспедиции против мужиков» (246). Жаль, что не дожили до наших дней и не слышат Резуна ветераны Добровольческой армии — марковцы, дроздовцы, ветераны колчаковской армии — каппелевцы. Назвать воинов добровольческих офицерских частей и соединений мужиками, а сражения, в которых они участвовали, приравнять к карательным экспедициям! Да, за такое оскорбление Резуну не сносить бы головы. Каппелевцы, кстати, сталкивались с Тухачевским на Восточном фронте под Белебеем, безуспешно пытаясь

контратаковать 5-ю армию Тухачевского, и поневоле извели на себе его полководческие таланты.

Можно вернуться и к оценке Польской кампании 1920 года. «Тухачевский был из той самой породы стратегов — воевать числом», — заявляет Резун (295). Позвольте не поверить.

Когда в апреле 1920 года, после отказа от мирных переговоров с Советской Россией, белополяки начали наступление, у них имелось на Западном фронте 79 тыс. штыков и сабель против 80 тыс. штыков и сабель у Тухачевского. И что же? Тухачевский сам перешел в наступление, продвинувшись на 80—100 км. Лишь сняв войска с литовской границы и две дивизии с украинского фронта, поляки смогли к началу июня оттеснить Тухачевского в исходное положение.

Но уже к концу июня Тухачевский вновь переходит в наступление. В начале августа он уже под Варшавой. Против 55 тыс. штыков и сабель Тухачевского были сосредоточены 110 тыс. штыков и сабель польских войск, получивших существенную поддержку от Франции, Англии и США (польская армия получила только от Франции 1494 орудия, 350 самолетов, 2800 пулеметов, 327 тыс. винтовок), в том числе свежая армия. Безусловная ошибка Тухачевского заключалась в том, что при таком неблагоприятном соотношении сил он продолжал попытки овладеть Варшавой. Разумеется, ослабленные предшествующими боями, части Западного фронта не могли продолжать наступление, не выдержали удара свежих польских сил и стали отходить. Просчет Тухачевского здесь налицо. Однако кто просчитался больше?

Да, Тухачевский проиграл Варшавскую операцию, но выиграл войну. При неблагоприятном соотношении сил Тухачевский остановил белополяков на 50—100 км западнее той линии, с которой они начали свой поход в Советскую Россию 25 апреля 1920 года. Польша получила в результате менее выгодные условия мирного до-

говора, чем те, которые предлагались ей Советской Россией до начала войны. Так что Резуну следовало бы взять обратно свои слова насчет стратега, воюющего числом.

Несоразмерно большое число страниц посвящает Резун комментариям по поводу одного предложения Тухачевского. Вдоволь порассуждав на с. 223 насчет того, что никто из советских историков, писавших о предложениях Тухачевского по реорганизации армии, сделанных в декабре 1927 года, содержания этих предложений не раскрывает, Резун поступает затем так же, как и они. Он вытаскивает из этих предложений одну только цифру (в данном случае, вопреки своему обыновению, безо всяких ссылок на источники) — Тухачевский, оказывается, в декабре 1927 года предлагал произвести в 1928 году 50—100 тыс. танков (274). Почти вся 15-я и 16-я главы посвящены Резуном издевательствам над одной только этой цифрой.

Да, очевидно, что предложение дурацкое. Вопрос в том, в каком контексте содержится эта цифра. Неужели Тухачевский *всерьез* полагал, что за один год можно произвести 100 тыс. танков? Вероятнее всего, это нечто вроде участия в игре по бюрократическим правилам — проси 50 тыс. (а лучше — 100), получишь 5 тыс. Конечно, тут чувство меры Тухачевскому изменило (что, к сожалению, бывало с ним не раз). Но, повторю, это можно скорее рассматривать как некую вольность, недопустимую в серьезных документах по военному планированию, но не как реальное требование. Готовил же Тухачевский в том же 1927 году *реальный* пятилетний план военного строительства, который *был целиком принят к исполнению*. И там он вполне обошелся без подобного рода поэтических вольностей. Трудно представить себе, как один человек — квалифицированный военный специалист, составляющий реальный и серьезный план военного строительства, в мгновение

ока превращается в совершенно другого человека — полного идиота, всерьез требующего произвести за год 100 тыс. танков!

Резун проявляет вполне понятное усердие, на сорока пяти страницах упражняясь в ерничанье по поводу этих 100 тыс. танков. Ну как тут не выжать максимум возможного из столь кстати подвернувшегося повода! И Резун старается вовсю. Он сообщает нам, что без авиационной поддержки танки действовать не могут, и вот уже 100 тыс. танков дополняются ста тысячами самолетов. Резун со смаком выкладывает расчеты, показывающие, сколько людей бы потребовалось для такой армады, да какая была бы, в соответствии со штатной численностью тогдашних соединений, общая численность этой танково-самолетной армии, а потом с садистским сладострастием обсасывает со всех сторон получившиеся громадные цифры...

Но допустим на минуту, что Резун прав, и Тухачевский — не только безудержный хвостун, не знающий числа и меры, но и вообще не соображает, что может произвести советская военная промышленность, а что — нет. И товарищ Сталин правильно поставил его на место, заявив, что предложения Тухачевского означают полный срыв всего социалистического строительства. Постойте, но как же тогда Сталину лишь немного погодя — в 1931 году — взбрело в голову назначить Тухачевского начальником вооружений РККА? Чтобы тот со своим техническим авантюризмом все дело вооружения армии развалил? Или товарищ Сталин более реально оценивал качества Тухачевского — во всяком случае, не так, как Резун? Стоит напомнить, что в 1932 году Сталин принес Тухачевскому письменные извинения за свой слишком резкий отзыв о его предложениях 1927 года, оправдывая себя недостаточно ясным пониманием проблемы в то время (Военные архивы

России. 1993. Вып. 1. С. 79-80). Много ли вы знаете людей, перед которыми Сталин письменно извинялся?

Впрочем, не следует переоценивать гениальность самого товарища Сталина. Хотя он семь лет держал Тухачевского на посту начальника вооружений РККА, но так и не мог разобраться в том, что из продвигаемых Тухачевским военно-технических разработок есть технический авантюризм, а что — перспективные направления развития военной техники. Некоторые ошибки Тухачевского после его ареста и расстрела были исправлены (увлечение универсальными артсистемами, разработка динамореактивных пушек, отказ от разработки среднего танка с противоснарядным бронированием). Однако такие светлые умы, как Кулик, Мехлис и Щаденко, которые стали ведать делом вооружений РККА, тоже были далеко не безгрешны по части принимаемых решений. В результате вместе с неудачными разработками Курчевского были прекращены любые работы по безоткатной артиллерии и мы вплоть до конца войны вообще не получили начатых разработкой до войны систем противотанковой реактивной артиллерии (в отличие от Германии, которая имела свой «фаустпатрон», подбивший немало наших танков, и США, имевших свою «базуку»). Производство же реактивных систем залпового огня («катюш») было заморожено минимум на два года, и решение об их производстве было принято буквально перед самой войной. Более мощных ракетных систем дальнего действия (подобных немецкой «Фау») мы также не получили, а многие специалисты по ракетной технике были уничтожены. Кроме того, великие полководцы и технические гении, сменившие по воле Сталина бездаря и авантюриста Тухачевского, сократили производство зенитной артиллерии и сняли с производства 45-мм и 76-мм противотанковые пушки, оставив только 107-мм (не оправдавшую себя в ходе войны). Это, конечно,

принесло нам множество побед, особенно в начальный период войны.

В главе 17 Резун поносит Тухачевского за то, что тот открыто ратовал за союз с Францией против Германии. Лезет не в свое дело — констатирует Резун (335). Нарушает гениальный замысел товарища Сталина натравить Германию на Францию, дать ей там увязнуть, а самому ударить Гитлеру в спину (331—334). Но тут уж Резун запугивается в собственных инсинуациях.

Либо Сталин ссравливает западные страны между собой, чтобы в удобный момент совершить большевистскую агрессию против всей Европы. Но тогда Тухачевский прав, Тухачевский молодец, что открыто выступает против этого плана, ратуя за советско-французский союз против Гитлера. И нечего его за это осуждать.

Либо Тухачевский напрасно пытался сломать Сталину гениальную игру, а Сталин молодец, хорошо задумал, толкнув Гитлера сначала против Польши, а потом на Запад и тем самым развязав (как это утверждает Резун) Вторую мировую войну. Но ведь Резун именно за это Сталина и осуждает, как коварного большевистского агрессора! Концы не связываются.

Впрочем, Резун пытается эти концы связать, объявляя Сталина одновременно и гениальным стратегом, и большевистским маньяком. Одним он восхищается, другого проклиняет. Однако тогда и к Тухачевскому должен быть столь же двойственный подход. Примерно так: гениально-коварные замыслы Сталину ломал (не понял его мудрой военной стратегии), но политически был прав, ратуя за франко-русский союз (хотел честного союза против Гитлера). Но нет. Тухачевского Резун не просто осуждает, но еще и объявляет недоумком. И на этом травля Резуном жертв сталинских репрессий отнюдь не заканчивается.

**БЕЗАЛАБЕРНЫЙ ПЬЯНИЦА ДЫБЕНКО,
НЕДАЛЕКИЙ ПЬЯНИЦА БЛЮХЕР,
КАРАТЕЛЬ ЯКИР...**

Тут наш неутомимый историк сумел раскопать весьма благодатный для него материал. В случае с Дыбенко на руках у Резуна оказываются неплохие козыри. Да, Дыбенко дисциплиной не отличался, к выпивке был пристрастен, и в его биографии немало неблагоприятных эпизодов. Но и здесь Резун не совсем честен. Правило — выслушать обе стороны — он последовательно игнорирует. Любое свидетельство против Дыбенко идет в дело. Никакие аргументы, призванные объяснить, почему же этому разгильдяю и дебоширу доверяли серьезные посты, вообще к рассмотрению не допускаются.

Эммануилу Ионовичу Якиру Резун вообще отказывает в праве называться боевым командиром. «Весь его боевой опыт — три месяца с позорным концом» (199). Резун имеет в виду командование группами войск и 14-й армией на Юго-Западном фронте в период войны с Польшей. Под «позорным концом» он имеет в виду отступление после поражения Красной Армии в Варшавской операции. Действительно, Юго-Западный фронт не смог удержать позиций при примерном равенстве сил с поляками и в этом смысле проявил себя хуже, чем Западный (где у поляков было двойное превосходство). Однако и на этом направлении белополяки были остановлены западнее той линии, с которой начали войну с Советской Россией. Кроме того, следует учесть, что уже в ходе польского наступления с Юго-Западного фронта была снята часть войск и направлена против Врангеля.

Но ведь Якир не только на Юго-Западном фронте занимал командные должности. Для Резуна, однако, командование 45-й дивизией в июле-августе 1919 года на Южном фронте — не в счет. Вот как объясняет это

Резун: «К середине 1919 года обстановка на фронтах прояснилась. Запахло победой. И вот Якир меняет карьеру комиссара, палача и карателя. Теперь он рвется в командиры. Самые высокие командирские должности, как водится, заняты. Есть только должность командира дивизии. С члена РВС армии на командира дивизии — это падение. Но Якир согласен на понижение, лишь бы командовать сейчас, под победный конец Гражданской войны» (190).

Вот тут уж Резун лжет в открытую. На Южном фронте в то время речь шла вовсе не о победах. Деникин прорвал фронт, занял 23 августа Одессу и двигался на Киев, который он и занял 31 августа. Южная группа 12-й армии оказалась отрезанной в районе Одессы от основных сил Красной Армии. Начдив Якир принимает командование над этой группой (кроме 45-й, в нее входила еще 47-я и 58-я дивизии). Под командованием Якира Южная группа совершает рейд от Одессы до Житомира, сумев обойти деникинские и петлюровские войска и соединиться 19 сентября с Красной Армией. Об этом Резун, конечно же, молчит. Не вписывается это в нарисованную им картину.

Палачом и карателем Резун именует Якира, не имея никаких прямых доказательств или свидетельств. «Может быть, и не он лично...» — походя бросает по этому поводу Резун (186). И тут же подводит Якира под общую гребенку, разражаясь филиппикой по поводу зверств большевиков «вообще»: «Красное коммунистическое зверство в Гражданской войне затмевает все, что знало человечество о жестокости и садизме. Все психопаты, все садисты и убийцы собирались под красные знамена. Именно превосходство в зверстве и обеспечило марксистам победу. В жестокости с ними не мог соревноваться никто» (186).

В качестве основного аргумента Резун ссылается на книгу Мельгунова «Красный террор в России». Однако

ему стоило бы узнать о Мельгунове побольше, прежде чем ссылаться на него. Ведь именно летописец красного террора Мельгунов сказал, что страшнее красного террора был только белый террор. Но для Резуна самого факта белого террора не существует. В его изображении красный террор был направлен большевиками исключительно против народа России из одного только властолюбия. Однако *белый террор — это факт, без рассмотрения которого невозможно сказать ничего честного про причины и размах красного террора*. Впрочем, Резун и честность — понятия, плохо совместимые.

Задумываются ли нынешние вздыхатели о «зверствах большевиков», кто были учителя обвиняемых в красном терроре? Не будем заходить далеко в историю и вспоминать безжалостную резню во время религиозных войн, деяния святой инквизиции, уничтожение целых народов при завоевании Нового Света, массовые убийства населения Ирландии и т.д. Уже в XIX веке цивилизованные европейцы продолжали истребление индейцев в США, массовые убийства при подавлении антиколониальных выступлений, перебили без суда и следствия десятки тысяч пленных и вообще «подозрительных», включая множество женщин, во время «кровавой майской недели» после подавления Парижской Коммуны 1871 года. Не отставали от них и в России. Чего стоят карательные экспедиции в Сибири и Прибалтике при подавлении революции 1905—1907 годов! Говорят, что по приговорам военно-полевых судов было расстреляно и повешено «всего» несколько тысяч человек. Но ведь еще несколько десятков тысяч были убиты карателями без суда и следствия. Говорят, что это большевики изобрели концентрационные лагеря. Нет, господа, лагеря изобрели цивилизованные английские джентльмены во время англо-бурской войны,

а потом их широко применяли многие воюющие страны во время Первой мировой войны.

У большевиков не было оснований полагать, что герои белого дела обойдутся с ними иначе, одержи они победу. Да, красный террор был очень жесток, и нередко неоправданно жесток. В летописи красного террора есть немало позорных страниц. Интеллигентная верхушка большевиков, несомненно, несет за это ответственность. Но следует учесть, что малограмотные рабочие и неграмотные крестьяне, восставшие против многовекового полурабского и полуголодного существования, против того, что их и вовсе за людей не считали, вряд ли могли все как один проявлять сдержанность и терпимость к тем, кто хотел опять загнать их на положение презираемого и унижаемого «быдла».

А как же тогда быть с «белой гвардией», со сливками дворянской элиты, с блестяще образованной интеллигенцией? Куда делся весь их лоск и образованность, как быстро слез с них тонкий налет цивилизации, когда речь пошла о защите их собственных привилегий, о защите их «неотчуждаемых прав» грабить, унижать и угнетать! Тут уж «белая кость» моментально перешеголяла по части зверств тех, кого она обзывала «чумазами хамами».

Все сказанное вовсе не значит, что Якир (как и многие другие участники Гражданской войны) был ангелом с крылышками. Только осудить его следовало бы вовсе не за то, что он якобы в военном деле не смыслил, а занимался только палаческими функциями, как то пыжится изобразить Резун. Осудить его можно только за то, что он слишком ревностно поддерживал товарища Сталина (о чем, например, свидетельствует его поведение во время трагически знаменитого февральско-мартовского пленума ЦК ВКП/б/ в 1937 году).

Против другого советского военачальника — Васи-

лия Константиновича Блюхера — удалось Резуну накопить не очень много. О полководческих талантах Василия Константиновича Резун молчит, как в рот воды набрал. Зато наш историк, военный теоретик и перебежчик решил поиздеваться над наградами Блюхера. Ну как же — когда во всей Красной Армии ордена имели только 41 человек, и при том по одному, то у Блюхера их было уже целых четыре. Подозрительно! И орден за №1 — тоже у Блюхера. «Выходит, что Блюхер в несколько раз героичнее всех остальных героев, вместе взятых», — брюзжит Резун (376). А вот за что Блюхер получал ордена, Резуну как-то недосуг разобраться. Неинтересно. Придется еще, чего доброго, признать, что он их за дело получил. Вместо этого он обзывает Блюхера палачом, не приведя при этом не то чтобы никаких доказательств, а даже никаких высосанных из пальца поводов. Палач — и все тут (377).

Так за что же все-таки Блюхер получал свои ордена?

Первый орден Красного Знамени Блюхер получил за 1500-километровый рейд по тылам белых — он вывел из района Белорецка, ведя непрерывные бои, Южно-Уральскую партизанскую армию на север Урала, на соединение с Восточным фронтом. Да и потом воевал Блюхер не менее умело. Действуя против Колчака, 51-я дивизия под его командованием нанесла по Колчаку серьезный удар у Тобольска. В боях против Врангеля Блюхер обеспечил удержание Каховского плацдарма на Днепре, впервые в российской военной практике организовав там артиллерийскую противотанковую оборону, что позволило отразить массированные танковые атаки Врангеля. Другая страница в его полководческой биографии — форсирование Сиваша.

Единственный чисто военный упрек, который Резун бросает Блюхеру, — невнимание к оборудованию театра военных действий на Дальнем Востоке. Семнадцать лет маршал Блюхер там командовал, а не удосу-

жился заняться строительством дорог, чтобы обеспечить войскам возможность маневра, на случай если сообщение по Транссибирской магистрали будет прервано. Только пьянкой увлекался. А вот когда в 1941 году на его место назначили генерала Апанасенко, у того в штабе сразу сообразили, что без дорог — никуда, и генерал Апанасенко заставил эти дороги срочно выстроить (366—371). «И что за стратег Блюхер после этого?» — вопрошает Резун.

В каком состоянии были дороги в ОКДВА, когда там командовал Блюхер? Честно скажу — не знаю. Но ведь и Резун *не знает*. Повторю снова и снова: во всяком таком деле есть правило — выслушать обе стороны. Может быть, в середине 1938 года, когда Блюхер был репрессирован, дороги были там во вполне сносном состоянии? К лету же 1941 года, то есть три года спустя, грунтовки без надлежащего ухода вполне могли прийти в упадок. И генералу Апанасенко пришлось ими заниматься снова. А может быть, что Блюхер действительно допустил здесь серьезный промах.

В любом случае не следовало бы бросаться обвинениями на основе единственного свидетельства заинтересованной стороны. Резун, конечно, не таков. *Любую грязь, которую ему только удастся откопать, он помещает на страницы своей книги, нисколько не заботясь об исторической истине, а подчас даже и о простом правдоподобии.*

Я вовсе не берусь утверждать, как и в случае с Тухачевским, что Якир и Блюхер были, как говорится, без греха. Но ведь именно эти командиры выиграли Гражданскую войну — выиграли против серьезного противника, у которого были командные кадры с хорошим военным образованием и с солидным боевым опытом. И, наконец, следует сказать, что даже если Резун прав относительно подвергаемых им поношениям командиров не на 100%, а на 200%, и даже на все 500%, то это еще ровным счетом ничего не доказывает. А каковы

были боевые качества остальных репрессированных? — вправе задать мы вопрос. И тут Резуну нечего ответить. Он ведь вовсе и не собирался выяснять этот вопрос. Ему было достаточно ошарашить читателя несколькими фактами позабористей (и не всегда достоверными) из биографий нескольких человек, и на этом основании чохом записать в пьяниц, недоумков и карателей все жертвы сталинских репрессий.

По Резуну выходит, что Сталин старательно убирал старых да бесталанных и давал дорогу молодым и способным. Смее утверждать, что это весьма далеко от истины. Принципы кровавой сталинской «селекции» были совсем другими. Вот только один пример — в июне 1938 года Ворошиловым была подписана директива об увольнении из РККА всех лиц начальствующего состава, по национальности принадлежавших к народам тех стран, которые рассматривались как враждебные к СССР, — поляков, финнов, румын, литовцев, латышей, эстонцев и т.д. — либо родившихся за границей. Ну, ясно — раз не русский или не украинец, значит, точно «враг народа». Но, может быть, Резун полагает, что быть, например, латышом — значит автоматически получить свидетельство о профессиональной бездарности? Или Резун полагает, что чистка командного состава по признаку какой-либо прикосновенности к внутривластной оппозиции, особенно левой, также позволяла освобождаться именно от профессионально непригодных кадров? Ведь среди высшего состава РККА большинство либо принадлежало в прошлом к сторонникам левой оппозиции, либо, по крайней мере, имело с бывшим председателем Реввоенсовета Троцким нормальные деловые отношения. И одного этого было более чем достаточно, чтобы попасть под каток репрессий.

В своей защите сталинского произвола Резун потерял последнюю видимость приличия, став, нисколько не скрывая этого, прямым идейным пособником палачей и фальсификаторов.

ЕЩЕ РАЗ О ТАНКАХ, О ГОЛОДЕ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

На любовь Резуна к исторической достоверности натыкаешься на страницах его книги весьма часто.

Еще в «Ледоколе» он стремился поразить несведущих читателей своими познаниями в области бронетанковой техники. Здесь он снова решил щегольнуть этими познаниями. Так, Резун утверждает, что Германия начала Вторую мировую войну, имея всего лишь 2977 танков, из них «ни одного среднего» (275). Правда, в «Ледоколе» им же приводилась другая цифра — 3195. Ну да чего не сделаешь ради того, чтобы показать, какая же была у Германии маленькая да слабенькая армия.

Да, действительно, из 3195 танков, имевшихся у Германии перед нападением на Польшу, 1445 представляли собой вооруженные пулеметами танкетки «Т-I», 1223 — легкие танки «Т-II», еще почти две сотни — различные специальные танки. Однако имелось и 309 средних танков «Т-III» и «Т-IV». Немного, конечно, но все-таки побольше, чем «ни одного». Кроме того, Германия имела немало трофейных чешских танков (в чешской армии было 469 танков, которые после Мюнхенского сговора попали в руки Гитлера), несколько не уступавших немецким «Т-II». Но Резун здесь — в который раз! — проявляет избирательную забывчивость. Он «забывает» сообщить, что эти слабенькие силы предназначались вовсе не против танкового гиганта — СССР, а против Польши. Чем же располагала Польша? У нее было всего 887 легких танков и танкеток. Так что танковые части вермахта имели многократное численное и техническое превосходство.

Чтобы изобразить возможно больший контраст с предложением Тухачевского за один год произвести 50—100 тыс. танков, Резун добавляет, что все эти немецкие танки были «построены не за один год, а за все

предвоенные годы» (275). Но что значит «за все предвоенные»? За 1918—1939? Или за сколько? За пять лет до начала войны? За десять?

Согласно данным самого Резуна, в 1935 году у Германии было всего 219 танкеток «Т-1» (324). Значит, почти 3 000 танков были построены за 1936—1939 годы. Затем их количество наращивалось за счет строительства средних танков.

Но ведь СССР имел их гораздо больше? Да.

Вот как изображает ситуацию Резун:

«3410 немецких танков. Все танки легкие. Все устаревшие. Ни одного тяжелого танка. Есть средние, но это просто легкие танки, на которые навешали дополнительной брони» (451). «А у Сталина 23 106 танков (не считая НКВД), включая лучшие в мире образцы» (451).

И опять у Резуна правда перемешана с ложью.

Во-первых, Резун у немцев *считает только те танки, которые были выдвинуты перед войной к границам СССР и только в составе танковых групп вермахта, игнорируя отдельные части и подразделения*. В Красной Армии же он считает *все танки*. Во-вторых, против СССР, были выдвинуты не только немецкие танки, но и танки их союзников. А сколько же всего было танков у Германии и ее союзников по войне против СССР? Ведь именно эту цифру следует сравнивать с цифрой общей численности танков в РККА, приводимой Резуном. Давайте считать. В вооруженных силах Германии имелось 5639 танков и штурмовых орудий (которых СССР тогда еще не производил) собственного производства и 4930 трофейных танков и танкеток всех типов (История Второй мировой войны 1939—1945. М.: Воениздат, 1974, т. 3. С. 327). К слову сказать, из немецких танков против СССР было развернуто не 3410, как пишет Резун, а примерно 4,1 тысячи. Из танков немецких союзников учтем только танковые силы Италии, Румынии и Финляндии — участие остальных в

войне против СССР было менее значимым. Италия имела примерно 1500 танков, Румыния — 236, Финляндия имела 86 танков. Итого 12 391 танк против 23 106. *Почти семикратное превосходство по Резуну на деле превращается в менее чем двукратное. Примерно таким же было соотношение сил непосредственно на нашей западной границе.*

Теперь о качественной стороне дела. Резун говорит, что средних танков у немцев не было, а были только устаревшие легкие танки, на которые повесили дополнительную броню, что сделало их тяжелыми и малоподвижными. Ну что же, давайте сравним «устаревший» (выпуска 1940 года) легкий немецкий танк «Т-II» с таким же «устаревшим» (тоже выпуска 1940 года) «легким танком» «Т-IV», который сделали «менее подвижным», навесив дополнительную броню. Резун говорит к тому же, что у немецких танков не было противоснарядной брони и мощных пушек. Поглядим.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ НЕМЕЦКИХ ТАНКОВ

Тип танка	Вес	Вооружение	Толщина брони	Мощность двигателя	Максимальная скорость
«Т-IIF»	9,5 т	пушка 20 мм, 1 пулемет 7,92 мм	лоб 30 мм борт 14,5 мм	140 л.с.	40 км/час
«Т-IVF1»	22,3 т	пушка 75 мм, 2 пулемета 7,92 мм	лоб 50 мм борт 30 мм	300 л.с.	40 км/час

Итак, мы видим, что у танка «Т-IVF1» *броня все-таки противоснарядная, пушка мощная — 75 мм, мощность двигателя вдвое выше, а скорость не ниже, чем у легкого танка.* Резун опять солгал. Но может быть, Резун прав в том, что этот танк все же в подметки не годился нашему «Т-34» того же 1940 года выпуска? Проверим.

А. Бузгалин, А. Колганов

**ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
СОВЕТСКОГО ТАНКА «Т-34»**

Тип танка	Вес	Вооружение	Толщина брони	Мощность двигателя	Максимальная скорость
«Т-34»	26,5 т	пушка 76 мм, 2 пулемета 7,62 мм	лоб 45 мм борт 45 мм	500 л.с.	51 км/час

Да, «Т-34» превосходит немецкий танк по подвижности (мощности двигателя и скорости), его длинноствольная 76-мм пушка эффективнее более короткой немецкой 75-мм и при примерно равной толщине брони «Т-34» устойчивее к попаданию снарядов из-за оптимально подобранных углов наклона броневых листов. Но у немецкого танка больше экипаж, просторнее боевое отделение, лучше приборы наблюдения и прицеливания, надежнее двигатель и радиостанция. В целом наш, пожалуй, лучше. И все-таки не настолько, чтобы немецкий средний танк вообще не мог с ним сравниться. Мог. И подчас довольно успешно вступал в противоборство, хотя — повторю — с чисто технической стороны шансы нашего танка выиграть дуэль были выше (если не принимать во внимание недостатки организации танковых войск, слабую подготовку экипажей и нехватку броневой снарядов). Этот достоверный факт Резун раздувает до невероятных размеров, делая довольно удачную психологическую ставку — ну не будет же патриот своей Родины сознательно выискивать достоинства немецких танков и критиковать свои собственные.

Но это еще не все. Резун снова и снова привычно смешивает правду и ложь, зачислив в «лучшие в мире и уникальные по своей конструкции танки», помимо заслуживших этого «Т-34» и «КВ», еще и «Т-28», «Т-35», «Т-37», «Т-38», «Т-40». «...Ничего подобного ни у кого

в мире в 1941 году просто не было» — уверяет Резун. И он почти прав. Не было ни у кого плавающих танков «Т-37» и «Т-38». Потому что эти легкие, маломощные, слабо вооруженные и плохо защищенные танки годились разве для разведывательных рейдов. Да и в СССР они были сняты с производства. Не было ни у кого пятибашенных монстров — тяжелых танков «Т-35». Малоподвижные, с ненадежной ходовой частью, с недостаточной сильной броней, со слабыми устаревшими пушками — они также были сняты в СССР с производства. То же самое касается и трехбашенного среднего танка «Т-28». Впрочем, у этого танка зарубежные аналоги были, поскольку в начале 30-х годов за рубежом, так же как и в СССР, разрабатывались многобашенные танки, впоследствии отвергнутые военной практикой. Что же касается разработанного перед самой войной легкого танка «Т-40», то было их совсем немного, от других легких танков отличался он не столь уж значительно, да и война показала, что легкие танки имеют ограниченное применение — их производство к концу войны было практически прекращено.

Резун не удержался, чтобы еще раз не пропеть похвалы легкому танку «БТ-7м» выпуска 1939 года. Слов нет, по скорости и по запасу хода он превосходил любые зарубежные средние и легкие танки (за исключением немецкого «Т-III»). Но вот броня и вооружение у него были слабы (броня была даже слабее, чем у «Т-II»), что делало его легкой добычей не то что средних танков или противотанковых пушек, а даже противотанкового ружья. Кроме того, парк легких танков состоял далеко не из одних только «БТ-7м». Были там и «БТ-7» 1935—1939 годов выпуска, и значительно менее мощный, скоростной и защищенный «Т-26». А ведь в танковом парке РККА еще оставались и старенькие «БТ-5» и «БТ-2», и совсем слабенькие танкетки «Т-27».

Столь пестрый состав танковых сил РККА привел к тому, что в танковом парке оказалось очень много ти-

пов машин, большинство из которых были устаревшими и просто старыми, выработавшими моторесурс. Соответствующие образцы были сняты с производства, и запасных частей к ним просто не было. В результате к началу войны из огромной массы списочной численности танков (23 106) могли нормально двигаться и воевать примерно 7—11 тысяч. Остальные же в лучшем случае могли проехать десяток-другой километров, прежде чем окончательно выйти из строя, в худшем — могли служить неподвижными огневыми точками (если были исправны пушки и пулеметы и имелся прицел...).

«Очищение» вообще изобилует натяжками, произвольным толкованием фактов, голословными утверждениями, цитатами, вырванными из контекста и прочими приемами такого рода, без которых Резуну никак не удастся обойтись в своих попытках доказать недоказуемое.

Посмотрим, например, как Резун пытается принизить значение того факта, что перед войной представители высшего командного состава РККА прослужили в соответствующих должностях не более года. «Подумаешь, — восклицает Резун, — да в немецкой армии перед вторжением в Польшу многие генералы проработали на своих должностях вообще по несколько дней!» (36—41). Здесь Резун довольно ловко смешивает два разных вопроса — сколько времени офицер прослужил после назначения *на данную должность* и сколько он служил *в соответствующей должности*. Если некий генерал назначен командовать данным корпусом за месяц перед войной, то это не очень хорошо. Но если он перед этим уже прослужил в должности командующего другим корпусом несколько лет, в таком перемещении нет ничего страшного. А вот если он до этого не служил даже командиром дивизии, а попал на новую должность сразу из комбригов, то тут уже совсем другое дело.

Не упускает Резун случая сотворить какую-нибудь гадость в адрес коммунистов. Вот, например, цитата-эпиграф к главе 10: «В России... наш успех еще значительнее. Там мы имеем... центральный комитет террористов». (К. Маркс. Письмо Ф.А. Зорге. 5 ноября 1880 года) (175). Из этого эпиграфа так и вырисовывается кровожадная физиономия Маркса, радующегося тому, что он заимел в свое распоряжение в России центральный комитет террористов — понятно, для каких целей! Вот только отточия в цитате немного смущают. Попробуем-ка их раскрыть. Тогда цитата приобретает следующий вид:

«В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там, с одной стороны, *критиков* (главным образом молодые университетские профессора, с некоторыми из них я лично знаком, а также журналисты)...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 4-е изд., т. 34. С. 380.) Не правда ли, цитата приобретает совершенно другой вид? Да и выражение «мы имеем» оказывается по смыслу не эквивалентом выражения «у нас есть» или «мы распоряжаемся», а эквивалентом безличного оборота «имеется». Но где же террористы? Дойдем и до них. Продолжим цитату с оборванного места:

«...И, с другой стороны, *центральный комитет террористов* (на этом Резун произвольно ставит в своей цитате точку, которой там нет — цитата продолжается! — А. К.), *программа* которого, недавно тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в Швейцарии...» (Там же.) Оказывается, дело-то вовсе не в терроре, а в содержании программы партии «Народная воля», изданной в Петербурге, где провозглашается необходимость борьбы за политические свободы! Да, Резуну не откажешь ни в ловкости, ни в бесстыдстве, с которыми он фабрикует свои «аргументы».

Не меньшим бесстыдством является как бы мимо-

ходом сделанное упоминание, что Ленин якобы скончался от сифилиса. Резун упоминает про это как про вроде бы общеизвестный факт. Но этот так называемый факт не имеет ничего общего с действительностью. Поводом для фабрикации этого грязненького мифа послужило *предположение* одного из немецких врачей, консультировавших Ленина во время его болезни; что нарушения мозгового кровообращения могут быть связаны с последствиями перенесенного ранее сифилиса. Однако это предположение было отвергнуто остальными врачами и *было полностью исключено впоследствии во время объективного патологоанатомического исследования. Так что на этой легенде был поставлен крест еще до того, как она получила распространение, и использование ее может быть только продуктом нечистой совести.*

Чтобы еще раз лягнуть марксистскую идеологию, Резун, ничтоже сумняшеся, притягивает за уши требование трудовых армий, которое высказал Маркс в «Манифесте Коммунистической партии», к голоду 1932/33 года на Украине и в Нижнем Поволжье. Естественно, голод в изображении Резуна предстает как специально организованный марксистами для физического истребления тех мужиков, кто не хотел идти в колхозы (192).

Да, Карл Маркс в «Манифесте...» говорил о трудовых армиях. Однако всякий, кто возьмет за труд заглянуть в «Манифест...», может убедиться, что Маркс выдвигает это предложение в связи с осуществлением всеобщей обязательности труда (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 4. С. 447*), а вовсе не в связи с кооперированием крестьянства и уж тем более не в связи с насаждением сталинских колхозов. Что же касается преобразования мелкого крестьянского единоличного хозяйства при помощи кооперации, то на этот счет и

Карл Маркс, и Фридрих Энгельс, и Владимир Ильич Ленин выдвигали требования, прямо противоположные сталинской политике массовой коллективизации. Следует сказать и о том, что основы сталинской политики коллективизации и раскулачивания были навязаны стране Сталиным и его сторонниками в обход иных по духу и букве решений партийных съездов, в нарушение действовавшего устава партии и в нарушение советского законодательства.

На Сталине и созданной при его участии системе бюрократического командования крестьянством лежит прямая ответственность за голод 1932/33 года и его последствия. Но Резуна не может удовлетворить этот исторический факт. Ему обязательно нужно преподнести эту трагедию в возможно более леденящем душу виде. И тут он опять по своему обыкновению пускается на передержки.

Несомненно, голод был неизбежным следствием бюрократической системы изъятия из деревни через колхозы возможно большей массы хлеба и других сельхозпродуктов. Однако он не был заранее умышленным преступлением. Иначе почему голод обрушился только на неурожайные районы? Почему для этих районов несколько раз пересматривался план хлебозаготовок в сторону снижения?

Вина Сталина состоит в том, что он, во-первых, создал систему, которая с тупым бюрократическим упрямством пыталась заготавливать нереальные объемы хлеба в неурожайных районах (несмотря на пересмотр планов заготовок, эти планы остались все же завышенными). Во-вторых, когда голод в дочиста ограбленных неурожайных районах стал реальностью, сталинское руководство с большим запозданием (лишь весной 1933 года) стало принимать меры продовольственной и семенной помощи голодающим. Вполне вероятно, что

Сталин хотел использовать голод как инструмент запугивания крестьянства. Но не единоличников, не желавших идти в колхозы, а, напротив, как инструмент запугивания колхозных и совхозных крестьян и их руководителей, пытавшихся оказывать сопротивление тупой бюрократической машине хлебозаготовок, настроенной лишь на одну установку — выжать досуха. Тем самым Сталин ценой человеческих жизней утвердил известный остаточный принцип в заготовках — сначала сдать государству по плану, потом еще сверх плана, а если ничего не останется — значит, не повезло.

Эта политика достаточно преступна сама по себе, и все же Резуну надо было обязательно высосать из пальца кошмарный план специального истребления крестьянства большевиками. К слову сказать, и красный террор, и голод 1932/33 года Резун готов свалить на что угодно — и на марксистскую идеологию, и на замыслы большевистской партии, и на преступные наклонности ее активистов. Но ни разу в связи с этими трагическими событиями Резун не упоминает имя Сталина. Какой трогательный пиетет! Виноваты все, кроме вождя и учителя, отца народов и гениального стратега. Любопытная закономерность — практически каждый антикоммунист, и Резун здесь отнюдь не исключение, гораздо сильнее проклинает Ленина, или Маркса, или коммунизм вообще, нежели Иосифа Виссарионовича, по отношению к которому (хотя бы время от времени) испытывает даже нечто вроде обожания¹.

Еще одна «утка», которую запускает Резун в сторону большевиков, — это неправдоподобно раздутые оценки людских потерь в Гражданской войне. Резун утвер-

---

¹ Некоторым людям, считающим себя русскими патриотами, стоило бы призадуматься над тем, как это у них в фактических идейных союзниках оказался такой тип, как Резун.

ждает, что они были «неисчислимо более» высокими, нежели потери России в Первую мировую войну (374). Эти потери действительно были значительно выше (около 8 млн чел. против примерно 4 млн чел. в Первую мировую войну), ведь в Гражданской войне основная масса потерь пришлась на мирное население, поскольку лишения и голод, вызванные войной, разрастались в стране, уже доведенной Первой мировой войной до голода и разрухи. Если в Первую мировую войну прямые боевые потери были приблизительно равны потерям гражданского населения, то в Гражданскую войну потери гражданского населения превысили прямые военные потери примерно втрое. Но главное, что Резун безо всяких оснований возлагает всю ответственность за потери в Гражданской войне только на большевиков, *как будто белые армии никого не убивали на фронтах, не уничтожали пленных, не проводили террора и карательных экспедиций в тылу, не осуществляли продовольственную блокаду территории, контролируемой Советами, а на занятых ими территориях не было голода и эпидемий!*

В главе 18 Резун старательно пытается очистить Сталина от обвинений в том, что им для расправы над командными кадрами были использованы фальшивки, подготовленные немецкой разведкой. Казалось бы, раз по версии Резуна Сталин делал полезное дело, устраняя высший командный состав РККА, то не все ли равно, какой им использовался предлог? Нет, Резуну обязательно надо приукрасить мотивы, из которых исходил Сталин при организации огульных репрессий.

Резун опирается при этом на совершенно оправданное критическое отношение к данным, содержащимся в мемуарах Шелленберга. Нацистский разведчик расписывает очевидно неправдоподобную историю. Но только на этом основании отвергнуть «немецкий след» в

процессах 1937 года против советских генералов было бы безосновательно. Если документов, сфабрикованных немецкой разведкой, могло и не существовать (что довольно убедительно показано в мемуарах Павла Судоплатова), то достаточно хорошо документально подтвержден тот факт, что нацисты активно распространяли слухи о нелегальных контактах между германским и советским генералитетом, упоминая в этой связи фамилию Тухачевского. И президент Чехословакии Бенеш передал Сталину, вероятно, не документы, а именно слухи о подозрительных связях между советскими и германскими генералами. Данные об этом, а также об использовании этих слухов Сталиным содержатся и у П.А. Судоплатова (*Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* М.: Гея, 1996. С. 103—107), и у специалиста по истории внутрипартийной оппозиции В.З. Роговина (*Вадим Роговин. «1937».* М.: 1996. С. 382—385, 391, 416). Существуют основания полагать, что Сталин сам постарался подтолкнуть нацистов к распространению таких слухов. Так что, Владимир Резун, не надо пришивать ему ангельские крылышки. Тем более что от вашего брата он бы таких крылышек не принял — Сталин был тиран и убийца, но не перебежчик.

К ЧЕМУ ГОТОВИЛСЯ СТАЛИН И БЫЛ ЛИ ГИТЛЕР ДУРАКОМ?

В главе 21 «Боялся ли Сталин Гитлера» Резун очень удачно нападает на спешно перестроившихся-перекрасившихся пропагандистов из Главпура, которые не гнушаются повторением нацистской клеветы. Однако свое вполне справедливое издевательство над их позорными писаниями Резун использует для того, чтобы протащить свои весьма сомнительные умозаключения.

Вкратце они сводятся к следующему: либо Сталин Гитлера боялся — но в таком случае он должен был бы спешно готовиться к обороне, чего на самом деле не было. Либо Сталин Гитлера не боялся и в немецкое нападение не верил — а тогда он если к чему и готовился, то отнюдь не к обороне, а к собственной агрессии против Германии (421—422, 426—431).

Эта логика безупречна... если старательно отбрасывать некоторые факты. Например, сталинскую военную доктрину. Например, массу свидетельств о том, что Сталин опасался спровоцировать немцев на нападение. Если же учесть эти факты, то выстраивается другая логика. Сталин в нападение немцев, конечно, не особенно-то верил: действительно, чтобы Германия полезла воевать на два фронта, да еще и в необъятных русских просторах, да еще и при немалом военно-экономическом потенциале СССР, — это надо быть самоубийцей. Но никогда нельзя быть до конца уверенным, что противник думает точно так же, как и ты. И на всякий случай *Сталин нападения немцев опасался* — особенно нападения в 1941 году, когда армия к отпору была еще не готова. *Поэтому он избегал всего, что может спровоцировать немцев, и готовился к отпору* — так, как он его понимал. *А понимал он его как немедленные наступательные действия против войск агрессора.* Именно к ним он армию и готовил. *И грубо просчитался* — ибо для такого ответа сил было явно недостаточно и готовиться надо было — для начального периода войны — не к наступлению, а к обороне.

Впрочем, Резун пытается нас уверить, что Гитлеру ну никак нельзя было лезть на СССР, что это было чистое безумие, а потому Сталин и помыслить не мог, что Гитлер на такое безумие решится. Да, со стороны Гитлера это была авантюра. Но с его точки зрения он исходил из вполне рациональной логики — война бу-

дет вестись с ограниченными целями, будет решена задача в скоротечной приграничной войне разгромить основную часть советских войск и тем самым вызвать военно-политический кризис и распад Советского государства. Таким образом, пока российский колосс будет оправляться и на сибирско-уральских просторах восстанавливать свою государственность, будет выиграно время для установления полного контроля над Европой, не опасаясь удара с Востока.

С чисто военной точки зрения Гитлером тоже был допущен просчет, но он был не столь уж и велик. К сентябрю СССР потерял огромные территории, массу людей убитыми, ранеными и пленными, почти все оружие и боевую технику, находившиеся перед войной в приграничных округах. Чего Гитлер явно недооценил — так это стойкость советского народа, его идейную сплоченность, его готовность бороться до конца в битве, где ставкой было само существование нации и огромный мобилизационный потенциал советской экономической системы.

У Резуна, конечно, иной взгляд. «Перед Гитлером лежали никем не контролируемые колониальные владения Голландии... И бельгийского Конго... Но он их почему-то не захватывает. Вместо этого Гитлер полез воевать за новые земли на Востоке» (436). «В 1941 году Гитлер уже не мог контролировать то, что успел нахватать... Какому аналитику могла ударить в голову мысль, что он еще и на Россию попрет, новые земли захватывать?» (436—437) Великий полководец «Суворов» (он же Резун), видимо, запомнил, что он писал в этой же книжке — за спиной у Гитлера гениальный стратег Сталин, уже почти готовый двинуть на Германию неисчислимые армады, как только Гитлер покрепче увянет где-нибудь на Западе. И в такой ситуации Гитлер должен отправляться в Бельгийское Конго?! А насчет

того, что Гитлер не мог контролировать то, что успел нахватать, что у него дивизий для оккупационных войск не хватало... Откуда же тогда Гитлер наскреб такую мелочишку, недостойную, конечно, упоминания, как какие-то жалкие, ничтожные 190 дивизий для войны против СССР? Надо так думать, ему Европу совсем не жаль было, вот он и бросил ее на произвол судьбы — оставил Францию на усмотрение французов, Польшу оставил полякам и т.д. А почему этим никто из народов Европы не воспользовался — загадка истории... Неужели Резун всех своих читателей считает идиотами?

Очень много страниц Резун посвящает тому, чтобы доказать, что Германия к войне была не готова. Совсем не готова. Ну, то есть совсем-совсем не готова (438—451)! Особенно он напирает на катастрофическую нехватку горючего. «Планировали разгром Советского Союза за три месяца, зная, что горючего заготовлено только на два месяца. А оно кончилось через полтора месяца» (444). Да-а, ну и вояки. К середине августа горючее у них кончилось и воевать стало невозможно. Пусть только нам Резун пояснит, на чем это вермахт в следующие три месяца проехал от Смоленска до Москвы и от Киева до Ростова? Танки и авиацию на телегах везли? И потом, с чем воевали еще три с половиной года? Разве с пустыми баками? Тут наш великий военный историк совсем заврался.

«Умные люди не могли планировать разгром уральских и сибирских промышленных центров дальними бомбардировщиками, не имея дальних бомбардировщиков», — продолжает поучать нас Резун (453). Насчет «сибирских» — это он от себя присочинил. Авось проскочит. А насчет уральских — «умные люди» планировали бомбить уральские заводы, выйдя на линию Архангельск — Волга. С этой линии вполне можно было достать до Урала бомбардировщиками «Ю-88», имею-

щими дальность полета 2800 км. «Умные люди», конечно, просчитались — не видать им было этой линии как своих ушей. Но уж расстояние-то по карте они измерять умели, и радиус действия своих бомбардировщиков знали. Не надо их представлять круглыми дураками.

И, наконец, самые выдающиеся свои пассажи, превосходящие по казуистике все остальное, Резун выдает под конец книги.

КАК ГИТЛЕР ОБМАНУЛ СТАЛИНА И РАЗГРОМИЛ В 1991 ГОДУ СОВЕТСКУЮ ИМПЕРИЮ

В конце книги Резун походя зачеркивает всю ту аргументацию, которую он только что развивал в предшествующих главах. Оказывается, Гитлер вовсе не дурак. Он, напротив, гений, и не только гений, но и благородный самопожертвованный спаситель Европы от большевизма. Оказывается, он раскусил гениального стратега Сталина и сорвал его планы по захвату всей Европы (470). Но самое главное — хотя Гитлер войну проиграл и сам покончил с собой, он все же тем самым нанес Советскому государству непоправимый удар, приведший СССР в конце концов к гибели. Поскольку социалистическое государство могло выжить, лишь превратившись в мировую систему, а в соревновании с капитализмом было обречено, то захват только половины Европы все равно означал провал дела социализма (471).

После этого остается только поставить Гитлеру памятник от благодарных потомков.

Постойте, но где же аргументы? Аргументов нет. Вы можете *поверить* Резуну на слово, что социализм — это кровожадная система, способная только на то, чтобы

10 мифов об СССР

держат народ в нищете ради накачивания военных мускулов, и не выдерживающая малейшего соприкосновения с примером цивилизованного Запада. Вы можете поверить Резуну на слово, что Гитлер был столь благороден, что пожертвовал собой и своей мечтой о тысячелетнем Рейхе, ради того чтобы спасти весь мир от кошмара социализма. Но, думаю, вы уже успели убедиться, чего стоит это слово.

Дело прежде всего не в прискорбном факте личной биографии Резуна. Предательство Родины, конечно, и само по себе дает основания для сомнений в его честности и искренности. Однако главное состоит в том, что с каждой страницы каждой книги Резуна на нас глядит умелый, наглый и нахрапистый специалист по психологической войне, упорно добивающийся своей цели — подорвать еще остающиеся опоры духовной стойкости российского народа, а заодно нанести еще один удар по «призраку коммунизма», который настоящие заказчики писаний Резуна явно считают отнюдь не призраком.

СССР — ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ?

Социальное творчество трудящихся versus сталинщина
(письмо молодым сталинистам)

Я пишу это письмо, адресуясь к тем, кому дороги идеалы социализма, для кого будущее нашей страны — не пустой звук, кто готов свои силы и энергию тратить не только на добывание денег и делание карьеры. Я знаю, что для большинства из вас наиболее значимыми и дорогими являются идеалы нашего советского прошлого и прежде всего — героического периода Великой Отечественной войны — периода, прочно связанного с именем Сталина. Я знаю, что любая попытка критики в адрес и СССР, и его Вождя для большинства из вас — свидетельство предательства, ревизионизма и антипатриотизма.

И все же...

И все же я надеюсь на спор. На совместные размышления. Думаю, что имею на это право, ибо работаю на дело социализма по 10—12 часов в сутки уже не одно десятилетие и не меняя своих убеждений, несмотря на давление сначала брежневского, а потом ельцинско-путинского официоза, равно нетерпимых к критическому марксизму в теории и демократическому социализму в политике. Я уверен, что и Вы лично делаете не меньше, и потому считаю, что наш спор давно незрел.

Это письмо — не просто теоретический документ. Оно очень важно для меня лично. Я принадлежу к поколению, чья молодость пришлась на период брежневского застоя. Мои коллеги по МГУ в этот период по-

вально увлекались Высоцким и Окуджавой (а то и Галичем), «Биттлз» и «Роллинг-стоунз», гонялись за настоящими джинсами и при этом всеми правдами и неправдами стремились перескочить из комсомола в КПСС, чтобы делать карьеру то ли в журнале «Коммунист», то ли в иных хлебных местах, с которых оказалось несложно перепрыгнуть в премьеры или хотя бы министры антикоммунистического правительства.

Но сам я вырос (наверное, благодаря моим родителям, пионервожатым и учителям) коммунистом-романтиком. Для меня миры гайдаровского Мальчиша-Кибальчиша, светловской «Гренады», ефремовского «Часа Быка» и «Хищных вещей века» Стругацких были гораздо более близки, чем официальные славословия в адрес Брежнева или подпольное чтение Солженицына.

И все же, когда в 1979 году мы с Андреем Колгановым написали свою первую книгу о системе социалистического самоуправления, включавшую обширные выдержки из «Государства и революции» В.И. Ленина (о «средней заработной плате» для высших чиновников, всеобщей выборности и сменяемости руководства и других чертах реальной демократии), ее запрет для нас не стал неожиданностью. Разрыв социалистических идеалов, закономерностей генезиса «царства свободы» и практики «реального социализма» был очевиден для всякого серьезного исследователя-марксиста (а методу Маркса — критической, творческой материалистической диалектике — наши учителя нас смогли научить).

Не стало для нас неожиданностью и предательство высшей (и особенно активно — цинично-прагматичного молодого поколения низшей) партийно-государственной номенклатуры. В отличие от «ура-патриотов» и правых диссидентов мы знали, что кризис нашей сис-

темы имеет прежде всего внутренние причины, что не ЦРУ и защитники буржуазной демократии из числа интеллигентов, а члены ЦК и обкомов станут главными могильщиками нашей системы. Мы об этом знали и писали. В стол. Для друзей. Для студентов. Готовясь к будущему кризису. Надеюсь, что его можно будет превратить в волну очищения и рождения подлинного социалистического общества — того, что даст Человеку возможность реализовать весь свой творческий потенциал в целях «свободного гармоничного развития каждого»...

НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ...

Ныне мы оказались в трагической и одновременно парадоксальной ситуации.

Трагической, ибо в кризисе находится наше Отечество, унижены и попираются наши ценности и идеалы.

Парадоксальной, ибо парадоксальным, на первый взгляд не объяснимым, является, прежде всего, поведение подавляющего большинства граждан нашей страны, жестоко пострадавших от номенклатурно-капиталистических «реформ». Задумаемся: большинство трудящихся России однозначно положительно отвечают на вопрос о предпочтительности социалистических ценностей по сравнению с капиталистическими; еще большее число считает период «развитого социализма» наиболее удачным в истории нашей Родины. И то же большинство однозначно отрицательно отвечают на вопрос о готовности лично участвовать в борьбе за изменение нынешнего экономического и политического строя.

Более того, опыт изучения протестного движения трудовых коллективов в нашей стране (а автор и его товарищи побывали на более чем 30 предприятиях —

большинстве коллективов России, где проходили оккупационные забастовки) показал, что основная «болезнь» этого движения — пассивность, очень низкий уровень самоорганизации, самостоятельности работников (о позиции «красных» директоров и губернаторов как едва ли не главных врагов трудовых коллективов — ниже).

Мы, трудящиеся России — страны с наибольшими, как казалось, завоеваниями социализма, оказались ныне наименее активными в борьбе за социализм. Сытая Европа и голодная Латинская Америка способны, как показал опыт Италии и Аргентины, выводить на акции протеста миллионы (без преувеличений) трудящихся, а Родина великого Октября...

Почему? В чем *причины чудовищного конформизма униженных, ограбленных и оскорбленных тружеников России?*

Не будем спешить искать себе оправдания: автор не может и не хочет никого обвинять, да и вообще обвинять *народ* — преступление и глупость одновременно. Нам пока что важно увидеть здесь проблему.

Не менее важно увидеть проблему и в том, каковы *цели* нашей борьбы. Что в них первично — свободное развитие Личности или могущество Государства? Возможно ли ограничить права человека ради усиления Государства? Можно ли пожертвовать территориальной целостностью Государства ради развития прав человека? И не пытайтесь лукавить сами перед собой: не всякое сильное государство способствует развитию человеческих качеств его граждан (вспомним фашистскую Германию). Быть может, вы скажете, что ваша цель — только такое сильное государство, которое обеспечивает развитие человека («Я другой такой страны не знаю, где так *вольно* дышит человек...»), но это уже существенно иной ответ, нежели однозначная ориентация на цели могущества Державы...

А какие *средства* мы считаем допустимыми для дос-

тижения победы социализма? Я не хочу спекулировать на сентенциях о «слезе ребенка», но готовы ли мы открыто и честно выступить сторонниками повторения тех методов, которые использовали власти СССР в 1937 или считаем их недопустимыми? Подчеркну: я *пока* их никак не квалифицирую; я *пока* не ставлю вопрос, были ли они неизбежны тогда — обо всем этом ниже; я всего лишь задаю вопрос: считаете Вы лично их возможными и необходимыми *сейчас*? Хотите Вы лично оказаться среди делегатов *нового XVII съезда партии (напомню, что более трети из них были репрессированы)? Новых сотрудников НКВД? Новых историков ВКП/б/*? А какие средства мы считаем допустимыми для укрепления геополитического могущества нашей Родины? Допустимы ли, например, для *нас* средства и методы, используемые ныне США? Подчеркну: речь идет о средствах, а не целях; скажем, если бы — не дай бог! — в Москве погибли от теракта тысячи жителей, мы бы считали справедливой войну против страны, где базируются возможные сторонники террористов? Или это методы, допустимые только для империалистических держав, а мы принципиально должны идти иным путем?

Еще один вопрос к самим себе: *кто* может и должен стать главным субъектом этого обновления и избавления от капиталистического ига: вождь и герой (который все вершит, но и за все отвечает) или — помните «Интернационал» — мы сами, способные добиться освобождения «своею собственной рукой» и готовые нести *личную* ответственность за все, что будет свершено? Более того, давайте зададим себе вопрос: какую часть нашей жизни (или хотя бы часов в неделю) мы готовы бесплатно, на основе энтузиазма (коммунистического, патриотического) отдавать делу освобождения Человека, возрождения нашей Родины?

Я не случайно задаю Вам (и себе) эти вопросы (мы по большей части принадлежим к кругу тех, кто готов на

такие дела и потому наш диалог в принципе возможен). В поиске ответов на них — ключ к пониманию главной загадки, стоящей во весь рост перед нашей Родиной: по какому пути, кто и какими средствами может и должен вести ее к лучшему будущему, к социализму? И именно в контексте этих вопросов нам стоит вести разговор о сталинизме.

Я уверен, что многие из тех, кому я адресую это письмо, вообще не захотят открыто обсуждать эти проблемы. Гораздо проще обвинить автора в нарочито провокационной их постановке и уйти на традиционную стезю повторения уже известных Вам цитат из программных документов одной из наших компартий, чем размышлять над мучительными (для всех нас — сторонников социалистического будущего России) проблемами. Что ж, тем хуже для... России: страна, в которой молодежь избегает мучительных вопросов (а они неизбежны в условиях кризиса — кризиса и власти, и оппозиции) обречена на загнивание. Но я уверен, что большинству из вас захочется поспорить...

И вот тогда мы вновь вернемся к проблеме, которую я сформулировал в начале своего письма: почему же мы столь безропотно приняли Горбачева и распад СССР? Что это за наваждение такое охватило всех в 1991 году, что 99% из тех, кто совсем недавно проголосовал за сохранение СССР, абсолютно (!!!) безропотно принял его уничтожение горсткой шельмецов? Что подавляющее большинство не только переродившихся вождей КПСС, но и действующих депутатов от компартий России и других республик (включая нынешних лидеров КП РФ во главе с Г. Зюгановым!) проголосовали за ратификацию Беловежских соглашений? Что произошло с КПСС, если одного негромкого окрика ельциных и К° оказалось достаточно, чтобы партийные вожди сбежали из ЦК, обкомов и райкомов? Почему подавляющее большинство из нас, граждан ушедшего в историю СССР, до сих пор неспособно на сколько-

нибудь серьезное сопротивление вора́м, предателя́м Родины и социализма? Потому, что их оболванивают массмедиа? А наших итальянских товарищей, 13 миллионов из которых вышли на забастовку при попытке правительства изменить в пользу капитала только одну статью трудового кодекса, не оболванивают?

Да, у нас есть героически сопротивляющиеся номенклатурно-криминальному капитализму отдельные трудовые коллективы и некоторые партийные активисты. Да, в октябре 1993 десятки тысяч москвичей выходили на митинги и демонстрации и не боялись возвысить свой голос протеста против президента. Но даже чудовищный экономический и социальный кризис не вынудил нас организовать хотя бы всеобщую забастовку, как это сделали чудовищно задавленные царизмом полуграмотные рабочие Российской империи в 1905 году. Так что всплески активности снизу — это скорее исключения, подтверждающие правило.

У этой медали есть и другая сторона — номенклатура, которая правила и (переродившись) продолжает править нашей страной. *Бюрократическая, отчужденная от народа, стоящая над ним как некий бог-вождь-мессия власть и пассивный, превращенный в толпу обывателей, неспособный на самозащиту и самоорганизацию народ — это две стороны одной медали.*

Мы живем в поистине парадоксальной ситуации, когда одни и те же экс-капэээсники (коммунистами, даже с приставкой «экс» я их назвать не могу) оказались формально по разные стороны баррикад в нынешнем экономико-политическом раскладе: одни выдвигают лозунг возрождения Великой Российской Державы, другие клянутся в верности «ценностям цивилизованного общества». Но при этом *реально, на деле, для самих себя и пропрезидентские, и «патриотические» выходцы из номенклатуры, при всех их формальных различиях, живут и действуют в соответствии с одни-*

ми и теми же, по сути, принципами и законами номенклатурно-бюрократической жизни.

Они в большинстве своем ориентированы прежде всего на одни и те же ценности — карьеры, властных полномочий, денег и одни и те же методы достижения целей — бюрократическое руководство, купля-продажа, личная уния, насилие (если оно не угрожает личному благополучию).

Они одинаково неспособны на самостоятельные, идущие «против течения» поступки, на отказ от личных привилегий, доходов, статуса и т.п. во имя неких «эффемерных» идеологических целей. Они не могут и не хотят действовать, опираясь на широкую инициативу самих граждан, растущую снизу; все они — и «демократы», и «державники», ратуя формально за интересы народа, на деле никогда не допустят превращения граждан в самостоятельную политическую и экономическую силу.

Выступая как политические соперники и грызясь друг с другом за власть и деньги, они культурно, стилистически, едины и по большому счету всегда готовы прогнуться под власть: уважение к начальству, к власти, к государству и деньгам для них по большому счету всегда выше идеологических пристрастий. И потому подавляющее большинство из них очень легко меняет свои политические пристрастия.

Они ориентированы на «здравый смысл», как бы они его ни трактовали; они уважают обывателя (к числу которых принадлежат и сами), считая его ценности и идеалы вечными и «естественными», и ненавидят самостоятельных, творческих, независимых людей в любых обличьях. Они консервативны по своей сути, будь то консерватизм державной патриархальности или рыночного фундаментализма, и принципиально закрыты для будущего, для новых, им неизвестных форм и методов организации общественной жизни. Они живут ностальгией: одни по СССР (но без ограничений для

их номенклатурной власти); другие по «американской мечте» (но без необходимости заплатить за нее цену первоначального накопления капитала).

Итак, пассивно-конформистское поведение трудящихся нашей страны, живущих все хуже и хуже, ненавидящих и презирающих эту жизнь, но голосующих (в большинстве) за *любую* партию власти и неспособных, более того, не-желающих (и это касается в том числе тех, кто голосует за оппозицию) сделать что-либо для существенного изменения своего положения, — это одна сторона нашей общенациональной трагедии. Власть в центре и на местах (в том числе, в «красных» районах) отчужденной от народа старо-новой, право-левой номенклатуры, ориентированной на старые добрые механизмы господства — деньги + власть начальства + блат, — это вторая сторона той же трагедии.

Все остальное — «прихватизация», коррупция, потакание организованной преступности, «прогиб» по отношению к США и прочая — следствие. Следствие бессилия народа. Следствие саморазложения старой номенклатуры. А что до происков НАТО, ЦРУ и их «агентов влияния», то эти силы, конечно же, немало способствовали нашему падению, но вызвать его не могли, как не могли вызвать краха США и НАТО вся мощь КГБ, «Голоса Москвы» и наших «агентов влияния» из числа некогда мощных западных компартий.

Если Вам кажется, что в этих утверждениях есть доля истины, давайте сделаем следующий шаг в наших размышлениях. Если же Вы твердо уверены, что все дело исключительно в личном предательстве Горбачева и К° (*при этом я отнюдь не снимаю личной ответственности ни с Горбачева и его «коллег» по перестройке, ни с тех ныне занимающих высокие посты деятелей КПРФ, кто в 1991 голосовал за распад СССР в Верховном Совете*) плюс заговоре США, то мы в тупике. Подумайте сами: если несколько случайно появившихся предателей из верхов и противодействие империалистических

держав оказались способны сломать хребет мощнейшей и самой прогрессивной социалистической державе, где народ и подавляющее большинство правящей партии были едины в своем стремлении построить коммунизм, то ныне нам вообще не на что рассчитывать: империалисты стали мощнее, предатели стали правителями, а народ — он никогда по большому счету ничего не решал... Правда, остается надежда на Избавителя, вождя, мессию...

Или все же не так? Или все же главный вопрос — это вопрос, *почему в определенных случаях «рядовые» труженики нашей страны были способны на величайшие свершения и изменение истории в течении 10 дней, которые действительно потрясли мир, а в других не могут встать с всеобщим требованием хотя бы минимальной социальной справедливости?* А что до вождей — то это вопрос номер два.

СОЦИАЛИЗМ БУДУЩЕГО: «ВЛАСТЬ НАРОДА ПОСРЕДСТВОМ САМОГО НАРОДА»

Перед нами стоит действительно сложнейшая проблема — проблема поиска пути движения в будущее, в социализм XXI века, а это эпоха «человеческой революции», где новаторские способности человека, их формирование и предметное воплощение — образование и воспитание, культура и наука, постиндустриальные технологии и охрана природы — займут то место, которое столетие назад занимали электрификация и индустриализация. Нам предстоит совершить скачок в будущее или окончательно скатиться в болото периферийных капиталистических стран. И этот скачок должен быть не менее масштабен, чем то, что сделал СССР в 20—30-е годы. А мы, напомним, качественно изменили облик страны: неграмотная крестьянская аг-

рарная страна за 20 лет должна была стать и во многом стала индустриальной державой, страной рабочих и инженеров со средним и высшим образованием.

Ныне нам предстоит, повторю, совершить скачок такого же масштаба — от индустриальной страны рабочих и инженеров (а они, несмотря на кризис, по-прежнему составляют большинство граждан России) к передовой научно-образовательной державе ученых, художников и учителей, где 20—25% занятых в высокотехнологичном материальном производстве могут накормить, одеть, обуть и обеспечить всех техникой лучше, чем нынешние 50—60%. И не за счет вывоза грязных индустриальных технологий в третий мир, а благодаря достижению качественно более высокой производительности труда, развитию новых технологий и рациональной структуры производства. Это не утопия, не слепок с «образца» стран «золотого миллиарда» — это научно-обоснованный прогноз социальной структуры недалекого будущего.

Что мы можем и должны взять из нашего прошлого для того, чтобы совершить эту подвигу? Какие экономические и социальные формы окажутся востребованы новыми поколениями педагогов, врачей, программистов, микробиологов, художников? Что поможет десяткам миллионов индустриальных рабочих города и села стать новаторами постиндустриальных секторов (как почти столетие назад десятки миллионов крестьян от плуга поднялись в СССР до трактора и станка)?

Концентрация основных ресурсов на решающих направлениях развития, осуществляемая при помощи государства? — Скорее всего, да. Система социального и материального поощрения новаторов, общественной поддержки творчества и энтузиазма, высочайший престиж ученых и художников при гарантии свободы творческого поиска? — Конечно же, да. Широкое участие этих высококвалифицированных специалистов в

выработке и принятии решений, в управлении как своими коллективами, так и страной, повсеместное развитие различных форм самоорганизации граждан, многообразных форм социального, культурного, художественного творчества? — Кто же будет спорить...

Следовательно, для прорыва к социализму будущего, основанному на максимально широком использовании творческого потенциала человека, для поддержки такого прорыва поколением молодых новаторов необходимы адекватные социально-экономические и политические формы, обеспечивающие *не только власть для народа, но и власть самого народа.*

Тем самым на первый план выходит вопрос: *как именно может и должна быть устроена политико-идеологическая система, в которой власть на деле, а не только по форме принадлежит трудящимся, а не отчужденной от них и стоящей над ними касте, где они сами на деле осуществляют функции управления при помощи профессионалов, находящихся под их контролем, а не являются рабами (в буквальном смысле слова — теми, чья жизнь и свобода может быть пресечена по решению одного или нескольких чиновников) исполнительной власти?*

Я не буду сейчас рассуждать о новых формах базисной сетевой демократии, адекватных вызовам информационного общества. Я повторю лишь несколько ключевых принципов, которые были и остаются альфой и омегой социалистической теории государства от Маркса и Парижской коммуны через Ленина и опыт Советов до современных программ подавляющего большинства марксистских партий мира:

— последовательная (т.е. *более, а не менее полная, чем в буржуазных странах*) реализация таких общедемократических прав, как *свобода слова, митингов, шествий и т.п. вплоть до акций гражданского неповиновения, создания союзов, общественных и политических организаций* и т.п. (подробнее об этом можно прочесть

хотя бы в «Гражданской войне во Франции» или «Государстве и революции», не говоря уже о современных работах);

— реальная выборность и сменяемость руководителей государства;

— контроль трудящихся за управленцами (вплоть до возможности отзыва своих представителей в органах власти), открытость и прозрачность их деятельности;

— отсутствие у них каких-либо привилегий и льгот, закрытых «распределителей» или т.п.;

— опора на *Советы* как форму базовой демократии, преодолевающей разрыв законодательной и исполнительной власти, вырождение первой в говорильню, второй в бюрократически самодостаточную машину, господствующую над гражданами;

— опора Советов на *низовые органы самоуправления* трудящихся, граждан...

Эти принципы хорошо известны и к настоящему времени развиты в гораздо более полную, нежели представленная выше, систему, проверены на практике в находящихся под контролем трудящихся городах и регионах.

Именно здесь — *в вопросах демократии и реальной свободы Личности — проходит первый наш жесткий водораздел с нынешними сталинистами*. Это вопрос о том, куда, в каком направлении мы должны идти завтра, создавая социализм постиндустриальной эпохи, — к ограничению или расширению свободы слова, к углублению или сужению возможностей реально выбирать и сменять высшие руководящие органы государства, к расширению или сокращению полномочий законодательной власти по отношению к исполнительной и т.п.

Вопрос о том, можно ли идти к социализму не по пути демократии (в том числе начиная с азов демократии буржуазной, которой не хватает сейчас нашей стране, от отсутствия которой — возможности доступа в СМИ, нечестности выборов, гонений на социалисти-

ческие и коммунистические организации и т.п. — так страдает ныне оппозиция) — это принципиальный водораздел между коммунистами-интернационалистами и «державниками». Да, мы едины в критике существующего режима, но *во многом* мы расходимся в определении даже первых шагов, которые должны сделать для выхода из этого кризиса.

Мы считаем, что нашей стране нужна не власть «твердой руки», а гораздо более полное, чем ныне, развитие общедемократических прав и свобод, ибо только с него, повторю, начинается реальное народовластие (на чем настаивали еще К.Маркс и В.И. Ленин и что реально отрицали вожди советской номенклатуры), ибо только в этом случае *сами* трудящиеся *на деле*, путем своего включения в решение дел завода, территории, страны, убедятся *на практике*, что это *их* власть, что поэтому ей можно и должно доверять, ее законы соблюдать и *наш* порядок обеспечивать. Если же оппозиция еще раз попытается ввести власть для народа вместо власти самого народа, она получит пародию на сталинизм, сочетающую все недостатки прежней системы (в том числе массовое доносительство и репрессии) со слабостью, вялостью и коррумпированностью нынешней номенклатуры.

Мы считаем, что ценности единства территории и геополитического престижа державы важны, но вторичны по отношению к решению социальных проблем — проблем освобождения труда, человека. Если единство страны и интеграция с бывшими советскими республиками помогает освобождению трудящихся — они необходимы. Но если, например, в одном из государств СНГ победит тенденция созидания основ социализма, мы будем против того, чтобы интегрировать его с путинской Россией.

Вот почему мы во многом видим разные пути движения вперед, расходимся в исходном пункте.

Подчеркну: *во многом, но не во всем*. В ряде вопросов

борьбы против власти капитала (поддержка протестного движения трудовых коллективов, например) мы работали и будем работать вместе со сталинистами (но в оппозиции ко многим так называемым «красным» губернаторам — выходцам из КПРФ или даже членам КПРФ).

Возвращаясь к поставленной выше проблеме, подчеркну еще раз: демократия, движущаяся от буржуазной к базисной, — это необходимая, но *недостаточная* социально-политическая предпосылка реального освобождения человека. Для этого нужны (и это принципиально значимо) еще и освобождение труда (реальная общедоступность средств производства, их равное и свободное присвоение трудящимися), социальная защищенность и гарантированная занятость и иные экономические основы политического народовластия. Но об этих предпосылках у нас спора нет, спор о том, могут ли общественно-политические формы, характерные для СССР сталинского периода, обеспечить прорыв к социализму в XXI веке или нет. При этом мы можем и должны спорить о конкретных путях развития народовластия и самоуправления по мере движения к социализму, но мы должны определиться с принципиальной важности вопросом: мы идем к социализму по пути усиления власти народа, реализуемой самим народом, на основе его растущей снизу самоорганизации или по пути усиления власти стоящей над народом, отчужденной от него власти.

Этот вопрос принципиален не потому, что его подчеркивали Маркс и Ленин. Маркс и Ленин, а вслед за ними и многие другие мыслители социалистической ориентации считали и считают его принципиально важным (особенно для будущего социализма эпохи «человеческой революции») потому, что главное преимущество социализма — это более полное, нежели в условиях капитализма, высвобождение творческой энергии каждого человека и способности ассоциированных

трудящихся создавать новые, более адекватные для гуманитарного, культурного, экономического и технического прогресса социальные формы. А добиться этого при помощи укрепления тайной полиции, жесткого централизма и подавления самоорганизации, вездесущей цензуры и массовых репрессий инакомыслящих невозможно.

Невозможно?

Пожалуй, здесь самое время задать вопрос: а почему же тогда СССР добился столь впечатляющих результатов в период жесткой политической и идеологической централизации 30—50-х годов?

«СОЦИАЛИЗМ» ПРОШЛОГО: ЭНТУЗИАЗМ VERSUS ДИКТАТУРА

Выше я постарался показать (именно и только показать — обоснование можно найти в более подробных и фундированных текстах автора, например в нашей совместной с А.И. Колгановым книге «Глобальный капитал»), что социализм будущего несовместим с социально-экономическим и политико-идеологическим подавлением свободы человека. И здесь, я думаю, многие из читателей согласятся с правомěrностью сформулированного выше тезиса: *политические и идеологические формы сталинского периода не могут способствовать созданию социально свободного общества постиндустриальной эпохи.*

Но, может быть, они были и единственно возможными, и эффективными для периода ускоренной модернизации и строительства нового общества в условиях империализма, колониализма и фашистской угрозы?

Я не случайно начал свои размышления с проблем социального конформизма масс и власти оторванной от народа номенклатуры. Если мы признаем, что это — две стороны одной медали, той или иной формы ото-

рванной от народа, стоящей над ним, господствующей над ним отчужденной политической власти, то проблема переходит в крайне важную для нас с вами плоскость.

Была ли экономическая и политическая власть в СССР сталинского периода властью самого народа или *основные реальные экономические, политические и идеологические права и полномочия по принятию решений были сконцентрированы в руках складывавшейся именно в этот период особой социальной группы — номенклатуры, вершиной которой и был Сталин?*

Ниже я особо обращусь к проблеме принципиальной возможности иного, нежели диктатура номенклатуры, пути для СССР в тот период и к вопросу о причинах массовой любви к вождю. Пока же поставим вопрос о природе реальной власти того периода.

Была ли это на деле власть рядовых рабочих и крестьян?

В деревне крестьяне не имели даже паспорта и не могли покинуть места жительства и работы без специального решения партийно-государственных органов. Руководители местных органов власти и хозяйств реально назначались руководителями райкома партии.

В городе в большинстве случаев граждане паспорт имели, но существовал режим прописки. Выборы городского, областного, республиканского и союзного уровней проводились на безальтернативной основе. Кандидатов формально выдвигали трудовые коллективы, но реально они назначались партийными органами соответствующего уровня и затем формально одобрялись на собраниях трудовых коллективов и единогласно (с поддержкой всегда более 90%) избирались. Внутрпартийная демократия с середины 30-х годов была сведена к (1) одобрению и единогласному избранию предложенных вышестоящей организацией кандидатов и (2) возможности написать на руководителя заявление (не будем употреблять слово «донос»), в том чис-

ле анонимное, в вышестоящий партийный орган или НКВД. Пресса полностью контролировалась вышестоящим партийным органом, критика советских или партийных руководителей осуществлялась только в том случае, если это было согласовано с более высоким партийным руководством. Одни и те же лица сначала единогласно избирались в руководящие органы и всячески превозносились как мудрые вожди, затем объявлялись врагами народа и подвергались всяческой хуле. При этом «рядовые» граждане по команде сверху равно активно должны были участвовать как в первом, так и во втором. В печати и на радио существовала жесткая цензура. В общественных науках были запрещены любые идеи, сколько-нибудь значительно отличные от положений партийных документов...

Добавим к этому общеизвестные и не подвергаемые никем сомнению факты фактической неподконтрольности органов НКВД никому, кроме высшего партийного руководства, да и тому не в полной мере (в этой связи позволю себе вопрос: можно ли лично И.В. Сталина считать ответственным за расстрел нескольких десятков высших руководителей армии, партии и страны? Если нет, то окажется, что НКВД было неподконтрольно даже Сталину. Если да, то тогда, в частности, следует признать крайне циничной игрой со стороны Сталина сначала всяческую поддержку репрессий, проводившихся Ежевым, а чуть позже — квалификацию его как врага народа и расстрел).

Я сейчас не обсуждаю вопрос, были ли эти меры необходимы или нет, — об этом ниже. Я хочу разобраться в природе социально-политической власти в СССР того периода. Сказанное выше позволяет показать — *эта власть была сосредоточена в руках складывавшегося именно в этот период особого социального слоя — партийно-государственной бюрократии (номенклатуры)*. Эта структура была замкнутой и снизу неконтролируемой, неизбираемой и несменяемой (хотя и принуди-

тельно обновляемой путем массовых репрессий по отношению к вышестоящим кадрам и их заменой подбираемыми сверху выдвинутыми из «рядовых» граждан) и занимающей привилегированное положение (закрытые распределители, особая закрытая система медицинского обслуживания и отдыха, государственные «дачи», особые, официально не фиксируемые денежные доплаты — вся эта система закрытых привилегий и льгот сложилась именно в этот период). Сталин, повторю, очень быстро стал не просто вершиной, но и символом этой управляющей машины. И как всякий символ Государства (а тем более Партии-Государства), он очень быстро превратился в вождя.

Прежде чем продолжить наши размышления, обратимся к логике «здравого смысла» и попробуем несколько иначе обосновать сформулированный выше вывод. В самом деле, если все достижения этого периода связываются именно с этим Вождем, если ему приписываются заслуги в проведении индустриализации, победе в Великой Отечественной войне и т.п., то следует признать, что именно Сталин (и его ближайшее окружение) обладал всей полнотой власти в стране. Последнее подтверждает (на сей раз путем апелляции к обыденному сознанию сталинистов) сделанный выше вывод о том, что реальная социально-политическая власть в этот период была сосредоточена в руках «партии-правительства» и «отца всех народов». Запомним этот вывод.

А теперь зададим себе крайне «неудобные» для критиков сталинизма вопросы: *если в СССР в 30-е годы на самом деле установилась власть оторванной от народа репрессивной бюрократической системы во главе с единоличным диктатором, то почему же в этом случае народ любил Сталина? Почему его считали великим руководителем Ф. Рузвельт и Б. Шоу? Почему в этот период советский народ не просто героически трудился, но и про-*

являл массовый энтузиазм? Почему страна за 30 лет стала великой державой и победила фашизм?

От некоторых из этих вопросов можно отделаться довольно легко. В частности, это касается всенародной любви к вождю: в самом деле, российский народ горячо любил своего батюшку царя (а уж какими кровопийцами и держимордами они были!) и казался насквозь монархическим на протяжении всего XIX века, а потом через несколько лет в своем большинстве скинул его к чертовой матери. Народ Германии истерично поклонялся величайшему преступнику всех времен и народов Гитлеру, а нынешние американцы массово клянутся в своей любви Бушу... С этим-то все не сложно.

Гораздо сложнее с другим: с *действительной*, а не «наведенной» поддержкой социалистического строительства в нашей стране со стороны большинства ее граждан, символом чего и была по большому счету любовь к Сталину (именно поэтому, кстати, она и была столь сильна, что была *превращенной формой* — формой культа личности — массовой и мощной поддержки *реального* процесса социалистического строительства). Так что большая часть из названных выше вопросов пока остается без ответа.

Чтобы дать эти ответы, мы должны показать, что *именно сталинизм стал кульминационным пунктом в процессе превращения советского народа — субъекта, вступившего на путь сознательного созидания социализма, — в пассивного раба номенклатуры.*

Иными словами, мы должны показать, что, *начав сознательно творить историю и созидать новое общество, трудящиеся СССР в процессе этого созидания в силу объективных и субъективных причин сами «вырастили» и «посадили себе на шею» партийно-государственную бюрократию, которая смогла постепенно не только подчинить их своей власти, но и узурпировать реальные достижения народа и страны, присвоив себе то, что было сде-*

лано трудящимися не столько благодаря, сколько вопреки власти этой паразитической страты. Именно она стала той социальной силой, которая паразитировала на вскормленном ею же и все более растущем мещанстве и конформизме масс, пока этот симбиоз не привел к краху ростков социализма в нашей стране, а вместе с этим и нашей советской Родине.

Заострю суть авторской позиции: выше я неслучайно подчёркнул: сталинизм — это период, когда партийно-государственная номенклатура *начала* складываться и превращаться в господствующую силу. В этом ключ к решению загадки действительных успехов нашего народа в экономическом, социальном и культурном строительстве, действительного массового энтузиазма 30-х, реальной массовой поддержки Советской власти. Энергия социального творчества масс, разбуженная Великой Октябрьской Социалистической революцией, оказалась столь мощна, что она смогла продержаться (постепенно истощаясь и вновь подпитываясь — подвигом народа в Великой Отечественной войне, энтузиазмом молодежи в период «оттепели») вплоть до 70-х годов XX столетия.

Сталинская номенклатура не вызвала и даже не организовала это поистине массовое созидание. Она выросла как паразит, пьющий кровь «живого творчества народа», и пришла к власти на волне этого реального процесса созидания нового мира.

Можно ли доказать то, что созидание нового общества в нашей стране шло не благодаря, а вопреки власти Сталина и подпиравшей его номенклатуры? Да, можно. Но прежде я хочу сделать существенную оговорку; я хочу подчеркнуть, что субъективно многие из представителей этой номенклатуры могли совершенно искренне считать, что они не к власти стремятся, не из страха перед Ежовым или Берией выполняют беспрекословно приказы вождя, а действительно строят социализм и коммунизм. Такое раздвоение сознания яв-

ляется абсолютно типичным для бюрократии: и цари, и нынешние «красные» губернаторы, и белогвардейские генералы и гобачевские «прорабы перестройки» — все они искренне считали, что прежде всего служат Отечеству.

При этом они не забывали и не забывают — кто больше, кто меньше — набивать себе карман и делать карьеру, чего не гнушался тот же ближайший сподвижник Сталина и его правая рука Берия, заведший себе в центре Москвы особняк, где... — впрочем, дело не в том, сколько лично себе наворовал тот или иной член сталинской команды, дело в том, что именно в этот период сформировалась и закрепились система власти номенклатуры — социальной группы, живущей в особом замкнутом мире государственных «дач», спецраспределителей и внутривластных разборок, заканчивающихся массовыми убийствами, репрессиями или — позже — просто предательством своих же товарищей... социальной группы — и это главное! — монополизировавшей власть и оторванной от трудящихся.

Так почему же я считаю, что период нашей истории, начавшийся в конце 20-х годов, был борьбой двух линий: с одной стороны, сохранявшегося, но нелинейно, с некоторыми всплесками, отмиравшего социального творчества масс, действительно строивших своими руками не только новые города и заводы, но и новые социальные отношения и культуру, а с другой — укреплявшейся партийно-государственной бюрократии, постепенно все больше забиравшей в свои руки реальную экономическую, политическую и идеологическую власть, превращая творивший историю народ в пассивное, послушное мещанское болото?

Во-первых, потому, что именно пассивно-оболваненным, слепо верящим вождям, а не сознательным, критически-творческим вышел наш народ (народ, победивший в Великой Отечественной войне) из сталинского времени.

Не верите? Тогда приведу еще один аргумент в пользу тезиса о номенклатурно-бюрократической природе власти и развивающемся (как ее Alter Ego) в сталинский период конформизме масс: в самом деле, если народ сознательно любил Сталина, если он сам *сознательно* и по большому счету *самостоятельно* создавал все те общественные формы, которые возникли в период сталинизма, если при этом Хрущев стал (как утверждают ныне большинство сталинистов) предателем и разрушителем дела строительства коммунизма, то почему же абсолютное большинство трудящихся встретили даже не молча, а единогласной (формально; реально кое-кто был против, но... помалкивал!) и бурной (на официальных партсобраниях) поддержкой ближайшего сподвижника Сталина, поливающего мертвого экс-вождя грязью с тем же рвением, с каким он же несколько лет назад его славословил? Почему 99% коммунистов и беспартийных без сколько-нибудь широкого возмущения приняли цинично-подлое превращение вождей-сталинистов в вождей-антисталинистов?

Потому что они привыкли верить Партии? Да, именно поэтому. Потому что сталинский период приучил верить тому, что Ежов — великий и мудрый сталинец и тому, что Ежов — враг народа. Людей учили и научили (в том числе при помощи репрессий в адрес нерадивых учеников) *беспрекословной вере вождям*. А это некритическое послушание «верхам» и есть одно из наиболее ярких проявлений отчуждения граждан от власти, превращения их в несамостоятельную, управляемую массу, которой может без проблем манипулировать отчужденная от народа и стоящая над ним номенклатура (кстати, в фарсовой форме это проявилось в августе 1991 г.).

Во-вторых, эта система развивалась по пути все большего ужесточения централизма, все большей концентрации власти в руках аппарата и его наиболее же-

стких институтов (НКВД и т.п.). Неужели в 20-е годы нашей стране было легче, чем после победы в Великой Отечественной войне? Неужели нам тогда меньше угрожала агрессия со стороны империалистических держав? Неужели тогда было меньше внутренних классовых врагов? Если нет, то тогда почему в этот период были нормой дискуссии в партии, многообразие идейных и культурных течений, открытость деятельности партийно-государственных органов, партмаксимум и т.п.? Я отнюдь не хочу идеализировать демократичность нашей системы того времени, но что реальных прав и свобод у наших граждан в тот — гораздо более тяжелый и опасный со всех точек зрения период — было больше, мало у кого вызовет сомнения.

В-третьих, для своего существования сталинская машина была вынуждена пожирать и своих собственных отцов, и своих детей. Сталинизм (не просто лично Сталин, но вся система власти, под него созданная) был по своим фундаментальным принципам репрессивной системой. Он не мог жить, не уничтожая постепенно (но шаг за шагом во все больших и больших масштабах) тех, кто стоял у истоков социалистического строительства (а если мог, то зачем тогда все это делалось? Почему после окончания Гражданской войны, в начале 20-х годов мы могли бороться с вредителями и шпионами без массовых репрессий, не затронув массовыми арестами и казнями ни интеллигенцию, ни военных, ни кого бы то ни было из руководства партии и государства, а в 30-е и 50-е не могли?).

Тем, кто не верит на слово не только мне, но и любому политическому тексту (а ныне, в отличие от сталинских времен, таких читателей среди молодежи становится все больше), я искренне рекомендую отследить по любым документам судьбы «ленинской гвардии» и, в частности, делегатов последнего перед началом массовых репрессий XVII съезда партии, судьбы ученых, поэтов, военачальников — едва ли не поло-

вина из них репрессирована, умерла от неожиданных болезней, покончила жизнь самоубийством, пропала без вести и т.п.

Наконец, не могу не подчеркнуть, что *сталинская система в конечном итоге оказалась самоедской*: на политическом Олимпе (оставим пока армию в стороне) рядом с вождем накануне его смерти оказались... Вспомните: Берия. Жданов. Каганович. Хрущев... Система, основанная на культе, некритическом возвеличивании вождя (что, впрочем, было не сущностью, а следствием номенклатурно-бюрократической системы власти, сложившейся в тот период, не могла не привести к ее вырождению, к тому, что культ всех последующих вождей в СССР был уже не столько трагедией и преступлением, сколько фарсом.

30 лет власти *этой* системы неслучайно привели к тому, что *на вершину власти были возведены не просто не слишком талантливые руководители. Там закономерно оказались люди, в принципе не способные содействовать реальному развитию народовластия, свободного труда, культуры.* Более того, к этому времени, по сути дела, окончательно сложилась система власти отчужденной от народа, стоящей над ним бюрократической элиты, и косметические реформы Хрущева здесь ничего изменить не смогли.

Вот почему я берусь утверждать (как ни больно и горько мне это говорить о государстве, которое я люблю), что *в сталинский период сложилась не власть народа посредством самого народа, не экономика и общество, где трудящиеся сами принимают решения и контролируют их реализацию исполнительной властью, а система номенклатурно-бюрократической, отчужденной от трудящихся и стоящей над ними власти номенклатуры.*

Однако такая система не могла бы существовать сама по себе, не срастаясь с эффективной (пусть на определенном историческом отрезке) экономической и

поддерживаемой большинством граждан политической системой, подобно тому как раковая опухоль срастается с живым организмом. Более того, эта раковая опухоль, если она не хочет покончить жизнь самоубийством, должна не только паразитировать на организме, но и поддерживать его до определенной степени (забвение об этой второй стороне медали и привела горбачевскую номенклатуру к краху). Именно такой — *паразитирующей на действительно создаваемых народом социалистических отношениях, но и в то же время поддерживающей это созидание (но только в тех пределах и формах, которые не мешают ее власти)* — и была сталинская номенклатура.

В той мере, в какой она не могла до конца подчинить своему деформирующему бюрократическому влиянию или даже содействовала генезису социалистических отношений (пусть в достаточно неразвитых, первоначальных формах), в СССР создавались новая экономика, общество и культура. В той мере, в какой генезис социалистических отношений шел в подчиненных этой системе, деформированных формах, этот процесс и содержательно вырождался, и на место отношений свободного труда приходили крепостническое прикрепление крестьян к земле и массовый труд заключенных, на место народовластия — бюрократический произвол и репрессии, свободомыслия — жесточайшая цензура и т.п.

И главное: в той мере, в какой вторая сторона этого мучительного сродства подчиняла себе первую, система тормозила свое развитие или прогрессировала слишком дорогой ценой — ценой массовых человеческих жертв, деформаций культуры и науки, обострения внешних конфликтов и т.п.

Вот почему я берусь утверждать, что *основные достижения СССР были созданы не благодаря, а вопреки таким деформациям социалистического строительства как (1) принудительный труд (и не только в колхозах и*

лагерях), уродовавший реальные ростки освобождения труда, (2) закрытое распределение и привилегии высшей партийно-государственной бюрократии в сочетании с нищенским положением ряда слоев трудящихся (прежде всего в деревне), подрывавшие ростки распределения по труду, (3) всевластие и репрессии бюрократии, антагонистичные массовому энтузиазму... — перечь легко продолжить.

При этом и ростки социализма, и их деформации в реальной практике нашего прошлого были теснейшим образом сплетены, причем особенно интенсивным это сплетение было в сознании трудящихся (в этом, кстати, одна из причин массового обожествления вождя тогда и ренессанса сталинизма сегодня).

Рассмотрим этот аспект подробнее: мы начали создание нового общества не просто в неблагоприятных условиях — мы объективно были вынуждены самим ходом объективного революционного взрыва семнадцатого года (ставшего, в свою очередь, закономерным продуктом мировых противоречий империализма, в частности, Первой мировой войны) начать социалистическое строительство в стране, где не было достаточных материальных (технических, экономических...) и культурных предпосылок социализма. И мы в этих условиях могли пойти по пути постепенного, но неуклонного развития собственно социалистических (т.е. основанных на самоорганизации трудящихся, их сознательном историческом творчестве, освобождении труда, энтузиазме) отношений в сочетании с постепенно изживаемыми наиболее развитыми формами существовавшего тогда капитализма. Это был ленинский план нэпа: выдавливание российской патриархальности, пережитков царского «военно-феодального империализма» и выращивание элементов социализма в противоречивом единстве с сохраняющимися формами наиболее передового к тому времени капитализма. Этот путь имел реальные шансы на реализацию при ус-

ловии (!), что «субъективный фактор» (деятельность партии и других массовых организаций рабочего класса (тогда наиболее передовой в культурном и политическом отношении силы) сможет обеспечить решение сложнейшей и ответственной задачи: пройти по лезвию бритвы, не свалившись ни в буржуазную реставрацию (которой этот план был, безусловно, чреват), ни в псевдосоциалистический волюнтаризм.

Сталинская группа пошла по иному пути: дополнения (и постепенного уничтожения) действительных ростков социализма военно-феодальными, патриархально-державными методами, заимствованными от прежних самодержавных традиций (отсюда, кстати, неслучайное сравнение Сталина державниками всех типов — от иных вождей КПРФ до монархистов — с Петром Первым, Иваном Грозным и т.п., неслучайное единение сталинизма и правых государственников). К числу этих методов относятся не только и не столько (1) репрессии по отношению к инакомыслящим (при всей их преступности), сколько (2) ориентация на ускоренное создание общественно-политической системы сверху, бюрократически-административными методами, а не снизу, на основе всенародного учета и контроля, базисной демократии, самоуправления, механизмов и аппарата управления экономикой и обществом; (3) поддержка государственно-феодальных, до-буржуазных форм социальной организации — от полукрепостнического прикрепления крестьян к колхозам и прописки до пропаганды патриархальных форм семьи и воспитания (типа отдельного обучения девочек и мальчиков в школах); (4) внедрение по сути дела имперско-монархических механизмов государственной власти, идеологии и пропаганды.

Подчеркну вновь: все эти формы были сплетены с реальными ростками социализма в крайне причудливый организм, который (вот он парадокс реальной истории!) в тогдашних условиях оказался вполне жизне-

способен. Более того, он оказался по большому счету адекватен, во-первых, внешней обстановке агрессивной конфронтации с империалистическим окружением. Во-вторых (и это особенно важно!), сталинский государственно-патриархальный «социализм» был в основном приспособлен к социально-культурному генотипу большинства населения тогдашней России — полупатриархального крестьянства, начинающего превращаться в индустриальных рабочих — внизу, чиновничества из «средних слоев и тех же крестьян — наверху. Для них сталинское «социалистическое строительство» оказалось социально и культурно близким, оно их не только не ломало (как их ломали реальные ростки социализма), но и давало им возможность социального роста и возвышения.

Другое дело, что в России того периода были и другие социальные группы с другим социокультурным и политическим настроем (кадровые рабочие и принявшая Советскую власть интеллигенция, составившие костяк партии в период нэпа), да и в кругах того же формировавшегося из крестьянства пролетариата были и иные тенденции — тенденции социального обновления и творческого энтузиазма («Светлый путь», «Волга-Волга», «Трактористы» и т.п. фильмы при всей их идеализации реальных процессов были созданы не на пустом месте). Но первых сталинская система в большинстве своем либо уничтожила, либо подчинила, а на вторых активно паразитировала. И именно эти слои стали основой искреннего и мощного возвеличивания сталинской системы и лично Сталина, поскольку для большинства из них (не забудем о «раскулаченных», пострадавших от нескольких массовых волн голода и просто попавшихся под руку в период репрессий) реальное улучшение жизни повышение социального статуса, реальное участие в строительстве новых заводов и городов, которые стали основой этого возвышения, были слиты с (опять же для них предельно понятной и

адекватной) патриархально-государственной самоидентификацией самих себя и своих достижений как целого с некоторой внешней, над ними стоящей силой (державой, государством) и ее символом — вождем. Так Сталин стал единственно возможным (и это было неизбежным результатом такой экономико-политической и социо-культурной системы) символом и действительных коллективных успехов трудящихся в социалистическом строительстве, и державно-патриархального возрождения государства-страны. Строительство социализма (точнее, его реальные ростки), патриархально-державно-социалистические идеалы и действительное укрепление государства оказались тем самым неразрывно соединены в синкретичном образе-символе — Сталин. Это синкретичное единство сублимировалось в так и не развившиеся в широких масштабах у большинства граждан СССР (недавно вышедших из патриархальной деревни или все еще в ней живущих) качества личной инициативы, ответственности и самостоятельной самоорганизации, подменив их дисциплиной и преданностью государству-вождю.

Точно так же и отмеченная выше геополитическая линия на укрепление государства-державы (а не интернациональную классовую солидарность пролетариев и их организаций, прежде всего — укрепление и расширение на основе демократии и равноправия Интернационала и других форм международной солидарности) оказалась гораздо более понятна для большинства граждан нашей страны и по видимости (почему только по видимости я покажу ниже) соответствовала вызовам тогдашней обстановке грозящей войны.

Следовательно...

Последовательные сталинисты должны возрадоваться: автор, на первый взгляд, только что доказал, что курс их кумира был востребован большинством граждан и соответствовал геополитическим требованиям эпохи. Чего же боле?

Да, вы правы, уважаемые оппоненты: сталинская система действительно отвечала названным условиям. Но она позволила разрешить возникшие в период нэпа действительные противоречия социалистического строительства (и внутренние, и внешние) за счет... выбора тактически возможной и в некоторых смыслах (рост производственного и военного потенциала) эффективной, но требующей слишком больших жертв и исторически тупиковой модели эволюции.

Мои коллеги и я не раз обосновывали этот тезис и показывали, что *был другой путь разрешения этих противоречий*, прежде всего — *противоречия между, с одной стороны, мощным созидательным потенциалом, энергией социального творчества трудящихся, вызванной антагонизмами империализма начала XX века и Великой Октябрьской социалистической революцией и, с другой стороны, недостаточными объективными и субъективными предпосылками развития более эффективного и свободного, нежели поздний капитализм, общества.*

Это противоречие могло разрешаться за счет (1) максимально полного задействования всех ресурсов низового социального новаторства масс на основе развития базисной демократии и самоуправления в масштабах больших, нежели в условиях нэпа, при помощи максимальной активности коммунистов как помощников, вдохновителей, чернорабочих и энтузиастов этого процесса (в условиях сталинизма было и это, но как тенденция, подчиненная развитию номенклатурно-бюрократических, а позднее и прямо репрессивных методов решения задач мобилизации) и *(2)* подкрепления этих ростков социализма формами социально-ограниченного и государственно-регулируемого рынка и капитала как наиболее передового — за исключением собственно социалистических форм — механизма экономической и политической жизни первой половины XX века.

Иными словами, у нас была возможность идти по

пути развития переходных форм, соединяющих ростки социализма (как начала движения к царству свободы) и элементы наиболее развитых и эффективных форм позднего капитализма в рамках системы, контролируемой подлинно народной (т.е. осуществляемой народом посредством самого народа) власти государства, которое бы в этом случае укрепляло свою мощь и влияние не за счет все более массовых репрессий и диктаторских методов, а за счет все более активной и действенной поддержки ее снизу, т.е. за счет все более полного участия «рядовых» граждан в управлении, т.е. на основе «засыпания» (В.И. Ленин) государства и укрепления самоуправления как качественно новой формы управления.

Кстати, элементы этого второго (использующего наиболее развитые капиталистические формы — совместные с ТНК предприятия, аренда, концессии и т.п.) — но не первого (народовластие и самоуправление) — слагаемого ныне активно и успешно использует Китай для решения задач, схожих с задачами, стоявшими перед СССР более полувека назад, а именно — задач ускоренной модернизации экономики в условиях враждебного империалистического окружения. И этот опыт показывает, что те же империалисты (а любой сталинист согласится, что нынешние США не стали больше любить социализм) готовы активно сотрудничать с такой переходной системой и инвестировать в нее по 50 млрд. долларов ежегодно.

Возможно ли дополнить эти механизмы не авторитарно-бюрократическими (как ныне в Китае), а народно-демократическими методами социального и политического управления? И теория (мои коллеги и я об этом не раз писали в журнале «Альтернативы»), и практика дает позитивный ответ на этот вопрос.

У СССР в конце 20-х — 30-е годы были все шансы идти по такому пути, что обеспечило бы нам не меньшую, но большую консолидацию народа (в том числе и

по отношению к возможной внешней угрозе), более равномерное развитие экономики при обеспечении необходимых приоритетов и совершенно иную геополитическую обстановку, основанную не только на экономическом сотрудничестве с империализмом, но и на мощной (а не полуразрушенной как в сталинские времена) солидарности различных социалистических сил — от анархистов и различных отрядов коммунистов до социалистов и левых социал-демократов. В этом случае мы могли бы не платить ту чудовищную цену, которую наша страна заплатила за модернизацию сталинского образца — цену массовой нищеты деревни, гигантских репрессий, разгромленного Коминтерна и расколотого на десятилетия коммунистического и рабочего движения, чудовищных потерь в первые месяцы Великой Отечественной войны и мн. др.

Да, нам в любом случае была нужна мобилизационная, ускоренно модернизирующаяся экономика, но она могла бы развиваться не за счет принудительного труда и отсталого сельского хозяйства, а за счет не подрываемого номенклатурной властью, но интенсифицируемого самоуправлением свободного труда, энтузиазма, реального, а не бюрократически-заорганизованного социалистического соревнования, за счет мобилизации нашего (едва ли не на треть уничтоженного в 30-е — 50-е годы) интеллектуального потенциала, а также экономических форм, сходных с используемыми нынешним Китаем.

Да, нам в любом случае нужно было бы обеспечить консолидацию народа, дающую гарантии отражения внешней агрессии, но это были бы формы низовой демократии, а не репрессий, аналогичные хотя бы тем, что используют кубинские товарищи (хотя наш опыт 20-х показал зарождение гораздо более эффективных форм производственного и местного самоуправления)... — перечень легко продолжить.

Мы могли идти (хотя у нас был, может, всего один

шанс из десяти) по пути развертывания не деформированных (авторитарно-державных, патриархальных), а адекватных закономерностям генезиса «царства свободы» ростков социализма и эффективных переходных форм, использующих относительно прогрессивные позднекапиталистические (а не реакционные военно-феодалные) механизмы. Вот почему мы утверждаем, что *сталинская система власти была паразитической, уродующей ростки социализма надстройкой даже для начальных стадий социализма как общества, в котором происходит раскрепощение, освобождение (от эксплуатации, от внешнего — капиталистического, государственного-бюрократического и т.п. принуждения) труда и человека, превращение трудящихся в реальных, а не номинальных сохозяев своей экономической и политической жизни.*

РЕНЕССАНС СТАЛИНИЗМА И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ XXI ВЕКА

Конечно же, мы все знаем знаменитую фразу, что история не терпит сослагательного наклонения. Но не менее известно и то, что исторический процесс идет весьма причудливыми и зигзагообразными путями, а теория (в нашем случае — творческий марксизм) для того и дана коммунистам, чтобы извлекать уроки из трагических ошибок прошлого. Мы — марксисты — извлекали уроки из побед и поражений парижской коммуны и Революции 1905 года. Нам принципиально важно извлечь уроки и из трагического опыта созидания нового общества в СССР и других странах мировой социалистической системы. Особенно важно это сделать сегодня — в условиях ренессанса сталинизма.

Этот ренессанс неслучаен.

Его провоцирует прежде всего глубочайший систем-

ный кризис, переживаемый нашей Родиной вот уже более 10 лет. Не только представителям старшего поколения, но мне — при всей моей критичности — сегодня хочется спросить: не меркнут ли все сталинские репрессии прошлого в сравнении с миллионами убитых и ограбленных распоясавшейся и возведенной в ранг героев уголовщиной? Не стыдно ли вспоминать о бедноте сталинской деревни в условиях нынешней массовой нищеты, поразившей треть населения еще десять лет назад достаточно развитой страны? Не ерунда ли сталинское ограничение свободомыслия в сравнении с нынешним произволом денежных мешков в сфере культуры? — Эти вопросы можно множить и множить. А ведь при Сталине наша экономика росла от года к году, от пятилетки к пятилетке...

Ностальгию по сильной власти (а сталинизм — ее наиболее яркий пример) рождает и весь чудовищный нынешний кавардак в области права и морали, выражаемый возникшим относительно недавно, но ставшим символом нынешних времен словом — «беспредел». Рабочий и «челнок», пенсионер и военный — все мечтают о том времени, когда в России наконец будет наведен порядок. А кто же его может навести лучше Сталина?

Тягу к сталинизму вызывает и оскорбление национального достоинства наших граждан; слова «за Державу обидно!» — ныне уже не просто фраза, но вызов власти и народу России XXI века. Мы живем в стране, которая не просто сократилась на треть, но стала полуколонией, потеряла самостоятельность и уважение в мире. А ведь при Сталине СССР не только выиграл Мировую войну, но и стал второй сверхдержавой, которую боялись во всем мире!

И главное, чем притягателен сталинизм: памятью-мечтой об эпохе, когда народ был защищен государст-

вом, имел гарантии (жилища и работы, зарплаты и пенсии образования и медицинского обслуживания) и не нес личной персональной ответственности: и поощрение, и наказание шло сверху, от вождя-бога. А что может быть притягательнее для изверившегося, потерявшего какую бы то ни было опору и ориентиры, по сути дела не способного к самоорганизации и самостоятельным личным или коллективным действиям человека, чем надежда на приход мессии-избавителя? А если этот мессия будет еще и символом (причем неслучайным) не только реальных исторических достижений, но и действительно более прогрессивного, чем капитализм, социалистического строя, то массовая поддержка ему в экс-СССР гарантирована по определению.

Для советски-патриархального человека (а это не только выросшее в СССР старшее поколение — нынешний кризис, сохраняющиеся до сих пор в порах нашего дикого капитализма элементы советского прошлого и память о его реальных достижениях и мощи Советского Союза — все это делает во многом советской и значительную часть нынешней молодежи, особенно на периферии), попавшего в нынешний криминально-бардачный капитализм, сталинизм видится одним из простейших путей разрешения нынешних противоречий.

Он, во-первых, неслучайно (я показал выше исторические корни этого феномена) является *единственно практически доступным и понятным символом нового справедливого и прогрессивного строя — социализма*, массово распространенным в России его символом — это трагедия. Но для патриархально-державного советского человека иной, нежели вождь-символ-державы, образ социализма мало понятен и не взыскан. Более того, для живущего ныне человека с социалистическими взглядами объективно трудно отделить действи-

тельно героические свершения советского народа (и прежде всего — победу в Великой Отечественной войне) и сталинские деформации социалистического строительства. Они объективно были сращены в нашем прошлом и потому их не разделяют все те, кто привык некритически, на веру, без тщательного самостоятельного анализа воспринимать те или иные идеологические построения. Вот почему для некритически мыслящего коммуниста Сталин неотделим от социализма, а для некритически мыслящего либерала социализм неотделим от сталинщины. Они сталкиваются на одном поле (пятясь при этом навстречу друг к другу спинами) — поле некритического, недialeктического, одномерного видения истории вообще и нашего советского прошлого, в частности; они совпадают в своем догматически-линейном представлении о социализме. **И сталинисты, и либералы, с радостью и наивностью здравого смысла, убеждающегося на практике в собственной непогрешимости, отождествляют сталинизм с социализмом** и делают два одинаково неистинных вывода. «Иным, нежели диктаторски-репрессивным, социализм и быть не может, следовательно, все попытки преодоления противоречий сталинизма есть утопия», — говорит либерал. «Сталинский СССР и есть социализм и потому не имеют значения и должны быть по большому счету оправданы все недостатки той системы, а любые попытки их критики и выработки новой, качественно отличной от сталинской, модели социализма есть ренегатство», — говорит сталинист.

И это трагическое совпадение не просто превращает сталиниста в «иное я» либерала, но и объективно, независимо от воли и желания многих коммунистов-сталинцев, делает их крайне выгодными союзниками борцов против социалистического обновления в нашей стране, ибо попытки движения ныне к той, прежней, системе — это реакционная утопия. Неслучайно поэтому,

кстати, на телевидении почти всегда в качестве представителей коммунистических идей фигурируют старушки с портретами Сталина: либерализму крайне выгодно свести социализм к сталинизму, к ностальгии по прошлому.

В то же время я вполне могу понять субъективное нежелание любого человека с левыми взглядами критиковать в нашей реальной обстановке антикоммунистического шабаша хоть что-то из советского прошлого. Любая попытка такого критического анализа невольно, вопреки твоей позиции, ставит тебя в один ряд с яковлевыми и волкогоновыми, отчего становится мерзко на душе. Это нежелание можно и должно понять. Но его нельзя оправдать: подвиги и великие свершения наших отцов и дедов нельзя предавать; преступления не перестают быть преступлениями оттого, что их совершали в стране твоих отцов и дедов, и об этом нельзя забывать. Мы умели различать подвиг народа России, победившего Наполеона, и мракобесие царизма и крепостников, и это не мешало нам быть патриотами. Мы должны уметь различать реальные ростки социализма и диктатуру сталинской номенклатуры, и это не только не помешает, но поможет нам быть коммунистами и любить свою Родину.

Во-вторых, сталинизм ныне становится вновь, крайне популярен потому, что *ностальгия по сталинизму становится* не просто надеждой, но и своего рода *религией-утешением*, указывающей на возможность альтернативы нынешнему трагическому положению. Существенно, что эта надежда-утешение является (1) реально сущим примером, который (2) находится в прошлом. Это существенно потому, что человек, ориентированный на обыденное сознание и здравый смысл (а не на критически-творческий поиск), ищет альтернативу всегда в практически известном (хотя, как правило, и сильно мифологизированном) практи-

ческом примере; если же он к тому же патриархален (а нынешний сталинист в большинстве своем именно такой патриархальный обыватель, ориентированный на здравый смысл, мало знакомый с мировым опытом борьбы за социализм и современной марксистской теорией, более того, активно нежелающий самостоятельно и непредвзято знакомиться с тем и другим), то эта альтернатива обязательно должна лежать в... прошлом: таковы были все патриархальные утопии-мечтания о «золотом веке».

Тем самым *сталинизм объективно становится не вызовом будущего, а ностальгией по прошлому* и в этом смысле возрождающимся в XXI веке подобием «реакционного социализма», описанного еще в «Манифесте коммунистической партии» (я настойчиво советую моим молодым коллегам перечитать соответствующий раздел и сравнить державно-государственнические, патриархально-феодалные интенции *того* «социализма» — и сталинизма; естественно, буквальное совпадение через 150 лет невозможно, но в своей основе эти феномены едины).

Наконец, в-третьих, *сталинизм ныне чрезвычайно востребован потому, что он по сути своей ориентирован на пассивное ожидание избавления*, которое должен принести с собой вождь или максимум на дисциплинированное выполнение давно известных (по опыту предыдущей работы в качестве партийного активиста) действий, осуществляемых по приказу «руководства».

Не могу не заметить в этой связи, что врожденный пиетет к начальству играет с нынешними сталинистами злую шутку: большинство из них зачастую оказываются неспособны к сколько-нибудь активной борьбе с «начальством», к действиям, направленным против директора, губернатора, президента: для многих из них (за исключением некоторых активистов радикальных компартий) важнее то, что они есть символ *государст-*

*ва, чем то, что они представители капиталистического государства. Подавляющее большинство «рядовых» (не активно-идейных) сталинистов России (включая значительную часть нынешней номенклатуры — вспомните начало моего письма) ныне готова голосовать за любого (в том числе — прокапиталистического) действующего вождя, не хулящего Сталина и хотя бы имитирующего политику «твердой руки». Более того, парадокс состоит в том, что **правого, прокапиталистического, ничего не изменяющего в сущности нынешнего строя, вождя-сталиниста большинство «стихийных сталинистов» примет ныне с большей охотой, чем вождя-коммуниста**, ибо эта власть не только не потребует от них никаких самостоятельных действий, но даже и не затронет их мощной боязни каких-либо перемен, а для возвращенного сталинизмом обывателя возможность пассивно-мещанского и относительно устойчивого существования, защищенного любым сильным государством, важнее любых, в том числе социалистических, идеалов (вспомним один из парадоксов нашей постсоветской жизни, отмеченных мною в начале текста). Тем самым **нынешние сталинисты объективно, вопреки своим субъективным интенциям, рыхлят почву для правого авторитаризма в России.***

Вот почему кажущаяся безобидной и наивной вера в Сталина ныне является едва ли не самой опасной болезнью левого движения, ибо объективно ведет нас к укреплению конформизма и пассивности народа, к укреплению паразитирующих на этом обывательском стремлении к власти «сильной руки» сторонников правой, прокапиталистической диктатуры, опасней которой нет ничего для дела социалистического освобождения. Ибо социалистическая альтернатива для России — не в ностальгии по прошлому, но в будущем, наследующем ростки социализма, действительно ха-

раактерные для СССР, развивающем их в новых условиях и преодолевающим их трагические деформации.

Нам предстоит решать сложнейшую проблему содействия генезису социализма будущего. Парадокс нашей сегодняшней жизни состоит в том, что у России есть только один шанс на достойный выход из кризиса — рывок вперед. Любые попытки восстановления советской экономики и социально-политического уклада (при всем том, что в СССР были более мощные индустрия, наука, армия, чем у нынешней России) сегодня, в наступающем XXI веке, будут означать дорогу в прошлое — технологическое, экономическое, политическое. Сталинская система — это прошлое, в котором мы уже проиграли — проиграли в соревновании с капитализмом XX века (да-да, проиграли, ибо именно сталинизм создал в стране бюрократическую, отчужденную от трудящихся власть: победивший в Войне советский народ был окончательно поработан номенклатурой, а она не могла не предать дела социалистического строительства, не могла не начать буржуазной реставрации, что было доказано критически мыслящими марксистами еще в начале 30-х гг.).

Нам же надо выиграть в соревновании с капитализмом качественно новой эпохи. И в решении этой задачи ностальгия для нас — враг, а не помощник; критика глобального капитализма из патриархально-державного прошлого — утопическая, а потому вредная (хотя и очень понятная и близкая обывателю, не желающему самостоятельно, серьезно, мощно и долго работать на создание будущего, которого он еще не видел, а потому и видеть не хочет) иллюзия альтернативы, которую якобы можно достичь путем простого восстановления достижений прошлого.

Для того чтобы выиграть в этом соревновании, *нам необходимо, повторю, выйти на иную, чем бывшая советская, и иную, чем нынешняя глобально-капитали-*

стическая, новую траекторию развития — траекторию опережающего, опирающегося на «человеческие качества», новаторский потенциал личности, высокие технологии, культуру, науку и образование развития.

Насколько для *такой* ускоренной модернизации эпохи «человеческой революции» будут адекватны методы жесткого партийно-государственного контроля за не только деятельностью, но и личной жизнью (с кем встречаешься, не приятельствуешь ли с неблагонадежными лицами...) интеллигенции и студенчества, повсеместного контроля со стороны не только партийных органов, но и тайной полиции за наукой, образованием и искусством, массового доносительства, угрозы репрессий по отношению к каждому десятому (как минимум — вспомним не только о генетиках, кибернетиках и ученых-обществоведах, но и о создателе спутника Королеве, авиаконструкторах Туполеве и Яковлеве, конструкторах «Т-34» и «Катюш», прошедших через репрессии в сталинский период...) коллеге, мощной идеологической цензуры в общественных науках, когда абсолютно, под угрозой смерти, запрещено оспаривать хоть одно из положений, признанных каноническими?..

Это риторические вопросы...

Подчеркну: речь идет не о том, что страшнее — эти методы или нынешнее удушение науки, образования и культуры в тисках системного кризиса. На этот вопрос уже давно дан ответ: оба хуже. Я задаю *другой* вопрос: *нужны ли эти, специфические прежде всего для периода 1937—53 годов, методы для осуществления прорыва в социализм будущего?* Или мы не только можем, но и должны идти другим путем, взяв из прошлого такие достижения, как мобилизация ресурсов в ключевых сферах развития (что может достигаться, как показывает мировой опыт, самыми различными методами),

массовая поддержка новаторства и социального творчества и т.п.?

России нужны не ностальгия по государственно-патриархальному «социализму сталинского образца или неолиберальные эксперименты — к рынку и капитализму мы уже опоздали. Социализму будущего нужны свободный труд и реальное участие граждан в управлении; последовательное народовластие и гарантии прав личности; свобода творческой, культурной деятельности и патриотизм интернационалистов, а не державников. Нам необходимо стремиться не к реставрации прошлого «железного занавеса» и не к либеральной модели неокolonизации России, не к завоеванию наиболее выгодного для себя положения за счет других государств, а к изменению принципов построения мирового хозяйства и мировой политики, показывая пример новых, равноправных, партнерских отношений, борясь не за передел сфер влияния в третьем мире, а за устранение разрыва между «золотым миллиардом» и остальными странами, двигаясь не к самоизоляции от мира, а к развитию иной — альтернативной неолиберальной — модели интеграции.

Это письмо — не место для изложения позитивной программы современного критического марксизма (ныне читателю доступны многие сотни работ неомарксистов в России и за рубежом; авторскую версию такого позитива можно найти в десятках моих ранее опубликованных работ, в том числе в уже упоминавшейся книге «Критический марксизм. Продолжение дискуссий»). Оно написано мною для того, чтобы пригласить Вас — тех, за кем будущее социализма, кто готов спорить, к диалогу, к дискуссии, к *поиску* истины...

При этом я более чем отдаю себе отчет в том, что большинство из Вас уже не переубедить при помощи теоретических аргументов (хотя жизнь, практика борьбы за социализм это может сделать в ближайшем буду-

10 мифов об СССР

щем). Более того, я убежден, что мы можем и должны понять религиозно-ностальгические чувства преклонения перед Сталиным как символом социализма и лучших достижений нашего прошлого, характерные для старшего поколения нашей страны. Но мы не имеем права идти на поводу у этой ностальгии. Только самостоятельный, творческий, критический взгляд на наше прошлое, только личная серьезная работа по изучению и критическому осмыслению теоретического наследия социалистов и коммунистов, только действительная коммунистическая убежденность, вырабатываемая на практике в каждодневной деятельности по поддержке самоорганизации трудящихся, их первых и пока еще робких, редких в нашем Отечестве самостоятельных шагов к своему освобождению, только они помогут нам избавиться от иллюзий обожествления прошлого, понять его действительные противоречия, извлечь уроки из его трагедии и стать достойными продолжателями дела освобождения труда.

О ПОГУБИТЕЛЯХ СССР

*Причины распада СССР:
сталинщина и мутантный социализм (Версия 1)*

Тема распада СССР, причин и последствий этого феномена является одной из самых больных и, пожалуй, одной из самых важных для XX века и, я думаю, ближайшего десятилетия, причем не только с исторической точки зрения, но и с точки зрения уроков этого распада для новейшей истории и стратегии обновления будущего.

Существует широкий спектр взглядов на причины распада СССР, и они довольно тесно связаны с той или другой идейно-политической и научной позицией их авторов. Я очень коротко отмечу основные позиции, поскольку хочу представить вам авторскую гипотезу, и она будет полемизировать с этими взглядами.

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО БЫЛО?

К сожалению, наиболее распространенным сейчас является неолиберальный взгляд, восходящий своими основами к Фридману, Хайеку, Пайпсу и другим правым экономистам, социологам и политологам, однако наиболее ярко эту позицию выразил в начале 90-х годов Френсис Фукуяма, который написал сначала статью потом книгу под названием «Конец истории», в которой он сделал вывод в Гегелевском стиле: история закончена, «коммунизм» погиб навсегда, проблемы альтернатив социального развития решены.

Ученые этого направления считают возникновение

СССР и Мировой социалистической системы исторической флюктуацией, в большей или меньшей степени случайностью, неким зигзагом истории, поскольку для них единственно «естественным» и вечным организмом является рыночная капиталистическая экономика и буржуазная демократия с соответствующими либеральными ценностями, а любая другая система воспринимается исключительно как отклонение от основного направления и «естественных» законов развития общества. Соответственно они считают случайным возникновение Советского Союза, а распад и кризис СССР закономерным возвратом России в русло развития «цивилизованного» мира.

Причинами возникновения СССР они, как правило, считают в большей или меньшей степени субъективные факторы, начиная от личных качеств (например, характера Ленина) и заканчивая стечением обстоятельств в России после Первой мировой войны. С их точки зрения в нашей стране случайно возникла система с неэффективной экономикой, с авторитарной, угнетающей человека политикой, господством идеологии над культурой. Эта система должна была умереть, и странностью является не то, что она умерла, а то, что она просуществовала 70 лет.

Прямо противоположной является позиция ортодоксальных коммунистов и их сторонников, восходящая прежде всего к Сталинской версии марксизма-ленинизма.

Они считают абсолютно закономерным возникновение социализма и Советского Союза, а распад его объясняют субъективными факторами. Если либералы объясняют возникновение СССР личными качествами Ленина и стечением обстоятельств в России, то ортодоксальные коммунисты объясняют распад СССР личными качествами Горбачева и стечением обстоятельств в мире и СССР конца 80-х годов, когда особенно усилилось давление мирового империализма, совпавшее к тому же (и неслучайно) с внутренним предательством

ряда партийных руководителей высшего звена (прежде всего, повторю, Горбачева, которого сталинисты ненавидят столь же искренне, сколь радикально-правые — Ленина). Некоторые из сталинских левых при этом акцентируют, прежде всего, внешний фактор, давление мирового империализма, происки Центрального разведывательного управления, иногда приплетая даже сионистский заговор.

Это две полярных позиции. Если же мы начнем искать промежуточные варианты, то тогда среди них я бы выделил прежде всего этаких позитивистов, описывающих различные конкретные факторы, приведшие к распаду СССР и не стремящихся к написанию целостной теоретической картины с неким единым объяснением причин распада нашей страны.

Такие позитивисты, описывающие широкий спектр факторов, находятся среди и левых, и правых сил. Причем, как правило, и те и другие описывают примерно один набор факторов, часто без какой-либо особой систематизации. Ниже я назову основные из них, но поскольку я все-таки марксист, то я использую структуру общественно-экономической формации (производительные силы, производственные отношения, надстройка) для систематизации хотя бы *основных факторов, вызвавших распад СССР*.

К числу таких факторов, лежащих на уровне производительных сил, относят слишком тяжелую и высококонцентрированную структуру производства при доминировании военно-промышленного комплекса и при слабом развитии потребительского сектора и сферы услуг. Практически все так же указывают на то, что Советский Союз не смог ответить на вызовы постиндустриального информационного общества и если с первыми двумя волнами научно-технической революции (авиация, атомная энергия, космос, микробиология) мы справились, то с новой волной высоких техноло-

гий, информационной революцией Советский Союз справиться не смог.

К числу факторов, лежащих на уровне производственных отношений и экономической жизни, относят, прежде всего, бюрократическое планирование, которое привело к довольно существенным диспропорциям и не могло учитывать реальные потребности граждан. В этом же ряду факторов лежит феномен всеобщего, тотального дефицита не только в сфере потребления, но и в сфере производства. На профессиональном языке этот феномен хорошо описан Яношем Корнаи, в книге «Дефицит», которая вышла на русском, английском и на многих других языках мира.

В политической сфере к числу факторов, вызвавших распад СССР, относят общеизвестные феномены тоталитаризма, отрыва номенклатуры от народа, интересов общества и замыкание на собственных интересах. Упоминают также саморазложение номенклатуры в качестве одного из политических факторов распада. Ну и, наконец, много говорится о закрытости общества как об одном из факторов распада СССР в условиях перехода к глобальной экономике и глобальной политике.

Однако наиболее интересным остается вопрос, *почему появились все эти факторы?*

На этот вопрос кроме двух полярных ответов (первый, напомним, — субъективные, случайные причины возникновения, второй — субъективные причины упадка), существует ряд других содержательных решений проблемы причин кризиса нашей страны и системы.

Эти решения, как правило, напрямую связаны с *теоретической характеристикой природы строя сложившегося в СССР*. То есть ответ обычно таков: все перечисленные факторы являются следствием того, что в СССР сложился такой-то тип экономической, общественной и идеологической системы, вследствие чего и возникли названные выше недостатки, и поэтому (сле-

дующее следствие) эта система пришла к кризису и распалась.

К числу наиболее известных концепций, лежащих в рамках социалистического спектра, относятся, пожалуй, три следующих.

Во-первых, характеристика советской системы как раннего социализма предполагает, что этот строй, только возникавший, по определению является неустойчивым, обремененным глубокими внутренними противоречиями и поэтому легко может развиваться по негативному руслу, легко подвержен разрушению.

Во-вторых, концепция Тони Клифа: в нашей стране был государственный капитализм, который имел только вывески социализма, а реально вся экономическая и политическая власть принадлежала государству как совокупному капиталисту, эксплуатирующему рабочих при помощи авторитарной политической машины.

В-третьих, концепция Льва Троцкого, который в своей книге «Что такое СССР?» показал, что в СССР сложилось рабочее государство с бюрократическими извращениями и что оно неизбежно должно прийти к перерождению в буржуазную систему через несколько десятилетий (замечу, что эта работа вообще является одной из ключевых для понимания причин распада СССР, во всяком случае без учета этой позиции анализировать эту проблему не корректно, тем паче, что Троцкий довольно четко предсказал, что через несколько десятилетий номенклатура будет заинтересована в том, чтобы обменять свою власть на деньги, капитал, и пойдет по пути буржуазной реставрации).

Несколько особняком стоит позиция «державников» — авторов преимущественно отечественных и акцентирующих внимание на принадлежности СССР к единой Евразийской (Российской) цивилизации. Эти авторы считают различия царской и советской империй менее значимыми, нежели различия между европейской и евразийской цивилизациями, и подчеркива-

ют особую роль Сталина, который, собственно, и смог трансформировать изначально западнический проект еврея Маркса в собственно российский, отвечающий вековым традициям российского Государства (именно так, с большой буквы внутренне пишут это слово «державники») советский тип сверхдержавы (советскую разновидность Евразийской цивилизации). С их точки зрения, причины распада СССР видятся в отходе руководства СССР в конце XX века от сталинской державно-государственнической стратегии и попытке ориентации на Запад, что несовместимо с традициями, менталитетом и иными особенностями нашей Родины.

После этого краткого обзора основных позиций, я хотел бы предложить авторскую гипотезу, которая будет исходить из необходимости объяснить, во-первых, возникновение особого общественно-экономического строя в нашей стране и, во-вторых, исходя из особенностей этого строя, объяснить причины распада Советского Союза.

«ЛОВУШКА XX ВЕКА»

Суть авторской гипотезы я бы сформулировал так: *и возникновение СССР как крайне специфической социальной системы, и его распад вызваны одними и теми же причинами*, а именно тем, что в начале XX века родился такой специфический организм (сталинский «реальный социализм», или, как я покажу ниже, «мутантный социализм»), который был достаточно хорошо приспособлен к противоречиям эпохи позднего индустриализма, империалистических конфронтаций и мировых войн, но оказался абсолютно не способен (в том его виде, который сложился в середине XX века и так и остался по сути своей сталинским) дать достойный ответ на вызовы эпохи глобализации и информационной революции.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. К числу причин возникновения именно специфического экономического и общественного строя нашей страны я бы отнес феномен, который условно назвал *«ловушкой XX века»*. Суть ее в следующем. С одной стороны, мир в начале XX века, пройдя через Первую мировую войну, через начавшиеся антиколониальные движения на Востоке, через мучительные противоречия империализма на Западе (вспомним, это был период борьбы за 8-часовой рабочий день, право свободного создания профсоюзов, минимальные социальные гарантии — все то, что ныне мы считаем атрибутами капитализма), столкнулся с *необходимостью возникновения нового строя*.

В этом смысле, когда Ленин писал свою книгу: *«Империализм как высшая стадия капитализма»* и говорил о кануне социалистической революции, он был прав. Для разрешения мучительных, жестких противоречий начала XX века была необходима Социалистическая революция. В этом смысле неслучайно то, что не только в Российской империи, но и в Венгрии, Германии, на Востоке произошли мощные антиимпериалистические подвиги, революции и то, что Социалистическая революция в России получила столь огромный и очень быстрый отклик в мире (притом, что тогда не было ни информационных систем, ни телекоммуникаций, а очень многие просто даже писать и читать не могли). Этот взрыв, его отзвуки получили отражение во всем мире, ибо они отвечали вызовам людей, потребностям людей.

Напомню классические предпосылки социалистической революции, которые были показаны в работах той поры, причем не только Лениным, но и Розой Люксембург и многими другими учеными-марксистами. Это высокий уровень обобществления производства и концентрация капитала; противоречия финансового капитала как паразитического; агрессивная сущность империализма, которая вызвала и Первую мировую

войну, и целую серию локальных войн; мощный колониальный пресс.

Я назвал эти предпосылки, прежде всего, потому, что мне интересно сравнить ситуацию тогда с сегодняшним положением. По спирали отрицания отрицания, через социал-демократический период середины XX века, мы вновь пришли к очень похожей стадии но на качественно новом уровне: начало нового века ознаменовалось рождением новой протоимперии глобального капитала, начинающего новый виток реколонизации мира, в том числе при помощи прямого насилия (Югославия, Афганистан, Ирак...). Но это одна сторона медали — необходимость рождения нового общества.

С другой стороны, ловушка XX века состояла в том, что *возможность развития по пути движения к качественно новому обществу была абсолютно минимальной* и в мире, и в России, где ее почти не было. При этом я бы обратил внимание на то, что речь идет не только о материальных предпосылках (уровне индустриализации, количестве рабочего класса и т.д., а в Российской империи более 80% населения было занято ручным аграрным трудом, будучи неграмотными, забитыми полурабами военно-феодалного капитализма), но и о других, обычно не акцентировавшихся феноменах.

Так, опыт СССР особенно явственно, хотя и с негативной точки зрения, показал, что *новое общество может создаваться только самими людьми снизу; сверху, бюрократически его построить нельзя*. Создание именно новых общественных отношений (а не только новых городов и заводов) самими людьми снизу, я вслед за учеными марксистами называю совместным или *ассоциированным социальным творчеством*. Для этого ассоциированного, совместного сотворения новых общественных отношений и форм необходимы *опыт коллективной, организованной борьбы трудящихся и высокий уровень культуры*.

Поэтому, говоря об абсолютном минимуме возможности движения к новому обществу, недостаточности предпосылок позитивного созидания социализма, я говорю не только об отсутствии достаточного уровня цивилизации и количестве индустриального пролетариата, но и о низком потенциале социального творчества. В результате объективно возникла ловушка, когда необходимость нового общества существовала и была очень мощной, а возможность созидания свободного коммунистического общества снизу была абсолютно минимальной, если существовала вообще.

Тем не менее, революционный взрыв 1917 года и последующие революции в Венгрии и Германии, освободительные движения на Востоке породили такую мощную, идущую снизу *социальную энергию*, что на этой энергии, на инерции этого социального взрыва мы довольно долго развивались по социалистической траектории.

Парадоксом этой мощной социальной энергии было то, что полуграмотные люди, не имевшие опыта жизни в рамках гражданского общества, создавали сами снизу Советы, органы рабочего контроля и коммуны, новые формы общественной организации армии, общественные инициативы в области культуры и спорта и т.д. Революция сломала барьеры и перегородки, сдерживающие человеческие таланты, и обнаружилось, что среди солдат и крестьян, среди рабочих и рядовой интеллигенции нашлось невообразимое количество талантов, которые способны были конкурировать, соперничать с величайшими умами и профессионалами человечества.

Еще раз подчеркну: для действительного массового творчества снизу предпосылок было не достаточно, и с самого начала это социальное творчество, создание нового общества снизу шло *параллельно с развитием бюрократической государственно-партийной системы, которая потом стала номенклатурой.*

В результате в нашей стране пришлось решать два блока задач. Первый — тот, о котором говорится постоянно, — это ускоренное развитие промышленности, обновление сельского хозяйства, создание нового типа технологий, электрификация, налаживание централизованного планирования и национализация. Такова одна сторона дела. И в рамках этой задачи можно и должно было использовать не только новые, но и современные для того времени буржуазные формы, начиная от крупных корпораций и финансов, и заканчивая мелким бизнесом, розничной торговлей в качестве поддержки (своего рода костылей) для государственного сектора.

Но был и второй блок проблем, который отмечают гораздо реже. Если в первом случае вопрос «Кто кого?» стоял в плоскости борьбы: государственный сектор или буржуазный, то во втором случае тот же вопрос «Кто кого?» стоял уже в другой плоскости. Вторая область борьбы была сферой столкновения социального творчества, созидания нового общества снизу самими трудящимися, с одной стороны, и развивающейся государственно-бюрократической партийной надстройкой (этой будущей номенклатуры), оперирующей на конформизм и мешанство масс — с другой стороны. И если в первом случае *общественный сектор (превратившийся в государственно-бюрократический) победил буржуазный*, то во втором случае *номенклатура, государственно-бюрократическая власть в конечном итоге победила социальное творчество трудящихся*.

Но эта победа оказалась пирровой и не была окончательной: номенклатура подобна раковой опухоли на теле социального творчества народа, и если рак убивает организм, то он погибает и сам — на трупе рак паразитировать не может.

Вот почему в СССР в результате неснятости противоречий «ловушки XX века» возникла система с мощным внутренним потенциалом вырождения и саморазрушения.

Это были, прежде всего, противоречия между сохраняющейся инерцией социального творчества, с одной стороны, и ростом все более мощной и самодостаточной государственно-партийной номенклатуры — с другой стороны.

Наиболее мощно это столкновение проявило себя в период сталинизма, когда в стране был максимален и энтузиазм (это субъективное бытие социального творчества Трудящихся), и тоталитарное угнетение. Так возникла общественная система, которую я назвал «мутантным социализмом».

МУТАНТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Под последним автором понимается тупиковый в историческом смысле слова тип общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от царства необходимости (в частности, капитализма) к царству свободы (коммунизму); это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму. Повидимому, эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователю, пишущему работу о социализме в начале XXI века, трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является не чем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и мо-

жет видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения царства свободы, равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому обществу, автор постарался показать в ряде предшествующих работ¹ (рождение постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда). *То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества* (повторим: они выделяются на основе анализа объективных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма) не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса (производительных сил, человека как Личности), и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как *мутантный социализм*.

Следовательно, мы можем заключить, что *в странах Мировой социалистической системы был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма* (элементы пострыночной координации, в частности успешного планирования экономики, ассоциированного присвоения общественного богатства, социального равенства, новой мотивации труда, контроля трудящихся) *развивались в мутантном, уродливом от рождения виде.*

Во-вторых, обращение к термину «мутации» неслучайно. Автор в данном случае пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т.п.), и неоклассики. Катего-

¹ См.: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. Под ред. А. Бузгалина и А. Колганова, М.: Слово, 2001.

рия «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе — новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков — «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям (в том числе — существенно отклоняющимся от пути трансформации царства необходимости в царство свободы). Особенности «среды» — уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка — привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) — далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав (победа в Великой отечественной войне — самый могучий тому пример) и т.п. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса научно-технической революции, информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века¹.

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узок набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспособляться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате именно *в этих, более благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях* (напомним, это был период развертывания НТР, обострение глобальных проблем и т.п., бросавший, все больший вызов со стороны «общечелове-

¹ Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 50-е — 60-е годы не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием Мировой социалистической системы.

ских», т.е. собственно, коммунистических ценностей и норм) *мутантный социализм развиваться не смог*. Он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида — тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к царству свободы, либо кризис. Первое оказалось невозможно в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью (ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом).

Итак, мутантный социализм — это тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от царства необходимости (в частности, капитализма) к царству свободы (коммунизму); это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая строя, служащего основанием для последующего движения к коммунизму. В то же время эта система впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировала ростки ассоциированного социального творчества («живого творчества народа») и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма (теория социализма и советская культура как идеальные прообразы будущего были именно так восприняты практически, в реальном образе жизни большинством населения).

Подчеркнем: сказанное — не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталиных, порожденных той эпохой, и не менее — их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка «прорыва» к коммунизму поро-

дила такое общество. Те несколько шансов из ста, которые были даны нам для того, чтобы не скатиться в русло сталинщины в 20-е, для того, чтобы не свалиться в кризис ельцинщины в 90-е, мы — граждане СССР и других стран Мировой социалистической системы — реализовать не смогли.

Закрывать глаза на то, что такая мутация произошла, не извлечь уроков из трагедии прошлого так же преступно, как предать забвению героическую борьбу наших отцов, дедов и прадедов за социализм.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций социализма — тайна нашего прошлого. Задача настоящего — трезвый научный анализ этих противоречий. Мы должны не закрывать глаза на ошибки и преступления прошлого, а понять их суть и причины, отделить великие героические достижения создателей социализма (от «простых» строителей Магнитки до таких титанов, как Ленин или Маяковский), очистить эти зерна от плевел тоталитаризма.

СТАЛИНЩИНА

В наиболее явной форме мутации социализма проявили себя, как я уже отметил, в период сталинской диктатуры, породив феномен, который неслучайно был назван «сталинщиной», дискредитировавшей и опозорившей реальные ростки социализма, подвиг наших дедов и отцов, создавших новое общество.

Феномен «сталинщина» порожден, прежде всего, объективными противоречиями мутантного социализма. Сама по себе личность И.В.Джугашвили оказалась, конечно же, неслучайно востребована этими мутациями, подобно тому как не случайно ростки социального освобождения в нашей стране востребовали великих людей «ленинской гвардии» (кстати, опять же неслучайно в большинстве своем репрессированных стали-

нистами), но дело все же не в личности, которая сама по себе (если абстрагироваться от внешней атрибутики величия «вождя народов») малоинтересна. (Кстати, замечу в скобках, что ориентация на псевдоним, сращенный с образом вождя, а не на реальную фамилию реального человека тоже символична; точно так же символично и превращение В.И.Ульянова в этот период из реального гениально-противоречивого человека в мумию-символ.)

Противоречие коммунистического созидания, энтузиазма советских людей и сталинщины стало явным, легко наблюдаемым проявлением более глубинного конфликта социального творчества трудящихся и его бюрократических превращенных форм. Именно в этом противоречии (включающем не только антагонизм, но и единство сторон) — ключ к пониманию нашего прошлого. Более того, как я уже заметил, эти мутантные формы возникли отнюдь не случайно и не случайно (вспомним о «ловушке XX века») были сращены с ростками коммунизма так, что друг без друга эти противоположности в реальной жизни, как правило, и не проявлялись. Вплоть до кажущегося ныне чувишно-неправдоподобным парадокса гибели расстреливаемых сталинистами коммунистов с именем «вождя» на устах. Но этот парадокс и есть правда реальной жизни СССР, когда сталинщина была сращена с коммунизмом и строители нового общества вне этой формы, как правило (не забудем и об исключениях — героях коммунистической борьбы со сталинизмом в СССР и за рубежом), не мыслили себе социализм.

Тем более это было верно для большинства трудящихся, недавно вышедших из деревни и поднявшихся к новой жизни без опыта самостоятельного освоения культуры, самоорганизации, личностной свободы и критического самосознания, но при этом (вот они, парадоксы «ловушки»!) объективно ставших созидателями ростков качественно нового общества. Это соци-

альное творчество масс, объективно в большинстве своем неспособных к социальному творчеству, не могло не породить превращенных (т.е. не просто извращающих, но и «убивающих» свое действительное содержание) форм полурелигиозного сведения своей самодеятельности к реализации внешней объективной воли (некоей абсолютно непогрешимой, являющейся «умом, честью и совестью» эпохи партии), каковая неизбежно должна была оказаться сращена с личностью-символом.

Эта в основе своей объективная (хотя и не единственно возможная — в других очерках книги я укажу на наличие альтернатив) тенденция, однако, была доведена до предельно реакционных форм субъективным фактором — теми, кто оказался во главе этой номенклатурной системы. Они (и прежде всего, «вождь», сращенный с репрессивным аппаратом НКВД, — Джугашвили и его ближайшие сторонники Ежов, Ягода, Берия и т.п., периодически расправлявшиеся друг с другом, а потом, как сейчас все чаще говорят, расправившиеся и с вождем) стали, по сути дела, исполнительным механизмом номенклатурно-бюрократической власти.

Однако это была не более чем верхушка айсберга под названием «сталинщина».

Его скрытой в толще обыденной жизни и обыденного сознания основой был конформистско-мещанин (и прежде всего, из среды служащих и интеллигенции, в том числе «элитной», иные из лидеров которой особенно услужливо возвеличивали вождей и активнейшим образом доносили на своих коллег-соперников по цеху).

Реальным исполнителем воли «сталинщины» был даже не следователь НКВД или солдат ГУЛага, а «рядовой» бюрократ, формировавший в силу своего социального интереса систему номенклатурно-бюрократической власти. И чем более бюрократической (т.е. ото-

рванной от народа, неподконтрольной народу, стоящей над ним, замкнутой в рамках особой привилегированной касты) становилась эта экономическая и политическая власть, чем более, иными словами, мутировали ростки советского народовластия, тем больше простора для произвола и репрессий получали сталины и берии. В этой пронизывавшей все поры нашей жизни — от парткома до политбюро и ГУЛага — системе отчужденной от граждан власти, а не в личности Джугашвили или кого-то из его приспешников и кроется ключ к пониманию феномена «сталинщина».

А теперь вновь подчеркну: «сталинщина» была одной из сторон реальной мучительной и великой диалектики нашей жизни.

Была и другая сторона, и у нее были свои символы, ставшие действительным воплощением величия нашей страны. Они были везде — в производстве, науке (Вавилов и Келдыш, Циолковский и Королев...), искусстве (Шостакович и Эйзенштейн, Маяковский и Шолохов...), политике (Бухарин и Троцкий, Киров и Дзержинский...), армии (Тухачевский и Жуков...). Кто-то из них был приближен к власти, кто-то был ею репрессирован, но правда СССР — это единство этих противоречий. Это сосуществование в одной элите Жукова и Берии, Вавилова и Лысенко... Точно так же нашей правдой было сосуществование мещан-доносчиков, стремивших к расширению жилплощади в коммуналке, и «рядовых» героев Великой Отечественной; миллионов зачинателей новых трудовых инициатив и «элитных» предателей типа Власова...

И опять парадоксы — парадоксы эпохи, где «сталинщина» стала именем для всех — тех, кто строил социализм вопреки ей (причем иногда бессознательно, не понимая этого «вопреки» так же, как его не понимали герои-партизаны войны 1812 года, защищавшие Родину с именем «царя-батюшки» на устах, того, что завтра этот же царь и его прихвостни будут их пороть), и

тех, кто паразитируя на их энтузиазме и подвигах уничтожали их же творческий порыв и самые жизни..

Но главное для нас сейчас — не эта публицистическая заостренность проблемы, а содержательный анализ (который в этом очерке по неволе будет очень кратким) противоречий между ростками царства свободы и их мутациями в нашем прошлом, анализ противоречия между строительством нового общества и «сталинщиной».

Рассмотрим подробнее эти ростки социализма и их мутации.

Содержательно социально-экономическая система «мутантного социализма», сложившегося в наших странах (пока оставим в стороне категориальное определение этого строя) может быть описана, опираясь на разработки политической экономии социализма (при условии «выворачивания на лицо» апологетических характеристик) и советологии. В этом случае мы смогли выделить систему противоречивых черт, соединяющих мутации и живые ростки посткапиталистического общества¹.

В том, что касается *отношений координации* (аллокации ресурсов, формы связи производства и потребления, поддержания пропорциональности) такой мутацией было господство бюрократического централизованного планирования (позволяющего эффективно перераспределять ресурсы, обеспечивающего высокие темпы роста тяжелой промышленности и ВПК, но неадекватного для достижения конкурентоспособности на мировом рынке потребительских товаров и ответа на «вызовы» второй и третьей волн технологической революции). Этот механизм был внутренне ограничен явлениями «плановой сделки», «псевдоадминистратив-

---

¹ Основные из предлагаемых ниже тезисов были сформулированы авторами в 1981—85 годах; сильным импульсом для этого стало знакомство с работами зарубежных авторов, особенно Я. Корнаи.

ных цен», разьедался ведомственностью, местничеством, коррупцией и функционировал в условиях более или менее формального рынка (напомним, что в условиях «рыночного социализма» — например, в Венгрии 1970-х — большинство цен централизованно не определялось, самостоятельность предприятий была весьма высока). В то же время в разные периоды в разных странах МСС развивались ростки низового учета и контроля, самоуправления, встречного планирования, эффективных договорных отношений и другие ростки «чистых» форм пострыночной координации.

В области *отношений собственности* господствовали государственная и кооперативная форма (хотя были и исключения — доминирование частной собственности в сельском хозяйстве Польши, например). Содержанием их было корпоративно-бюрократическое отчуждение работника от средств производства и государственно-капиталистическая эксплуатация — на одном полюсе, социальные гарантии (занятости, жилища, среднего уровня потребления, медицинского обслуживания и образования) и стабильность — на другом.

В сфере *распределительных отношений*, социальных гарантий, ценностей и мотивации труда положение также было противоречивым: на одном полюсе — уравниловка, бюрократические привилегии, подавление инновационного потенциала; на другом — ростки ассоциированного социального творчества — социальная стабильность и защищенность, реальный энтузиазм, коллективизм.

Отношения воспроизводства этой системы можно описать как «экономику дефицита», акцентируя при этом не только значимость ресурсных (а не спросовых) ограничений, но и наличие застойных глубинных диспропорций, слабую мотивацию НТП, наличие «безработицы на работе». В то же время эти отношения воспроизводства позволяли обеспечить радикальные структурные сдвиги при сохранении стабильности системы

в целом («уверенность в завтрашнем дне»), а в отдельные периоды (20-е, 50—60-е годы) — высочайшие достижения в области науки, искусства, образования.

В сфере *социально-классовых отношений* эти мутации были не менее, если не более, значимы. Ростки социально-классового равенства, ставшие действительной тенденцией развития в СССР, в течение всего периода «реального социализма» мутировали в направлении чрезвычайно специфической системы социального расслоения и отчуждения. Взяв за образец сталинскую систему, мы должны будем выделить слой социально-бесправных лиц (репрессированные, депортированные и т.п.); полукрепостное крестьянство (население деревень не имело паспортов и не имело права покинуть место работы, находясь в отношениях личной зависимости), служащие по найму у государственно-бюрократической системы рабочие и интеллигенция, обособленный от народа и кастово-замкнутый слой номенклатуры — таковы были мутации «нерушимого союза рабочего класса и крестьянства», ростки которого (такова реальная диалектика нашего прошлого!) тоже были реальностью.

В *политической* сфере чрезвычайно жестким было противоречие реальных ростков низового народовластия (в рамках различных органов самоуправления, низовых Советов, различных общественных организаций, народного контроля, даже некоторых форм партийных инициатив), с одной стороны, и нарастающего с 20-х годов тоталитарного подавления реальной демократии и свободы личности со стороны реально узурпировавшей все основные каналы не только экономической, но и политической власти номенклатуры, использовавшей массовые репрессии для осуществления своего господства.

Наконец, в *духовно-идеологической* сфере Советская система так же была пронизана глубочайшими противоречиями идеологического подавления всякого сво-

бодомыслия (вплоть до использования репрессивных методов) официальной системой норм, вырабатываемых специальным аппаратом, сращенным с верхушкой приближенной к номенклатуре интеллигенции — с одной стороны, реальным развитием доступной массам подлинной культуры и социалистической мысли — с другой.

УРОКИ РАСПАДА СССР

Сталинская модель несколько раз предпринимала попытки самореформирования, причем всякий раз бюрократически, сверху, под эгидой номенклатуры и в рамках, ею предписанных. Впервые Хрущев попытался реформировать эту систему и несколько смягчить власть номенклатуры. При всей ограниченности этих реформ они неслучайно ознаменовали период «оттепели» — период всплеска романтизма, науки, образования, искусства. Это был период, сформировавший целое поколение «шестидесятников», но это все-таки была частичная реформа сверху и именно в силу этого она очень быстро выдохлась.

Реформы Косыгина и Брежнева в Советском Союзе, рыночные реформы в Венгрии, Польше и в других странах Восточной Европы попытались восполнить угасание социального творчества, энтузиазма развитием рынка, потребительства, ориентацией на вещные потребности. В результате возникла еще более парадоксальная ситуация, когда люди стремились к максимальному вещному потреблению в условиях дефицита потребительских благ. Советский народ, творец истории, очень быстро превращался в мещанина, потребителя, которому к тому же не давали максимизировать свой частный доход и использовать плоды своего труда для роста количества вещей (приобретения модных шмоток, машины, дачи, дома и т.д.).

В политико-идеологической сфере номенклатура окончательно превратилась в особый бюрократический слой, воспроизводимый внутри самого себя как замкнутая социальная структура. Внутреннее противоречие номенклатуры, которое стало важным дополнительным политическим фактором распада СССР, состояло в том, что бюрократия возникает как паразит на теле социального творчества трудящихся. И потому она является действительно жизнеспособной, активной силой до тех пор, пока она питается живыми соками, идущими снизу. Но это возможно только тогда, когда номенклатура хотя бы частично контролируется снизу и когда она обновляется снизу. В этой хотя бы частичной подпитке реальными живыми соками тайна жизненности бюрократической надстройки.

С другой стороны, номенклатура как обособленная общественная сила стремится к максимизации своей власти, максимизации дохода и к преодолению ограничений, идущих снизу, стремится быть самодостаточной, не ограниченной. Когда эта вторая сторона побеждает и номенклатура окончательно отрывается от низов, у нее возникает совершенно закономерный интерес обменять свою власть, свои бюрократические привилегии на собственность и капитал, преодолев формальные границы коммунистической идеологии, необходимость считаться с народом и так далее.

Здесь действует своего рода закон: *в той мере, в какой (1) истощается потенциал ассоциированного социального творчества трудящихся и (2) номенклатура (в частности, властвующая партийно-государственная бюрократия) отрывается от народа, становится ему неподконтрольной, превращается в самодостаточную и привилегированную властную элиту, в этой мере граждане превращаются в мещан, объективно заинтересованных в рыночно-буржуазной реставрации, а у номенклатуры побеждает интерес к обмену бюрократической власти на капитал; номенклатура предает социалистические*

идеалы, а мещанское большинство поддерживает это предательство или, по меньшей мере, не препятствует ему.

Таким образом, в нашей стране сложилась и развилась (почти до предела) система мутантного социализма. Этот строй, напомним, был по-своему адекватен для эпохи ускоренной индустриализации и жестких военных конфронтаций, он давал некоторые положительные результаты в эпоху индустриализации и военного противостояния двух систем.

Однако в условиях, когда возникла необходимость перехода к информационному обществу, эта модель оказалась не адекватной, не жизнеспособной как минимум по следующим двум причинам.

Во-первых, новое общество постиндустриальной эпохи может и должно возникнуть как система не просто использующая в массовых масштабах творческую (а не репродуктивную) деятельность, но и обеспечивающее максимальный простор и возможности для самореализации творческого человека.

Во-вторых, это общество, которое предполагает свободу и открытость не только деятельности, но и доступа к информации, культурным ценностям, различным сферам деятельности, т.е. не только негативную (основанную на реализации общедемократических норм), но позитивную свободу (свободу ассоциированного социального творчества). Ни первого, ни второго сталинщина дать не могла и не сможет уже никогда.

Современность — это эпоха, в которой надо побеждать не путем закрытости и формального государственного противостояния, а путем открытого диалога, побеждать в информационной войне и не закрываться от другой системы. Мы же, граждане СССР 80-х, получив открытый доступ к информации о другом образе жизни, не смогли не принять его, ибо к тому времени уже превратились в мещан, которым не хватало «всего лишь»

нестесненных возможностей вешного потребления. Впрочем, это всего лишь один из аспектов проблемы.

Суммируя, я бы сказал, что *основной причиной распада СССР стало истощение, угасание ассоциированного социального творчества трудящихся*, т.е. той силы, которая составляет главную особенность нового общества по сравнению со всей эпохой отчуждения, а не просто с капитализмом и которая, собственно, и вызвала к жизни новый строй в нашем Отечестве. Когда это творчество истощилось, граждане превратились в мещан, которым нужен рынок и капитализм, а номенклатура превратилась в обособленную силу, которая была заинтересована в превращении в буржуазию, советская система рухнула. (Именно поэтому, замечу в скобках, большая часть граждан Советского Союза, по сути дела, поддержала Ельцина в момент переворота. Другое дело, что в результате мы получили гораздо худшую систему, и в одной из своих статей я написал, что мы получили мутантный, уродливый капитализм как продукт полураспада мутантного социализма.)

Завершая, я бы все-таки подчеркнул, что главными достижениями нашей страны, на мой взгляд, стали не столько государственная собственность или даже социальные гарантии, сколько бесценный опыт действительного создания нового мира самими трудящимися в массовом масштабе, снизу. Именно благодаря этому мы построили качественно новую общественную систему, создали новую страну. Именно благодаря этому мы победили в Великой Отечественной войне. Именно благодаря этому мы создали одну из величайших культур. Именно это вызвало огромный отклик во всем мире: от антиколониальной борьбы в Африке до Китайской революции, которая была совершена в бедной крестьянской стране.

И в этой связи я бы сформулировал главный урок распада СССР. В свое время Ленин сказал, что социализм нельзя построить исключительно на голом энту-

зназме, нужен и материальный интерес. Возникновение, развитие и распад СССР показали, что социализм нельзя построить исключительно на сочетании материального интереса мещанина и власти государственно-партийной номенклатуры.

Сущностью, жизненной силой социализма как эпохи движения к новому обществу является энтузиазм или социальное творчество самих людей, антагонистом которого и была «сталинщина» — губитель ростков социализма в СССР, главная «сила зла», ответственная за гибель нашей страны.

ПОЧЕМУ ПОГИБ СТАЛИНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ?

(Версия 2)

К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКОГО ТИПА

ПОСТАВИМ ВОПРОС ПРАВИЛЬНО

Возникновение и гибель Советской державы продолжают, и, вероятно, еще долго будут продолжать волновать умы — причем не только умы наших соотечественников. Почему возник СССР, и, просуществовав 70 лет, ушел в прошлое? Что это было — утраченный «рай» социализма или тоталитарный кошмар? Что привело к распаду этого несомненно могучего государства, не без оснований претендовавшего на статус одной из двух сверхдержав?

Я не буду всерьез рассматривать ответы политиков, находящиеся на уровне мышления младшей группы детского сада, вроде утверждений: «СССР развалил Горбачев», или «иностранные спецслужбы и агенты влияния», или «Борис Ельцин», или «демократическая оппозиция». Конечно, все перечисленные выше внесли тот или иной вклад в свершившееся. Но чтобы они

уничтожили Советский Союз и советскую систему в целом? Историческое деяние такого масштаба не по силам одному человеку, или даже мощной организации, или государству, и даже союзу государств.

Потому что СССР был не просто страной. Это было историческое явление, возникновение и гибель которого определили лицо XX века. И уничтожить его могли лишь исторические процессы такого же масштаба¹.

Поэтому гораздо ближе к здравому смыслу позиция тех, кто говорит: «во всемирно-историческом противоборстве двух мировых систем социализм проиграл, а капитализм выиграл». Но и это утверждение еще очень далеко от исторической правды. Потому что сам советский «социализм»², если следовать одной из гипотез, был порождением естественно-исторической эволюции капиталистической системы, говоря на диалектическом жаргоне — «свое иное» капитализма. Ну что же, «иное» погибло, а «свое» выжило?

Это — недиалектический ответ на диалектически поставленный вопрос. Надо понять, что же погибло и что сохранилось от «иного» (социализма), что выжило, а что не выжило в «своем» (капитализме). Капитализм и социализм — не застывшая дихотомия. И то, и другое в течение 70 лет находилось в процессе развития, движения, взаимного влияния, и — не стоит исключать и такой вариант — качественного перехода.

Однако можем ли мы с полным правом называть советское общество «социалистическим»? Было ли реальностью провозглашенное Сталиным в 1936 году «построение социализма в основном»?

¹ В связи с этим сделаю необходимую оговорку: я не буду здесь рассматривать ту совокупность многообразных внутренних и международных условий, своеобразное сочетание которых привело к распаду СССР именно на рубеже 80-х — 90-х годов XX века.

² Я заключаю здесь слово социализм в кавычки, потому что сам тезис о социалистическом характере советского общества вызывает обоснованные сомнения.

Ответ на этот вопрос и даже сама его постановка до сих пор даже в научной литературе порождают преобладание эмоциональных оценок над объективным научным анализом. Во многом этот накал эмоций связан с оценкой исторической фигуры Сталина. Для одних Сталин — зловещий тиран и убийца, концентрированное воплощение чело­веконенавистнической марксистско-ленинской идеологии. Для других с именем Сталина неразрывно связано величие Советской державы и весь тот немалый и несомненный социальный и экономический прогресс, который был достигнут за годы ее существования. Третьи связывают все достоинства Сталина с его отходом от ортодоксального марксизма, а все недостатки — с тем, что он из этого марксизма вырос.

Хотя в среде левого движения уже заметна тенденция к выработке объективной оценки не только советского феномена, но роли Сталина в революционном процессе XX века, однако и в этих объективных оценках чувствуется давление желаний то демонизировать, то героизировать Сталина, а иногда того и другого вместе, причем в самых парадоксальных сочетаниях.

Мне казалось бы своевременным предпринять попытку очищенного от эмоциональных порывов объективного исследования роли сталинской модели «социализма» в советской истории, хотя я сознаю, что такая попытка встретит жесткое неприятие как со стороны ее хулителей, так и со стороны почитателей.

Чтобы разобраться с этой моделью (как и с феноменом Сталина), надо прежде всего разобраться с тем, какие именно социально-исторические процессы вывели советское общество на авансцену XX века и превратили в явление всемирно-исторического масштаба. Конечно, это сделала Октябрьская революция 1917 года. Но чем была она сама?

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Прежде всего — вопреки господствующему мнению — эта революция во многом была революцией буржуазной. Между прочим, этот факт вполне осознавался всеми лидерами большевиков. Даже Ленин в Апрельских тезисах предостерегал против «введения социализма», не считая это задачей революции¹. А по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач, которые действительно должна была решить Октябрьская революция — аграрная реформа в пользу крестьянства, широкомасштабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры — речь может идти только о буржуазной революции.

Другое дело, что это была весьма своеобразная буржуазная революция.

Задачи разрешения противоречий капиталистического развития на путях догоняющей модернизации (что тогда означало индустриализацию) стали решаться без буржуазии, получившими политическую власть ее классовыми противниками, а потому и неизбежно во многом небуржуазными методами.

Почему проблема догоняющей индустриальной модернизации во многих странах решалась вполне в рамках капиталистической системы (хотя и со значительными отклонениями от базовой, либеральной модели развитого капитализма), а в России и ряде других стран

¹ «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. (С.Р.Д. — Советы рабочих депутатов. — А. К.) за общественным производством и распределением продуктов». (Ленин В.И. Собр. соч., 5-е изд. Т. 31. С. 116).

модернизационный проект был сопряжен с попыткой выйти за пределы капиталистического строя? Потому что в этих странах *буржуазия оказалась несостоятельной* в решении данной задачи и вынуждена была уступить классовое господство.

Итак, Октябрьская революция, будучи по содержанию разрешаемых ею социально-экономических противоречий в первую очередь **революцией буржуазной** (буржуазно-демократической), с точки зрения «коренного вопроса всякой революции» — вопроса о власти — **оказалась революцией пролетарской**. А с точки зрения основных социальных сил, принимавших участие в революции, она была революцией **рабоче-крестьянской** (именно так и определил ее Ленин 25 октября 1917-го в своей речи на заседании Петроградского Совета), то есть строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (добуржуазных) мелких производителей (крестьян).

Поэтому ее итогом было формирование крайне необычного «буржуазного общества без буржуазии».

А вот формирование целостного социалистического общества в начале XX века было, с моей точки зрения, невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. И эта позиция уже противоречит общепринятому тогда среди большевиков представлению.

ЧТО ТАКОЕ «СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»?

Экономические основы советского строя: мозаика переходных отношений

Возникавшие в ходе революции действительные социалистические элементы производственных отношений (и социально-экономических отношений вообще, и надстройки) представляли собой лишь неорганиче-

ские обломки возможного социализма, то есть «проекта» выращивания объективно возможного общества как продукта развития и кризиса позднего капитализма. Когда я говорю «неорганические обломки», я имею в виду нецельные и самостоятельно нежизнеспособные социально-экономические элементы, не подкрепленные ни соответствующим уровнем производительных сил, ни адекватной политической формой, а потому внешнеэкономически сращенные с несоциалистическими формами. Из подобного сращивания и получилось то, что можно назвать деформированными переходными отношениями (или «мутациями») — бюрократическая планомерность, экономика дефицита, уравниловка, административный патернализм. Вот это и был «реальный социализм».

Его можно было бы охарактеризовать как социально-экономическую систему, переходную между капитализмом и социализмом (не «от... к...», а именно «между»), не имевшую почти никаких шансов успешно завершить процесс перехода, а сам этот переход мог начаться лишь в виду огромной силы первоначального социально-политического революционного импульса. Ведь социально-экономические предпосылки и элементы капитализма в этой системе были сильнее, чем предпосылки социализма (в экономическом отношении мы даже в преддверии социализма не находимся, как-то честно отметил Ленин). Более того, строя мостик в это «преддверие социализма» (то есть в капитализм, а далее и в государственно-монополистический капитализм, ибо никакого иного «преддверия» у социализма нет), советская система сама в своем развитии неизбежно укрепляла и разворачивала материальные предпосылки капитализма в гораздо более широких масштабах, нежели предпосылки социализма.

Таким образом, моя позиция расходится с позицией тех, кто определяет экономические основы советского строя только в рамках дихотомии «государственный

капитализм — не государственный капитализм». Категорически отвергаю я и позицию тех, кто считает возможным употреблять слово социализм для характеристики советского общества — будь то социализм казарменный или мутантный¹, деформированный или переродившийся... За такого рода терминами я готов признать лишь статус образных выражений. Я признаю наличие в советском обществе элементов социализма, но не признаю само это общество социалистическим. Поэтому я готов признать правомерность применения упомянутых выше терминов *лишь к тем элементам социализма, которые наличествовали в советской системе, но не к самой этой системе в целом.*

Диалектика экономических основ советского строя заключалась в том, что это была пестрая смесь добуржуазных, раннебуржуазных, зрелых капиталистических (в том числе и государственно-капиталистических) экономических отношений, сквозь которые пытались прорасти отдельные ростки социализма. Социалистические производственные отношения развивались при недостаточных для них материальных предпосылках, но в силу революционного изменения структуры экономического строя, в силу факта насильственного вторжения в производственные отношения и отношения собственности, они пытались распространиться на все общественное производство. В результате не только социалистические производственные отношения оказывались деформированы, но были подвержены деформации и все несоциалистические элементы, которым в острой борьбе навязывалась социалистическая оболочка. Таким образом, все экономические элементы данного переходного общества но-

---

¹ Концепция «мутантного социализма» развивается в работах А.В. Бузгалина (См., например: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

силы несформировавшийся, нецелостный, фрагментарный характер¹.

Так, например, в национализированном (государственном) секторе можно уже в 20-е годы видеть смесь отношений государственно-капиталистических (коммерческий расчет, форма найма, сдельная зарплата), социалистических (различные формы участия работников в управлении, использование доходов предприятий и государства на социальное развитие работников, выходящее за рамки оплаты цены их рабочей силы) и даже добуржуазных (подсобные хозяйства предприятий и их работников). И ни одно из этих отношений не охватывает этот сектор во всей его целостности и не образует самостоятельной подсистемы экономических отношений. Эти частичные отношения переплетаются друг с другом, «врастают» друг в друга, образуя своеобразные (в силу деформированности складывающихся их отношений) переходные экономические формы.

В том, что касается ростков социализма, их фрагментарность и деформированность определялась не только отсутствием для них адекватного материального базиса внутри России, но и невозможностью придать строительству социализма международный характер. Буржуазные (и добуржуазные) отношения также были деформированы как в силу своеобразного «поглощения» их формальными социалистическими отношениями, так и в силу своеобразных социально-классовых и политических условий развития

¹ Я настаиваю на том, что это была не многоукладная переходная система, а конгломерат фрагментарных экономических форм. Укладов как более или менее целостных секторов со своими специфическими системами отношений, *покающихся на разных способах производства*, уже с начала 30-х годов в советской системе вообще не существовало. Но даже в 20-е годы не было отдельных «социалистического» и «государственно-капиталистического» уклада, а существовавший госсектор не мог быть прямо подведен ни под одно из этих определений.

советского строя. Эти же условия определили возможность существования той пестрой, мозаичной, фрагментарной системы отношений, которую я обрисовал выше.

Если все это обстояло так, то *откуда же взялся ожесточенный конфликт двух мировых систем и убежденность обеих враждующих сторон в их несхожести и непримиримости? Почему СССР именовался социалистической страной?* Неужели все это было лишь обманчивой внешней формой, чистой иллюзией?

Нет. Можно смело утверждать, что социально-экономическая форма производства, свойственная социализму (социалистические производственные отношения), с одной стороны, не соответствовала уровню производительных сил СССР, и поскольку ее существо подрывалось, выхолащивалось (особенно при попытке сделать эти отношения всеобъемлющими), сами отношения уродовались, деформировались. Однако, с другой стороны, это насильственное, неадекватное материальным условиям производства развитие социалистических отношений вширь *придавливало свободное разворачивание буржуазных отношений, не давало им сложиться в адекватных формах и приобрести господствующий характер.* Такое положение, разумеется, не могло сохраняться вечно (и, в конце концов, зависимость производственных отношений от уровня и характера производительных сил проявила себя с непреодолимой силой). Но поскольку такое положение сохранялось, СССР не мог стать буржуазным государством, а его строй не мог сложиться как строй государственного капитализма. С точки же зрения социально-политической и вовсе не было никаких оснований считать СССР буржуазным государством (хотя и пролетарский его характер также сомнителен).

Социалистическая форма играла активную роль по отношению к буржуазному содержанию. И, как я уже

сказал, во многом эта роль поддерживалась своеобразной классовой и политической природой советского государства.

***Социально классовые основы советского строя:
«буржуазное общество без буржуазии»***

Речь в данном случае идет не об известных словах Ленина из «Государства и революции» о буржуазном праве и охраняющем его буржуазном государстве без буржуазии. Речь не идет о неизбежных элементах преемственности между буржуазным и социалистическим обществом. Речь идет о глубоко противоречивом сочетании буржуазных и небуржуазных (антибуржуазных) элементов в советском строе. Своеобразие ситуации состояло в том, что наличие элементов буржуазных отношений в силу их нецелостного характера не обеспечивало существования адекватных им классов и социальных групп. Более того, к середине 30-х годов эти социальные группы практически полностью исчезли.

Советский опыт был исторически не случайной попыткой формирования альтернативной капитализму системы и в своеобразной форме выражал необходимость разрешения назревших противоречий развития мирового капитализма (особенно периферийного), причем уже не в чисто буржуазных формах. Возможность появления таких небуржуазных форм (хотя и в ограниченных пределах, не дающих им развернуться в целостную систему) уже была создана развитием мирового капитализма и его противоречий в начале XX века и его отсталого варианта в России: с одной стороны, сверхэксплуатация рабочих, колониальные захваты, мировая война за передел рынков и территорий и т.д.; с другой — рост обобществления производства, доходящий до образования международных монополий, рост боевитости,

организованности и классового самосознания рабочего класса.

Буржуазия в значительной мере утратила социальный потенциал разрешения этих противоречий не в разрушительных, губельных для нее самой формах, что в особенно гротескной форме проявилось как раз в России. Поэтому импульс разрешения данных противоречий исходил от международного рабочего и социалистического движения (которое само есть одно из следствий развития капитализма).

В большинстве стран этот импульс лишь заставил буржуазию искать формы социального компромисса с пролетариатом. И только в Российской империи в силу исторически случайного (с точки зрения всемирно-исторического процесса) сочетания обстоятельств капиталистическая буржуазия полностью утратила социальную инициативу, потеряла политическую власть и вообще была изжита как социальный слой (мелкая буржуазия была сначала поставлена в неравноправное политическое положение, а затем были ликвидированы условия ее воспроизводства как таковой).

Если бы речь шла о социалистической революции, опирающейся не то чтобы на адекватные, а хотя бы на более или менее зрелые социально-экономические предпосылки (хотя бы на развитый индустриальный капитализм), то ведущую роль в процессе преобразования общественного строя заняли бы пролетарские и (если будет позволено употребить такой неологизм) постпролетарские слои. Однако для российского пролетариата (хотя бы в силу его малочисленности, не говоря об уровне его социальной зрелости) такая задача оказалась не по плечу. И в условиях недостаточной силы основных противоборствующих классов на первый план исторической сцены неизбежно выдвинулась бюрократия.

Руководители большевиков догадывались об опасности такого поворота событий и довольно близко по-

дошли к осознанию его причин. В.И. Ленин, например, в ходе дискуссии о профсоюзах прямо говорил, что рабочий класс в России не способен самостоятельно осуществлять своего классового господства, не решаясь, однако, сделать вывод о том, что в подобных условиях классовое господство неизбежно ускользнет из рук пролетариата. Еще ближе к пониманию этой проблемы Ленин подошел в одном из писем, где сформулировал мысль о том, что пролетарский характер большевистской партии определяется не ее классовым составом, а идеологией ее тонкой руководящей прослойки и что любой конфликт в среде этого тонкого слоя способен привести к поражению революции.

Вообще проблема бюрократического перерождения Советской власти сделалась на короткий период конца гражданской войны и начала НЭПа навязчивой идеей многих большевистских лидеров. Об этом писали и Ленин, и Бухарин, и Троцкий. Но чем ближе к безраздельной власти приближалась сталинская фракция в партии, тем менее популярной становилась эта тема, сведясь, в конце концов, к редким дежурным заклинаниям о борьбе с бюрократизмом, каковой дозволялось толковать исключительно как неисполнительность государственных служащих.

Хотя для социалистических отношений по существу не было достаточных предпосылок, классовая база революции сделала возможным появление форм социалистических отношений (не имевших под собой адекватного содержания). Появление форм этих отношений означало и наличие некоторых усеченных элементов формального освобождения труда, которые проявляли себя в советской действительности (сначала прямые, а затем совещательные формы участия в управлении, сохранение контроля профсоюзов над условиями и режимом труда и отдыха рабочих, настойчивые попытки поиска более самостоятельных форм организации труда). Ростки социального творчества работников посто-

янно пытались пробиться через асфальтовую корку бюрократического господства, особенно тогда, когда бюрократия маневрировала, идя на частичные уступки и компромиссы.

В дальнейшем развитии революции происходило — в острой социально-политической борьбе — постепенное исчезновение либо, в большинстве случаев, вырождение этих форм. Однако многие из них оставались официально признаваемыми общественными атрибутами (роль профсоюзов в контроле над условиями труда и отдыха, «социалистическое соревнование», социальные льготы рабочему классу и др.) и, более того, вытесняли собой все остальные социально-экономические формы. Вот почему социально-экономическое развитие 20-х — 30-х годов могло идеологически оформляться как строительство социализма.

Если первоначально большевики, сознавая ограниченность предпосылок социализма в России, ставили возможность победы социалистической революции в зависимости от революции в передовых странах Запада, то затем, под влиянием собственных политических и идеологических лозунгов, вследствие обострения классового конфликта с буржуазией и под давлением необходимости выстроить некоторый работоспособный экономический механизм, способный функционировать в условиях экспроприации буржуазии, социалистические задачи были поставлены в повестку дня. После первоначальной эйфории от создания действующей экономической системы в ходе гражданской войны думающим теоретикам вскоре стало ясно, что система «военного коммунизма» не может рассматриваться не только как прообраз экономического строя социализма, но и как система, жизнеспособная за рамками чрезвычайных обстоятельств. Однако (по причинам, о которых будет сказано ниже) задачи скорейшего «введения социализма» вскоре вновь были поставлены в повестку дня. Хотя выстроить целостный социализм

не удалось (да это было и невозможно), но существенные некапиталистические и прямо социалистические элементы советского строя все же возникли.

И в самом деле, в СССР все же была создана *альтернативная существовавшей капиталистической системе социально-экономическая структура*.

Выше я говорил о том, что социалистические элементы были представлены в ней в нецелостном, усеченном, деформированном виде, что точно так же дело обстояло и с объективно рождавшимися на почве индустриального (а отчасти и доиндустриального) производства капиталистическими элементами. Они тоже были нецелостными, усеченными, деформированными и причудливо переплетались с социалистическими элементами.

В этих условиях само существование такой «мозаичной» системы, состоявшей из смешанных, разнородных (гетерогенных), да к тому же еще и деформированных элементов, как и вектор ее развития, *определялись силой политической и идеологической надстройки*. А эта надстройка была представлена пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (главным образом «служащими» из рядов городской мелкой буржуазии), и в политическом отношении, во всяком случае, антикапиталистическими элементами. Существенную роль играло также формирование *антибуржуазной культурной традиции*. Существенную потому, что *эта культурная тенденция играла важнейшую компенсаторную роль, восполняла недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма*¹.

Исключительная роль политической надстройки в условиях, когда классовой опорой государства было меньшинство населения, да к тому же в социально-

¹ Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показано в работах Л.А. Булавки (См.: Булавка Л.А. Феномен Советской культуры. М., 2008).

культурном отношении не готовое к самоорганизации в формах, адекватных социалистическим общественным отношениям, породила неизбежную и глубокую бюрократизацию политического строя. *Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений.*

Здесь, пожалуй, в наибольшей мере проявилось столкновение теоретических оснований социалистического проекта и реальных возможностей его осуществления. Первые попытки построить отношения в промышленности на основе рабочего контроля и самоуправления быстро столкнулись с тенденцией к государственной централизации управления. В условиях гражданской войны и острейшего дефицита хозяйственных ресурсов (потеря основных источников металла, угля, нефти, хлопка и т.д.) тенденция к централизации неизбежно возобладала. Кроме того, ей противостояла недостаточно мощная альтернатива в виде социальной самодеятельности рабочего класса, которая оказалась не способна обеспечить функционирование экономики на основе принципа «свободной ассоциации». Эта тенденция была весьма заметной, но явно недостаточно сильной и эффективной в своих усилиях, ибо под ней не было достаточной социальной базы и социальных традиций.

Из сочетания буржуазных специалистов и «красных директоров» в верхних эшелонах управления, тонкой прослойки квалифицированных рабочих, подвергшихся сильнейшей люмпенизации под влиянием войны, — в нижних, не могло получиться социалистического самоуправления трудящихся. Происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна.

Вопреки своей программе большевики все дальше и дальше двигались по пути отстранения рабочих и их организаций от управления производством. Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам

превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и более эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слоем.

Однако какова была природа этой бюрократии? Была ли она, как и любая бюрократия, лишь обслуживающим интересам господствующего класса слоем, пусть и приобретшим некую относительную самостоятельность?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Национализация основных средств производства и сосредоточение руководства экономикой в руках государства создали ситуацию, подобную той, которая сложилась в азиатском способе производства: советская бюрократия совпала (сначала только в тенденции) с господствующим классом. *Такая ситуация не возникла бы в условиях социалистической революции, если бы государство сразу стало превращаться в негосударство в собственном смысле слова (то есть система управления обществом формировалась бы не как отдельная от остального общества структура, а была бы продуктом общественной самодеятельности граждан, результатом их социального творчества).*

Необходимой предпосылкой для этого было бы завоевание условий, при которых государственный аппарат формировался бы рабочим классом и функционировал при его прямом участии и контроле. Однако в ходе экономической и политической борьбы 1917—1922 годов выявилось поражение рабочего класса в схватке с бюрократией за рычаги экономической и политической власти. Бюрократия, хотя и пойдя на компромиссы и уступив, в порядке этого компромисса, некоторые второстепенные рычаги влияния рабочему классу, получила реальную возможность претендовать на политическую монополию и монополию экономического управления.

Таким образом, советская бюрократия сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства. Политическим лидером, наиболее последовательно выразившим эти стремления новой советской бюрократии, и оказался И.В. Сталин.

*«Строительство социализма в отдельно взятой стране»
или капиталистическая индустриализация?*

Первоначальный импульс революционного творчества масс 1917—1918 года создал политическую структуру, отличавшуюся некоторым фактическим уровнем участия трудящихся масс в экономическом (рабочий контроль, фабзавкомы, профсоюзы) и политическом (Советы, множество общественных организаций) управлении. Формальные же возможности, предоставлявшиеся Советским строем, были еще более широки. Велик был уровень демократии и внутри правящей партии.

Однако очень скоро (не столько в ходе гражданской войны, сколько после нее) начались как фактические, так и формальные изъятия из советской, как и из партийной, демократии. К началу 30-х годов усилиями сталинской фракции от демократии революционного периода не осталось уже почти ничего, кроме некоторых формальных атрибутов и институтов со старыми названиями (впрочем, и им была суждена недолгая жизнь).

Была ли неизбежной такая эволюция («перерождение») советского строя? Была ли неизбежной победа Сталина? Мог ли закончиться иначе конфликт между сталинцами и «левой оппозицией»?.. Все эти вопросы уже давно дебатуются историками, политологами и

советологами. История, конечно, не знает сослагательного наклонения. Однако всегда исторические события подвергаются анализу с точки зрения того, в какой мере они были закономерны, а в какой — случайны.

Победа Сталина и стоявшей за его спиной партийной и советской бюрократии была не случайна. На дилемму, принявшую вид спора о строительстве социализма в одной стране — *и построить нельзя, и не строить тоже нельзя*, — он нашел прагматический ответ.

Поскольку для Сталина на первом месте стояли задачи захвата и удержания личной власти, а затем и укрепления величия (в его собственном, конечно, понимании) той державы, в которой он эту власть захватил, постольку вопрос о реальной социально-экономической природе советского строя был для него второстепенным. Над ним не тяготела необходимость воплощать в жизнь какие бы то ни было теоретические постулаты или идейные принципы. В этом смысле Сталин не был доктринером, и это была его сильная сторона в борьбе с соперниками, у которых доктринерство оказалось существенной частью их мировоззрения.

В то же время идеологическое оформление своей власти не было для него вопросом второстепенным. Он понимал или, во всяком случае догадывался, что легитимность власти правящей бюрократии, а вместе с нею — и его самого, освящается революцией, совершенной под социалистическими лозунгами. Поэтому позиция Троцкого, убедительно доказывавшего, что вне мировой революции перспектив победы социализма в СССР нет, Сталина категорически не устраивала. Только демонстрация победоносного движения к социализму могла обеспечить ему статус признанного народного вождя.

Вопрос о формировании подлинно социалистических общественных отношений никогда не волновал Сталина сам по себе. Какая разница, что строить —

лишь бы это строительство укрепляло его власть и мощь державы, которой он руководил. Но при этом надо *непрерывно уверять, что строишь именно социализм*, а затем — заявить об успешном завершении его строительства. Можно решать задачи догоняющей индустриализации *любыми*, сколь угодно варварскими методами, разумеется, доступными в тех своеобразных условиях, когда рабочий класс составляет одну из важнейших социальных опор власти, *но обязательно уверять, что это и есть движение к социализму*.

Таким образом, поскольку чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна, а социалистическая самодеятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию, отвергалась бюрократическим прагматизмом, Сталин сделал единственно возможный для него выбор — индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов за счет всех основных социальных слоев советского общества. Таким образом, Сталин нашел ответ на вопрос, как осуществить широкомасштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии.

Противники Сталина и слева, и справа не имели такого прагматического ответа. Программа Бухарина — программа движения к социализму через широкое развитие государственного капитализма — тут же оборачивалась риском капиталистической реставрации в условиях неизбежного роста буржуазных социальных слоев. Кроме того, она существенно ограничивала возможности дополнительной мобилизации хозяйствен-

ных ресурсов как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса.

Программа Троцкого — ограничивать рост буржуазных слоев, а основную ставку сделать на форсированное развитие социалистического сектора на основе развития инициативы и самодеятельности пролетариата (увлекающего за собой и крестьянство) — была теоретически очень выверенной, но практически не реалистичной. Не было в России (да и не могло быть) столько и такого рабочего класса, который смог бы поднять задачу, возложенную на него идеологами «левой оппозиции». Некоторые из их лидеров начали догадываться об этом обстоятельстве. В одном из писем Христиана Раковского можно найти довольно глубокий анализ состояния советского рабочего класса, объясняющий его неспособность противостоять сталинской бюрократии. Однако эти обстоятельства еще не воспринимались как объективные препятствия для самостоятельного исполнения рабочим классом ведущей роли в социалистическом преобразовании общества по линии не только политического, но и экономического господства.

Но Сталин победил не только политико-идеологически. Сталин победил и социально-политически. Его программа опиралась на компромисс наиболее влиятельных социальных сил, одинаково заинтересованных и в индустриализации, и в недопущении буржуазной реставрации. Это был компромисс рабочего класса с бюрократией при ведущей роли последней.

Сталинская власть была во многом схожа с бонапартистским режимом, как власть, смиряющая разрушительное противоборство различных социально-классовых сил, создающая принудительный компромисс между ними, а потому и приобретающая относительную самостоятельность (благодаря опоре на пассивные социальные слои, опасющиеся развертывания социально-классового конфликта). Отражая интересы в

первую очередь бюрократии, Сталин не был ее послушной марионеткой, выражая своей фигурой необходимость для бюрократии искать для себя более широкой социальной опоры в лице рабочего класса (что выразилось в создании и постепенном наращивании системы социальных гарантий), а иногда и натравливая рабочий класс на бюрократию, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования и не нести прямой политической ответственности перед выдвинувшим его к власти социальным слоем. Оба этих слоя (и рабочие, и бюрократия) были объединены также своим неприятием любой возможности социального выдвижения буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Линия Бухарина требовала компромисса с мелкобуржуазными, а отчасти и с буржуазными элементами. А такой компромисс был весьма неустойчив и непрочен, ибо буржуазная его сторона была заведомо против любых игр в «строительство социализма», да и просто против форсированной индустриализации на спине крестьянства.

Линия Троцкого требовала опоры на рабочий класс против бюрократии. Но эта позиция была нереалистичной в условиях, когда рабочие были явно не в состоянии своими собственными силами обеспечивать свое классовое господство, будучи не только меньшинством в обществе, но вдобавок еще и необразованным, малокультурным в своей основной массе меньшинством, подвергшимся, кроме того, значительной люмпенизации и деклассированию в ходе гражданской войны. Противостоящая же рабочим бюрократия концентрировала в своих рядах наиболее энергичные и организованные (а нередко и высокообразованные) элементы различных социальных групп.

Для тех, кто видит во власти Сталина государственно-капиталистическую диктатуру, расхождение линии Сталина и линии Бухарина должно быть совершенно необъяснимым (разве что с точки зрения политическо-

го соперничества). Однако советская бюрократия сталинского образца отнюдь не была чистым выражением господства государственного капитализма (смотри выше мою позицию об экономических основах советского строя). В классовом же отношении это вообще не была буржуазная или капиталистическая бюрократия.

Советская бюрократия и политически, и по составу была тесно связана со своим союзником (рабочим классом), но все же преимущественно ее составляли выходцы из низших и средних слоев старых служилых сословий, выдвинувшиеся на высшие должности в ходе революции. Главной социально-экономической детерминантой ее позиции стало в таких условиях не столько ее происхождение, сколько ее положение как центрального звена экономического и политического управления. В этом ее положении присутствовала и буржуазная (государственно-капиталистическая) составляющая — но только как элемент (и даже осколок) в ряду других. Свою эксплуататорскую функцию эта бюрократия осуществляла преимущественно не капиталистическими методами¹. И в любом случае она была кровно заинтересована воспрепятствовать реставрации частнохозяйственного капитализма.

Противоречия нэпа и сталинская концепция их разрешения

Не следует думать, что обрисованные выше контуры сталинского подхода к социалистическому строительству в СССР были сколько-нибудь внятно сформули-

---

¹ Этот тезис нередко оспаривается со ссылками на форму найма, на товарно-денежные отношения, якобы свидетельствующие о капиталистической природе эксплуатации в СССР. Хочу оставить этот спор за скобками данной статьи и замечу лишь, что никому еще не удалось доказать, что бюрократия эксплуатировала трудящихся СССР ради извлечения прибавочной стоимости.

рованной Сталиным (хотя бы для себя самого) теоретической концепцией. В своем отношении к перспективам социализма Сталин действовал чисто эмпирически, реагируя на насущные хозяйственные и политические проблемы по мере их возникновения.

Пока нэп обеспечивал быстрое восстановление народного хозяйства СССР, Сталин был горячим поклонником и защитником бухаринской линии, и вместе с ним активно выступал против Троцкого, требовавшего форсировать рост социалистических элементов в экономической системе Советской России. Когда же Сталин столкнулся с объективными противоречиями нэповской эволюции, что нагляднее всего выразилось в трудностях с хлебозаготовками, он первоначально не ставил вопрос об изменении всей экономической стратегии, а реагировал непосредственно на возникшие затруднения. В основе этих затруднений лежало желание крестьянства получать именно тот товарный эквивалент продаваемому зерну, который нужен ему, а не мириться с заниженными хлебными ценами и завышенными ценами на товары крестьянского спроса ради роста тяжелой промышленности.

Итак, чтобы получить крестьянский хлеб, надо было или менять структуру промышленного роста в пользу наращивания производства предметов потребления, сельхозинвентаря и сельхозмашин, отказываясь от форсирования тяжелой промышленности, либо обеспечить откачку этого хлеба не через обычную куплю-продажу или товарообмен. Сталин первоначально испробовал известный по гражданской войне метод — чрезвычайные меры при хлебозаготовках, принуждение крестьян продавать необходимое количество хлеба по фиксированным государством ценам. Однако ответ крестьян на применение таких методов также был известен по гражданской войне — страна встала перед призраком крестьянской «хлебной стачки».

Встав перед фактом неэффективности чрезвычай-

ных мер, Сталин в 1928—1929 гг. без колебаний пошел на плагиат у левой оппозиции, сделав ставку на социалистическое преобразование деревни, т.е. на кооперирование крестьянства. Однако уже в 1929 г. ему стало ясно, что этот подход не даст немедленных результатов, ибо, чтобы вовлечь крестьян в производственные кооперативы (артели) путем хозяйственного примера, нужно обеспечить приток в деревню машинной техники в таких размерах, которые в ближайшие годы были не под силу советской промышленности, обеспечить массовую подготовку кадров, способных управлять крупным механизированным сельскохозяйственным производством и т.д. Именно поэтому произошел переход к политике принудительной форсированной коллективизации, а сами крестьянские кооперативы были превращены в полугосударственные механизмы, обеспечивающие не только принудительное изъятие, но принудительное производство сельхозпродуктов.

Достаточно ясно, что этот переход несколько не зависел от социалистических лозунгов, которыми он прикрывался. Ведь одновременно со сталинской коллективизацией уничтожались те социализированные формы экономических отношений в деревне (и не только в деревне), которые были продуктом усилий по ее социалистическому преобразованию в предшествующее десятилетие. Были ликвидированы коммунуны, ТОЗы, все сбыто-снабженческие, кредитные (ссудно-сберегательные), машинопрокатные и иные крестьянские кооперативы, а кадры крестьянской кооперации подведены под раскулачивание. В городах была ликвидирована система потребительской и жилищно-арендной кооперации.

Хозяйственный нажим осуществлялся не только на крестьянство, но и на рабочих. Инфляционное финансирование индустриализации привело к падению реального жизненного уровня рабочего класса. Однако та часть крестьянства, которая переходила в ряды ра-

бочих, выигрывала как в уровне потребления, так и в социальном статусе.

Одним из сильных возражений против концепций, отрицающих социалистический характер советского общества, является указание на тот существенный социальный прогресс, который был достигнут в ходе его развития, — прогресс, выходящий за рамки того, что было возможно и допустимо в буржуазном обществе.

Однако если трезво вычленим именно те составляющие социального прогресса, которые выходят за рамки буржуазно-допустимого, то окажется, что СССР добился многого — и все же не настолько, чтобы заслужить звание социалистического общества.

Бесплатное школьное образование? Это мера вполне буржуазно-демократическая. Бесплатное высшее образование за государственный счет? Да, пока ни в одной буржуазной стране эта мера не была распространена на всех студентов. Бесплатное здравоохранение? То же самое — оно есть, но в ограниченных масштабах. Отсутствие безработицы? Вот здесь отличие коренное. Ни одна буржуазная страна до сих пор была не в состоянии подчинить процесс накопления капитала в национальных масштабах задаче обеспечения полной занятости.

Другая сторона вопроса заключается в том, что весь экономический и социальный прогресс советского общества предстал перед нами в социалистической оболочке. Безжалостное снижение потребления широких масс ради индустриализации и варварская экспроприация крестьянства для этих же целей — «социализм». Новые отрасли промышленности — «социализм». Снижение уровня неграмотности — «социализм». Начало роста потребления во второй половине 30-х годов — «социализм».

Таким образом, действительно социалистические меры и действительно социалистические формы раз-

10 мифов об СССР

вития оказались соединены с чисто буржуазным прогрессом и окрасили его в собственные «красные» тона.

Тем не менее, я отказываю советскому строю в праве называться также и государственным капитализмом, хотя и признаю наличие элементов госкапитализма в советском строе.

Был ли это государственный капитализм в виде контроля и ограничения частного предпринимательства пролетарским государством? Да, в той мере и постольку, поскольку на начальном этапе своего развития последнее отчасти сохраняло пролетарский характер, а частно-капиталистические элементы не были полностью экспропрированы.

Был ли это государственный капитализм, основанный на экспроприации частных капиталистов и замене их государственными чиновниками? Да, в той части, в какой государственные предприятия были организованы на капиталистических принципах (конкуренция, коммерческий расчет, найм, сдельщина...). Однако уже в 30-е годы мы имеем не частнопредпринимательскую экономику, управляемую государственными чиновниками, а национальный капитал, организованный на принципах единого общественного хозяйства.

Конечно, можно найти в экономической системе СССР многие атрибуты товарного хозяйства, и некоторые из них даже не были формальными. Можно назвать эту систему вырожденной формой рынка. Но с таким же успехом можно и товарное хозяйство представить как вырожденную форму планомерной организации всего общественного производства.

Экономический расчет в СССР, как и распределение труда между отраслями производства, во всяком случае, не были подчинены критерию прибыльности, а сама прибыльность не была следствием слепой игры стихийных сил рынка.

Схватка за власть

Победа сталинской линии не была простым следствием объективно более прагматического решения проблемы перспектив развития СССР. Это решение было чревато серьезными идейными, политическими и социальными конфликтами. Ведь программы его противников, также не были ошибочными от начала до конца и содержали в себе рациональные элементы, от которых Сталин по большей части отказался.

Если программа Бухарина не могла быть надежной основой для строительства социализма, то содержащееся в ней стремление к поддержанию баланса экономических интересов между пролетариатом и крестьянством, и в связи с этим — выбор экономически сбалансированных темпов индустриализации, были вполне рациональными. Если программа Троцкого переоценивала готовность тогдашнего капитализма даже в наиболее развитых странах к социалистической революции, то делавшийся в ней упор на инициативу и самостоятельность рабочего класса и необходимую для этого политическую демократию, хотя и не мог привести страну к подлинному социализму, все же мог послужить важным фактором большей устойчивости и гибкости советского строя, его способности к дальнейшей прогрессивной эволюции. По своему объективному смыслу именно эта программа могла заложить основы для дальнейшей эволюции советского строя в сторону действительного социализма (по мере накопления необходимых социально-экономических и социально-культурных предпосылок и изменения международных условий).

Однако Сталин, выражая в первую очередь интересы бюрократии, не мог принимать таких установок. Более того, по своим личным качествам он был достойным представителем того социального слоя, инте-

рессы которого выражал. Неглупый и начитанный, обладавший прекрасной памятью, способный быстро учиться и вникать в довольно сложные практические вопросы, он умел также быстро реагировать на изменявшиеся обстоятельства общественной жизни и был мастером политической интриги, обладал упорством в достижении цели, умел располагать к себе людей. В то же время Сталин отличался маниакальной подозрительностью и злопамятностью, был склонен к упрощенчеству в области теории и практически полностью неспособен к овладению наиболее отвлеченными теоретическими дисциплинами. Теория никогда не была для него руководством к действию, а служила лишь идеологическому оформлению принимаемых политических решений. Однако некоторые постулаты марксизма (нередко в своеобразной интерпретации) Сталин воспринимал как полезные и действенные принципы, необходимые для руководства государством и массами, а потому и превращавшиеся для него в обязательные догмы.

Разумеется, такой подход сталкивал Сталина с представителями как правой, так и левой оппозиции, обладавшими значительным авторитетом в партии, а потенциально — и с большинством представителей старой партийной гвардии, которые могли расценить действия Сталина как предательство идеалов революции (что во многом соответствовало действительности).

Поэтому все 20-е годы были для Сталина временем ожесточенной схватки за власть, окончательная победа в которой была достигнута лишь в середине 30-х гг. Для этого Сталину потребовалось физическое истребление как реальной, так и потенциальной оппозиции в ходе развязывания кампании всеобщей политической подозрительности. Масштаб репрессий определялся не только задачами борьбы за власть, но и личными каче-

ствами Сталина, болезненно опасавшегося любой потенциальной возможности инакомыслия. Поэтому он не смог обойтись без организации разнузданной политической истерии по поиску «врагов народа», унесшей заодно мимоходом и жизни множества верных приверженцев Сталина. Эта истерия была приостановлена Сталиным только тогда, когда она стала угрожать полным развалом всей системе партийно-государственного управления.

Гораздо сложнее было справиться с социальным недовольством сначала крестьянства, а затем и пролетариата, уязвленных наступлением на их интересы в ходе индустриализации. Если рабочие хоть как-то могли мириться с временным падением жизненного уровня, поскольку индустриализация действительно открывала перед ними дополнительные перспективы (что касается и кадровых рабочих, и, в особенности, хлынувшего в 30-е годы потока выходцев из деревни), то гораздо сложнее передовой части рабочего класса было смириться с выхолащиванием их статуса господствующего класса, с глушением или бюрократической формализацией любой инициативы, с отстранением от решения любых производственных вопросов. Короткий всплеск в начале 30-х гг. инициатив рабочего класса, связанных с надеждами, порожденными ускоренной индустриализацией, был либо задавлен (встречное планирование, бригадная организация труда), либо формализован бюрократией (как это произошло с социалистическим соревнованием и стахановским движением).

В совокупности эти проблемы предопределили выбор бюрократией и ее лидером — Сталиным — антидемократической, тяготеющей к тоталитаризму модели общественно-политического устройства СССР.

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сталин составил более устойчивую социальную комбинацию — и победил. Однако его победа означала в перспективе и неизбежную гибель той системы, творцом которой он стал. Отказ от претворения в жизнь наиболее прогрессивных черт социалистической модели соответствовал личным наклонностям Сталина и интересам выдвинувшей его бюрократии, хотя и был в достаточной мере вынужденным объективными обстоятельствами. И в то же время именно отказ хотя бы от попыток постепенного наращивания предпосылок для развития самоуправленческой, социально-творческой составляющей социалистического проекта сделал сталинскую систему окостеневшей, неспособной к значительным социальным маневрам и приспособительной эволюции.

Это произошло именно потому, что бюрократия играла ведущую роль в советской системе. «Строительство социализма», предполагавшее передачу средств производства в общественную собственность, а как первый шаг — национализацию основных из них — сконцентрировало колоссальную экономическую и политическую власть в руках бюрократии. Поскольку рабочий класс не смог (отчасти по объективным причинам, отчасти из-за активного противодействия бюрократии) самостоятельно овладеть управлением производством и контролем над государственным аппаратом, функции управления монополизировала бюрократия.

Не демократическая, лишенная сколько-нибудь существенных элементов общественной самостоятельности трудящихся, не создававшая достаточно социально-экономических возможностей для превращения в перспективе труда в творческую деятельность, эта жесткая система в то же время хорошо соответствовала решению задач догоняющей индустриализации. Она

обеспечивала возможность высокой концентрации и широкомасштабного перераспределения экономических ресурсов. То же самое касается и осуществления масштабных научно-технических и социальных проектов.

Социальный компромисс бюрократии с рабочим классом, предоставлявший последнему значительные социальные гарантии, обеспечивал заинтересованность рабочих в решении задач индустриализации и, будучи подкреплен активным использованием социалистических лозунгов и атрибутов, в определенный период времени даже порождал феномен массового энтузиазма в ходе «социалистического строительства». Со стороны бюрократии этот компромисс подкреплялся также активным, а подчас и самоотверженным участием партийных и хозяйственных руководителей в решении задач экономического развития страны. Однако столь же самоотверженное участие бюрократии в реализации, очевидно, ошибочных установок сталинской политики (головотяпское проведение коллективизации, обернувшееся колоссальными хозяйственными потерями; экономически бессмысленная, не давшая никаких позитивных результатов попытка форсирования темпов промышленного роста в первой пятилетке) показывало реальный статус этого слоя, как оторванных от масс и стоящих над массами чиновников.

И вот, с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

Общая для рабочего класса и бюрократии позиция защиты от буржуазной реставрации потеряла непосредственную актуальность и сохранилась лишь в функции защиты от внешней угрозы (которой было придано гипертрофированное значение). Сам рабочий

10 мифов об СССР

класс из относительно привилегированного меньшинства с завершением индустриализации превратился в большинство населения (в 1940 году официальная статистика оценивала численность рабочего класса в 23,9 млн чел., или 38% занятых, а в 1960 году — уже 55,1%), и бюрократия уже не могла поддерживать для него прежний высокий социальный статус. Бюрократия, укрепив свое господство и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

В результате *социальный компромисс, на котором держалось советское общество, стал размываться с двух сторон*. С одной стороны, наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали все большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса, начиная приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого социального слоя. С другой стороны, бюрократия стала не только претендовать на полную монополию на властно-хозяйственные функции, но и все возрастающая часть ее стремилась превратить каждого своего члена из условного распорядителя общественного богатства, ограниченного в своих функциях всей остальной бюрократической иерархией, в полноправного собственника.

Этапы социальной эволюции советского общества можно резюмировать следующим образом:

1. 1917 — конец 20-х. На этом этапе происходит переход от попыток рабочего класса непосредственно овладеть государственной машиной к постепенной уступке функций управления бюрократии, которая пока еще сохраняет тесную социальную и политическую (например, через выдвигенчество) связь с рабочим классом. Однако от политического контроля со стороны рабочего класса бюрократия к концу данного периода полностью эмансипируется, сохраняя за рабочими лишь неко-

торые социально-политические привилегии. Государство приобретает бонапартистский характер.

2. 30-е — середина 60-х годов. Период компромисса между рабочим классом и бюрократией. Сдвиг социальной опоры бюрократии в сторону «нового» рабочего класса, формирующегося в ходе индустриализации, обеспечивает укрепление социальной базы советского бонапартизма. Бюрократия продолжает поддержку социальных гарантий рабочему классу, создает условия для роста его численности и квалификационного уровня, оставляет некоторые каналы социальной мобильности (через массовое высшее образование), что не мешает ей прибегать и к жестким административным мерам против своего союзника (ограничения свободной мобильности рабочих, репрессии, запрет стачек и свободных профсоюзов). Поддерживается полная занятость. Политически этому соответствует переход от бонапартизма к превращению бюрократии в господствующее сословие.

3. Середина 60-х — конец 80-х годов. Размывание компромисса бюрократии и рабочего класса. Превращение бюрократии в замкнутую касту. Оформляется стремление бюрократии превратиться из господствующего сословия в класс. Отмирание рудиментов социальной ответственности верхушки бюрократии перед работниками. Расширение масштабов бюрократических привилегий, выхолащивание всеобщих социальных гарантий, торможение роста благосостояния. Конфликт бюрократии и технической интеллигенции.

ОТ КАПИТАЛИЗМА К ПОСТКАПИТАЛИЗМУ

Однако даже такая, усеченная, внутренне неоднородная, деформированная альтернатива мировой капиталистической системе оказала на развитие последней колоссальное влияние. *Одна лишь демонстрация*

возможности существования жизнеспособной альтернативы, создающей социальные преимущества для класса наемных работников, заставляла капитализм меняться. Тем более что эта осязаемая альтернатива подкреплялась давлением классовой борьбы внутри капиталистических стран.

Если символом альтернативы мировой капиталистической системе был СССР, то ее персонифицированным выражением стал Сталин. Именно этим объясняется его огромный авторитет в левом движении всего мира, даже среди социал-демократии, не питавшей симпатий ни к большевизму вообще, ни к репрессивным методам сталинской власти в особенности.

Буржуазия стала продвигаться все дальше и дальше по пути компромисса с пролетариатом. Впрочем, была испробована в широких масштабах и попытка бескомпромиссного решения — через фашизм. Но она оказалась чревата для буржуазии серьезным риском и дополнительными проблемами (такими, как уничтожение не только десятков миллионов «рядовых граждан», но значительной части собственной элиты, радикальное расширение мировой социалистической системы, угроза победы левых в ряде развитых капиталистических стран и др.).

Итак, буржуазное общество — в наиболее развитых странах, где противоречия капитализма более всего вызрели, — стало эволюционировать, принимая и интегрируя в свою социально-экономическую структуру некоторые уже не вполне буржуазные элементы («ростки социализма»). В этом смысле для капитализма XX века стали характерны все нарастающие переходные процессы и формирование переходных производственных отношений, однако при сохранении господствующей роли капиталистического способа производства. Сюда можно отнести распространение целого ряда ограничений эксплуатации (сужение границ рабочего дня, установление режима отпусков, минимальной оп-

латы, системы норм, регулирующих условия труда, права на коллективный договор и т.п.) и установление системы социальных гарантий, частично оплачиваемых из прибавочного продукта (пенсии, социальные пособия, в том числе по безработице, финансируемые из бюджета сектора в здравоохранении и образовании и т.д.). Кроме того, продолжали развиваться и ограничения действия рыночного механизма, связанные с разнообразными формами государственного и общественного (например, со стороны профсоюзов, организаций потребителей и т.д.) регулирования экономики.

Именно эти переходные формы (возникновение которых вполне закономерно для зрелого способа производства), как и лежащая в их основе борьба рабочих за более достойные условия существования, и обеспечили странам наиболее развитого капитализма постепенное нарастание элементов постиндустриального производства, а вместе с этим — и преимущество в соревновании с СССР.

КОНЕЦ СОВЕТСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Непосредственной причиной экономических трудностей, с которыми столкнулся советский эксперимент, было несоответствие системы экономических отношений, довольно эффективно решавших задачи догоняющей (по существу капиталистической) индустриализации, к развитию на позднеиндустриальном этапе (когда задачи индустриализации уже решены), а тем более — к переходу на постиндустриальный этап.

Воспроизводственно-технологический аспект этого кризиса хорошо описан А. Белоусовым и А. Клепачем в серии статей в журнале «Альтернативы» («Кризис индустриальной модели советского типа» // Альтернативы, 1995, № 1 и 1996, № 1). Не менее важным представляется мне и мотивационный аспект. Советская

система пыталась создать механизм хозяйственной мотивации, альтернативный вещно-денежному. Однако эта попытка совершалась в условиях, когда потенциал вещно-денежной мотивации был далеко еще не исчерпан, а вещно-денежные потребности не насыщены. Кроме того, сама гипербюрократизация ставила мощные препоны на пути действия мотивации, опирающейся на принцип свободной реализации творческих способностей человека. В этих условиях вещно-денежная мотивация оказалась для большинства населения желанной, но не достигнутой целью.

Однако ведь и капитализм начала XX века не был приспособлен для решения задач позднейиндустриального, а затем и постиндустриального этапа. Проблема заключалась в том, что капиталистический строй содержал в себе достаточный потенциал для эволюционного приспособления к условиям позднейиндустриального и появляющегося постиндустриального производства. Во многом это диктовалось принудительной необходимостью, исходившей от «соревнования двух систем».

Советская же система оказалась для этого чересчур окостеневшей. Ее заложенная при Сталине гипербюрократизация, бывшая неотъемлемым звеном системы, определявшим ее лицо, оказалась и основным тормозом для ее эволюции. Кроме того, устойчивость системы была подорвана размыванием классового компромисса, лежавшего в ее основе.

Кратковременный всплеск научно-технического творчества, опиравшийся на заметный рост реального потребления и качества жизни во второй половине 50-х — начале 60-х годов, обеспечил высокий темп экономического развития и пробудил надежды, оказавшиеся необоснованными. Этот последний период быстрого экономического и социального прогресса пришелся на краткий момент поверхностной «десталинизации». Однако речь на деле шла лишь о ликвидации

репрессивных крайностей сталинского режима. Попытки же призвать к изменению экономического и политического устройства советского общества в духе идеалов Октябрьской революции были успешно отторгнуты системой, возглавлявшейся сталинскими выдвиженцами, глубоко проникнутыми духом сталинизма (Хрущев, Брежнев, Суслов). Не произошло даже возврата к мягкому варианту бюрократической системы 20-х гг.

Когда в ходе «перестройки» была поставлена задача перехода к «социализму с человеческим лицом», то оказалось, что необходимое для этого устранение системы бюрократического централизма разрушает всю модель «реального социализма», поскольку в ее недрах не было почти никаких широко развитых социальных механизмов, способных заместить господствующую бюрократию (были лишь деформированные и рудиментарные вкрапления элементов общественной самодеятельности).

Приход капиталистической системы оказался неизбежным, поскольку она была единственной альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил и к тому же занимающей господствующие позиции в мировом хозяйстве. Она также создавала прочную иллюзию соответствия стремлению большинства насытить свои вещно-денежные потребности. Кроме того, всем была очевидной неспособность тех фракций бюрократии, которые цеплялись за сохранение старых порядков, к сколько-нибудь конструктивной работе. Интересы же трудящихся не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее.

Что касается такой проблемы, как **международные условия гибели советской системы**, то наиболее кратко эти условия можно определить как образование исторического разрыва между попыткой социалистических

10 мифов об СССР

преобразований в СССР и вызреванием объективных предпосылок для такой попытки во всемирном масштабе. Дело здесь не столько в самом факте изоляции СССР и «мировой системы социализма», а в том, что эта изоляция была предопределена объективными тенденциями всемирно-исторического процесса. В таких условиях борьба мировой капиталистической системы против вызова со стороны альтернативной системы имела все шансы на успех. Внутренние противоречия советского «социализма», корни которых лежали в объективной невозможности складывания новой, более прогрессивной, чем капитализм, социально-экономической системы социализма без достаточных материальных и экономических предпосылок, да еще и в национально-ограниченных рамках, позволили капиталистической системе сыграть на этих противоречиях и ускорить гибель Советской державы. Хотя материальные предпосылки социализма в СССР к тому времени были несравненно более зрелыми, чем в 20-е или 30-е гг., были утрачены социально-политические предпосылки социализма. Советский «реальный социализм» до самых последних дней своего существования так и не нашел выхода за рамки погубившей его сталинской модели.

ОТ «СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА» К «СТРОИТЕЛЬСТВУ КАПИТАЛИЗМА»?

Следует заметить, что ни одна из существующих национальных моделей «социалистического строительства» так и не вышла за рамки того бюрократического прототипа, который сложился в СССР. Хотя югославскую или кубинскую модель при этом нельзя в полном смысле слова назвать сталинистскими, но при всем их своеобразии они все же остались в пределах «бюрократического социализма». Ни одна из этих моделей не

устояла перед натиском буржуазных социально-экономических отношений. Однако следует обратить внимание на своеобразие того ответа, который дали на этот натиск некоторые из национальных моделей.

Кубинская модель, хотя и открыла широкую дорогу развитию буржуазных (главным образом в формах государственного капитализма) и переходных социально-экономических отношений, сохранила очень многое от первоначального социалистического импульса, причем не только в политико-идеологической сфере. Остается лишь удивляться, как стране со столь слабой экономикой удастся столь долго удерживать значительные элементы социалистического эгалитаризма в экономике, социальной сфере и в политике.

Китайская модель, хотя и не устояла перед лицом победы капиталистического мира, ответила на эту победу не торжеством «дикого капитализма», а управляемым переходом на государственно-капиталистические рельсы.

Что же касается России, то в ней происходит формирование крайне неустойчивой, неосновательной модели капитализма. Для того чтобы не только указать на видимые, бросающиеся в глаза приметы такой неустойчивости, но и понять их фундаментальные основания, следует совершить небольшой экскурс в теорию.

Переход от одного способа производства к другому в социальном отношении никогда не представлял собой прямое превращение основных классов одного способа производства в основные классы другого. Римские колонны и «рабы с хижинами» не превратились сразу же в средневековых крепостных: между римским колонном и средневековым крепостным стоял свободный крестьянин, которого еще только предстояло закрепить. Средневековые крепостные не превращались непосредственно в наемных работников — между ними стоит фигура независимого мелкого товаропроизводителя (в деревне ли, в городе ли), лишь экспро-

приация которого привела к пролетаризации трудящегося населения. Аналогичную трансформацию претерпевали и представители господствующих классов. Кроме того, значительная часть последних рекрутировалась из рядов прежде угнетенных классов (пример — «третье сословие»).

В этом смысле российский капитализм представляет собой совершенно искусственное, «тепличное» растение. Он не развился на почве широкого слоя свободных мелких товаропроизводителей («мелкой буржуазии») — крестьян и ремесленников, выделивших из своих рядов как пролетарские, так и буржуазные элементы. То же самое относится и к Восточной Европе, хотя там во многих случаях существовала хотя и не слишком большая, но заметная прослойка мелкой буржуазии (в этом существенное отличие, скажем, Польши или Венгрии от СССР).

Но такой ход развития и невозможен был в XX веке в стране, экономика которой основывалась на крупном машинном производстве. Единственной формой более или менее «естественной» эволюции к капитализму мог бы в этих условиях быть «рыночный социализм» с отчетливо выраженной буржуазной тенденцией. Собственно, Венгрия, республики бывшей Югославии (Словения, Хорватия) и отчасти Польша демонстрируют нам именно такой переход.

В странах относительно успешного «строительства капитализма» предпосылки сталинизма, таким образом, уже практически изжиты. Противоречия капиталистического развития в этих странах будут проявлять себя уже в иных социально-политических формах, вытекающих не из неразвитости капитализма и слабости буржуазии (и возникающих на этой почве попыток прищипорить развитие страны в социалистической оболочке и не собственно буржуазными методами), а, напротив, из процессов его вызревания и постепенного движения к «перезрелости». В России же, в силу того,

что наш доморощенный капитализм развивается на крайне хилой социально-экономической базе, предпосылки возрождения сталинизма оказались весьма прочными.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАЛИНИЗМА В РОССИИ

Россия и некоторые другие страны СНГ переживают сейчас парадоксальный ренессанс сталинизма. Правда, сразу следует заметить, что это никак не повторение прошлого. Сейчас под лозунгами сталинизма продвигается программа укрепления слабого российского национального капитализма, вынужденного в борьбе с более сильным международным капиталом искать протектората государства и обращаться к нему за помощью в деле смягчения социальных противоречий, чтобы не быть похороненным под обломками народного недовольства. Идеологически это оформляется в виде национального российского социализма. С этой целью широко эксплуатируется миф о Сталине как о строгом и мудром народном вожде, который выступает как символ защиты от национального унижения России, символ наведения порядка в море преступности и коррупции, символ социального патернализма, защиты пострадавших от прихода «дикого капитализма».

Этот миф имеет мало общего с историческим Сталиным, однако его несомненно реалистической компонентой является тот явный и резкий контраст между временами Сталина и нашим нынешним временем, который очевиден как для поклонников, так и противников сталинизма. Организационно-политической основой возрождения этого мифа является значительная масса членов сталинистской по основе своей идеологии и практики КПСС, уцелевшие обломки ее организационных структур. Объективной же основой его возрождения является как незрелость, убудочность

российского капитализма, слабость национальной российской буржуазии, так и крайняя слабость социальных предпосылок социализма в России.

Основная масса российского населения является еще не до конца устоявшимся продуктом процесса пролетаризации крестьянства, который в основном завершился лишь к концу 70-х годов XX века. В переходном, «мозаичном» по своей структуре, обществе «реального социализма» этот преобладающий социальный слой не мог полностью преодолеть черт маргинальности, сложиться как воспроизводящийся на собственной основе общественный класс, с глубоко укорененными традициями социального поведения и самосознания.

Приход российского капитализма резко усилил черты маргинальности этого социального слоя в связи с резким и в тоже время недостаточно определенным изменением его социального статуса. Все 90-е годы, когда значительная часть населения продолжала работать на полумертвых предприятиях и НИИ, в недофинансируемых бюджетных организациях, эти люди потеряли определенность своего социального статуса. Для многих из них нищенская и месяцами задерживаемая зарплата перестала быть главным источником дохода. Второй и третий заработок — то ли на дачном участке, то ли за счет занятости в теневом секторе приобрели для них если не преобладающее, то, во всяком случае, критически важное значение. К концу 90-х гг. почти 40% занятых продолжали работать в государственном секторе.

Таким образом, представители этого социального слоя никак не могут рассматриваться в качестве классических наемных работников капиталистического общества. Противостояние «капиталист — наемный работник» еще не выкристаллизовалось для них в качестве центрального социального антагонизма. В реальном социальном статусе этих людей смешались черты мел-

ких буржуа («челноки», вынужденные торговцы продукцией своего предприятия), непромышленных рабочих (наемные торговцы на рынках), патриархальных крестьян (натуральное производство на садовых участках), государственных служащих, надеющихся на патернализм государства (работники бюджетной сферы, работники госпредприятий, работники приватизированных предприятий, зависимых от бюджетных заказов, льгот, субсидий).

Для такого типа людей свойственно отсутствие ясно выраженного осознания своих собственных интересов, как и стремления к организации для защиты этих интересов. Для них характерна социальная пассивность, сменяющаяся кратковременными вспышками социальной агрессии. Свои надежды они возлагают на вождей, лидеров, государство («доброе царя»). Очевидно, что такая питательная среда вполне может быть использована для возрождения сталинизма. Одновременно в такой среде могут формироваться и фашистские (национал-социалистические) тенденции, что уже заметно в деятельности РНЕ и НБП.

Следует заметить, однако, что исторический сталинизм, будучи достаточно консервативным в своей основе (ибо означал фактическое окончание революции, замену ее стабильным бюрократическим «порядком»), паразитировал на импульсе революции, на глубоко укоренившейся идее замены капитализма более справедливым строем — социалистическим. Современный сталинизм вовсе не носит революционного характера. Он исходит от людей, которые уже прошли первичную адаптацию к нынешнему строю, свыклись с ним, и на деле боятся радикальных перемен. То, к чему они реально стремятся, — это расширение государственного патернализма как по отношению к работникам, так и по отношению к мелкому и среднему бизнесу для защиты его от международной конкуренции и внутренней финансово-промышленной олигархии. Они фак-

тически открыто провозглашают государственный капитализм своим идеалом и стремятся отодвинуть в сторону марксизм, ранее бывший официально признаваемой идейно-теоретической основой сталинского течения.

Это — логически завершенная эволюция сталинизма, окончательно порывающего с породившими его революционным движением и революционной идеологией.

ЧТО ОСТАЛОСЬ?

Поскольку социально-экономические противоречия, свойственные капитализму, не изжиты, да и не могут быть изжиты в его рамках, то социалистический потенциал развития остается в повестке дня. Разумеется, очередная историческая попытка выйти за пределы мира отчуждения не будет предпринята в самом ближайшем будущем, поскольку исторические последствия краха первого социалистического эксперимента преодолеть не так-то легко. Однако эта следующая попытка будет предприниматься уже далеко не на пустом месте.

Речь идет не только о приобретенном, негативном и позитивном, историческом опыте. Прежде всего речь идет о том, что попытка перехода к социализму оставила осязаемый след в самой ткани общественного бытия.

Самыми устойчивыми из наследия советского эксперимента являются самые, казалось бы, эфемерные его элементы — массовая культурная и социально-психологическая традиция. Немалую устойчивость продемонстрировали и элементы, связанные с переходом капитализма на его позднюю стадию (всеобщие социальные гарантии), и поведенческие стереотипы, связанные с исторически длительными цивилизационными особенностями российского общества (впрочем, не

все из последних можно рассматривать как «позитивное удержание»).

Разумеется, все эти элементы подвергаются сильному разрушающему влиянию утверждающих свое господство капиталистических общественных отношений. Однако сложившаяся в России неэффективная модель капитализма (неэффективная отчасти и потому, что не смогла до конца решить неразрешимую в принципе задачу: расправиться в короткие сроки с советским наследием) сама питает культурную оппозицию капитализму. Когда эта культурная оппозиция сможет, соединившись с мировой культурной оппозицией, *сформировать культурную, а затем и политическую платформу, ориентированную не просто на неприятие капитализма, а на его преодоление через выход в более высокое социальное пространство, тогда мы станем свидетелями (и неизбежно участниками) второго мирового революционного кризиса.*

Содержание

Предисловие	5
Миф 1. «Правдолюб» Солженицын: как неправильный народ предал монархию	7
Миф 2. Октябрь 1917 — социалистическая революция	15
Была ли Октябрьская революция социалистической? (Версия 1)	15
Две революции. (Версия 2)	31
Миф 3. Был ли Ленин немецким шпионом, или Миф о «немецком золоте»	50
«Заговор Парвуса»	51
«Пломбированный вагон»	54
Парвус — Ганецкий — Nya banken» — Суменсон — ... ?	56
Так кем же оплачена большевистская пропаганда?	59
Появление «документов Сиссона»	61
Публикация «документов Сиссона»: подлинник или фальшивка?	63
1956 год. Заключение Джорджа Кеннана	65
Кто автор «документов Сиссона»?	66
Оплачен ли Брестский мир «германским золотом»?	68
Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется	73
Миф 4. О пятилетке в 4 года	78
Миф 5. О неизбежных жертвах коллективизации	117
Замысел сплошной коллективизации	117
Что создала коллективизация?	145
Миф 6. «Малой кровью, могучим ударом...»	167
Проблемы развертывания массовой армии	167
Кадровые и технические ограничения в строительстве РККА	169
Качество или количество?	174
Расчеты и просчеты	177

Миф 7. «За Родину, за Сталина!»	198
Индустриализация и создание военной промышленности	199
Строительство вооруженных сил перед войной	201
Репрессии	202
Договор с Германией	207
Уроки финской кампании 1939—1940 гг.	208
Военная доктрина СССР и план прикрытия границы	209
Оценка сроков начала войны	213
Поражения РККА в начальный период войны	215
Куда делись советские танковые войска?	219
Куда делись «сталинские соколы»?	226
Эвакуация	230
Военная промышленность	232
От поражений — к победам. Сталин учится воевать	236
Потери	238
Пленные	243
Отношения с союзниками	247
С именем Сталина	251
 Миф 8. Миф о Ледоколе. «Честная книга», полная лжи	 254
Вступление	254
Часть I. Чтобы сломать нашу национальную гордость, Резуну понадобился «Ледокол»	257
Часть II. Грязь как инструмент «Очищения»	289
 Миф 9. СССР — воплощение социалистической идеи?	 330
Народ безмолвствует...	332
Социализм будущего: «власть народа посредством самого народа»	339
«Социализм» прошлого: энтузиазм versus диктатура	345
Ренессанс сталинизма и будущее социализма в России XXI века	363
 Миф 10. О погубителях СССР	 374
Причины распада СССР: сталинщина и мутантный социализм (<i>Версия 1</i>).	374
Почему погиб сталинский социализм? (<i>Версия 2</i>)	400

Александр Бузгалин, Андрей Колганов

10 МИФОВ ОБ СССР

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.12.2009.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 4000 экз. Заказ № 11391.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-39243-8

9 785699 392438 >